

ISSN 24 11-5703

MIRBIS RESEARCH JOURNAL

Вестник МИРБИС

Московская международная
высшая школа бизнеса
МИРБИС

1 (21)' 2020

Вестник МИРБИС

издается с января 2015 года

выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), сокращенно Институт МИРБИС.

Свидетельство о регистрации
ЭЛ № ФС 77-60414 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, от 30 декабря 2014 г.

Дата выхода номера 14.04.2020

Адрес редакции и издателя: 109147, Москва, ул. Марксистская 34, корп. 7. Тел. + 7 (495) 921-4180. Fax: +7 (499) 910-4180. E-mail: info@mirbis.ru; journal@mirbis.ru

Описание журнала: Вестник МИРБИС : международный научно-практический журнал / Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт). – Текст : электронный. – Москва : Институт МИРБИС, 2020. – № 1 (21). – URL : <http://journal-mirbis.ru/>. Загл. с экрана. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Форма периодического распространения: сетевое издание.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки РФ, а также в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Рецензируется по экономическим, социологическим и философским наукам. При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. Рукописи рецензируются, все материалы, публикуемые в журнале, проходят научную экспертизу. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за их содержание, подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий. Редакция не вступает в переписку с авторами. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции и редакционной коллегии. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вестник МИРБИС», допускается только с письменного разрешения редакции.

© Институт МИРБИС, 2019

Главный редактор Уколов Владимир Федорович, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой управления цифровым предприятием в топливно-энергетическом комплексе экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Албакова Фатима Юсуповна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ананишнев Владимир Максимович, д-р социол. наук, профессор, Институт психологии, социологии и социальных отношений МГПУ (Москва, Россия)

Варава Владимир Владимирович, д-р филос. наук, профессор департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Член Союза писателей России (Москва, Россия)

Клейнер Георгий Борисович, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ РАН (Москва, Россия)

Левашов Владимир Иванович, д-р социол. наук, зам. заведующего кафедрой по научной работе ИГСУП РАНХиГС (Москва, Россия)

Лобастов Геннадий Васильевич, д-р филос. наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) — МАИ (Москва, Россия)

Лукашин Юрий Павлович, д-р экон. наук, профессор, зав. сектором экономического моделирования ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова (Москва, Россия)

Музыкант Валерий Леонидович, д-р социол. наук, профессор, Институт отраслевого менеджмента РАНХиГС. Эксперт Министерства образования и науки РФ (Москва, Россия)

Пирогов Станислав Витальевич, д-р экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Савин Станислав Леонидович, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Совета учредителей Института МИРБИС (Москва, Россия)

Черников Сергей Юрьевич, канд. экон. наук, доцент кафедры маркетинга экономического ф-та РУДН (Москва, Россия)

Исхакова Марина, руководитель программ Австралийского национального университета, канд. экон. наук, MBA (Канберра, Австралия)

Джеффкот Марк, бизнес-консультант VoiceNet asiapacific, MBA (Сидней, Австралия)

Курт Рудольф, PhD (Econ.), профессор Высшей школы Дрездена (FHD) (ФРГ)

Чжан Чжаоюй, PhD (Econ.), полномочный представитель Пекинской финансово-инвестиционной компании "Цзиньсуй" в РФ (Китай)

Зам. главного редактора: Кострюков Владимир Александрович, д-р экон. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Научного центра Института МИРБИС (Москва, Россия)

Мареева Елена Валентиновна, д-р филос. наук, профессор кафедры философии МГИК; зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин Института МИРБИС (Москва, Россия)

Отв. секретарь Ивахненко Марина Владимировна, вед. спец-т научного центра Института МИРБИС (Москва, Россия)

Vestnik MIRBIS

Issued since January 2015

Published 4 times a year

Chief Editor Ukolov Vladimir F., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Digital Enterprise Management in the Fuel and Energy Complex of the Faculty of Economics of RUDN University (Moscow, Russia)

Editorial board

Albakova Fatima Yu., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Ananishnev Vladimir M., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Varava Vladimir V., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Sociology, History and Philosophy Financial University under the Government of the Russian. Member of the Writers' Union of Russia (Moscow, Russia)

Kleiner Georgy B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, Deputy Director of CEMI RAS (Moscow, Russia)

Levashov Vladimir I., Dr. Sci. (Sociology), deputy Head of the Department for research of IPACS RANEPa (Moscow, Russia)

Lobastov Gennady V., Dr. Sci. (Philos.), Professor of the Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI (Moscow, Russia)

Lukashin Yuriy P., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Economic modeling Sector, IMEMO RAS (Moscow, Russia)

Muzykant Valery L., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Institute of Industry Management, RANEPa. Expert of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Pirogov Stanislav V., Dr. Sci. (Econ.), Professor (Moscow, Russia)

Savin Stanislav L., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Scientist of Russia, Chairman of the Foundation Board of the Institute MIRBIS

Chernikov Sergey Y., PhD (Econ.), Associate Professor of the Department of Marketing of the Economic Faculty, RUDN University (Moscow, Russia)

Iskhakova Marina, Program Manager, Australian National University, PhD (Econ.), MBA (Canberra, Australia)

Jeffcot Mark, Business Consultant, VoiceNet asiapacific, MBA (Sydney, Australia)

Kurt Rudolf, PhD (Econ.), Professor at the University of Applied Sciences Dresden (FHD) (Germany)

Zhang Zhaoyu, PhD (Econ.), Advisor to the Beijing financial-economic company "Jin-Sui" (China)

Deputy Chief Editor: Kostryukov Vladimir A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Institute MIRBIS; **Mareeva Elena V.**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy of the Moscow State Institute of Culture; Head Department of General Disciplines of the Institute MIRBIS (Moscow, Russia)

Executive Secretary Ivakhnenko Marina V., Leading Specialist of the Research Center of the Institute MIRBIS (Moscow, Russia)

Founder and publisher: Autonomous non-profit organization of higher education "Moscow International Higher School of Business "MIRBIS "(Institute), short name Institute MIRBIS

The certificate ЭЛ No. ФС 77-60414 issued by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR), dated December 30, 2014.

Release date 04/14/2020

Editorial and publisher address: 34/7 Marksistskaya str., Moscow, 109147, Russia. Ph.: + 7 (495) 9214180. Fax: +7 (499) 9104180. E-mail: info@mirbis.ru; journal@mirbis.ru

Description of the journal: Vestnik MIRBIS : international research journal / Moscow International Higher School of Business MIRBIS (Institute). – Text : electronic. – Moscow: Institute MIRBIS, 2020. – No. 1 (21). – Available at <http://journal-mirbis.ru/>. Ver. From the screen. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Form of periodic distribution: online edition.

The journal is included in the "List of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of science" HAC at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, as well as the Russian Science Citation Index (RINTS).

It is reviewed by economic, sociological and philosophical sciences. When selecting materials for publication, the main criterion is their high scientific level. Manuscripts are reviewed, all materials published in the journal undergo scientific examination. Authors of published materials are responsible for their content, selection and accuracy of the cited facts, quotations, statistics, proper names, geographical names. The editors do not enter into correspondence with the authors. The position of the authors represented in the papers does not always coincide with the position of the publishers of the journal. Reproduction, translation and placement of the journal "Vestnik MIRBIS" [Herald of MIRBIS] on the Internet is allowed only in agreement with the publisher. The reference to the journal is required. Published materials underwent procedure of reviewing and expert selection.

© Institute MIRBIS, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Лукашин Ю. П., Рахлина Л. И. Перспективы развития российской экономики в условиях санкций	6
Оджук Ннамди. Совершенствование методов управления качеством и конкурентоспособностью нефтедобывающей промышленности Нигерии	23
Касимова М. С., Зияева М. М. Основные направления развития индустрии туризма в условиях глобализации мировой экономики	33

РОССИЙСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС

Салаватова Л. Р., Любимова Н. Г. Анализ и прогноз потребления тепла населением московского региона	37
Широковских С. А. Управление HR-рисками как фактор обеспечения экономической безопасности промышленной компании	45
Елина О. А., Симонова А. А., Тутеева Д. Р. Проблемы применения проектного подхода в управлении российскими предприятиями	51

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Соломатин Я. В., Соломатин А. В., Пенькова И. В. Анализ институциональной и нормативно-правовой структуры рынка ценных бумаг в России	59
Дадсон Г., Чарырова Г. Д. Политика цифровизации: барьеры и поиск решений в банковской сфере (метаданные)	75

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Грабчак Е. П., Логинов Е. Л., Мищеряков С. В. Цифровая трансформация систем управления ТЭС: переход к интеллектуальной модели управления жизненным циклом энергетического оборудования	76
Балашова А. Д. и др. Основные факторы эффективности и выгоды, возникающие при реализации проектов интеллектуальных нефтегазовых месторождений	84
Чарырова Г. Д., Дадсон Г. Цифровизация как системная технология развития крупных компаний	90
Салиенко Н. В., Кожевина О. В. Цифровизация аграрно-промышленного комплекса и достижение национальных целей устойчивого развития (ЦУР)	95

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Черных Е. О., Семёнов А. В. Повышение качества услуг как основа экономического роста хозяйственных предприятий в условиях становления корпоративного гражданства	101
Руденко М. Н. и др. Практический опыт применения государственно-частного партнёрства в Европе и возможности его использования в России	106
Беспалова Н. А. Институт корпоративного гражданства как платформа повышения качества услуг хозяйственных структур	120
Чернявский С. В., Палт М. В. Теоретические и практические вопросы определения размеров природной (горной) ренты в интересах совершенствования системы ее налогообложения	126

ПРОЦЕССЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дашибалова И. Н. Представления этнических групп Бурятии о социальной нестабильности	134
Головчин М. А. Социальные факторы предпринимательской успешности: по данным опроса населения регионов Северо-Западного федерального округа	144
Музыкант В. Л., Панков В. В. Социальные трансформации в Кыргызской Республике на современном этапе и реакция СМИ на их динамику	157

ПРОЦЕССЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Рагозина Т. Э. Труд и ритуал: ритуал как превращённая форма объективной целесообразности труда	162
--	-----

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Памяти коллеги	173
Мареев С. Н. «Неразумный эгоизм», или мораль «открытого общества»	174
Мареева Е. В. С. Мареев о конкретном историзме в исследовании либерализма и демократии	182
Лобастов Г. В. К определению понятия культуры	188
Ивашук О. Ф. Диалектика формы и жизнеспособность культуры. Памяти С. Н. Мареева	195
Рыбин В. А. «Философия обороны» Сергея Мареева: продолжение спора	205
Гусева Н. В. Жизнь, посвященная философии: воспоминание о Сергее Марееве	219
Возняк В. С. Сергей Николаевич. Память. Благодарность	222
Гнилозуб Н. С. С. Н. Мареев: единство теоретической и жизненной позиции	226

METADATA OF ARTICLES (Eng.)

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL COOPERATION

Lukashin Yu. P., Rakhlina L. I., Prospects for the development of the Russian economy in the context of sanctions	22
Odzhuka Nnamdi. Improving quality management and competitiveness of the oil production industry in Nigeria	31
Kasimova M. S., Ziyaeva M. M. The main directions of development of the tourism industry in the context of globalization of the world economy	36

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Salavatova L. R., Lyubimova N. G. Analysis and forecast of heat consumption by the population of the Moscow region	44
Shirokovskikh S. A. HR risk management as a factor in ensuring the economic security of an industrial company	50
Elina O. A., Simonova A. A., Tutaeva D. R. Problems of application of the project approach in management of the Russian enterprises	58

ACTUAL ISSUES OF FINANCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Solomatin Y. V., Solomatin A. V., Penkova I. V. Analysis of the institutional and regulatory-legal structure of the securities market in Russia	67
Dadson G., Charyyarova G. D. Digitalisation policy: barriers and search for solutions in the banking industry (<i>article text & metadata</i>)	68

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Grabchak E. P., Loginov E. L., Mischeryakov S. V. Digital Transformation of Thermal Power Station Control Systems: Transition to the Intellectual Model of Power Equipment Life Cycle Management	82
Balashova A. D. et al. Main factors of efficiency and benefits, which arise from the implementation of smart oil and gas fields	89
Charyyarov G. D., Dadson G. Digitalization as a systemic technology of large companies	94
Salienko N. V., Kozhevina O. V. Digitalization of agricultural industry complex and achievement of national goals of sustainable development (SDGs)	100

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Chernykh E. O., Semenov A. V. Improving the quality of services as the basis for economic growth of economic enterprises in the context of the establishment of corporate citizenship	105
Rudenko M. N. et al. Practical experience in the use of state-private partnership in Europe and the possibility of its use in Russia	119
Bespalova N. A. The Institute of Corporate Citizenship as a platform for improving the quality of services of economic structures	125
Chernyavskiy S. V., Palt M. V. Theoretical and practical issues of determining the size of natural (mountain) rent in the interest of improving its tax system	132

HUMANIZATION PROCESSES OF SOCIETY: SOCIOLOGICAL ASPECTS

Dashibalova I. N. Representations of ethnic groups of Buryatia on social instability	142
Golovchin M. A. Social factors of entrepreneurial success: according to a survey of the population of the regions of the North-West Federal District	155
Muzykant V. L., Pankov V. V. Social factors of entrepreneurial success: according to a survey of the population of the regions of the North-West Federal District	161

HUMANIZATION PROCESSES OF SOCIETY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Ragozina T. E. Labor and ritual: ritual as a transformed form of objective expediency of labor	172
--	-----

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Mareeva E. V. S. Mareev on concrete historicalism in the study of liberalism and democracy	187
Lobastov G. V. To the definition of culture	194
Ivashchuk O. F. Dialectics of form and vitality of culture. In memory of S. N. Mareev	203
Rybin V. A. "Philosophy of defense" by Sergey Mareev: continuation of the dispute	217

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/> № 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Лукашин Ю. П., Рахлина Л. И. Перспективы развития российской экономики в условиях санкций // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 6–22. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.1

Дата поступления 10.02.2020 г.

УДК 338.1

Юрий Лукашин¹, Людмила Рахлина^{2,3}

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация. В статье дается текущий анализ влияния американских санкций на экономику России. На основе изучения статистики, экспертных суждений, большого числа источников авторы приходят к выводу о двояком воздействии санкций США и стран, поддерживающих их, на Россию. С одной стороны, это снижение темпов прироста ВВП вплоть до отрицательных значений, сокращение объемов внешнеторгового оборота. С другой стороны, барьер на пути импортных товаров привел к оживлению и даже развитию отдельных собственных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Россия из импортера превратилась в экспортера зерна, выйдя на первое место в мире. Разработка и производство новых видов вооружений способствовали укреплению обороноспособности и суверенитета страны, позволили уверенно держать вторую позицию на рынке вооружений после США. Положительное сальдо внешней торговли дало возможность Банку России аккумулировать значительные международные резервы в объеме 558,9 млрд \$ США. Реализован или в стадии завершения ряд крупных проектов страны. Восстанавливаются объемы внешней торговли, меняются лишь партнеры. Западная сторона также почувствовала негативное влияние санкций на внешнюю торговлю и темпы прироста ВВП, но и она находит обходные пути. В целом санкции невыгодны ни тем, ни другим. Они осложняют жизнь, снижают эффективность, ухудшают отношения с Россией, без которой трудно решать сложные проблемы международных отношений. Поэтому ряд западных стран выступает за смягчение и отмену этих санкций. Надеяться на это в ближайшем будущем, однако, не стоит. Следует научиться эффективно управлять собственными немалыми ресурсами.

Актуальность статьи обусловлена обострением конкурентной борьбы на мировом рынке, необходимостью быстро и эффективно обеспечить опережающее развитие инновационных технологий в России, в том числе и вложением средств в человеческий капитал. Статья предназначена для органов государственного управления, научных сотрудников, студентов.

Ключевые слова: мировая экономика, антироссийские санкции, инновационные технологии, цифровая экономика.

JEL: B27; G18; F02; F62; O11

1 Лукашин Юрий Павлович — доктор экономических наук, профессор. E-mail: loukashin@rambler.ru.
ORCID: 0000-0003-2559-2463; AuthorID: 370877

2 Рахлина Людмила Ильинична — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. E-mail: rahlinali@mail.ru.
AuthorID: 913629

3 Место работы авторов: ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, Москва, Россия.

Введение

Цель статьи дать текущий анализ результатов санкционной войны, проводимой США прежде всего против России, а также против Китая, Европейского союза и других стран. Дать оценку глубины воздействия санкций на российскую экономику. Рассмотреть отрицательные и положительные промежуточные итоги для российской экономики. Попытаться выяснить истинную причину и конечную цель санкций, и степень ее достижения в настоящее время и в будущем. Опре-

делить перспективы санкционной войны.

Хронология введения антироссийских санкций

В марте 2014 г. были введены первые санкции в отношении России в связи с воссоединением с Крымом и ситуацией на Восточной Украине. Эти санкции были инициированы преимущественно руководством США, к ним присоединились страны ЕС, государства Большой семёрки и некоторые другие страны во многом под давлением США. На первом этапе

речь шла об индивидуальных санкциях, направленных против отдельных лиц и компаний. Они предусматривали введение визовых ограничений и замораживание активов российских и украинских политиков, которых считали виновниками отделения Крыма от Украины. Санкции также включали сворачивание контактов и сотрудничества с российскими организациями в различных сферах. Специальные жесткие санкции были введены в отношении Крыма. Они предусматривают запрет на импорт и экспорт товаров и технологий, касаются физических лиц и различных компаний. Санкции в связи с присоединением Крыма продлеваются регулярно, последний раз ЕС продлил санкции на 12 месяцев, с 20 июня 2019 года до 23 июня 2020 года.

Последующие санкции в 2014 году были введены в связи с катастрофой Боинга 777 в Донецкой области в июле 2014 г. Всего в 2014 году было введено три вида санкций — персональные (против отдельных лиц и организаций), секторальные (касаются отдельных секторов экономики) и «крымские».

В дальнейшем санкции регулярно продлевались, ужесточались и дополнялись. Поводами для введения новых санкций и продления старых стали «разжигание конфликта на востоке Украины и всяческая поддержка ополчения». Санкции вводились за поддержку правительства Сирии, поставку туда оружия и авиатоплива, в связи с позицией России по КНДР. Новые санкции были введены за кибершпионаж и вмешательство в выборы в США в 2016 г. В марте 2018 г. Западные страны обвинили власти РФ в химическом отравлении экс-полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери. В связи с этим в августе 2018 г. США ввели против России очередные санкции. ЕС ввел санкции в связи с захватом украинских военных кораблей в Керченском проливе и арестом их экипажа в ноябре 2018 года. Далее санкции вводятся в отношении судов, занимающихся укладкой газопроводов «Северный поток — 2» и «Турецкий поток». В 2019 году США ввели санкции против компаний, участвующих в строительстве газопровода «Северный поток — 2», против партнёров Газпрома и самого газопровода с целью максимально осложнить завершающий этап строительства.

И, наконец, последний пакет санкций США разработан с целью «наказания России» за якобы вмешательство в выборы президента США. Этот пакет, который называют «санкциями из ада» был одобрен комитетом по международным отноше-

ниям сената США в конце 2019 г. Этот пакет еще должен пройти голосование общим составом сената и в случае его поддержки большинством за него должна будет проголосовать палата представителей, после чего он поступит на подпись президенту. Наиболее существенные пункты этого пакета — полный запрет на любые финансовые операции, связанные с госдолгом РФ, который, в частности, не позволит гражданам США инвестировать в российские гособлигации. Законопроект также предусматривает ограничительные меры в отношении банковского, энергетического и оборонного секторов России.

Подробное описание санкций, их поэтапного введения и продления⁴.

Ответные шаги России

В ответ Россия в августе 2014 г. ввела на год эмбарго на поставки сельхозпродукции из стран, которые ввели санкции против России. Под запретом оказались мясо, морепродукты, молочная продукция, фрукты, овощи, орехи, колбасы из ЕС, США, Канады и ряда других стран. Основной урон от этого понесли страны ЕС, осуществлявшие крупномасштабные поставки сельхозпродуктов в Россию. Россия ввела эти ограничения, в основном, с целью поддержать отечественного производителя и увеличить поставки продукции из других, более дружественных стран. Бывший премьер-министр России Д. А. Медведев говорил о том, что наши сельскохозяйственные производители постоянно обращаются в правительство с просьбой не отменять введенные ограничения, чтобы поддержать отечественный сектор. Последний раз продуктовое эмбарго было продлено до 31 декабря 2019 г.⁵

Ограничения были введены на импорт медицинской продукции, запрет не касался лекарств, аналоги которых не производятся в России.

Россия продлевала и дополняла ответные санкции, расширяла списки стран и импортируемых продуктов. Были также составлены списки лиц, для которых въезд в Россию объявлен нежелательным, и лиц, которым запрещен въезд в Россию. Адекватного ответа на санкции Россия дать не может в силу несопоставимости масштабов экономик России и стран Запада. Однако ответные санкции в

4 Шесть лет санкций против России. Главное // РБК, 2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2020/5bffb0f09a79470ff5378627> (дата обращения 15.01.2020).

5 Медведев заявил, что сельхозпроизводители счастливы и просят не отменять продэмбарго // Коммерсантъ, 11.09.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4088908> (дата обращения 15.01.2020).

чем-то себя оправдали. В частности, «они нанесли достаточно ощутимый удар по некоторым сельскохозяйственным производителям. Так, с осени 2014 года ряд производителей сельхозпродукции, прежде всего из ЕС, заявили о крупных убытках. По оценке Еврокомиссии, российское эмбарго затронуло 4,2 % всего экспорта 28 стран ЕС на общую сумму €5 млрд. Власти ЕС вынуждены были оказывать помощь аграриям, пострадавшим от российского эмбарго, ее общая сумма в сентябре 2014 года оценивалась в €164 млн».¹

Влияние антироссийских санкций на экономику

Существует несколько подходов к классификации санкций в зависимости от их цели, объекта, числа участников и пр. [Кнобель и др., 2019].

Есть политические и финансово-экономические санкции. Выделяются блокирующие и секторальные санкции. Блокирующие санкции касаются отдельных лиц и компаний. Их собственность на территории стран, которые их ввели, замораживается, с ними нельзя сотрудничать, проводить любые операции. Физическим лицам запрещен въезд на территорию этих стран. В настоящее время в этих списках состоят около 300 человек, сам список составляет министерство финансов США по консультации с государственным департаментом².

Секторальные санкции распространяются на конкретных лиц, ведущих деятельность в определенных секторах экономики, а также на компании, находящиеся в собственности или под контролем таких лиц. Активы компаний, включенных в секторальный список, не замораживаются. Попавшие в такой список банки не изолируются, им ограничивается предоставление нового финансирования, они не могут привлекать займы в виде облигаций или кредиты. Запрет не распространяется на долг сроком менее 14 дней (для санкций США) и 30 дней (для санкций ЕС).

Попытка количественно оценить влияние санкций на экономику осложнена тем, что в экономике России одновременно действовал ряд параллельных процессов, оказывавших на неё негативное воздействие. В РФ до введения санкций и принятия ответных мер уже наблюдалось

замедление темпов прироста ВВП (1,3 % в 2013 г. против 3,5 % в 2012 г.), промышленного производства, вложений в основной капитал, потребительского спроса [Клинова, Сидорова, 2017]. С одной стороны, российская экономика начала замедляться из-за внутренних проблем до введения санкций: демографические факторы, неэффективное регулирование, слабая деловая активность. С другой стороны, в то же самое время произошло значительное падение цен на нефть, негативно повлиявшее на экономику. Президент ИМЭМО РАН академик А. А. Дынкин в своем интервью Российской газете отмечает, что «если говорить о причинах рецессии 2015–2016 годов, то наполовину она была связана с неэффективностью экономики, еще на треть — с падением цен на углеводороды, завершением очередного глобального сырьевого цикла, и лишь процентов на 20 — с санкциями»³.

Важным фактором замедления роста экономики России стало сокращение численности населения. В интервью РИА Новости 14 января 2020 г. глава Счетной палаты Алексей Кудрин сказал: «Главными рисками для ускорения темпов роста российской экономики являются сокращение численности трудоспособного населения, невысокая производительность труда и низкие доходы граждан». Ещё одним препятствием для ускорения развития экономики он назвал низкие доходы россиян. Внутренний спрос не может обеспечить темпов роста ВВП в 5 %. В этой ситуации следует увеличивать производство за счёт экспорта⁴.

Одно из первых и явных последствий санкций было резкое падение курса рубля. В начале 2014 г. обменный курс доллара США к рублю составлял 33,93 рублей, а к январю 2015 г. он подскочил до 65,15 рублей (почти 200 %) и держится где-то на уровне 61–66 руб. Снижение курса рубля увеличивает рублёвую выручку крупных монополий от экспорта сырья и энергоресурсов, но для большей части населения России это озна-

1 Ответные меры России на санкции. Досье // ТАСС, 14.05.2018. URL: <https://tass.ru/info/5197244> (дата обращения 15.01.2020).

2 Specially Designated Nationals And Blocked Persons List (SDN) Human Readable Lists // An official website of the United States Government, 2020. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/SDN-List/Pages/default.aspx/> (дата обращения 15.01.2020).

3 Предсказанному верить. Александр Дынкин: Без реформ России придется догонять не США, а Мексику и Бразилию // Российская газета, 28.06.2017. URL: <https://rg.ru/2017/06/28/aleksandr-dynkin-bez-reform-rossii-privetsia-dogoniat-ne-ssha-a-meksiku.html> (дата обращения 15.01.2020).

4 Кудрин высказался о рисках для роста экономики РФ // News.ru, 14.01.2020. URL: https://news.ru/economics/kudrin-vyskazalsya-o-riskah-dlya-rosta-ekonomiki-rf/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения 15.01.2020).

чает существенное ухудшение их материального положения из-за роста цен на импортные товары. Показатели инфляции см. на рисунке 1. Значительный рост цен приходится на 2014–2015 годы.

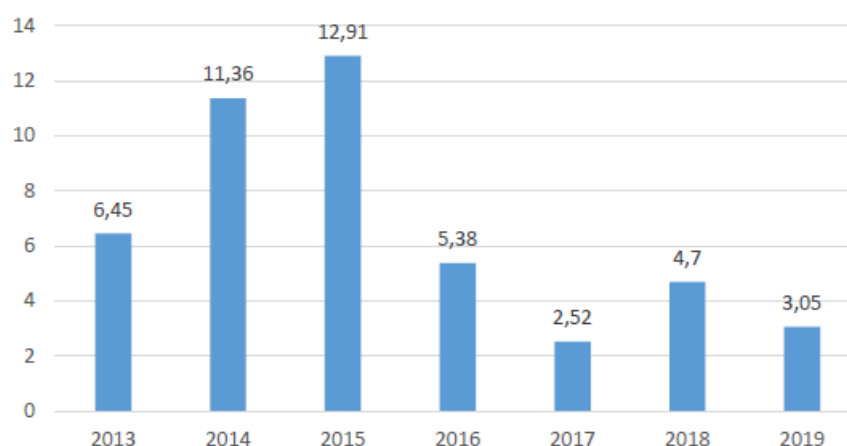

Рис. 1. Инфляция в России (%)

Источник: диаграмма построена авторами по данным Росстата

URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-table> (дата обращения 15.01.2020).

Рис. 2. Реальные доходы населения России. Заработная плата, располагаемые доходы и потребительские расходы населения в реальном выражении (с исключением сезонного фактора, 2013 г. = 100%)

Источник: Реальные доходы населения России|США|Европы // Смартлаб, 04.03.2018. URL: <https://smart-lab.ru/blog/456144.php> (дата обращения 15.01.2020).

На рисунке 3 показана динамика численности населения России. Из графика видно резкое сокращение населения в 90-е и нулевые годы вследствие кризисных явлений, оттока эмигрантов, сокращения рождаемости, дефолта. С 2010 вроде бы начался некоторый подъем кривой на-

родонаселения, который можно связывать с не- которой стабилизацией в экономике, с ценами на нефть, успехами в снижении младенческой смертности. В 2014 году скачок связан с воссоединением с Крымом. Еще несколько лет продолжалась положительная тенденция, а после 2018

года кривая опять пошла вниз. Объясняют это, дился тогда. Но, несомненно, здесь присутствует конечно, и волной низкого деторождения в 90-е и влияние антироссийских санкций, снижение годы. Сейчас пришла очередь рожать тех, кто ро- доходов населения.

Рис. 3. Численность постоянного населения России на 1 января за последние 30 лет

Источник: диаграмма построена авторами по данным Росстата

URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 15.01.2020).

Таблица 1. Сравнение темпов прироста ВВП в некоторых странах мира (в %)

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Весь мир					3,2	3,0
США	1,6	2,4	2,6	1,5	2,3	2,9
Евросоюз	0,1	1,4	1,8			
Еврозона						1,9
Китай	7,7	7,4	6,8	6,7	6,9	6,6
Россия	1,3	0,5	-3,9	-0,2	1,5	2,3
Германия	0,5	1,4	1,5	1,9	2,2	1,4
Франция	0,3	0,4	1,2	1,2	1,8	1,7
Великобритания	1,8	3,2	2,5	1,9	1,8	1,4
Канада	1,6	2,3	1,0	1,4	3,0	1,9
Япония	2,0	1,3	0,6	0,9	1,7	0,8
Индия	3,2	5,6	7,3	7,1	6,6	7,0

Источник: таблица составлена авторами на основе данных Всемирного банка (World Bank GDP growth (annual %)) Рейтинги стран по темпам роста ВВП // NoNews, 2018. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-temp> (дата обращения 15.01.2020).

В последние годы для России характерны низкие темпы прироста ВВП, ниже среднемировых, китайских, американских, а в 2015 и 2016 и вовсе отрицательные. И это весьма тревожный показатель. См. сравнение темпов прироста ВВП в ряде стран в таблице 1. Настоящий список отображает реальный темп прироста ВВП с учетом инфляции.

Отразились американские санкции и на внешней торговле. В таблице 2 показана статистика основных показателей внешней торговли РФ за последние годы.

Как видим, самый низкий торговый оборот приходится на 2016 год. То же касается экспорта и импорта. Однако отметим, что сальдо внешнеторгового баланса всегда было положительным и в 2018 г. достигло максимального значения.

Такой результат объясняется не только экспортом нефти и газа, но и проводимой политикой импортозамещения, экспортом зерна, вооружений, металлов и т. д. Можно констатировать, что экономика России устояла и начала адаптироваться к новым обстоятельствам.

Таблица 2. Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса, в фактически действовавших ценах)

Годы	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Миллиардов долларов США								
Внешнеторговый оборот	141,4	363,9	638,4	804,7	534,4	473,2	591,7	693,1
экспорт	99,2	240	392,7	496,8	341,4	281,7	353,5	444
импорт	42,1	123,8	245,7	307,9	193	191,5	238,1	249,1
Сальдо торгового баланса	57,1	116,2	147	188,9	148,4	90,2	115,4	195

Годы	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018
в том числе:								
со странами дальнего зарубежья								
экспорт	85,4	207,3	333,6	428,1	292,1	241,7	303,4	387,7
импорт	30,2	104,3	213,2	271,9	170,6	170,8	212,8	222,5
сальдо торгового баланса	55,1	103	120,4	156,3	121,5	70,8	90,6	165,1
Со странами СНГ								
экспорт	13,9	32,7	59	68,7	49,3	40	50,2	56,3
импорт	11,9	19,5	32,4	36	22,4	20,7	25,4	26,5
сальдо торгового баланса	2	13,2	26,6	32,7	26,9	19,4	24,8	29,8
В процентах к предыдущему году								
Внешнеторговый оборот	132,2	133,7	132,7	93,2	66,4	88,5	125	117,1
экспорт	142,4	135	132,1	95,2	68,7	82,5	125,5	125,6
импорт	113,1	131,4	133,6	90,2	62,7	99,2	124,4	104,6
из него:								
Со странами дальнего зарубежья:								
экспорт	146,9	139,7	132,4	96,5	68,2	82,7	125,5	127,8
импорт	108,3	136,4	131,1	92,2	62,7	100,1	124,6	104,6
со странами СНГ								
экспорт	120	111	130,8	88,1	71,8	81,2	125,3	112,3
импорт	127,1	110	152,6	77,7	62,3	92,1	122,7	104,7

Источник: таблица составлена авторами по данным [Россия в цифрах..., 2019]

Этот же вывод подтверждается динамикой международных резервов в Банке России, см. график на рисунке 4. Как видим, с начала санкций резервы стали таять, но затем, начиная с 2016 года вновь стали расти и превысили уровень января 2014 года.

Рис. 4. Международные резервы Российской Федерации 2014–2020 гг.

Источник: диаграмма построена авторами по данным Банка России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.FromMonth=7&UniDbQuery.FromYear=2013&UniDbQuery.ToMonth=1&UniDbQuery.ToYear=2020 (дата обращения 15.01.2020).

За последние годы различными структурами были проведены исследования с целью коли-

чественной оценки эффекта от санкций, отделив его от других факторов. Агентство ТАСС 19 февраля 2019 г. приводит подсчеты с презентации Минэкономразвития РФ. «Предполагаемый ущерб от введенных в отношении России другими странами различных ограничительных мер, включая санкции, составил на конец 2018 года \$6,3 млрд. Более всего от ограничительных мер пострадала металлургическая промышленность. Нанесенный ей ущерб оценивается более чем в \$3,99 млрд. На втором месте — сельскохозяйственная промышленность, понесшая ущерб в \$1,1 млрд, на третьем — химическая промышленность — \$640,7 млн». Заметный урон понесла также автомобильная промышленность. Минэкономразвития оценило его в \$306 млн¹.

Обзор работ по оценке воздействия санкций на экономику России, проведенный институтом переходных экономик Банка Финляндии (BOFIT) показывает, что в разных исследованиях вырисовывается схожая общая картина, хотя конкретные оценки несколько разнятся от исследования к исследованию [Korhonen, 2019].

Санкции имели существенный отрицатель-

¹ Минэкономразвития оценило ущерб от антироссийских ограничительных мер на конец 2018 года // ТАСС, 19.02.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6132334> (дата обращения 15.01.2020).

ный эффект на экономический рост, но «по своей значимости он был существенно меньше, чем эффект от падения цен на нефть», «относительное влияние падения цен на нефть оказывается примерно в несколько раз больше, чем эффект от санкций».

По оценкам МВФ, санкции привели к сокращению ВВП на 0,2 процентных пункта в год, в то время как снижение цен на нефть отъедало по 0,7 процентных пункта в год¹.

Рецессия была неизбежным сценарием для российской экономики после 2014 года. Западные санкции повлияли на спад, но не были его главным катализатором. К такому выводу пришли эксперты Центра экономических исследований Института экономики Чехии Анна Пестова и Михаил Мамонов в своей статье «Стоит ли беспокоиться? Экономический эффект финансовых санкций на российскую экономику», подготовленной для Института переходных экономик Банка Финляндии (BOFIT). Работа опубликована на сайте института².

Прогноз был сделан по методике байесовских векторных авторегрессий (BVAR). Оценивался эффект от санкций в 2014 г. В анализ были включены 14 макроэкономических показателя: внешние, внутренние нефинансовые и внутренние финансовые. По каждому из них было сделано 2 ретроспективных прогноза на 2014–2015 гг. Один основывался только на падении цен на нефть без учета санкций, другой учитывал и падение цен на нефть и ограничение доступа к внешним займам. Разница между прогнозами показывает эффект от санкций. Авторы пришли к выводу, что «эффект от финансовых санкций был относительно скромным, но все же существенным для большинства экономических показателей. Так, рост ВВП из-за санкций оказался на 0,43 п. п. меньше фактического в 2014 году и на 0,74 п. п. в 2015 году. Это означает, что в 2014–2015 годах экономика России фактически сократилась на 1,62 %, а если бы санкций не было, сокращение составило бы 0,45 %, то есть за два кризисных года санкции

«отняли» у роста ВВП 1,17 п. п. В деньгах потери экономики от санкций можно оценить более чем в 800 млрд руб. в ценах 2011 года»³. Специалисты аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА), склоняются к тому, что влияние санкций может оказаться более ощутимым в долгосрочной перспективе и для отдельных компаний, и для экономики в целом.

Санкции стран Запада в 2014–2018 гг. охватили пятую часть ВВП России. По данным агентства, в настоящее время бюджеты 10 из 85 субъектов России более чем на 20% зависят от компаний под санкциями. В основном это касается регионов, в которых осуществляется добыча нефти и газа. «Расширение санкций способно повлечь за собой снижение отчислений по налогу на прибыль в их бюджеты, однако негативный эффект от этого будет частично компенсирован стабильными поступлениями с налогов на доходы физических лиц, налогов на имущество и акцизов»⁴.

По подсчетам аналитиков агентства Bloomberg, за пять лет действия санкций (2014–2018 гг.) Россия потеряла порядка 6 % ВВП⁵.

Есть ряд оценок, в которых цена санкций для российской экономики укладывается где-то в диапазон 1–2 % ВВП ежегодно, или, если оценивать суммарные потери за 2014–2018 гг., примерно в 50–100 млрд долларов США⁶.

Центр развития при Высшей школе экономики (ВШЭ) проследил динамику российского ВВП с 2014 года. На структуру валового продукта повлияли: рост сельскохозяйственного производства; увеличение добычи полезных ископаемых; замедление развития промышленного производства в сфере высоких технологий; падение оптовой и розничной торговли.

В своем анализе Центр развития использовал также последние данные Федеральной службы государственной статистики, в которых сообщалось:

1. За первое полугодие 2019 года ВВП вырос

1 Экономисты оценили потери России от санкций в 800 млрд руб. // РБК, 14.08.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/08/2019/5d51780c9a7947cd5eb6eb56> (дата обращения 15.01.2020).

2 Anna Pestova and Mikhail Mamonov: Conditional forecasting with BVAR model for Russia: the role of oil prices, sanctions, and monetary policy // BOFIT, 15 March 2016. URL: <https://www.bofit.fi/en/research/seminars/past-seminars/2016/anna-pestova-and-mikhail-mamonov-conditional-forecasting-with-bvar-model-for-russia-the-role-of-oil-prices-sanctions-and-monetary-policy/> (дата обращения 15.01.2020).

3 Экономисты оценили потери России от санкций в 800 млрд руб. // РБК, 14.08.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/08/2019/5d51780c9a7947cd5eb6eb56> (дата обращения 15.01.2020).

4 Изменение экономической политики — основной канал влияния санкций на российскую экономику // АКРА, 10.07.18. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/819> (дата обращения 15.01.2020).

5 Ударят по рублю: чем грозят России «санкции из ада» // Газета.ru, 18.12.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/12/18/12873092.shtml> (дата обращения 15.01.2020).

6 Игорь Николаев. Какова настоящая цена санкций для России // Открытые медиа, 25.06.2019. URL: <https://openmedia.io/news/kakova-nastoyashaya-cena-sankcij-dlya-rossii/> (дата обращения 15.01.2020).

на 0,5 % в сравнении с аналогичным периодом 2018 года

2. Российская экономика стала полярной: в одних секторах зафиксирован стабильный рост, тогда как другие — стабильно снижают выпуск продукции
3. 9 секторов экономики оказались «в плюсе» (40,2 % от общего объема ВВП)
4. 8 секторов экономики показывают отрицательное значение (59,8 % от всей совокупности ВВП)

Ученые ВШЭ считают, что необходимы инвестиции в человеческий капитал, требуется обучение высококвалифицированных кадров. И для этого Правительству РФ придется пересмотреть бюджетные приоритеты.

Основной критерий для увеличения темпов роста ВВП — поддержание высокого спроса и выпуск большого количества товаров и услуг. Ведущими отраслями экономики, которые способны существенно ускорить рост ВВП, названы финансовые услуги, транспорт, торговля и обрабатывающая промышленность. В случае, если Россия войдет в число стран с высоким доходом на душу населения, она сможет вновь направить инвестиции на развитие добывающей отрасли и сельского хозяйства⁷.

Самые большие угрозы и урон для России несет запрет доступа к высоким технологиям и финансовым рынкам. Эти санкции значительно усиливают технологическое отставание страны, страдает конкурентоспособность отечественных компаний, инвестиционная привлекательность, существенно замедляется экономический рост. Последствия санкций будут особенно ощутимы в долгосрочной перспективе.

Доктор экономических наук Игорь Николаев заключает: «Настоящая цена санкций — это цена того, что в условиях санкционного противостояния никакие экономические реформы не способны дать тот эффект, который они могли бы принести в нормальных условиях. Но тогда нельзя рассчитывать даже на 2–3-процентный рост ВВП. Не будет этого, не будет вообще экономического роста, и цена санкций будет измеряться не десятками, а сотнями млрд долларов США. Жить с санкциями — можно, развиваться — невозможно»⁸.

7 ВШЭ рассказала, как менялся ВВП России с 2014 года // Долг.рф, 15.08.2019. URL: <https://долг.рф/stat/ekonomika/vshe-rasskazala-kak-menyalsya-vvp-rossii-s-2014-goda/> (дата обращения 15.01.2020).

8 Игорь Николаев. Какова настоящая цена санкций для России // Открытые медиа, 25.06.2019. URL: <https://openmedia.io/news/kakova->

Зарубежные исследователи, опираясь на данные МВФ, Всемирного банка и другие источники выделяют следующие негативные последствия в первые годы введения санкций:

- замедление экономического роста (1,8 % в 2013 г., 0,7 % в 2014 г., –2,3 — в 2015 г., –0,2 — в 2016 г.). Заметим, что в 2017 г. тенденция изменилась: 1,5 % — в 2017 г., 2,3 % — в 2018 г., 1,4 % в 2019 г.⁹
- отток капитала (сравниваются данные 2013 года — 61 млрд долл. США и 2014 г. — 152 млрд долл.)
- девальвация рубля на 50 % и более
- значительный рост инфляции в первые годы введения санкций (с 6,8 % в 2013 г. до 15,5 % в 2015 г.)
- увеличение дефицита бюджета (0,9 % ВВП в 2013 г., 3,5 % в 2016 г.) В 2019 г. — 1,8 % ВВП
- рост бедности населения (15,5 % в 2013 г., 19 % в 2019 г.¹⁰ [Nelson, 2017]).

Если смотреть по отдельным составляющим экономики, можно выделить следующие особенно чувствительно ударившие по экономике России санкции.

Рост экономики России в большой степени зависит от нефтегазовой промышленности, продукция которой в структуре экспорта РФ превышает 50 %. По данным Минфина доля нефтегазовых доходов в бюджете в разные годы варьировалась от 36 до 51 %, по итогам 2018 года составила 46 %¹¹.

Санкции против российских нефтяных и их дочерних предприятий включают запрет на экспорт в Россию технологий нефтедобычи и нефтепереработки, отказ от совместных проектов в нефтяной сфере и инвестирования перспективных проектов. Эксперты отмечают, что Российские компании не могут пока без технической помощи Запада проводить сложные работы, связанные с освоением новых месторождений, бурением и другими. Тот факт, что в первые годы санкций добыча нефти и газа в России росла, объясняется накопленными инвестициями в новые месторождения, деваль-

nastoyashhaya-cena-sankcij-dlya-rossii/ (дата обращения 15.01.2020).

9 ВВП России по годам: 1991–2019 // Мировые финансы, 2019. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения 15.01.2020).

10 Уровень бедности по данным Росстат // Росстат, 2020. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (дата обращения 15.01.2020).

11 Треть доходов бюджетной системы России оказалась связана с нефтью и газом // РБК, 22.08.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/08/2019/5d555e4b9a7947aed7a185de> (дата обращения 15.01.2020).

вацией рубля и поддержкой государства в виде налоговых льгот.

По данным Федеральной таможенной службы (ФТС) удельный вес топливно-энергетических товаров в структуре экспорта РФ в январе–июле 2019 г составил 64,2 % (в январе–июле 2018 года — 64,3 %)¹. Эксперты Энергетического центра бизнес-школы СКОЛКОВО на презентации в пресс-центре информационного агентства «Росбалт» 14 марта 2018 г. представили результаты исследования «Перспективы российской нефтедобычи: жизнь под санкциями». В докладе отмечено, что «в данный момент можно говорить о том, что российская нефтяная отрасль адаптировалась к санкциям, и результаты проведенного нами моделирования показывают, что до 2020 года сокращения добычи не предвидится, поскольку основные проекты в «нефтянке» уже профинансированы». «Серьезная уязвимость российского нефтегазового сектора перед санкциями проявится через семь лет — к 2025 году. Отсутствие доступа к новому оборудованию и неразвитость собственных технологий нефтедобычи на фоне роста трудноизвлекаемых запасов начнет оказывать фатальное влияние на отрасль». При сохранении санкций к 2025 году Россия потеряет 5 % от текущей добычи нефти, а к 2030 году — 10 % (1,1 миллион баррелей в день). В денежном эквиваленте это составит порядка 28,5 миллиардов экспортной выручки в год².

Основной вывод сводится к тому, что санкции не повлияли на сегодняшний день, но ситуация с добычей нефти серьезно осложнится в долгосрочной перспективе.

С 2018 г. в РФ вступило в силу новое бюджетное правило, в соответствии с которым, все доходы от цен на нефть выше базового значения, заложенного в бюджете, используются для покупки валюты Минфином и размещения в Фонде Национального Благосостояния (ФНБ). Новое правило снижает зависимость экономики от внешних факторов и позволяет сформировать надежный резерв на периоды дефицита бюджета³.

Другой серьезной проблемой экономики страны является сокращение иностранных инвестиций. Санкции привели к тому, что бизнес в России стал делом весьма рискованным. По данным, приведенным в докладе Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2013 году Россия заняла третье место в мире после США и Китая по сумме вложенных в нее иностранных инвестиций: в 2013 году в экономику страны было вложено \$94 млрд, что на 83 % больше, чем годом ранее⁴.

Экономисты из РАНХиГС и Института Гайдара оценили масштабы сокращения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику России. На протяжении 2014–2018 годов объем ПИИ в экономику России составил почти 99 миллиардов долларов. В то же время вывод капитала уже превысил 360 миллиардов долларов.

Чистый отток капитала из РФ в январе–апреле 2019 года составил 34,7 млрд долл. США (почти в два раза выше аналогичного показателя предыдущего года) и достиг половины от всего объема вывезенного капитала в прошлом году. Тогда из страны ушло около 63,3 млрд долл. [Кнобель, Зайцев, 2019].

Эксперты Института международных финансов (IIF, глобальная ассоциация банков) подсчитали, что Россия за годы 2015–2018 гг. привлекла меньше всего ПИИ среди 23 вошедших в анализ развивающихся рынков. Самый высокий показатель ПИИ в среднем за 2015–2018 годы (без учета реинвестированных доходов) показала Бразилия — 3,4 % ВВП, далее идут Колумбия (2,9 %), Украина (2,7 %), на предпоследнем месте Нигерия (0,3 %), на последнем — Россия 0,2 % ВВП. Низкий показатель ПИИ у Китая (0,4 % ВВП) объясняется тем, что Китай проводит активную политику поощрения обратного вложения доходов в предприятие, в результате большую часть ПИИ в Китае составляет реинвестирование⁵.

К значительному сокращению притока иностранных инвестиций привели финансовые санкции. Основные ограничения в банковском секторе включают заморозку российских финан-

1 Федеральная таможенная служба — официальный сайт. URL: <http://customs.ru/statistic>

2 Вышло исследование «Перспективы российской нефтедобычи: жизнь под санкциями» // Сколково, 14.03.2018. URL: <https://energy.skolkovo.ru/ru/senec/media/1476-news-senec-14032018/> (дата обращения 15.01.2020).

3 Галактионов Игорь. Что такое бюджетное правило и почему доходы от дорогой нефти не идут в экономику // БКС Экспресс, 17 мая 2018. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/chto-takoe-biudzhethnoe-pravilo->

i-pochemu-dokhody-ot-dorogoi-nefti-ne-idut-v-ekonomiku

(дата обращения 15.01.2020).

4 Иностранный капитал зашел в Россию // Коммерсантъ, 30.01.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2395256> (дата обращения 15.01.2020).

5 России насчитали самые низкие зарубежные инвестиции на emerging markets // РБК, 22.05.2019. <https://www.rbc.ru/economics/22/05/2019/5ce428019a7947bb86b574c2> (дата обращения 15.01.2020).

совых активов физических и юридических лиц, отключение российских банковских структур от международных платёжных систем, сокращение клиентского портфеля за рубежом, ограничение доступа к инвестиционным проектам и кредитам, ограничение финансовой свободы российских компаний за рубежом. Под санкции попали ведущие государственные российские банки, на долю которых приходится более половины банковских активов, что в свою очередь, сократило их возможности финансировать долгосрочные проекты развития и серьёзно усложнило ведение бизнеса.

Для уменьшения негативного влияния «необходимо расширить практику регионального и двустороннего кредитования совместных инвестиционных проектов и уменьшить участие американских и европейских банков, которые могут отказаться осуществлять операции и потребовать досрочного возвращения кредитов и инвестиционных ресурсов» [Платонова, 2019].

Математический анализ влияния финансовых санкций на экономический рост по годам, а также обзор этих оценок в разных исследованиях приведен в статье кандидата физико-математических наук И. В. Прилепского. Согласно различным оценкам, введение санкций в первые годы замедлило темпы роста ВВП на 0,5–1,0 п. п.

Рассматривая механизмы влияния санкций на экономику России, автор показал, что давление санкций на приток капитала в РФ сокращалось в 2016–2017 гг., благодаря адаптации экономики и уменьшения неопределенности. «Негативное влияние санкций на ВВП РФ в 2014–2017 гг. было существенно меньше влияния падения цен на нефть и с течением времени имело тенденцию сокращаться». В 2018 г. давление санкций усилилось в результате ужесточения нажима санкций со стороны США [Прилепский, 2019].

Санкции привели к сокращению внешнеторгового оборота России (см. таблицу 2). За первое полугодие 2019 г. внешнеторговый оборот РФ составил \$318 млрд, этот показатель почти на 20 % ниже первой половины 2014 г. — \$396,3 млрд (статистика федеральной таможенной службы ФТС).

В базе данных экспорта и импорта России (ВЭД) приведена статистика динамики экспорта и импорта по годам 2013–2018 гг. В 2013 г. были самые высокие показатели импорта (315,3 млрд долл.) и экспорта (526 млрд долл.).

Самое большое сокращение импорта на 43 % по сравнению с 2013 г. произошло в 2016 г. По-

казатель экспорта также наиболее существенно снизился в 2016 г. — 46,6 %. Отметим, что на этот год приходится самое значительное падение цен на нефть. В дальнейшем показатели импорта и экспорта стали повышаться и к 2018 г. составили 75,6 % и 85,5 % от импорта и экспорта 2013 г. соответственно. В 2019 г. произошло некоторое увеличение импорта на 9,09 % за октябрь 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Экспорт за этот период сократился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 13,4 %.

Важную роль в повышении объема внешнеторгового оборота РФ после 2016 г. сыграло увеличение товарообмена с государствами — членами ЕАЭС, основными торговыми партнерами среди которых стали Республика Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия.

В общем объеме товарооборота РФ первые места занимают страны дальнего зарубежья. В совокупной структуре импорта за 2013–2018 гг. на первом месте Китай, его доля составляет 19,3 %, на втором месте Германия (11,2 %). В структуре экспорта на первом месте Нидерланды (11,7 %), на втором — Китай (9,1 %). По данным за ноябрь 2018 — ноябрь 2019 гг. на первом месте и по импорту, и по экспорту Китай (13 % и 22,2 % соответственно), на втором месте по импорту Нидерланды (10,8 %), по экспорту в Россию Германия (10,3 %). Несмотря на санкции, США занимает третье место по экспорту товаров в Россию (5,4 %, 14,1 млрд долл.).

Основные импортируемые товары за ноябрь 2018 — ноябрь 2019 гг. «Машины, оборудование и аппаратура» (30,1 %), «Продукция химической промышленности» (13,8 %), транспорт (10,9 %). Основная статья экспорта — «Минеральные продукты» (53,5 %), значительную часть которых составляет нефть и нефтепродукты и «Скрытый раздел» (13,4 %)⁶.

Согласно статистике ФТС, в структуре внешней торговли России по странам международных интеграционных объединений первое место принадлежит ЕС, на долю которого в январе-июле 2019 года приходилось 42,1 % российского внешнеторгового товарооборота (в январе-июле 2018 года — 43,8 %), далее идут страны АТЭС — 31,7 % (30,0 %), товарооборот со странами СНГ занимает третье место — 12,2 % (12,0 %), со странами ЕАЭС — 8,4 % (8,5 %).

Авторы исследования международной ауди-

⁶ Экспорт и импорт России по товарам и странам // Ru-Stat, н./д. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU/import/world>; URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU/export/world> (дата обращения 15.01.2020).

торско-консалтинговой сети FinExpertiza отмечают, что «страны «санкционного лагеря» показали лучшие результаты по восстановительному росту торговли с Россией» в 2018 г. Согласно данным Росстата, из 27 стран, значительно нарастивших товарооборот с Россией, 17 поддерживают анти-российские санкции¹. За последние 5 лет Россия только с Китаем существенно увеличила внешнеторговый оборот (рост на 17 %). Россия стала более активно торговать со странами постсоветского пространства (Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Армения и т. д.). Согласно статистике ФТС, размеры взаимной торговли с девятью из 10 основных торговых партнеров России по итогам первой половины 2019 года сократились по сравнению с тем же периодом 2014 года. Наибольший оборот с РФ кроме Китая имеют Нидерланды (\$25,9 млрд в первой половине 2019 года, минус 31 %) и Германия (\$25,2 млрд, минус 29 %). На 53 % упали обороты торговли с Италией, с Японией — на 36 %, с Турцией — на 24 %. Почти не изменились обороты с крупнейшими партнерами России по ЕАЭС — Белоруссией и Казахстаном².

Поскольку огромная доля экспорта России ориентирована на европейский рынок, то на практике введение санкций означает вытеснение российских компаний с европейского рынка.

Большие сложности в экономике РФ вызывают ограничения в поставках высокотехнологичного европейского оборудования для промышленности. За шесть лет запреты ужесточились и распространились на многие отрасли промышленности, в частности, на многие предприятия оборонно-промышленного комплекса России. Сокращение передачи новых технологий, с одной стороны, замедляет экономический рост и увеличивает отставание России от передовых в технологическом отношении стран. С другой стороны, данный запрет стал стимулом для ускорения мероприятий по импортозамещению.

Анализ динамики внешнеторгового оборота показывает, что Россия смогла сгладить потери от санкций. Этому способствует переориентация Россией торговли на другие рынки, расширение торговых связей с другими странами и интенсификация сотрудничества с ними. Развитию

внешнеторгового сотрудничества способствуют совместные строительные проекты. В структуре экспорта увеличилась доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, при этом ее доля в импорте снизилась, поскольку в настоящее время Россия в большей степени обеспечивает себя продуктами сельского хозяйства. Значительному росту российского экспорта способствовал рост цен на нефть и увеличение продажи энергоресурсов.

Развитие российской экономики в условиях санкций

Правительство РФ предпринимает меры по уменьшению негативных последствий западных санкций. Такие меры включают географическую переориентацию деловых, финансовых, хозяйственных связей на Китай, Индию, страны арабского региона и ряд стран Латинской Америки. Это помогает частично компенсировать утерянные источники финансирования, восполнить пробелы технологического характера за счет корейских, японских, китайских технологий, расширить импорт продовольственных и других товаров.

Как уже отмечалось, наиболее интенсивно развивается экономическое сотрудничество России с Китаем. Согласно статистике, в январе-августе 2019 года на Китай пришлось 16,2 % внешнеторгового оборота России, а на страны СНГ вместе взятые — 12,1 %³.

Посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй, выступая перед китайскими и российскими бизнесменами 14 января 2020 г., отметил, что «китайско-российские торгово-экономические отношения новой эпохи "идут вперед большими шагами". В 2019 году товарооборот между двумя странами установил новый рекорд. За 11 месяцев прошлого года товарооборот между Китаем и Россией составил 100,3 млрд долларов США. "Данный показатель уже два года подряд превышает 100 млрд долларов США"»⁴.

«Санкции подталкивают к необходимым внутренним преобразованиям» — отметил президент ИМЭМО РАН академик Дынкин А. А. Среди них — создание национальной платежной системы, которую имеет каждая крупная страна, освобождение от внешней конкуренции секторов эко-

1 Санкции не мешают торговать с Европой // Рамблер, 28.01.2019. URL: https://news.rambler.ru/other/41631047/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 15.01.2020).

2 В плюсе только Китай // Коммерсантъ, 09.08.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/4054828> (дата обращения 15.01.2020).

3 Экспорт и импорт России по товарам и странам // Ru-Stat, н./д. URL: <https://ru-stat.com/> (дата обращения 15.01.2020).

4 Деловые круги Китая и России играют важную роль в укреплении торгово-экономического сотрудничества двух стран — посол КНР в РФ // [Russian.people.cn](http://russian.people.cn/), 15.01.20. URL: <http://russian.people.cn/n3/2020/0115/c31519-9648805.html> (дата обращения 25.01.2020).

номики, как-то сельское хозяйство, радиопром, тяжелое машиностроение, химическая промышленность. Санкции «дисциплинируют компании, заставляют их жить по средствам, уменьшать внешнюю кредиторскую задолженность»⁵. Санкции стимулировали процесс импортозамещения в стране, способствовали переориентации экономики с производства сырьевых товаров на переработку сырья на отечественных предприятиях. Некоторые мероприятия вводились до принятия санкций (например, в 2010 г. была разработана программа по импортозамещению сельскохозяйственной продукции), но введение санкций ускорило реализацию и темпы внедрения намеченных мер.

Плюсом санкций можно считать то, что власти перешли от слов к делу в области поддержки российских производителей, отмечает глава Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий (АПКИТ) Николай Комлев, это делается «не совсем рыночными средствами — от льгот и преференций до прямых запретов»⁶.

Согласно постановлению правительства от 16 ноября 2015 г., с 2016 года госорганы при закупках программного обеспечения (ПО) должны отдавать предпочтение отечественному софту. К 2022 году российское ПО в них должно составлять более половины софта. Минкомсвязи в апреле 2019 г. сообщило, что доля российского ПО в госзакупках выросла с 20 % в 2015 г. до 65 % в настоящее время (апрель 2019 г.). Таким образом санкции способствовали развитию отечественных ИТ.

Минпромторг также предложил госсектору закупать отечественную бытовую технику, ПК, телекоммуникационное оборудование, если они есть на рынке. Госзаказчики при закупках должны будут сверяться с реестром соответствующей отечественной техники и отклонить предложения иностранных производителей⁷.

Серьезные успехи в импортозамещении наблюдаются в сельском хозяйстве. Для решения проблем сельского хозяйства реализуется разра-

ботанная в 2010 г. в России программа развития и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия, рассчитанная на период до 2020 года. Она определяет главные цели и ключевые направления развития отрасли. Программа задавала значения показателей отечественного производства по мясу, молоку, овощам, фруктам. Ставилась цель производить 85–90 % того или иного продукта в России.

Россия близка к самообеспеченности по ряду продуктов. По данным Росстата и Министерства сельского хозяйства на 2018 г. Россия производит 99 % необходимого ей зерна, 93 % мяса и мясных продуктов, 95 % сахара, 84 % молока. В то же время, сохраняется зависимость России от иностранных поставщиков оборудования, кормов, саженцев, семян. 50 % добавленной стоимости в агропродовольственном секторе создается с помощью иностранного участия⁸.

В газете «Экономика и жизнь» приведены результаты четвертого ежегодного исследования компании Делойт, СНГ, «Обзор рынка сельского хозяйства в России». На протяжении 2018–2019 гг. ключевым фактором повышения конкурентоспособности АПК России, по мнению представителей отрасли, является государственная поддержка (0,89), а самой важной мерой государственной поддержки являются субсидии, способствующие экспорту продукции (54 %). На втором месте находится стабильность законодательной политики, большое значение имеет также повышение производственно-технического потенциала (по 0,86). Абсолютное большинство участников опроса (92 %) оценивают ситуацию в своих компаниях положительно или скорее положительно⁹.

В целом, эксперты отмечают, что российская экономика достаточно устойчиво «перенесла» санкции и называют основные факторы, которые помогли экономике продержаться в условиях санкций:

- рост мировых цен на нефть. в начале 2016 года цена на нефть опустилась до 30 долларов за баррель, и потом выросла почти в 2,5 раза
- санкционные ограничения не были самыми тяжелыми. Гораздо более серьезную угрозу представляют «санкции из ада» в случае их принятия в США. Эти санкции предполага-

5 Предсказанному верить. Александр Дынкин: Без реформ России придется догонять не США, а Мексику и Бразилию // Российская газета, 28.06.2017. URL: <https://rg.ru/2017/06/28/aleksandr-dynkin-bez-reform-rossii-prividetsia-dogoniat-ne-ssha-a-meksiku.html> (дата обращения 15.01.2020).

6 Эксперты назвали самые изменившиеся из-за санкций отрасли экономики // РБК, 28.10.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a> (дата обращения 15.01.2020).

7 Там же.

8 Там же.

9 Оценка состояния АПК понизилась // Экономика и жизнь, 24.01.2020. URL: <https://www.eg-online.ru/article/414011/> (дата обращения 25.01.2020).

ют запрет на покупку американскими инвесторами российских облигаций, изоляцию России от валютных рынков

- Россия активно тратила резервы. С 1 февраля 2018 года прекратил существование Резервный фонд, в котором были триллионы рублей. Сегодня у России остался только один резервный фонд — Фонд национального благосостояния (ФНБ)
- относительно эффективная денежно-кредитная политика, в самый острый период рубль не обвалился
- политика импортозамещения¹.

Причины санкций

Длинный список санкций, введение все новых санкций, постоянное их продление и анализ их содержания наводит на мысль о том, что их причиной не является «несоблюдение женеvских обязательств», ни «подрыв демократических процессов», ни недопустимое вмешательство во внутренние дела другого суверенного государства (Украины). Часть санкций против России, а также Ирана и КНДР формулировались как «Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций»².

Многие эксперты, оспаривая правомерность введения санкций за Крым, указывают на Косовский прецедент, где даже референдум не проводился.

В том, как США поддерживают украинскую власть, финансами и поставками оружия прослеживается явная заинтересованность сверхдержавы оттеснить Россию от Украины и установить там зону своего влияния. Но и это не всё. По словам председателя совета директоров «Банк Индеза» Антонио Фалико, настоящая причина введения санкций США против России, даже если заявлены другие предлоги, заключается в том, чтобы не дать российской экономике восстановиться и взлететь, став опасным международным конкурентом³.

Перспективы развития России

Дальнейшее развитие России зависит от

успехов дипломатии, от модернизации системы управления, от подготовки квалифицированных кадров, от освоения и развития высоких технологий, социально-ориентированной экономической политики. Развитие России отягчено двумя факторами постоянного действия: 1) большая часть страны лежит в более суровом климате, чем в США, Китае, Европе; 2) нас никто не защитит, кроме нас самих, нам не на кого надеяться. И это, конечно, требует значительных затрат. Но и преимущества налицо: огромная территория, запасы недр, пресной воды, накоплены международные резервы в объеме 558,9 млрд \$ США на 17.01.2020⁴, наличие собственных квалифицированных кадров, опыт и готовность работы с иностранными приглашенными специалистами по самым разным направлениям.

Успехи в разработке новейших видов оружия, когда мы впервые из догоняющих стали лидерами, показывают, что, с одной стороны, мы многое можем, с другой, требуют от нас аналогичных результатов хотя бы в некоторых гражданских отраслях или в производстве новых продуктов массового потребления. Этому и посвящены 10 национальных проектов и стратегия создания инновационных кластеров [Лукашин, Рахлина, 2019].

Международное противодействие американским санкциям

Американские санкции против России, Китая, ЕС, Ирана и др. стран мира сказались негативным образом и на внешней торговле и экономике западных стран — партнеров США по блоку НАТО.

В таблице 3 показаны объемы экспорта и импорта у крупнейших зарубежных стран. Здесь также видно снижение внешнеторговых оборотов в 2015–2016 гг. И в этом случае американские антироссийские санкции сыграли свою роль. Но постепенно мировая внешняя торговля перестраивается, меняются товарные и денежные потоки, восстанавливаются объемы. Однако это ведет к увеличению транспортных путей, усложнению логистики и, как следствие, к росту цен. Желание вернуться к более эффективной экономике, к рациональной внешней торговле является естественным во многих странах мира.

В странах Западной Европы нарастает противодействие дальнейшему усилению антироссийских санкций, которые другим концом бьют по их собственным экономическим интересам.

Будущее коалиционное правительство Австрии

1 Игорь Николаев. Какова настоящая цена санкций для России // Открытые медиа, 25.06.2019. URL: <https://openmedia.io/news/kakova-nastoyashaya-cena-sankcij-dlya-rossii/> (дата обращения 15.01.2020).

2 История закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций». Досье // ТАСС, 29.01.2018. URL: <https://tass.ru/info/4911988> (дата обращения 15.01.2020).

3 Названа настоящая причина введения США санкций против России // Газета.Ру, 24.10.2019. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/10/24/n_13616816.shtml (дата обращения 15.01.2020).

4 Международные резервы Российской Федерации // ЦБР, 2000. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrff/mrff_7d/ (дата обращения 15.01.2020).

во главе с канцлером Себастьяном Курцем продолжит курс на смягчение санкций против России.

Таблица 3. **Мировая внешняя торговля**
(OECD TOTAL, Total trade, в миллиардах \$США)

Годы		2014	2015	2016	2017	2018
Весь мир	импорт	11409	10079	9915	10876	11914
	экспорт	10705	9497	9348	10202	11092
27 стран ЕС	импорт	4471	3953	3951	4290	4721
	экспорт	4477	3918	3955	4279	4731
США	импорт	970	914	887	946	1033
	экспорт	1382	1310	1279	1358	1461
Великобритания	импорт	366	324	293	320	349
	экспорт	520	475	492	493	516
Германия	импорт	1071	966	962	1038	1127
	экспорт	922	802	794	867	969
Франция	импорт	462	403	393	421	455
	экспорт	548	470	468	509	548
Япония	импорт	342	321	332	358	371
	экспорт	244	207	206	217	256
Канада	импорт	429	364	347	380	403
	экспорт	387	351	337	359	386
Китай	импорт	1448	1420	1379	1495	1625
	экспорт	770	681	680	777	862

Источник: таблица составлена авторами на основе данных *International trade by commodity statistics – OECD v. 2019, issue 6, p. 493*. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/trade/international-trade-by-commodity-statistics-volume-2019-issue-6_b6126936-en#page1 (дата обращения 15.01.2020).

Об этом говорится в опубликованной рабочей программе нового правительства⁵.

Канцлер Германии Ангела Меркель выступила против санкции, которые США вводят из-за российского трубопровода «Северный поток — 2»⁶.

Все больше европейских политиков и экспертов высказываются за необходимость ответных мер со стороны ЕС для защиты своих интересов в связи с американскими санкциями против строящегося газопровода «Северный поток — 2». Действия Вашингтона осудила «Ассоциация европейского бизнеса», там заявили, что США таким образом вмешиваются в энергетическую политику Европы⁷.

5 Новое правительство Австрии выступит за смягчение антироссийских санкций // НТВ, 02.01.2020. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/10/24/n_13616816.shtml (дата обращения 15.01.2020).

6 Меркель выступила против санкций США по «Северному потоку — 2» // РИА новости, 18.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191218/1562538033.html> (дата обращения 15.01.2020).

7 Гром Г. Санкционная политика США // Политфорум, 13.01.2020. URL: <https://www.politforums.net/usa/1578920658.html> (дата обращения 15.01.2020).

Немецкие эксперты по энергетике считают, что за санкционной политикой США скрывается расчет продавать Европе свой сжиженный газ. Координатор правительства ФРГ по трансатлантическому сотрудничеству Петер Байер в свою очередь поспешил заявить, что «Северный поток — 2» необходим для энергобезопасности Германии». Так же глава МИДа Нидерландов высказал мнение, что Вашингтону не следует указывать, откуда получать энергоносители его государству⁸.

«Санкции не только не эффективны, а, наоборот, контрпродуктивны. Они усиливают напряженность вместо того, чтобы способствовать разрядке». Так же считает австрийский канцлер Вернер Файман, который назвал их глупостью. Того же мнения придерживаются словацкий премьер Роберт Фицо и венгерский премьер Виктор Орбан». Президент Чехии Милош Земан высказался за скорейшую отмену антироссийских санкций. По его словам, давление на Россию является безрезультатным и ведет к усилению напряженности в отношениях с Западом, заявил он⁹.

Список глав государств, представителей законодательной и исполнительной власти, политиков и бизнесменов западных стран, выступающих за ослабление или полную отмену санкций, можно было бы продолжить. Тем не менее, в конце декабря были продлены еще на 6 месяцев (до 31 июля 2020 г.) экономические санкции ЕС в отношении России, срок действия которых истекает 31 января 2020 года. Причина — не полностью выполнены минские соглашения¹⁰. Заметим, что минские соглашения предполагают соблюдение двусторонних обязательств и Россией, и Украиной.

Руководство России в отличие от США призывает страны объединиться для совместного решения глобальных проблем мирового развития: освоения космоса, мирного решения региональных конфликтов, борьбы с международным терроризмом, распространением ядерного и бактериологического оружия и т.п. Россия призывает страны к взаимовыгодному сотрудничеству на условиях равноправия и невмешательства во внутренние дела.

8 Там же.

9 Президент Чехии: санкции против России контрпродуктивны и усиливают напряженность // ТАСС, 03.05.2015. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1947123> (дата обращения 15.01.2020).

10 ЕС продлил на полгода экономические санкции против России // ТАСС, 19.12.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7383247> (дата обращения 15.01.2020).

Выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) 2 июня 2017 г. президент России В. В. Путин сказал: «Только вместе, объединяя усилия, можно преодолеть нынешние дисбалансы и обеспечить устойчивый рост мировой экономики, выработать справедливые правила торговли и честной конкуренции, снизить уровень бедности, справиться с угрозами терроризма, региональных конфликтов, распространения национализма и ксенофобии»¹.

Подчеркивая насущность и необходимость консолидации мирового сообщества для решения ключевых проблем международной безопасности, президент В. В. Путин заявил:

«К сожалению, в наши дни человечество вновь оказалось у опасной черты: множатся региональные конфликты, растут угрозы терроризма и экстремизма, разрушается система контроля над вооружениями, в неустойчивом состоянии находится и глобальная экономика»².

Заключение

Антироссийские санкции заставили нас задуматься и всерьез взяться за экономику. Они послужили сигналом к началу действий, в том числе и не популярных. Нацеленность на импортозамещение способствовала развитию сельского хозяйства и ряда отраслей. Внешняя торговля имеет устойчивый положительный баланс. Заканчиваются или уже приняты в эксплуатацию такие проекты как «Сила Сибири», «Турецкий поток», «Северный поток — 2», «Крымский мост». Разрабатываются программные средства для искусственного интеллекта и IT-технологий. Реализован целый ряд проектов по укреплению обороноспособности. Цель авторов антироссийских санкций «добить» нашу страну новой волной «холодной войны», а заодно и нанести ущерб своим конкурентам — нашим торговым партнерам, явно не достигнута, хотя негативные последствия, в виде торможения развития, конечно, налицо.

1 Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России, 02.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667> (дата обращения 15.01.2020).

2 Путин: мир оказался у «опасной черты» из-за разрушения контроля над вооружениями // ТАСС, 05.02.2020. URL: <https://tass.ru/politika/7689981> (дата обращения 06.02.2020).

Отметим, что мир изменился и продолжает меняться. Сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион стал локомотивом мировой экономики. Американцы крайне обеспокоены ростом Китая. Они хотят каким-то образом ограничить или затормозить возвышение КНР.

Для этого у них осталось не так много рычагов. Здесь военная сила, финансы и хайтек. Наступление ведется по всем этим направлениям.

Меняется и Европа. Уже по многим вопросам нет единого мнения. Нет согласия с США. Известны негативные высказывания президента Франции Макрона относительно блока НАТО. Если страны ЕС примут решение о защите своих интересов собственными силами, то после выхода Великобритании из ЕС, Франция окажется единственной страной ЕС с ядерным оружием. И это придаст ей значительный вес в Европе и на мировой арене. Ее желание иметь хорошие отношения с Россией будет важным фактором стабилизации мировой экономики и торговли. Конечно, до этого еще очень далеко, но подвижки в осознании того, что США руководят НАТО, преследуя, прежде всего, собственные политические и экономические интересы, имеются.

Американская мечта о возвращении к однополярному миру не реалистична, уже слишком много игроков. Желание американцев наказывать всех неугодных становится несбыточным. Наоборот, у США будут появляться все новые оппоненты. Рассматривая дилемму «за демократию» или «в интересах США», Америка всегда отвергала все, что, по мнению ее руководства, не соответствует интересам США, нарушая при этом международное право, принципы ВТО, действуя в обход ООН, выходя из уже заключенных договоров. Однако настают новые времена. По данным МВФ, Китай обошел США по ВВП, подсчитанным по ППС, в 2014 году³. США остается крупной передовой державой, генератором инноваций. Но они уже не будут монополистом в этой области. Мир заинтересован в обмене новейшими технологиями, ведущему ко всеобщему росту благосостояния и качества жизни. Санкции «из ада» могут только мешать этому процессу и являются продуктом уязвленного эгоизма.

3 Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // РБК, 08.10.2014. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeafe2a0a> (дата обращения 15.01.2020).

Список источников

Клинова М. В., Сидорова Е. А. Россия — Евросоюз: продолжение санкционного противостояния. Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 114–127. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-6-114-127](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-6-114-127)

Кнобель А. Ю. и др. Санкции: всерьез и надолго / А. Ю. Кнобель, К. М. Багдасарян, А. Н. Лощенкова, К. А. Прока. Москва: Дело, 2019.

Кнобель А., Зайцев Ю. Прямые иностранные инвестиции в 2018 г. // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. № 9 (92). Июнь / Зайцев Ю., Клячко Т., Кнобель А., Полякова А., Тищенко Т. Под редакцией Гуревича В. С., Дробышевского С. М., Колесникова А. В., Мау В. А., Синельникова-Мурылева С. Г.; Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 20 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_9-92_June.pdf (дата обращения 15.01.2020).

Платонова И. Н. Влияние финансовых санкций на привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику // Инвестиционный, финансовый и управленческий анализ. 2019. № 3. Т. 9. С. 117–121.

Прилепский И. В. Финансовые санкции: влияние на потоки капитала и экономический рост РФ // Журнал Новой экономической ассоциации, № 3 (43), 2019, с. 163–172.

Korhonen, Iikka. Sanctions and counter-sanctions – What are their economic effects in Russia and elsewhere? // BOFIT Policy Brief, 2/2019, p. 14.

Nelson R. M. U.S. Sanctions and Russia's economy // Congressional research service. 17.02.2017. URL: <https://fas.org/sqp/crs/row/R43895.pdf> (дата обращения 15.01.2020).

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL COOPERATION

Yuri Lukashin¹, Lyudmila Rakhlina^{2,3}

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

Abstract. The article gives a current analysis of the impact of U.S. sanctions on the Russian economy. Based on the study of statistics, expert judgments, a large number of sources, the authors come to the conclusion about the double impact of sanctions by the United States and countries supporting them on Russia. On the one hand, it is a decrease in the rate of GDP growth down to negative values, a decrease in the volume of foreign trade turnover. On the other hand, the barrier to imported goods has led to the revitalization and even development of some of its own industries and agriculture. Russia has become a grain exporter from importer, coming out on top in the world. The development and production of new types of weapons contributed to the strengthening of the country's defense capability and sovereignty, allowed to confidently hold the second position in the arms market after the United States. The positive balance of foreign trade allowed the Bank of Russia to accumulate significant international reserves of \$558.9 billion. A number of major projects in the country have been implemented or are in the process of being completed. The volumes of foreign trade are restored, only partners are changing. The West has also felt the negative impact of sanctions on foreign trade and GDP growth, but it is also finding workarounds.

In general, sanctions are unprofitable to either. They complicate life, reduce efficiency, worsen relations with Russia, without which it is difficult to solve complex problems of international relations. A number of Western countries are therefore in favour of easing and lifting these sanctions. It is not worth hoping for this in the near future, however. It is necessary to learn to manage their own considerable resources effectively.

The relevance of the article is due to the aggravation of competition in the world market, the need to quickly and effectively ensure the rapid development of innovative technologies in Russia, including investment in human capital. The article is intended for government agencies, academics, students.

Key words: global economy, anti-Russian sanctions, innovative technologies, digital economy.

JEL: B27; G18; F02; F62; O11

1 **Lukashin Yuri Pavlovich** — Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher. E-mail: loukashin@rambler.ru.

ORCID: 0000-0003-2559-2463; AuthorID: 370877

2 **Rakhlina Lyudmila Ilyinichna** — Candidate of Sci. (Econ.), senior research fellow. E-mail: rahlinali@mail.ru.

AuthorID: 913629

3 Place of work: IMEMO RAS, Moscow, Russia

References

Klinova M. V., Sidorova Ye. A. Rossiya – Yevrosoyuz: prodolzheniye sanktsionnogo protivostoyaniya [Russia – European Union: continuation of the sanctions standoff]. *Voprosy ekonomiki*. 2017. No. 6. P. 114–127. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-6-114-127](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-6-114-127) (in Russian).

Knobel A. Yu. et al. *Sanktsii: vser'yez i nadolgo* [Sanctions: seriously and permanently]. A.Yu. Knobel, K. M. Bagdasaryan, A. N. Loshchenkova, K. A. Proca. Moscow: Delo Publ., 2019 (in Russian).

Knobel A., Zaitsev Yu. Pryamyie inostrannyye investitsii v 2018 g. [Direct foreign investment in 2018]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development]. 2019. No 9 (92). June. Zaitsev Yu., Klyachko T., Knobel A., Polyakova A., Tishchenko T. Edited by Gurevich V. S., Drobyshevsky S. M., Kolesnikov A. V., Mau V. A., Sinelnikova-Muryleva S. G.; Institute of Economic Policy named after E. T. Gaidar, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 20 p. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_9-92_June.pdf (accessed 01.15.2020) (in Russian).

Platonova I. N. Vliyaniye finansovykh sanktsiy na privlecheniye inostrannykh investitsiy v rossiyskuyu ekonomiku [The effect of financial sanctions on attracting foreign investment in the Russian economy]. *Investitsionnyy, finansovyy i upravlencheskiy analiz* [Investment, financial and managerial analysis]. 2019. No. 3. Vol. 9. P. 117–121 (in Russian).

Prilepskiy I. V. Finansovyye sanktsii: vliyaniye na potoki kapitala i ekonomicheskoy rost RF [Financial sanctions: impact on capital flows and economic growth of the Russian Federation]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, No. 3 (43), 2019, p. 163–172 (in Russian).

Korhonen, likka. *Sanctions and counter-sanctions – What are their economic effects in Russia and elsewhere?* BOFIT Policy Brief, 2/2019, p. 14.

Nelson R. M. U.S. Sanctions and Russia's economy. *Congressional research service*. 17.02.2017. URL: <https://fas.org/srg/crs/row/R43895.pdf> (accessed 01/15/2020).

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Оджука Ннамди. Совершенствование методов управления качеством и конкурентоспособностью нефтедобывающей промышленности Нигерии // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 23–32. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.2

Дата поступления 21.11.2019 г.

УДК 330.101

Оджука Ннамди¹

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НИГЕРИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена уровнем благосостояния, а так экономическим и политическим положением Нигерии в условиях современного мирового рынка. В рамках статьи отмечается, что основным источником прибыли данной страны является нефть. Поддержание и развитие конкурентоспособного потенциала страны, а так же экономическая зависимость экспорта Нигерии от спроса на основной продукт обуславливают необходимость рассмотрения особенностей стратегического анализа и управления нефтедобывающей организацией с целью повышения качества и конкурентоспособности в рамках развития данной страны.

Автор статьи стремится продемонстрировать важность вопросов качества управления организацией в национальных стратегиях Нигерии. В целях повышения конкурентоспособности, а так же в целях гармонизации и устойчивости развития экономики интеграционные процессы межтерриториального и межрегионального взаимодействия страны на мировом рынке, буквально требуют их совершенствования на уровне организации и управления предприятиями нефтедобывающей промышленности.

Объект — промышленная отрасль Нигерии в сфере добычи нефти.

Предмет — методы управления качеством и конкурентоспособностью организаций нефтедобывающей промышленности Нигерии, а так же организация управления ими.

Цель — обосновать предложения по совершенствованию методов управления качеством и конкурентоспособностью нефтедобывающей промышленности Нигерии.

Результаты. Сформулированы основные рекомендации по организации управленческого процесса в сфере нефтедобывающей промышленности. В статье рассмотрены основные факторы и элементы, влияющие на экономический рост и проблемы управления предприятиями нефтедобывающей промышленности, а так же выделены основные особенности обеспечивающие эффективность торгово-производственных взаимоотношений Нигерии с другими странами. На основании проведенного анализа данных разработаны предложения по улучшению качества процессов организации и управления промышленным предприятием нефтедобывающей сферы, являющиеся главными залогом повышения конкурентоспособности фирмы.

Ключевые слова: управление, менеджмент, конкурентоспособность, нефть, устойчивое развитие, благосостояние, экспорт, доходы.

JEL: M11

¹ **Оджука Ннамди** — Postgraduate Student, Department of Applied Economics, Faculty of Economics, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: kireikova@gmail.com.

ORCID 0000-0002-8924-5009

Введение

Актуальность темы обусловлена в первую очередь экономическим и политическим положением Нигерии в мире. Несмотря на то, что Нигерия является членом ОПЕК, а так же одной из крупнейших стран Африки по объему ВВП и численности населения (первое место в Африке и седьмое место в мире), она является достаточно бедной страной, для которой характерна зависимость развития сельского хозяйства, экономики и промышленности от качества взаимосвязи с другими государствами, а так же уровня развития предпринимательства и внешней торговли. Нигерия является одной из ведущих стран по производству и экспорту нефти, являющаяся одним из крупных экспортеров нефти на мировом рынке (3-е место в Африке и 10-е место по величине общего экспорта нефти в мире). Нефть — уникальный товар сырьевого рынка. Именно экспорт нефти является основой внешнеэкономической деятельности Нигерии по причине значительных нефтяных запасов среди основных ископаемых

элементов природно-ресурсной базы страны (около 95 % от общей доли экспортных доходов страны и 80 % доходов в бюджет государства). Следует отметить, что именно нефтедобывающая промышленность имеет первичную роль в развитии экономики Нигерии, так как является основной составляющей национальной стратегической программы развития страны, определяющей развитие её других отраслей. Однако, сохраняющиеся условия длительного недофинансирования, постоянные системные сбои, а так же сокращенный уровень поступающих заказов являются главными факторами в отставании данной страны по уровню экономического развития от западных конкурентов. Жесткая монозависимость развития уровня экономики от уровня экспорта нефтепродуктов буквально требует от страны постоянного совершенствования и рационализации процессов экономической и рыночной деятельности (как на микро, так и на макроуровне), а также постоянного обеспечения стабильности уровня конкурентоспособного потенциала предприятий нефтедобывающей промышленности.

Развития экспортного потенциала страны является одним из основных факторов способствующим стабилизации и устойчивости развития уровня её экономики и благосостояния. Рассмотрение особенностей и элементов стратегического планирования, анализ проблем связанных с формированием и эффективностью подбора организационно-управленческой системы повышения потенциала и конкурентоспособности организации нефтедобывающей отрасли Нигерии, учитывающей их особенности экономики и характер взаимодействия данной страны с другими странами, является актуальной задачей для общего поддержания, как общей экономической устойчивости и практики хозяйствования в Нигерии, так и для повышения прибыли для данного предприятия в рыночных условиях.

Конкурентная среда в условиях мирового рынка для выживаемости и повышения своих рейтинговых позиций буквально требует от существующих компаний стран сохранения повышения конкурентоспособного потенциала, что возможно за счет повышения качества услуг и продукции, а также за счет совершенствования маркетинговых стратегий и технологий, направленных на развитие и поддержание взаимоотношений клиента и компании. Положительная динамика развития конкурентоспособности предприятий нефтяных секторов должна будет поддержать курс нигерийской валюты и экономики страны в целом.

Сохранение стабильных позиций компании на рынке и повышение конкурентного потенциала (за счет устойчивого роста продаж, повышения качества контроля, увеличения эффективности организации и управления работой предприятия деятельности предприятия) способно в долгосрочной перспективе внести положительный экономический эффект на общее развитие и конкурентоспособность страны на мировом рынке, поэтому это явление более применимо с национальной точки зрения.

Нефтедобывающая отрасль — основная составляющая экономического развития и стратегической политики Нигерии, выступающая главным фактором развития промышленного потенциала страны. Развитие промышленного сектора Нигерии на текущий день характеризуется неустойчивой экономической обстановкой и неопределенностью ее дальнейшего развития. Для обеспечения устойчивости развития, от современных нигерийских компаний требуется уметь не только в краткосрочной и долгосрочной перспективе осуществлять его прогнозирование, но и быстро реагировать и подстраиваться под новые требования и условия внешнего окружения, сохранять и повышать конкурентные преимущества в условиях современного мирового рынка.

Вопросы повышения конкурентоспособного потенциала компаний, относящихся к нефтедобывающей промышленности, затрагивают все сферы управления данных организаций и буквально требуют более подробного изучения технологий и инструментов управления для грамотной и эффективной реализации деятельности организации, производимых ею услуг, а так же уровня качества получаемой продукции на основе использования внутреннего потенциала развития компании.

Следует отметить, что для большинства компаний осуществляющих добычу нефти присуще динамическое изменение бизнес-процессов и их адаптация к условиям рынка, территориальная масштабность производства и сложность структуры организационно-финансовой деятельности предприятия. Вопросы качества нефтяной продукции, её соответствие требованиям и запросам стран, выступающих экспортером и потребителем нефтяного сырья, повышает значимость исследований не только самой продукции, но и особенностей влияния основных составляющих в сфере организации и управления конкуренто-

способностью нефтедобывающих фирм. К основным факторам оказывающим первостепенное влияние на формирование и развитие конкурентоспособности нефтедобывающей фирмы относятся [Климова, Брылякова, 2016]:

- внешняя среда организации;
- выбор корпоративной и коммуникационной стратегий;
- финансовая стабильность и эффективность реализации применения в рабочем процессе, как материальных, так и нематериальных ресурсов;
- актуальная база человеческих ресурсов и демографическая составляющая на текущий момент;
- рост затрат фирмы в ходе добычи нефти, а так же уровень актуальности спроса на нефтяное сырьё на мировом рынке.

В целях разработки наиболее грамотной и эффективной стратегии повышения конкурентоспособности предприятия следует учитывать и рассматривать вышеприведенные факторы не только в совокупности, но и так же учитывая их особенности и эффект в результате влияния друг на друга.

Следует отметить, что стратегия предприятия — это разработанная комплексная модель действий, включающая различные направления работы (экономические, политические, информационные, социальные), при помощи которых оно может осуществлять гибкое и эффективное планирование своей деятельности с учетом непостоянства внешних условий рынка при опоре на внутренние возможности развития фирмы [Ханило, 2019]. При этом основной составляющей конкурентной стратегии предприятия выступает совершенствование имеющихся преимуществ и при необходимости расширение сферы деятельности. Это включает определение основных стратегических задач и приоритетов деятельности компании, а так же определение основных ресурсов, которые можно задействовать при построении её планирования.

Стратегическое управление конкурентоспособностью нефтедобывающей организации предполагает осуществление изучения деятельности других фирм на мировом рынке, включающего такие составляющие, как [Мухаммад, 2008]:

- 1) стратегический анализ деятельности фирмы и проведение анализа построения стратегического управления;
- 2) анализ реализации и развития стратегических технологий;

- 3) выявление причин и последствий изучаемых факторов в целях минимизации рисков, а так же способов устранения негативных последствий.

Стратегическое развитие конкурентоспособного потенциала нефтедобывающей организации должна учитывать следующие факторы, являющиеся основными составляющими обеспечивающими повышение её конкурентоспособности [Исмаилов, 2017]:

- 1) оценка реального потенциала и возможностей развития предприятия;

- 2) анализ и подбор наиболее оптимальных и рациональных возможностей применения имеющихся природных и экономических ресурсов компании;

- 3) развитие умения применять различные ресурсы (как материальные, так и нематериальные), имеющиеся в арсенале компании в целях максимизации доходов на основе создания конкурентоспособных услуг и продуктов в условиях рынка;

- 4) повышение уровня положительных результатов производства на основе реализации стратегической, экономической и ресурсной политики предприятия.

У компаний нефтедобывающей промышленности стратегическое планирование обычно ориентировано на долгосрочное (от 10 до 15 лет) планирование в первую очередь, целью которой является повышение эффективности и конкурентоспособности работы предприятия, расширение ресурсной базы и повышение объемов добычи сырья, а также максимизация доходов и снижение издержек прибыли. При этом к основным инструментам управления относятся такие элементы, как: финансовое обеспечение и управление, маркетинг и инновации, стратегические технологии и операционные процессы. Перспективой развития компании в краткосрочной перспективе выступает развитие основных наиболее благоприятных для развития предприятия составляющих системы его организации и управления; а в долгосрочной — совершенствование и развитие по всем видам деятельности и аспектам повышения конкурентоспособного потенциала.

Следует отметить, что на текущий момент для нефтедобывающих предприятий Нигерии характерна реструктуризация, конечным результатом которой выступает общее увеличение дохода организации за счет совершенствования и преобразования различных экономических, а так же организационно-управленческих процессов дея-

тельности предприятия. Это обуславливает необходимость выбора эффективной стратегии на любом этапе и процессе управления организацией [Ягудин, Мухаммад, 2006].

При осуществлении стратегического планирования первостепенную и очень важную роль играет грамотный анализ уровня конкурентоспособности и перспектив развития фирмы. От широты спектра ресурсов и методик, задействованных в ходе анализа, зависит точность полученных данных (оценка как внутренних, так и внешних процессов, например, поведение конкурентов, оценка человеческих ресурсов и т.д.). При этом, сравнивая деятельность разных предприятий наиболее рационально использовать одни и те же параметры и методы оценки. Наиболее распространенными и применимыми методиками анализа являются: SWOT и PEST анализ, конкурентный и позиционный, ресурсный и стратегический анализы [Ханило, 2019].

В силу критической зависимости развития экономики Нигерии от общего оборота нефтедобывающей отрасли, именно методы и инструменты политики и руководства данной страны играют главную роль в функционировании нефтеперерабатывающих заводов, что оказывает весомое влияние на качество рабочего процесса (в том числе его безопасности), готовой продукции и уровня загрязнения окружающей среды [Климова, Брылякова, 2016].

Следует отметить, что к основным проблемам, связанным с развитием конкурентоспособности организаций относящихся к нефтяной отрасли в Нигерии, являются в первую очередь экологические проблемы, а так же проблемы, вызванные в ходе небрежного осуществления мероприятий по её добыче. К пяти основным проблемам, связанным с добычей и поставкой нефтяного сырья на мировой рынок можно отнести:

1) разливы нефти в водах Нигерии и её природное загрязнение (например, с 1966 по 1996, установлено, что разлито 1,89 миллиона баррелей нефти из общего количества 2,4 миллиона баррелей в ходе аварий и других операций по добыче нефти) [Доньи, 2014];

2) вандализм и кражи сырой нефти (ежегодно Нигерия теряет от 200 000 до 1 200 000 баррелей из-за нефтяного воровства) [Огунбийи, 1993];

3) общий рост цен на топливо на международном рынке;

4) низкая пожарная безопасность в ходе работах [Стрелюхин, 2006];

5) неадекватная инфраструктура газопровода

и слабое газовое финансирование [Кучина, Баева, 2016].

Отдельно следует упомянуть негативные изменения окружающей среды, предполагающей применение инновационных технологий безотходного производства, предполагающего сокращение производственных издержек на основании снижения уровня загрязнения окружающей среды. Именно загрязнения окружающей среды в значительной степени снижают эффективность добычи и использования нефтяного сырья [Вишнякова, 2008]. Повышение экологической безопасности работы производства способно повысить не только уровень качества экологии и жизни населения, но способствовать повышению роста объемов добычи нефти [Ягудин, Мухаммад, 2007].

Применение существующих методов анализа способствует грамотному выявлению проблем в работе предприятия, определению сильных и слабых сторон, возможных перспектив развития для дальнейшего планирования стратегии развития. Поэтому в ходе осуществления процесса стратегического анализа принято выделять следующие этапы [Ханило, 2019]:

- анализ внешней среды (природные, политические и иные глобальные факторы, актуальное состояние и тенденция развития рынка, возможности угрозы и риски);
- анализ внутренней среды (рабочие процессы, вклад в работу компании, определение сильных и слабых сторон и тенденций её развития);
- анализ стратегических факторов обеспечивающих успех (сопоставительный сравнительный анализ внешней и внутренней среды, определение наилучших и наихудших стратегий развития, а так же их «отправных точек»).

Следует отметить, что Нигерийские нефтяные компании являются вертикально интегрированными. «Вертикальная интеграция» является оптимальной стратегией развития эффективности и прибыльности компании является, так как выстраивание долгосрочных взаимоотношений с клиентами и смежными предприятиями являются на порядок более выгодными, так как гарантируют регулярность закупок, требуют меньших затрат, позволяют компании укрепить свои позиции на рынке не прибегая к понижению цен на предлагаемые компанией услуги и продукты [Каргинова, 2016].

Интеграция за счет сбалансированности сбы-

та, а так же минимизации издержек способна повысить выживаемость компании и значительно увеличить её конкурентоспособный потенциал. Чем сильнее наблюдается процесс интеграции-тем лучше для развития фирмы [Ханило, 2019]. Следует отметить, что концепция вертикальной интеграции предполагает создание единого бизнес-объекта (в том числе, на основе объединения предприятий), включающего единую систему управления бизнес-процессами в целях контроля и координации работы по добыче основного сырья, информированию, а так же сбыту и экспорту имеющейся продукции.

Однако в ходе стратегического анализа необходимо учитывать, что в случае вертикальной интеграции меняются компоненты анализа макро- и микроокружения фирмы. Дополнительно ситуация осложняется составом исследуемых критериев, что требует применения инновационного подхода [Каргинова, 2016].

Основным фактором, обеспечивающим устойчивое развитие нефтяных компаний является развитие её конкурентных преимуществ (прежде всего, качество и цена продукции, эффективность маркетинга и процесса управления организацией). При этом основные в маркетинговой теории принципы развития нефтедобывающих компаний (доступ к ресурсам и развитие технологий направленных на их добычу) в условиях Нигерии являются частично реализуемыми. Так, например, развитие инновационных подходов в управлении промышленных предприятий является совсем малореализуемой задачей в силу экономического положения страны на мировом рынке, т. е. у данной страны отсутствуют существенные факторы которые могли бы обеспечить её дальнейший серьезный рост. Частичная реализация вышеуказанных факторов является источником экономической деградации Нигерии и буквально требует от местных предприятий применения мер, направленных на повышение эффективности управления и деятельности организации, но и увеличение уровня качества экспортируемой продукции, а так же деятельности по её добыче.

Наличие конкурентного соперника положительно сказывается на развитии эффективности деятельности фирмы. В ходе совершенствования процессов управления, наиболее эффективны такие бизнес-процессы, как анализ конкурентных преимуществ и бизнес-процессов (бенчмаркинг), а так же «перепрограммирование» с целью максимализации положительного эффекта (реинжиниринг бизнес-процессов).

Бенчмаркинг является одним из очень эффективных методов изучения и нахождения эффективных преимуществ деятельности и ведения бизнеса компании на основе сравнения (сюда относят следующие виды анализов: общий, внутренних, функциональный, конкурентоспособный) [Гераськина, 2008]. Здесь наиболее положительным выступает эффект от сравнения с деятельностью зарубежных компаний-конкурентов, ориентир на использование различных технологий и услуг обеспечивающих конкурентное преимущество компании и повышающие её общий доход.

К основным составляющим конкурентного преимущества нефтедобывающих компаний следует относить следующие факторы [Лазутина, Гармашова, 2019]:

1. Технологические (использование технологий и способность к их инновациям; проведение и совершенствование научных исследований, а также инновационных возможностей; совершенствование готовой продукции).

2. Производственные (экономия на масштабах и повышение качества производства, а так же производственной мощности; повышение базовой прибыли и производительности труда; снижение производственных и операционных издержек, а так же максимализации гибкости производства; адекватное обеспечение дешевой и качественной рабочей силой).

3. Распределительные (развитие и расширение дистрибьюторской сети; развитие торговой сети и повышение скорости доставки готовой продукции).

4. Маркетинговые (развитие имиджа компании на основе повышения качества продукции и тех. обслуживающего сервиса, подбор квалифицированного персонала, широкий ассортимент готового сырья).

5. Квалификационные (подбор персонала соответствующего квалификации; постоянное обучение и строгий контроль качества работы персонала и получаемых нефтепродуктов).

Следует отметить, что в современных условиях стратегическая ориентация на повышение конкурентоспособности предприятия, в любом случае должна учитывать:

- анализ общего характера конкурентоспособности предприятия в соответствии с поставленными целями и задачами;
- исходя из полученных данных о конкурентоспособности осуществлять корректировку текущих стратегий на основе жиз-

ненного цикла выпускаемой продукции;

- развитие организации и управления деятельностью организации на основе развития менеджмента, а так же повышения уровня знаний и навыков трудовой силы организации, внедрение новых бизнес-процессов и технологий.

Формирование и развитие конкурентных преимуществ дают фирме особые характеристики, свойства услуг и продуктов, дающих определенное превосходство фирме в условиях рынка перед его прямыми или потенциальными конкурентами [Лавренова, Сысоев, 2018]. К одним из показателей конкурентоспособности следует относить: цена товара; объем сбыта и экспорта товара; общий доход; организационные и производственные издержки.

Сравнительный анализ издержек помогает выявить наиболее затратные секторы и этапы добычи и реализации сырья, определить необходимый вектор совершенствования маркетинговой и организационно-управленческой стратегии направленной на усиление конкурентных преимуществ предприятия. Снижение уровня производственных издержек, значительный спрос на продукцию повышают конкурентоспособный потенциал предприятия нефтедобывающей промышленности, что в первую очередь зависит от особенностей географического положения, производственной силы предприятия, а так же эффективности его деятельности и выбора вторичных технологических процессов.

Таким образом следует отметить то, что совершенствование механизмов управления организацией и повышение её конкурентных преимуществ способны значительно повысить объем экспорта и продажи нефтепродуктов. Это возможно за счет значительного повышения мощностей предприятий по переработке добываемого сырья и формирования адекватных цен на мировом рынке.

Цена нефтепродуктов — один из основных факторов повышения конкурентоспособности фирмы за счет формирования большего спроса на продукцию. Именно затраты, уровень запасов сырья, географическое положение, близость иных рынков, платежеспособность и спрос потребителей на готовое сырье оказывают решающее значение на уровень формирования итоговой цены, а значит прибыльность и доход фирмы. В связи с тем, что нефть является одним из основных источником прибыли Нигерии и входит в стратегический план развития страны, совершенствование уровня управления нефтедобывающих предпри-

ятий выступает главным источником развития ее экономического потенциала. Развитие системы менеджмента и стратегического планирования в данной отрасли способно в долгосрочной перспективе повысить общее благосостояние страны, а так же сохранить и улучшить её политические позиции на мировой арене.

Именно поэтому подбор наиболее эффективных бизнес-направлений и ориентиров, осуществление детальных стратегических прогнозов, а также грамотный подбор методов осуществления повышения конкурентоспособности является важной задачей планирования и стратегического развития любого предприятия ведущего нефтедобывающий бизнес.

Выводы

Обобщая вышеизложенное необходимо отметить, что кризис и экономическая нестабильность Нигерии обуславливает необходимость учета существующих факторов риска, а так же совершенствования механизмов повышения конкурентоспособности промышленных предприятий с учетом влияния политических, экономических и экологических факторов энергетических и трудовых ресурсов.

Следует отметить, что процесс осуществления повышения конкурентоспособностью предприятия нефтедобывающей промышленности должен быть реализован через комплекс мероприятий направленных на совершенствование механизмов организации, контроля, управления и координации планирования стратегий предприятия, учитывающих анализ и учет основных процессов ориентированных на повышение конкурирующих преимуществ данных организаций. Это буквально требует внедрение вертикальной интеграции в развитие нефтедобывающей отрасли страны.

В процессе разработки и внедрения управленческих технологий, направленных на повышение конкурентоспособности посредством повышения качества продукции является важным и буквально требует осуществление таких мер, которые гарантировали бы стабильность заданного уровня качества на всех стадиях производства. Этому способствует внедрение современных технологий; аттестация рабочих мест, оснастки, оборудования; совершенствование метрологической базы и средств технического контроля; обязательное соблюдение технологической и трудовой дисциплины; механизация дополнительных работ и т. п.

Повышение эффективности управления ка-

чеством деятельности и итоговой продукции организаций нефтедобывающей промышленности Нигерии, а так же предполагаемое решение имеющихся в ходе работы проблем возможно за счет реализации следующих общих рекомендаций:

1) основной приоритет работы — ориентация на потребителя, развитие межфирменного сотрудничества и розничной сети сбыта, постановка адекватных и доступных цен на топливо;

2) анализ и подбор необходимой политики компании, общее повышение гибкости, мобильности и динамичности её к различным изменениям (политическим, экономическим, производственным) в целях минимализации различных бизнес-рисков и повышения уровня прибыли;

3) распространение и совершенствование междисциплинарных концепций (в сфере управления, производства сырья и поставки услуг, а также экспорта товара на мировой рынок), создание постоянных рабочих мест в том числе обязательное включение в план работы фирмы обучения и непрерывного повышения квалификации персонала (предполагающего непрерывную передачу технологических знаний, тесно связанных с национальной стратегической программой);

4) расширение качества и размера природно-ресурсной базы (в том числе за счет проведения дополнительных геологоразведочных работ и роста добычи нефти), развитие адекватной инфраструктуры и безопасности работ в сфере добычи нефти;

5) внедрение программы жесткого контроля внутренних и внешних денежных потоков фирмы, повышение добавленной стоимости на основе нефтепереработки и выпуска готового сырья с

целью максимализации процента основного дохода и экспорта страны;

6) непротиворечивость финансирования и надежная поставка газа другим странам на мировом рынке, снижение уровня краж нефти;

7) развитие системы контроля качества продукции, приверженность организации высоким стандартам европейского качества (так как основной потребитель продукции — европейские страны);

8) разработка системы мониторинга эффективности деятельности организаций-поставщиков продукции, включающего в т. ч. представление результатов аудита таких организаций;

9) проведение работ по управлению рисками при обеспечении качества добычи нефти в целях слаженного функционирования систем менеджмента качества организаций нефтедобывающей промышленности в целях повышения конкурентоспособности организации;

10) применение экономически эффективных, а так же ресурсо- и энергосберегающих технологических методов, направленных на минимализацию негативных воздействий на экологическое состояние страны.

Таким образом, предполагается, что эффективность управления и маркетинговой деятельности нефтедобывающих компаний Нигерии будет увеличиваться за счет соблюдения вышеперечисленных рекомендаций (как в рамках одного предприятия, так и в рамках взаимодействия с другими), что будет являться эффективным механизмом повышения конкурентоспособности организаций Нигерии, осуществляющих добычу и поставку нефти на мировой рынок.

Список источников

Вишнякова А. Б. Совершенствование инструментария разработки стратегии развития промышленного предприятия // Вестник ОГУ. 2008. № 5 (86). С. 53–59.

Гераськина И. Н. Бенчмаркинг в системе современного менеджмента // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 12 (85). С. 324–327.

Доньи Д. А. Проблемы нефтяной промышленности Африки // Молодой ученый. 2014. № 14. С. 152–154.

Исмаилов Н. З. оглы. Влияние доходов от нефти на обеспечение устойчивого развития национальной экономики // Вестник СИБИТа. 2017. № 3 (23). С. 22–28.

Каргинова В. В. Вертикальная интеграция как важнейшее направление повышения конкурентоспособности российских предприятий // Молодой ученый. 2016. № 28. С. 427–429.

Климова Н. В., Брылякова О. А. Повышение конкурентоспособности компаний нефтегазовой отрасли на основе инноваций // Научный журнал КубГАУ. 2016. №124 (10). DOI: [10.21515/1990-4665-124-035](https://doi.org/10.21515/1990-4665-124-035).

Кучина Е. В., Баева Д. А. Методические основы оценки конкурентоспособности предприятия в условиях нестабильной экономической среды // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 149–159.

Лавренова Г. А., Сысоев С. И. Формирование конкурентных преимуществ современного предприятия // Экономинфо. 2018. Т. 15. № 4. С. 34–39.

Лазутина А. С., Гармашова Е. П. Факторы конкурентоспособности предприятия // Вектор экономики. 2019. № 3 (33). С. 90.

Мухаммад С. С. Организационно-экономический механизм управления и стратегия развития химического и нефтехимического сектора Нигерии: дисс. ... канд. экон. наук. Москва, 2008. 175 с.

Огунбийи Д. О. Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития нефтедобывающей промышленности Нигерии: дисс. ... канд. экон. наук. Краснодар, 1993. 175 с.

Стрелюхин А. М. Совершенствование государственного управления качеством и конкурентоспособностью продукции российских предприятий: дисс. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006. 223 с.

Ханило Д. А. Формирование методологии стратегического анализа деятельности предприятий нефтепереработки и нефтехимии с учетом специфики отрасли // Молодой ученый. 2019. № 35. С. 53–56.

Ягудин С. Ю., Мухаммад С. С. Инвестиции — путь к развитию нефтегазовой промышленности в развивающейся экономике // Аудит и финансовый анализ. 2006, № 4. С. 184–186.

Ягудин С. Ю., Мухаммад С. С. Использование отходов нефтегазовой отрасли в условиях устойчивого развития // Docplayer.ru, 2007. URL <https://docplayer.ru/45214791-Ispolzovanie-othodov-neftegazovoy-otrasli-v-usloviyah-ustoychivogo-razvitiya.html> (дата обращения: 21.11.2019).

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL COOPERATION

Odzhuka Nnamdi¹

IMPROVING QUALITY MANAGEMENT AND COMPETITIVENESS OF THE OIL PRODUCTION INDUSTRY IN NIGERIA

Abstract. The relevance is determined by the level of well-being, as well as the economic and political situation of Nigeria in the modern world market. The article notes that the main source of profit for this country is oil. Maintaining and developing the country's competitive potential, as well as the economic dependence of Nigeria's exports on the demand for the main product, necessitates considering the features of strategic analysis and management of the oil producing organization in order to improve the quality and competitiveness in the framework of the development of this country.

The author of the article seeks to demonstrate the importance of the quality of organization management in the national strategies of Nigeria. In order to increase competitiveness, as well as in order to harmonize and sustain the development of the economy, the integration processes of inter-territorial and inter-regional interaction of the country on the world market literally require their improvement at the level of organization and management of oil industry enterprises.

The object – it is Nigeria's oil industry.

The subject – it is methods of quality management and competitiveness of the oil industry of Nigeria, as well as the organization of their management.

The mission articles is to justify proposals for improving the quality management and competitiveness of the oil industry in Nigeria.

Results. The main recommendations on the organization of the managerial process in the oil industry are formulated. The article discusses the main factors and elements that affect economic growth and the problems of managing enterprises in the oil industry, as well as highlight the main features that ensure the effectiveness of trade and production relations between Nigeria and other countries. Based on the analysis, proposals have been developed to improve the quality of the processes of organizing and managing an industrial enterprise in the oil industry, which are the main guarantee of increasing the competitiveness of a company.

Key words: direction, management, competitiveness, oil, sustainable development, welfare, export, income.

JEL: M11

1 **Odzhuka Nnamdi** – Postgraduate Student, Department of Applied Economics, Faculty of Economics, RUDN University. Moscow, Russia.
E-mail: kireikova@gmail.com. ORCID 0000-0002-8924-5009

References

Vishnyakova A. B. Sovershenstvovaniye instrumentariya razrabotki strategii razvitiya promyshlennogo predpriyatiya [Improving the tools for developing a development strategy for an industrial enterprise]. *Vestnik OGU = Vestnik of the Orenburg State University*. 2008. No. 5 (86). P. 53–59 (in Russian).

Geraskina I. N. Benchmarking v sisteme sovremennogo menedzhmenta [Benchmarking in the system of modern management]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena = Scientific journal of Herzen University*. 2008. No. 12 (85). P. 324–327 (in Russian).

Don'i D. A. Problemy neftyanoy promyshlennosti Afriki [Problems of the African oil industry]. *Molodoy uchenyy [Young scientist]*. 2014. No. 14. P. 152–154 (in Russian).

Ismailov N. Z. ogly. Vliyaniye dokhodov ot nefti na obespecheniye ustoychivogo razvitiya natsional'noy ekonomiki [The influence of oil revenues on the sustainable development of the national economy]. *Vestnik SIBITa = Bulletin of SIBIT*. 2017. No. 3 (23). P. 22–28 (in Russian).

Karginova V. V. Vertikal'naya integratsiya kak vazhneysheye napravleniye povysheniya konkurentosposobnosti rossiyskikh predpriyatiy [Vertical integration as the most important direction of increasing the competitiveness of Russian enterprises]. *Molodoy uchenyy [Young scientist]*. 2016. No. 28. P. 427–429 (in Russian).

Klimova N. V., Brylyakova O. A. Povysheniye konkurentosposobnosti kompaniy neftegazovoy otrasli na osnove innovatsiy [Improving the competitiveness of oil and gas companies based on innovation]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*. 2016. No. 124 (10). DOI: [10.21515/1990-4665-124-035](https://doi.org/10.21515/1990-4665-124-035) (in Russian).

Kuchina E. V., Baeva D. A. Metodicheskiye osnovy otsenki konkurentosposobnosti predpriyatiya v usloviyakh nestabil'noy ekonomicheskoy sredy [Methodological foundations for assessing the competitiveness of an enterprise in an unstable economic environment]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2016. No. 4. P. 149–159 (in Russian).

Lavrenova G. A., Sysoev S. I. Formirovaniye konkurentnykh preimushchestv sovremennogo predpriyatiya [Formation of competitive advantages of a modern enterprise]. *Ekonominfo*. 2018. Vol. 15. No. 4. P. 34–39 (in Russian).

Lazutina A. S., Garmashova E. P. Faktory konkurentnosposobnosti perdpriyatiya [Competitiveness factors of perception]. *Vektor ekonomiki = Vector economy*. 2019. No. 3 (33). P. 90 (in Russian).

Muhammad S. S. *Organizatsionno-ekonomicheskoy mekhanizm upravleniya i strategiya razvitiya khimicheskogo i neftekhimicheskogo sektora Nigerii* [Organizational and economic management mechanism and the development strategy of the chemical and petrochemical sectors of Nigeria]. Cand. sci. diss. Moscow, 2008. 175 p. (in Russian).

Ogunbiyi D. O. *Sovershenstvovaniye sistemy planirovaniya i prognozirovaniya razvitiya neftedobyvayushchey promyshlennosti Nigerii* [Improving the Planning and Forecasting System for the Development of the Oil Industry of Nigeria]. Cand. sci. diss. Krasnodar, 1993. 175 p. (in Russian).

Strelyukhin A. M. *Sovershenstvovaniye gosudarstvennogo upravleniya kachestvom i konkurentosposobnost'yu produktsii rossiyskikh predpriyatiy* [Perfection of state management of quality and competitiveness of products of Russian enterprises]. Cand. sci. diss. Saratov, 2006. 223 p. (in Russian).

Khanilo D. A. Formirovaniye metodologii strategicheskogo analiza deyatel'nosti predpriyatiy neftepererabotki i neftekhimii s uchetom spetsifiki otrasli [Formation of the methodology of strategic analysis of the activities of oil refining and petrochemical enterprises taking into account the specifics of the industry]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2019. No. 35. P. 53–56 (in Russian).

Yagudin S. Yu., Muhammad S. S. Investitsii – put' k razvitiyu neftegazovoy promyshlennosti v razvivayushcheysya ekonomike [Investment – the path to the development of the oil and gas industry in a developing economy]. *Audit i finansovyy analiz* [Audit and financial analysis]. 2006, no. 4. P. 184–186 (in Russian).

Yagudin S. Yu., Muhammad S. S. Ispol'zovaniye otkhodov neftegazovoy otrasli v usloviyakh ustoychivogo razvitiya [Use of oil and gas industry waste in a sustainable development environment]. *Docplayer.ru*, 2007. URL <https://docplayer.ru/45214791-Ispolzovanie-othodov-neftegazovoy-otrasli-v-usloviyah-ustoychivogo-razvitiya.html> (accessed 11/21/2019) (in Russian).

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Касимова М. С., Зияева М. М. Основные направления развития индустрии туризма в условиях глобализации мировой экономики // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 33–36.
DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.3

Дата поступления 28.01.2020 г.

УДК 338.48

Мафират Касимова¹, Мухтасар Зияева^{2,3}

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье представлен обзор ключевых проблем, обсуждавшихся на Международной научно-практической конференции «Основные направления развития индустрии туризма в условиях глобализации мировой экономики» проходившей в г. Ташкенте 10 октября 2019 г.

В статье описаны основные идеи, прозвучавшие в докладах спикеров конференции, а также представлены выводы, к которым пришли участники конференции в процессе дискуссий и обсуждения наиболее актуальных вопросов. В качестве основного метода исследования выступает контент анализ.

Практическая значимость: молодые специалисты, выходя на современный рынок труда, сталкиваются с огромным перечнем проблем. Ключевые вопросы, на которых постоянно акцентировали внимание докладчики, выступающие, участники, были связаны с необходимостью акцентировать внимание на международную составляющую туризма, разработать комплекс мер по соответствию туристической инфраструктуры всем международным требованиям в области туризма⁴.

Ключевые слова: туризм, мировая экономика, результаты конференции, цифровая экономика, глобализация.

JEL: F69

1 Касимова Мафират Сабировна — доктор экономических наук, профессор, начальник научного отдела. E-mail: m.kasimova@mail.ru.

2 Зияева Мухтасар Мансурджановна — доктор экономических наук, и. о. профессора кафедры маркетинга. E-mail: skova@bk.ru.

3 Место работы авторов: Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан.

4 По итогам Международная научно-практическая конференция «Основные направления развития индустрии туризма в условиях глобализации мировой экономики», г. Ташкент, 10 октября 2019 г.

Международная научно-практическая конференция «Основные направления развития индустрии туризма в условиях глобализации мировой экономики» организована согласно распоряжению Кабинета Министров Республики, Узбекистан №133-Ф от 25 февраля 2019 года и приказа № 205 Министерства высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан от 28 февраля 2019 года и была проведена 10 октября 2019 года в Ташкентском государственном экономическом университете.

В работе конференции приняли участие более 100 ученых, которые в своих публикациях поделились научно-практическими предложениями, а также специалисты практики, представители министерств и ведомств, специалисты туристической отрасли из Германии, Турции и России, представители туристического бизнеса республики.

Фото 1. Участники международной конференции⁵

5 Здесь и далее фото авторов.

Конференцию открыл проректор ТГЭУ М. Эшов. Приветственным словом и обзором по подготовке кадров в области сферы туризма и услуг, выступил заместитель министра высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан У. Ш. Бегимкулов.

Фото 2. Открытие конференции: вступительное слово

В том числе в работе конференции выступили Председатель Государственного комитета Республики Узбекистан по развитию туризма А. Аккулов, зарубежный эксперт Госкомтуризма из Турции Dr. Sadık Badak, зарубежный эксперт Госкомтуризма из Германии Франк Людвиг, председатель национальной демократической партии Узбекистана «Миллий тикланиш» А. Кодиров.

Фото 3. Выступление Dr. Sadık Badak

На пленарном заседании с докладами выступили Председатель Ассоциации отельеров Узбекистана Ф. Абдуллаева, оперативный директор гостиницы Hilton Tashkent City А. Тагаев, Проректор по науке и инновациям международного университета туризма «Великий шелковый путь» М. Алимова и руководители ряда турфирм и гостиниц города Ташкент. Участники конференции обсудили основные направления развития индустрии туризма на современном этапе, механизмы и формы модернизации туристского обслуживания, вопросы подготовки высококвалифицированных кадров. Были рассмотрены вопросы внедрения новых технологий в туристское образование.

Фото 4. Выступление председателя Ассоциации отельеров Узбекистана Ф. Абдуллаева

Работа международной конференции была продолжена на заседании секций. Участники секций обсудили направления развития индустрии туризма в условиях глобализации мировой экономики, тенденции развития сферы услуг и потенциал туристической отрасли, развития инфраструктуры туризма, роста квалификации кадров и занятости населения. Одним из главных вопросов, на что обращали внимание выступившие на конференции, касался эффективности функционирования отраслей сферы услуг и, в частности, туризма. Поднимались вопросы доходности туристической индустрии, модернизации инфраструктуры туризма и повышения её роли в национальной экономике Узбекистана. В конце конференции принят проект резолюции данной международной научно-практической конференции.

Фото 5. Выступление проректора по науке и инновациям международного университета туризма «Великий шелковый путь» М. Алимовой

По итогам конференции были выдвинуты следующие предложения:

1. Необходимо акцентировать внимание на международную составляющую туризма, разработать комплекс мер по соответствию туристической инфраструктуры всем международным требованиям в области туризма. Для этого следует совместно с Агентством по стандартизации, метрологии и сертификации разработать новые национальные стандарты для туристического

сервиса с учетом опыта Международной организации по стандартизации ИСО.

2. Укреплять сотрудничество в образовательной, научно-практической и инновационной деятельности в области международного и внутреннего туризма.

3. Усилить сотрудничество в области образования и подготовки кадров с научной, практической и инновационной деятельностью.

4. Проблемы создания веб-сайтов по культурным мероприятиям в Узбекистане, таких как "Фестиваль шёлка" в Бухаре, который проводится 14 лет, но не имеет веб-сайта. В этой связи можно объявить конкурс среди магистров и бакалавров на лучший веб-сайт.

5. Совершенствование обслуживания населения и туристов в аэропортах, а также увеличение степени владения иностранными языками сотрудников аэропортов.

6. Предоставление визовой поддержки в аэропортах городов Самарканд и Бухара.

7. Внесение в законодательство о туризме систему развития экологического туризма в сельской местности.

8. Увеличение видов услуг в гостиницах и создание инновационных услуг.

9. Разработка новых экотуристических маршрутов

10. Создание бизнес проектов с участием профессорско-преподавательского состава и практиков для совершенствования образования в сфере туризма.

Участники конференции выражают свое общее пожелание продолжить дискуссию по вопросам развития сферы обслуживания и инфраструктуры туризма в ходе дальнейших рабочих встреч, научно-практических и методических семинаров.

Анализ всех докладов показал, что спикеры стремятся подвести свои выступления к выработке рекомендаций предпринимателям, менеджерам, а также правительственным органам и структурам, предлагая научное обоснование путей совершенствования рынка туризма. Все участники конференции с оптимизмом смотрят на новые вызовы, возникающие в сфере труда, готовы развивать ее исследования, и делиться своими результатами на очередной международной научно-практической конференции.

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL COOPERATION

Mafirat Kasimova¹, Mukhtasar Ziyaeva²

THE MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF THE WORLD ECONOMY

Abstract. The article provides an overview of the key issues discussed at the International Scientific and Practical Conference "The main directions of the development of the tourism industry in the context of the globalization of the world economy" held in Tashkent on October 10, 2019. The article describes the main ideas, voiced in the reports of the conference speakers, as well as the conclusions reached by the conference participants during the discussions and discussions of the most pressing issues. Content analysis is the main research method. Practical relevance: Young professionals, entering the modern labor market, are faced with a huge list of problems. The key issues that speakers, speakers, and participants were constantly focused on were necessary to focus on the international component of tourism, to develop a set of measures to ensure that tourism infrastructure meets all international requirements in the field of tourism.

Key words: tourism, world economy, conference results, digital economy, globalization.

JEL: F69

1 **Kasimova Mafirat Sabirovna** – Doctor of Sci. (Econ.), Professor. E-mail: m.kasimova@mail.ru.

2 **Ziyaeva Mukhtasar Mansurjanovna** – Doctor of Sci. (Econ.), Acting Professor. E-mail: 01tsue@mail.ru.

РОССИЙСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Салаватова Л. Р., Любимова Н. Г. Анализ и прогноз потребления тепла населением московского региона // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 37–44. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.4

Дата поступления 24.01.2019 г.

УДК 338.27

Лора Салаватова¹, Наталия Любимова^{2,3}

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕПЛА НАСЕЛЕНИЕМ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Обеспечение тепловых нужд Московского региона играет важную роль в жизни большого города и выходит далеко за пределы отраслевой энергетической задачи, так как Москва является крупнейшим в Российской Федерации промышленным, административно-территориальным и культурным центром.

Основная доля потребления тепловой энергии столицей приходится на коммунально-бытовой сектор ввиду активного ввода в эксплуатацию новых домов и постоянного роста численности населения города. В связи с этим прогнозирование спроса на тепловую энергию населением и анализ, в целом, рынка тепла Московского региона являются актуальной проблемой.

Данная статья направлена на раскрытие текущего состояния теплоэнергетики Москвы и формирование прогноза потребления тепловой энергии населением города.

Методом исследования является метод эконометрического прогнозирования, позволяющий на основе анализа ретроспективных данных и их взаимосвязи с макроэкономическими показателями вывести суждения относительно будущего развития теплопотребления.

В статье представлены результаты проведенного анализа текущего состояния теплоэнергетики Москвы и даётся прогноз теплопотребления населением, учитывая растущую численность населения региона и комфортность жилья.

Материалы статьи представляют практическую значимость для исследователей проблематики развития топливно-энергетического комплекса России.

Ключевые слова: тепловая энергия, прогноз потребления тепла, энергосбережение, душевое потребление тепла.

JEL: O18

¹ Салаватова Лора Радиковна — магистрант. E-mail: lorasalavatova@yandex.ru.

² Любимова Наталия Геннадьевна — доктор экономических наук, профессор. E-mail: Simonovaann96@mail.ru. AuthorID: 372327

³ Место работы авторов: кафедра экономики и управления в отраслях ТЭК, Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Россия.

Введение

Москва расположена в холодной климатической зоне, продолжительность отопительного периода которой составляет почти 220 дней в году. В таком положении даже краткосрочные сбои в работе теплоснабжения могут стать причиной кризисной ситуации [Моисейкина, Дарда, 2017, с. 23]. Эффективному развитию экономики региона способствует обеспечение населения и промышленных производств стабильным и качественным теплоснабжением, что является приоритетом в развитии энергетики Московского региона.

Продолжающийся в стране экономический подъем приводит к существенному росту спроса на тепло, как энергоресурс, что не обошло стороной и столичный мегаполис [Некрасов, 2012, с. 25]. В Москве объем потребления тепловой энергии за 2018 год составил 79 123 тыс. Гкал, что на

6,4 % больше, чем в прошлом — 2017 году, когда потребление составило 74 368,6 тыс. Гкал. Доля потребления тепла коммунально-бытовым сектором отличается постоянным ростом, начиная с 2012 года. На 2018 год на его долю приходится уже более 60 % от общего объема⁴.

Более развернуто, сведения о потреблении тепловой энергии столицей отражены далее на рисунке 1. Таким образом, лидером по потреблению тепловой энергии в Москве является коммунально-бытовой сектор с долей теплопотребления, находящейся на уровне 63,3 %. Потребление промышленностью составляет 19,8 % от полезного отпуска тепловой энергии.

⁴ Годовой отчет ПАО «МОЭК» за 2018 год // МОЭК, 2019. URL: <https://www.moek.ru/d/textpage/89/137/godovoi-otchet-moehk-2018.pdf> (дата обращения 15.12.2019).

Рис. 1. Структура полезного отпуска тепловой энергии в Москве за 2018 год, %

Источник: диаграмма составлена авторами по данным годового отчета ПАО «МОЭК» за 2018 год // МОЭК, 2019. URL: <https://www.moek.ru/d/textpage/89/137/godovoj-otchet-moehk-2018.pdf> (дата обращения 15.12.2019).

Далее потребление тепла дифференцируется по следующим структурным частям: бюджетные учреждения, потери в магистральных трубопроводах, строительство и прочие.

Согласно данным «Энергетической стратегии г. Москвы до 2025 года» (далее — Энергостратегия): среднегодовой темп роста потребности столицы в тепле к 2020 г. составит 0,8–1,1 %; в следующий прогнозный период — с 2020 по 2025 год увеличение достигнет уровня в 2,6–2,1 % при среднегодовом темпе роста 0,5–0,4 %¹.

Прирост спроса объясняется увеличением обслуживания непромышленной сферы — бытового сектора и сферы услуг. Также на этот показатель влияет новая градостроительная политика, предполагающая активный ввод в эксплуатацию нового жилья.

Рассмотрим прогноз структуры потребления тепловой энергии, предложенный Правительством Москвы до 2025 года, в таблице 1.

Таблица 1. Прогноз структуры потребления тепловой энергии, млн Гкал

	Потребление, млн Гкал			
	Умеренный вариант		Интенсивный вариант	
Годы	2020	2025	2020	2025
Промышленность	13,3	13,3	13,4	13,5

	Потребление, млн Гкал			
	Умеренный вариант		Интенсивный вариант	
Строительство	0,7	0,6	0,7	0,6
Транспорт	1,5	1,5	1,5	1,5
Коммунально-бытовой сектор	86,7	90,1	90,9	93,9
Прочие	2,4	2,1	2,5	2,0
Итого	104,6	107,6	109	111,5

Источник: таблица составлена авторами по данным Энергетической стратегии города Москвы на период до 2025 года // Техэксперт, н.д./2019. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3707134> (Дата обращения 17.12.2019).

Прогноз гласит, что основной объем спроса на тепловую энергию будет по-прежнему приходиться на коммунально-бытовой сектор, то есть на население. Стоит отметить, что величина этого спроса увеличится при обоих вариантах: при умеренном варианте спрос увеличится на 6,75 % к 2025 году, а при интенсивном варианте — на 11,26 %. И умеренный, и интенсивный варианты прогнозируют снижение потребности в теплотреблении строительным сектором на 14,29 % к концу прогнозного периода. Очевидно, что транспортный сектор не изменит своей теплотребности, которая так и останется на уровне 1,5 млн Гкал. Что касается промышленности, то по умеренному варианту ее спрос на тепловую энергию не изменится, а по интенсивному варианту произойдет небольшой рост потребности в тепле на 0,75 % к 2025 году.

¹ Постановление Правительства Москвы от 2.12.2008 N 1075-ПП «Об Энергетической стратегии города Москвы на период до 2025 года (с изменениями на 9 августа 2011 года)» // Техэксперт, н.д./2019. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3707134> (Дата обращения 17.12.2019).

Таким образом, ежегодный рост жилищного фонда и комфортности жилья влечет за собой увеличение потребности населения в теплоснабжении. Очевидно, что для покрытия данной потребности, необходимо увеличение расходов энергоресурсов. В связи с этим необходимо выработать и принять комплекс мер, позволяющих обеспечить поступательный рост потребности коммунально-бытового сектора в тепловой энергии без существенного наращивания мощности энергоисточников и потребляемого газа [Васильев, 2011].

Материалы и методы

В основу данного исследования положен эконометрический подход к прогнозированию. Эконометрический подход предполагает расчет потребления ресурса через определение его связей с некоторым макроэкономическим показателем (или группой показателей), ретроспективная динамика которого известна. В качестве таких показателей выступали основные соци-

ально-экономические показатели рынка тепла Московского региона в динамике с 2012 по 2018 годы, а именно:

- численность населения
- потребление тепла населением

Информационной базой исследования являются также российские нормативно-правовые документы, статистические данные Федеральной службы государственной статистики, ИМП РАН, научные труды отечественных ученых в области теплоснабжения и энергосбережения.

В работе также использовались методы сравнительного анализа и обобщения.

Результаты

Учитывая растущую потребность населения Москвы в тепле, построим прогноз спроса на тепловую энергию для данного субъекта Российской Федерации.

Для построения наглядного графика нам требуются данные, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Основные экономические показатели рынка тепла региона

Показатель	Фактические данные							Прогнозные данные			
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Численность населения, млн чел.	11,9	12	12,1	12,2	12,3	12,4	12,5	12,6	12,7	12,8	12,9
Душевое потребление тепла, Гкал/чел.	5,45	5,44	5,3	5,0	6	6	6,3	6,45	6,45	6,45	6,45
Потребление тепла населением, млн Гкал	64,9	65,3	64,1	61	73,8	74,4	78,8	81,3	81,9	82,56	83,2

Источник: таблица составлена авторами по данным Росстата и Мосгорстата

На основе фактических данных по численности населения и потреблению тепла населением Московского региона в период с 2012 по 2018 гг. рассчитаем душевое потребление тепла за каждый год анализируемого периода и ежегодные приросты душевого потребления, затем определим средний ежегодный прирост душевого потребления тепла.

В результате среднее душевое потребление тепла в Московском регионе на период 2012–2018 гг. составит 6,45 Гкал/чел. Примем данное значение в качестве прогнозного для периода с 2019 по 2022 годы.

Далее рассчитаем прогнозные потребление тепла населением, учитывая прогнозы Росстата относительно численности населения исследуемого региона. Расчёты производились следующим образом: среднее душевое потребление тепла умножается на прогнозную численность населения.

Сопоставим полученные данные с прогнозом, предложенным Правительством Москвы.

Исходя из данных рисунка 2 можно заметить, что все варианты прогнозов демонстрируют общий тренд на увеличение потребления тепловой энергии жителями столицы. Это объясняется постоянным ростом численности населения города, а также приростом теплопотребления ввиду активного жилищного строительства. Однако стоит отметить, что показатели теплопотребления, содержащиеся в «Энергостратегии», превышают показатели, рассчитанные авторами статьи. Например, к 2020 году «Энергостратегией» планируется увеличение потребления тепла до 86,7 млн Гкал при умеренном варианте и 90,9 млн Гкал при интенсивном варианте, то есть больше, чем в авторском прогнозе, на 4,8 млн Гкал и 9,0 млн Гкал, соответственно. Если рассматривать прогнозные значения теплопотребления на 2022 год, то здесь отклонения составят еще больше. В данной

ситуации важно отметить тот факт, что прогноз, содержащийся в «Энергостратегии» был составлен в 2008 году, а корректировался в 2011 году, поэтому его точность прогнозирования ниже прогноза, предложенного авторами статьи и подтверждаемого фактическими данными 2019 г., например, в прогнозе, предложенном «Энергостратегией», предполагалось, что потребление

тепловой энергией населением в 2015 году будет на уровне 84,4 млн Гкал при умеренном варианте, а при интенсивном — 86,3 млн Гкал. По факту же, потребление в этом году составило 61 млн Гкал, то есть меньше планируемых значений на 23,4 млн Гкал по сравнению с умеренным вариантом и на 25,3 млн Гкал в сравнении с интенсивным вариантом прогнозов, соответственно.

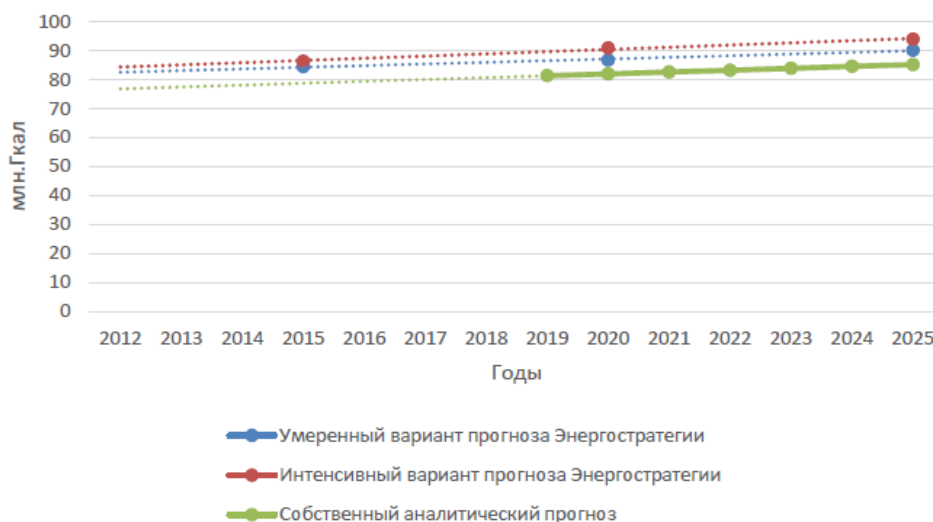

Рис. 2. Сопоставление прогноза потребления тепловой энергии населением, представленного Постановлением Правительства Москвы «Об Энергетической стратегии города Москвы на период до 2025 года» от 02.12.2008 N 1075-ПП и прогноза потребления тепла населением, предложенным авторами исследования

Источник: диаграмма составлена авторами по данным исследования

Покрытие увеличивающейся потребности в тепловой энергии Московского региона возложено на ПАО «Мосэнергo» и ПАО «МОЭК», которое обладает мощными магистралями тепловых сетей. Они обеспечивают теплом жилые районы с населением в сотни тысяч человек, соблюдая при этом строгие требования к надежности и устойчивости работы систем теплоснабжения.

Однако уровень надежности систем теплоснабжения мегаполиса в осенне-зимний период мог быть еще выше, если бы не многомиллиардные долги потребителей, прежде всего — частных управляющих компаний. Далее в таблице 3 представлены организации-должники с наибольшей задолженностью за поставленную тепловую энергию по состоянию на 1 августа 2019 года.

Таблица 3. Список должников ООО «ТСК Мосэнергo»

Наименование	Сумма задолженности на 01. 08.2019 г., руб. с НДС
МП «ДЕЗ ЖКУ»	692 124 795,60
ДМУП «ЭКПО»	568 110 308,80
МУЖКП «Котельники»	351 428 205,76
ООО «ПИК-Комфорт»	289 907 706,66
ООО «Элинком»	245 227 407,21

Наименование	Сумма задолженности на 01. 08.2019 г., руб. с НДС
ООО «Добрый город»	175 565 065,42
ООО «ТСБ»	156 275 381,60
ООО «ЦЕНТУРИОН»	74 359 364,52
АО «ГУОВ»	50 012 353,66
ООО УК «КОМФОРТ»	48 476 569,00

Источник: таблица составлена авторами по данным официального сайта ООО ТСК «Мосэнергo»

Как видно по данным из таблицы 3, первое место приходится на МП «ДЕЗ ЖКУ», размер долга которого составляет чуть более 692 млн рублей. Второе место с размером долга 617,2 млн рублей принадлежит ДМУП «ЭКПО». На третьем месте располагается МУЖКП «Котельники». Его сумма задолженности — 362,4 млн рублей. Сумма общего долга первых десяти организаций списка ООО «ТСК Мосэнергo» составила более 2,7 млрд рублей¹.

Компания ПАО «МОЭК» также имеет свой «рейтинг неплательщиков», лидирующие позиции которого занимают следующие компании:

1 Официальный сайт ООО ТСК «Мосэнергo». URL: <https://www.tsk-mosenergo.ru/debtors/> (дата обращения 07.02.2020)

УК «Дом-Мастер», ООО «Управляющая компания ЮНИ-ДОМ» и УК ООО «ПИК-комфорт». Оценивая состояние общей задолженности первых ста неплательщиков ПАО «МОЭК», можно сделать вывод о том, что на 01.09.2019 г. общий долг перед компанией составляет более 9 млрд рублей².

Общая сумма задолженности всех управляющих компаний перед ПАО «МОЭК» за потребленную теплоэнергию в 2018 году составляла 22,2 млрд руб., что на 11 % больше, чем в 2017 году. Доля неплатежей за услуги теплоснабжения за 2018 год достигла уровня в 23,2 % в структуре выручки компании от реализации тепловой энергии и горячей воды управляющим компаниям³.

Отсутствие платежей за поставленные ресурсы, являющихся необходимым источником для проведения работ по подготовке к отопительно-

му сезону, ведет к возникновению угрозы надежного теплоснабжения в осенне-зимнем периоде.

Основными причинами наличия таких крупных сумм задолженностей являются:

1. Начисления за горячее водоснабжение и тепловую энергию между МФЦ населению и ПАО «МОЭК» управляющим организациям различны.
2. Долг управляющих компаний за нежилые помещения.
3. Компании, находящиеся на стадии банкротства или ликвидации, отличаются постоянно увеличивающейся суммой задолженности.
4. Неплатежи со стороны населения, неэффективная платежная дисциплина управляющих организаций и пр.

Обостряется эта ситуация также ввиду постоянно растущих тарифов на отопление для населения. Далее на рисунках 3 и 4 представлена информация по изменению размера и темпов роста средней месячной заработной платы Московского региона и тарифов на отопление в Москве.

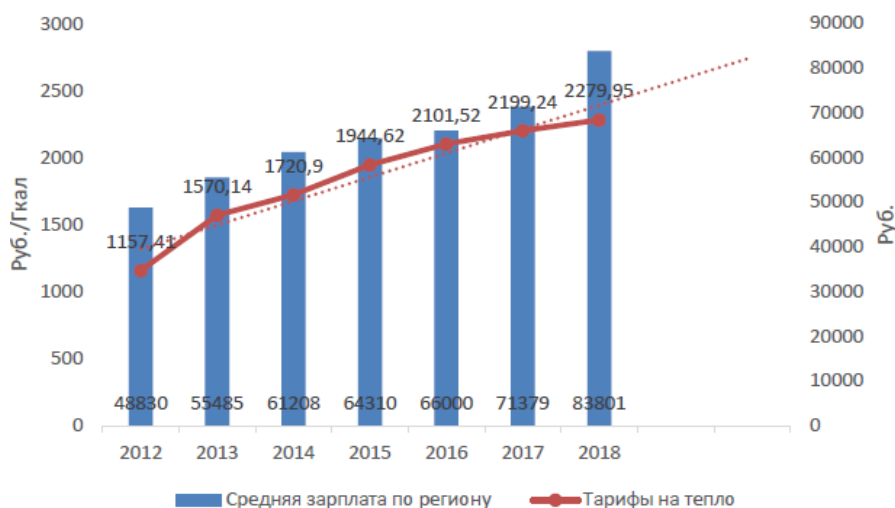

Рис. 3. Динамика средней месячной заработной платы по Москве и тарифов на тепловую энергию (отопление) для населения Москвы

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы статистики «Мосгорстат» и «Росстат»

Исходя из рисунков 3 и 4, становится очевидно, что цены на тепловую энергию росли быстрее, чем средняя заработная плата в регионе в период с 2012 по 2016 годы. Например, в 2013 году разница в приростах была максимальной и составляла 25,35 %. И только в 2017 году темпы роста средней месячной заработной платы московского региона начали опережать темпы роста тарифов на отопление, разница в приростах составила 3,5 %.

Также стоит отметить, что анализируемый период характеризуется общим трендом на увеличение тарифов на тепловую энергию, несмотря на попытки сдерживания их чрезмерного роста [Любимова, 2017, с. 44].

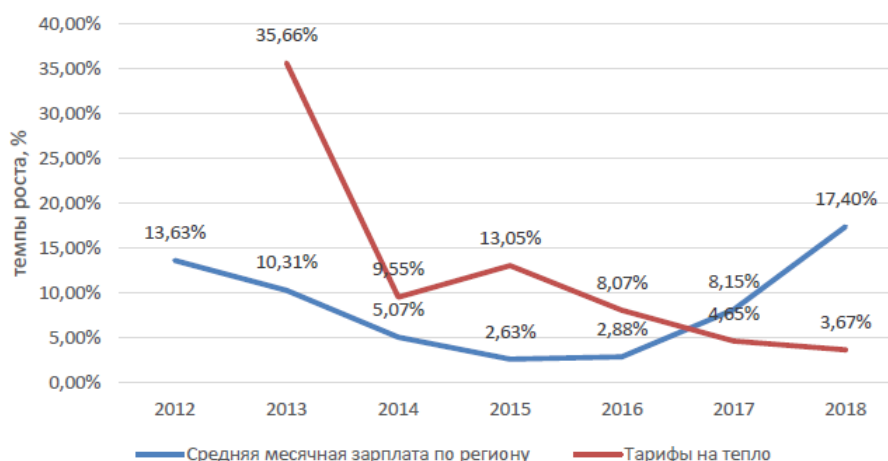

Рис. 4. Динамика темпов роста средней месячной заработной платы по Москве и тарифов на тепловую энергию (отопление) для населения Москвы

Источник: составлено авторами по данным Федеральных служб статистики «Мосгорстат» и «Росстат», а также по данным о тарифах на тепловую энергию ПАО «МОЭК» // Моэк, н.д./2020. URL: <https://www.moek.ru/about/moek-shareinfo/tarify/> (дата обращения 07.02.2020)

Обсуждение

Теплоснабжение является важнейшим элементом жилищно-коммунального хозяйства, который требует вовлечения колоссального объема денежных средств, так как оказывает существенное влияние на всех жителей страны.

Отсутствие необходимого количества инвестиций, а также недобор денежных средств ввиду большого количества неплатежей со стороны управляющих компаний приводят к повышению вероятности возникновения аварийных ситуаций из-за старения и износа тепловых.

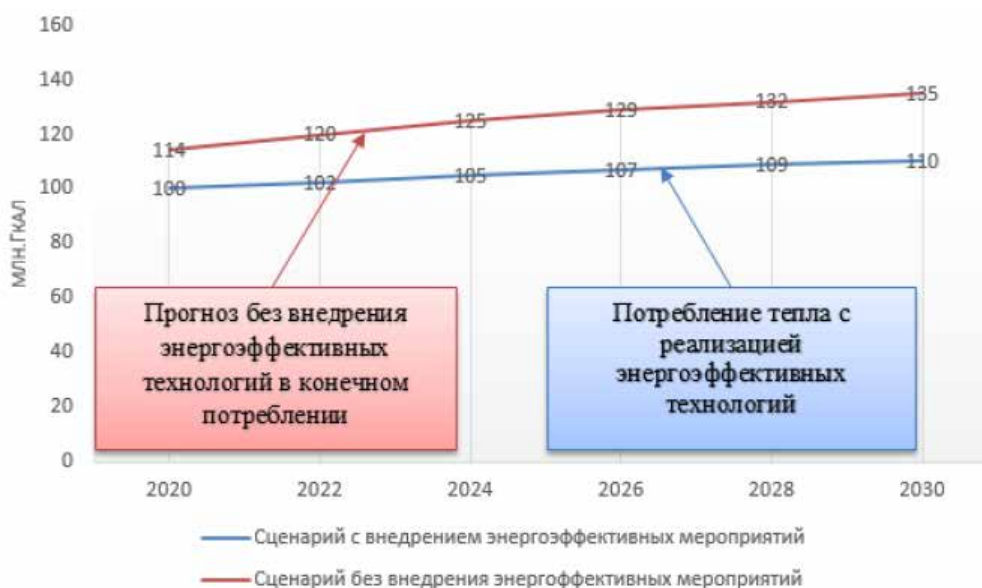

Рис. 5. Динамика потребления тепловой энергии в Москве с учетом энергосбережения у конечных потребителей

Источник: [Гашо и др., 2015, с. 26]

По этой причине доля потерь в тепловых сетях РФ на много выше, чем в других странах с сопоставимыми климатическими условиями [Кравченко, 2016]. В Московском регионе прогнозируемые темпы роста энергопотребления до 2020 года составляли 2,5–5 % в год. При этом темпы наращивания генерирующих мощностей значительно отстают от темпов роста энергопотребления, успешные мероприятия по энергосбережению могут частично сгладить это отставание [Башма-

ков, 2012]. Энергосбережение не направлено на ограничение энергоснабжения потребителей, его главная цель — сокращение объемов используемых энергоресурсов, сохраняя при этом полезный эффект от их использования [Ложкин, 2012]. Обратимся к прогнозу ИНП РАН по теплопотреблению конечных потребителей с учетом реализации энергоэффективных технологий и без учета мер по энергосбережению [Гашо и др., 2015].

Графики на рисунке 5 наглядно демонстрируют: во-первых, завышенность прогноза теплопотребления ИНП РАН, и по сравнению с «Энергостратегией», и с нашими расчетами, которые подтверждаются фактическими данными потребления тепловой энергии, во-вторых, практические возможности и важность снижения потребления тепла за счет активного проведения мероприятий по энергосбережению у потребителей для условий г. Москвы. Потенциал экономии энергии в городе составляет порядка 19 млн т у.т. [Найман, 2010, с. 47]. К числу таких мер относят: надлежащая теплоизоляция вновь возводимых зданий, реконструкция ранее построенных, регулярный осмотр и контроль исправности теплогенерирующих устройств, составление энергетического паспорта здания, энергетический аудит объектов с высоким уровнем энергопотребления, подсчет фактических расходов на отопление, вентиляцию, кондиционирование и горячее водоснабжение [Лепеш и др., 2017]. Именно реализация мер по эффективному использованию энергоресурсов и энергосбережению позволит не допустить существенного роста теплопотребления при существенном росте жилого фонда.

Заключение

Анализируя текущее состояние теплоэнергетики Москвы, можно сделать вывод о том, что рынок тепловой энергии динамично развивается, потребность региона в тепле возрастает с каждым годом. В этих условиях стабильное и качественное теплоснабжение является приоритетом в развитии энергетики столичного мегаполиса. Однако в отрасли имеется ряд проблем, на которые следует обратить внимание. К их числу можно отнести:

Растущий спрос

на тепловую энергию может повлечь за собой существенное увеличение затрат на энергоресурсы. Поэтому повышение энергоэффективности является одной из приоритетных задач для социально-экономического развития региона.

Наличие крупных долгов перед теплоснабжающими организациями, которые легли непосильным бременем на плечи населения, могут существенно подорвать коммунальный комфорт жителей столицы.

Темпы роста тарифов на тепловую энергию опережают темпы роста средней заработной платы в регионе.

Список источников

- Башмаков И. А. Анализ основных тенденций развития систем теплоснабжения России // Новости теплоснабжения. 2012. № 2. С. 6–10.
- Васильев Г. П. Что может нам помешать сделать Москву энергоэффективной? // Теплоэнергетика. 2011. № 8. С. 58–60.
- Гаши Е. Г., Пузаков В. С., Степанова М. В. Резервы и приоритеты теплоснабжения российских городов в современных условиях // Энергосбережение. 2015. № 7. С. 26–29.
- Кравченко В. М. Текущее состояние отрасли теплоснабжения // Новости теплоснабжения. 2016. № 10. 16 с.
- Лепеш А. Г., Лунева С. К., Потемкина Т. В. Механизм реализации энергосберегающих мероприятий в коммунальной энергетике городов России // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2017. № 3 (41). С. 62–63.
- Ложкин С. Г. Энергоэффективность. Выгоды от энергосбережения в промышленности и ЖКХ: аудит, модернизация и НИОКР // Энергосовет. 2012. № 2 (15). 72 с.
- Любимова Н. Г. Теплофикация или котелизация России // Вестник университета. 2017. № 7-8. С. 42–46.
- Моисейкина Л. Г., Дарда Е. С. Анализ структурных изменений внутреннего потребления ТЭР г. Москвы // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 22–31. DOI: [10.21686/2500-3925-2017-6-22-31](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-22-31)
- Найман С. М. Проблемы энергосбережения в жилищном фонде // Экономика природопользования. 2010. № 6. С. 47–57.
- Некрасов С. А. О необходимости построения энергоэффективной среды на основе комплексного подхода к энергосбережению // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 37 (178). С. 14–25.

RUSSIAN MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Lora Salavatova¹, Nataliya Lyubimova^{2,3}

ANALYSIS AND FORECAST OF HEAT CONSUMPTION BY THE POPULATION OF THE MOSCOW REGION

Abstract. Ensuring the thermal needs of the Moscow region plays an important role in the life of a big city and goes far beyond the scope of the energy sector, since Moscow is the largest industrial, administrative, territorial and cultural center in the Russian Federation. The main share of the capital's thermal energy consumption is accounted for by the municipal sector due to the active commissioning of new houses and the constant growth of the city's population. In this regard, forecasting the demand for thermal energy by the population and analyzing, in general, the heat market of the Moscow region are an urgent problem.

This article is aimed at revealing the current state of the Moscow power system and forecasting the consumption of heat by the population of the city.

The research method is the econometric forecasting method, which allows one to draw judgments regarding the future development of heat consumption based on the analysis of retrospective data and their relationship with macroeconomic indicators.

The article presents the results of the analysis of the current state of the Moscow power system and provides a forecast of heat consumption by the population, given the growing population of the region and the comfort of housing.

The materials of the article are of practical importance for researchers in the development of the fuel and energy complex of Russia.

Key words: thermal energy, heat consumption forecast, energy saving, per capita heat consumption.

JEL: O18

1 Salavatova Lora Radikovna — undergraduate. E-mail: lorasalavatova@yandex.ru.

2 Lyubimova Nataliya Gennadevna — Doctor of Sci. (Econ.), Professor. E-mail: Simonovaann96@mail.ru. AuthorID: 372327

3 Place of work: The State University of Management. Moscow, Russia.

References

Bashmakov I. A. Analiz osnovnykh tendentsiy razvitiya sistem teplosnabzheniya Rossii [Analysis of the main trends in the development of heat supply systems in Russia]. *Novosti teplosnabzheniya* [News of heat supply]. 2012. No. 2. P. 6–10 (in Russian).

Vasil'yev G. P. Chto mozhet nam pomeshat' sdelat' Moskvu energoeffektivnoy? [What can stop us from making Moscow energy efficient?]. *Teploenergetika* [Heat power engineering]. 2011. No. 8. P. 58–60 (in Russian).

Gasho Ye. G., Puzakov V. S., Stepanova M. V. Rezervy i priority teplosnabzheniya rossiyskikh gorodov v sovremennykh usloviyakh [Reserves and priorities of heat supply of Russian cities in modern conditions]. *Energoberezheniye* [Energy conservation]. 2015. No. 7. P. 26–29 (in Russian).

Kravchenko V. M. Tekushcheye sostoyaniye otrasli teplosnabzheniya [Current state of the heat supply industry]. *Novosti teplosnabzheniya* [News of heat supply]. 2016. No 10. 16 p. (in Russian).

Lepesh A. G., Luneva S. K., Potemkina T. V. Mekhanizm realizatsii energosberegayushchikh meropriyatiy v kommunal'noy energetike gorodov Rossii [Mechanism for the implementation of energy-saving measures in the municipal energy sector of Russian cities]. *Tekhniko-tekhnologicheskiye problemy servisa* [Technical and technological problems of service]. 2017. No. 3 (41). P. 62–63 (in Russian).

Lozhkin S. G. Energoeffektivnost'. Vygody ot energosberezheniya v promyshlennosti i ZhKKh: audit, modernizatsiya i NIOKR [Energy Efficiency. The benefits of energy saving in industry and housing and communal services: audit, modernization and R&D]. *Energosovet* [Energy Council]. 2012. No. 2 (15). 72 c. (in Russian).

Lyubimova N. G. Teplofikatsiya ili kotelizatsiya Rossii [District heating or kotelizatsiya Russia]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin]. 2017. No. 7–8. P. 42–46 (in Russian).

Moiseykina L. G., Darda Ye. S. Analiz strukturnykh izmeneniy vnutrennego potrebleniya TER g. Moskvy [Analysis of structural changes in domestic consumption of fuel and energy resources of Moscow]. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2017. No. 6. C. 22–31. DOI: [10.21686 / 2500-3925-2017-6-22-31](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-22-31) (in Russian)

Nayman S. M. Problemy energosberezheniya v zhilishchnom fonde [The problems of energy conservation in the housing stock]. *Ekonomika prirodopol'zovaniya* [Environmental Economics]. 2010. No. 6. P. 47–57 (in Russian).

Nekrasov S. A. O neobkhodimosti postroyeniya energoeffektivnoy sredy na osnove kompleksnogo podkhoda k energosberezheniyu [On the need to build an energy-efficient environment based on an integrated approach to energy conservation]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2012. No. 37 (178). P. 14–25 (in Russian).

РОССИЙСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Широковских С. А. Управление HR-рисками как фактор обеспечения экономической безопасности промышленной компании // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 45–50. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.5

Дата поступления 24.01.2020 г.

УДК 338.1

Сергей Широковских¹

УПРАВЛЕНИЕ HR-РИСКАМИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМПАНИИ

Аннотация. Промышленные компании в своей деятельности подвержены рискам, противодействие различным негативным факторам составляет основу обеспечения экономической безопасности промышленной компании. В особенности важны вопросы противодействия рискам в сфере управления персоналом, так как именно кадры являются основным источником возникновения рисков ситуаций. Эффективная работа в данной сфере способна существенно повысить уровень экономической безопасности промышленной компании. Конечно, возникновение рисков является крайне негативным фактором, но при этом всегда существует возможность их предотвратить или предвидеть, что позволяет минимизировать их последствия. Наличие возможности предвидения рисков делает эту категорию управляемой, возможной для работы. Поэтому управление HR-рисками выступает в качестве ключевого элемента обеспечения экономической безопасности промышленной компании, что положительно сказывается на ее деятельности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, управление HR-рисками, устойчивое развитие, мониторинг персонала, кадровый риск, эффективное управление.

JEL: M11, M21

¹ **Широковских Сергей Александрович** — кандидат экономических наук, ст. преподаватель. Институт социальных наук. Москва, Россия.
E-mail: linns@bk.ru. AuthorID: 930764

Введение

У каждого коммерческого предприятия основной целью является получение прибыли. В настоящее время много внимания уделяется качеству прибыли, предприятие должно оценивать негативные последствия своей деятельности, стараться отказываться от менее затратных способов производства, если они приносят сильный вред экологии в пользу более дорогих и экологически чистых, но получение финансового результата было и есть главным назначением коммерческого предприятия. Если предприятие на протяжении какого-либо периода не будет получать прибыль, то вскоре оно будет вынуждено признать себя банкротом и остановить деятельность. Поэтому ведение коммерческой деятельности является достаточно рискованной, всегда существует опасность столкновения с какими-либо обстоятельствами, которые негативно скажутся на предприятии. Мероприятия по предвидению таких рискованных ситуаций, разработка мер по предотвращению их наступления или минимизации возможных последствий входит в число основных задач управления, а решение данной задачи становится одним из условий получения

максимальной прибыли. Вопросы обеспечения нормального функционирования предприятия и предотвращения возникновения рисков реализуются в процессе обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Согласно Сухоруковой Т. и Ковалева Д., экономическая безопасность организации — это состояние защищенности ее деятельности от нежелательного влияния внешней окружающей экономической среды, а также способность вовремя устранять различные угрозы и приспосабливаться к существующим условиям, не отражающимся негативно на ее хозяйственной и экономической деятельности [Ковалев, Сухорукова, 1998]. Главным фактором экономической безопасности авторы видят именно защищенность деятельности организации.

Исследуя литературу по вопросам управления рисками промышленных организаций можно встретить и определения экономической безопасности непосредственно для промышленных предприятий. Например, Т. Б. Оздоев указывает на то, что «основой экономической безопасности корпоративных объединений промышленных предприятий является их устойчивое развитие,

сохраняемое на протяжении всего жизненного цикла корпорации, поэтому существует прямая взаимосвязь стратегии устойчивого развития и стратегии обеспечения экономической безопасности корпоративного объединения промышленных предприятий» [Оздоев, 2019, с. 172]. Главным в определении он делает обеспечение условий для устойчивого развития промышленного предприятия.

В целом можно сказать о том, что экономическая безопасность должна обеспечивать защищенность деятельности предприятия, а также формировать условия для нормального его функционирования.

Результаты исследования

Различные источники информации утверждают, что примерно 80 % вреда в деятельности компании производит собственный персонал [Асадов, Хабитов, 2019]. По другим данным только 10–15 % человек являются абсолютно честными, еще 10–15 % являются не честными, а остальные 70–80 % колеблются в данном вопросе¹. Пред-

ставленные данные говорят о том, что наиболее опасным риском в деятельности предприятия выступает кадровый риск.

«Кадровый риск — опасность вероятной потери ресурсов компании или недополучения доходов по сравнению с вариантом, рассчитанным на рациональное использование человеческих ресурсов, в результате возможных просчетов и ошибок в управлении человеческими ресурсами» [Соломанидина, 2011, с. 31]. Исходя из определения, кадровыми рисками являются риски сбоя производства, недополучения прибыли, из-за негативных действий со стороны персонала (как сознательных, так и халатных), приносящие вред компании. В деятельности любой компании существует слишком большое количество HR-рисков, которые угрожают ее экономической безопасности. Однако по нашему мнению, можно выделить несколько ключевых групп рисков в данной сфере, которые являются основными (рисунок 1).

убытки предприятия. URL: <http://hrland.org/kadrovaya-bezopasnost/> (дата обращения 02.11.2019).

Рис. 1. Ключевые группы HR-рисков промышленного предприятия

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

1. Риски, связанные с подбором и наймом персонала. К данным рискам относится принятие на работу конфликтных кадров, недостаток квалификации принятых сотрудников, отсутствие возможности подбора всех необходимых специалистов.
2. Риски, связанные с трудовой деятельностью персонала. Возможность совершения ключевых ошибок сотрудниками, влекущих серьезные потери для предприятия.
3. Риски, связанные с мотивацией персонала. Утеря мотивации сотрудниками и как следствие снижение эффективности и работоспособности кадров.
4. Риски, связанные с психологическими факторами работы персонала. Возникновение серьезных конфликтов в коллективе, влияющих на его производительность.
5. Риски утраты ключевых кадров компании. При данном риске из предприятия могут уйти ключевые сотрудники, которые во многом обеспечивали эффективное функционирование организации, получение прибыли.
6. Риски осознанных негативных действий против интересов компании. Осуществление промышленного шпионажа, непосредственное воровство материальных ценностей предприятия.

В рамках управления выделенными группами рисков, можно предложить определенные действия по устранению или минимизации каждой из них.

Противодействие рискам при подборе и найме персонала

- Анализ личностных и профессиональных качеств соискателя
- Проверка данных указных кандидатом
- Оценка конфликтности и склонности соискателя к негативным действиям.

Противодействие рискам, связанным с трудовой деятельностью персонала

- Мониторинг соответствия персонала занимаемым должностям
- Периодическая оценка квалификации и знаний персонала
- Обеспечение возможностей для развития персонала

Противодействие рискам утери мотивации персонала

- Мониторинг мотивации персонала
- Поиск индивидуальных мотивирующих факторов для ключевых сотрудников компании
- Анализ и корректировка системы мотивации в целях ее совершенствования

Противодействие рискам, связанным с психологическими факторами работы персонала

- Мониторинг морально-психологического климата предприятия
- Оценка напряженности между отдельными работниками компании
- Анализ конфликтности сотрудников предприятия

- Разработка и реализация мероприятий по улучшению морально-психологического климата

Противодействие рискам утраты ключевых кадров компании

- Оценка лояльности кадров к предприятию
- Мониторинг средней заработной платы ключевых должностей у конкурентов предприятия
- Индивидуальная работа с наиболее ценными сотрудниками

Противодействие рискам осознанных негативных действий против интересов компании

- Мониторинг за состоянием работников компании
- Постоянная работа в области анализа систем безопасности предприятия

Проведение представленных действий позволит существенно снизить возможности появления рисков в HR-сфере промышленных предприятий.

В целом можно сделать вывод о том, что существует большое количество различных рисков в HR-сфере, но эффективная деятельность в области управления персоналом способна существенно их сократить.

Если более детально рассмотреть возможности повышения эффективности противодействия HR-рискам промышленных предприятий, то необходимо выявить ключевые источники их возникновения. Ключевые источники возникновения данных рисков представлены на рисунке 2.

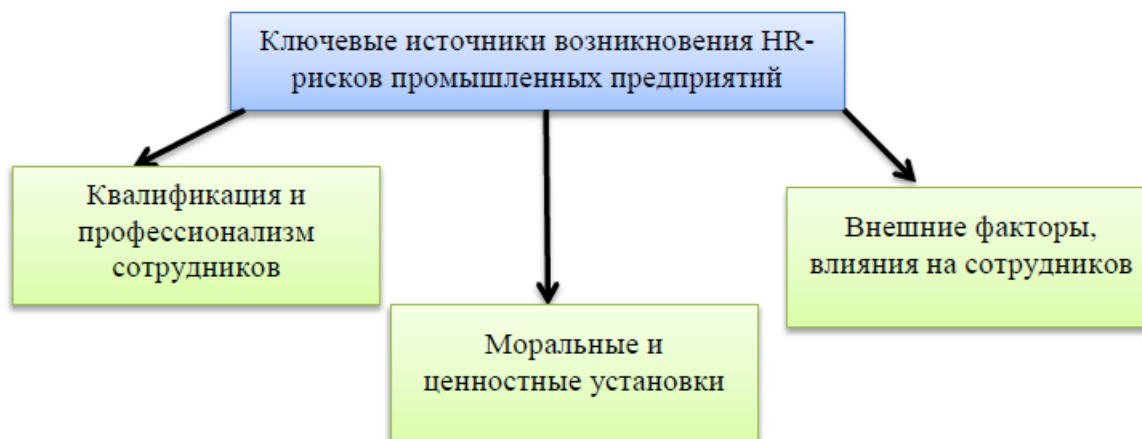

Рис. 2. Ключевые источники возникновения HR-рисков промышленных предприятий

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

В качестве первого фактора возникновения HR-рисков выступает квалификация и профессионализм сотрудников. Данные вопросы являются важнейшими для промышленных предприятий, так как их современная работа часто связана с использованием различных сложных технологий, оборудования. Принятие определенных решений в промышленных компаниях может существенно повлиять на деятельность предприятия, каждое решение должно быть обдуманным и взвешенным. Например, отказ использования дорогого, но более экологически чистого оборудования может существенно сэкономить средства компании, но принести большие убытки из-за экологических санкций или репутационных потерь среди основных потребителей продукции предприятия. Помимо этого и ошибки простых работников могут приводить к существенным потерям, например, возникновение аварийных ситуаций из-за персонала. Поэтому важным вопросом является квалификация работников, которую необходимо оценивать не только на этапе подбора персонала, но и анализировать у уже действующих кадров, а также вести деятельность в области их развития и обучения.

Еще одним фактором возникновения кадровых рисков являются моральные ценности и установки персонала данных компаний. Наличие высоких моральных ценностей является существенным плюсом при приеме на работу в данные компании. Наличие определенных установок и моральных ценностей существенно снижает риски возникновения негативных действий сотрудников, связанных с желанием обогатиться путем продажи какой-либо важной внутренней информации или хищения материальных ценностей промышленного предприятия. Поэтому HR-служба должна проводить тщательный анализ всех кандидатов, должны анализироваться возможные факторы совершения негативных действий, исследоваться прошлые поступки кандидатов (не были ли они привлечены за незаконные действия к ответственности, нарушали ли вообще закон), необходимо анализировать наличие различных зависимостей у кандидатов, азарта, склонности к риску. Кроме кандидатов важно следить и за существующими сотрудниками, за деформацией их установок и моральных принципов.

Важно также понимать, что внешние факторы могут существенно влиять на сотрудников. Необходимо анализировать общие внешние факторы, характерные для всей отрасли, например,

существенное увеличение средней зарплаты в промышленной сфере конкретных кадров, увеличения спроса на сотрудников с определенной квалификацией среди промышленных предприятий. Помимо этого необходимо следить и за внешними факторами конкретных сотрудников, например тяжелая болезнь ребенка, требующая дорогостоящего лечения, может заставить нарушить моральные ценности какого-либо человека. «Согласно статистическим данным, зачастую похищение информационных сведений осуществляется посредством людей, к примеру, персонала компании настоящего, так и бывшего. При этом в качестве шпионов очень часто оказываются сотрудники, которые проработали на благо компании несколько лет» [Красовских О. П., Красовских Е. О., 2019]. Конкретного сотрудника могут попытаться переманить конкуренты и многое другое.

Все этого говорит о необходимости анализа ключевых источников возникновения HR-рисков, что позволит предугадать их появление и разработать необходимые действия для нейтрализации или минимизации.

Работа по управлению рисками должна базироваться на следующих действиях:

Анализ появления риска, анализ кадров промышленного персонала на возможность возникновения рисков по их вине. Самым главным действием в системе противодействия HR-рискам является тщательный анализ возможности их появления, а также мониторинг кадров, их профессионализма, квалификации, моральных установок, внешних факторов. По оценкам данного анализа необходимо определять возможные риски предприятия в HR-сфере, а также оценивать вероятность их наступления.

Вторым действием является разработка конкретных мер по противодействию выявленным возможным рискам. Необходимо разрабатывать конкретные мероприятия по предотвращению возникновения данных рисков или минимизации их негативных последствий. Наибольшее внимание необходимо уделить тем рискам, возникновение которых является наиболее вероятным.

После разработки мероприятий ведется деятельность по конкретной их реализации. Происходит плановое принятие выбранных мер по противодействию рискам.

Контроль за осуществленными мероприятиями, оценка возможной вероятности возникновения риска вновь. После реализации мер важно проанализировать их эффективность, прокон-

тролировать полученные результаты, а также провести аналитическую работу по оценке возможности появления данного риска в будущем.

Реализация данных действий позволит эффективно противодействовать HR-рискам.

Выводы

В заключение статьи можно подвести определённые итоги:

1. Экономическая безопасность промышленной компании представляет собой ее защищенность от негативного влияния внешних и внутренних факторов в целях обеспечения ее максимально эффективной деятельности, а также минимизации негативных последствий различных рисков, возникновение которых нет возможности предотвратить.
2. Способность компании противостоять и вести эффективную работу с рисками во многом определяют результативность экономической безопасности промышленного предприятия.

3. Одной из главных угроз промышленного предприятия являются его кадры. Существует большое количество различных HR-рисков связанных с квалификацией и личными качествами персонала, возможных осознанных негативных действий против компании с его стороны, а также вызванных внешними факторами влияния на сотрудников.

4. Для осуществления эффективного управления данным риском необходимо анализировать возможность и вероятность их наступления, разрабатывать меры противодействия, осуществлять непосредственную работу в сфере предотвращения или минимизации их последствий, контролировать результат и оценивать появление их в будущем.

Организация эффективного управления HR-рисками будет важным фактором обеспечения экономической безопасности промышленного предприятия.

Список источников

Асадов А. Н., Хабитов Х. А. Обеспечение экономической безопасности компании посредством снижения рисков в управлении персоналом // Актуальные проблемы современного общества. Социология. Управление. Политика : межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией Э. Б. Аваковой. Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2019. 159 с. С. 108–115. ISBN 978-5-7310-3523-1.

Ковалев Д., Сухорукова Т. Экономическая безопасность предприятия // Экономика Украины. 1998. № 6. С. 48–51.

Красовских О. П., Красовских Е. О. Промышленный шпионаж как угроза экономической безопасности предприятия // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XVII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 90–93.

Оздоев Т. Б. Определение «нижнего» и «верхнего» пределов экономической безопасности корпоративных объединений промышленных предприятий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 172–175.

Соломанидина Т. О. Кадровая безопасность компании / Т. О. Соломанидина, В. Г. Соломанидин. Москва: Альфа-Пресс, 2011. 688 с. ISBN: 978-5-94280-528-9.

RUSSIAN MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Sergey Shirokovskikh¹

HR RISK MANAGEMENT AS A FACTOR IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF AN INDUSTRIAL COMPANY

Abstract. Industrial companies in their activities are subject to risks, counteraction to various negative factors is the basis for ensuring the economic security of an industrial company. Particularly important are the issues of risk management in the field of personnel management, since it is the personnel that are the main source of risk situations. Effective work in this area can significantly increase the level of economic security of an industrial company. Of course, the occurrence of risks is an extremely negative factor, but at the same time there is always the opportunity to prevent or anticipate them, which minimizes their consequences. Having the ability to anticipate risks makes this category manageable, possible for work. Therefore, HR risk management acts as a key element in ensuring the economic security of an industrial company, which has a positive effect on its activities.

Key words: economic security, HR risk management, sustainable development, personnel monitoring, personnel risk, effective management.

JEL: M11, M21

1 **Shirokovskikh Sergey Alexandrovich** — Candidate of Sci. (Econ.), Senior Lecturer. Institute of Social Sciences. Moscow, Russia. E-mail: linns@bk.ru.
AuthorID: 930764

References

Asadov A. N., Khabitov Kh. A. Obespecheniye ekonomicheskoy bezopasnosti kompanii posredstvom snizheniya riskov v upravlenii personalom [Ensuring the economic security of the company by reducing risks in personnel management]. *Aktual'nyye problemy sovremennogo obshchestva. Sotsiologiya. Upravleniye. Politika : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of modern society. Sociology. Control. Politics. Interuniversity collection of scientific papers]. Edited by E. B. Avakova. St. Petersburg: SPbGEU, 2019. 159 p. P. 108–115. ISBN 978-5-7310-3523-1 (in Russian).

Kovalev D., Sukhorukova T. Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya [Economic security of the enterprise]. *Ekonomika Ukrainy* [Economy of Ukraine]. 1998. No. 6. P. 48–51 (in Russian).

Krasovskikh O. P., Krasovskikh Ye. O. Promyshlennyy shpionazh kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Industrial espionage as a threat to the economic security of an enterprise]. *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii : sbornik statey XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations : Proceedings of the 17th International scientific-practical conference. Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2019. P. 90–93 (in Russian).

Ozdoyev T. B. Opredeleniye «nizhnego» i «verkhnego» predelov ekonomicheskoy bezopasnosti korporativnykh ob'yedineniy promyshlennykh predpriyatiy [The definition of the "lower" and "upper" limits of economic security of corporate associations of industrial enterprises]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2019. No. 3 (117). P. 172–175 (in Russian).

Solomanidina T. O. Kadrovaya bezopasnost' kompanii [Personnel safety of the company]. T. O. Solomanidina, V. G. Solomanidin. Moscow: Alfa-Press, 2011. 688 p. ISBN: 978-5-94280-528-9 (in Russian).

РОССИЙСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Елина О. А., Симонова А. А., Тутаева Д. Р. Проблемы применения проектного подхода в управлении российскими предприятиями // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 51–58.
DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.6

Дата поступления 09.12.2019 г.

УДК 338.24.01

Ольга Елина¹, Анна Симонова², Динара Тутаева³

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Аннотация. В данной статье обоснована актуальность проектного управления для предотвращения кризисных явлений и поддержания конкурентоспособности компании на заданном уровне. Главной целью исследования является выявление особенностей проектного управления, основных ошибок проектных менеджеров и трендов развития проектного управления в России. Для решения поставленной цели были использованы материалы и методы: проектного подхода в управлении, анализ стадий внедрения такого управления, выявление характерных черт и их описание, статистический анализ внедрения и основных трендов проектного управления в России. Данная статья имеет практическое значение для проектных и антикризисных менеджеров на российских предприятиях.

В результате исследования было выявлено, что на данном этапе проектное управление не является успешным в России, однако отмечена положительная динамика, с каждым годом растёт количество российских компаний, в той или иной мере начавших применять проектный подход. В процессе исследования выявлены основные ошибки и причины неуспешного ведения проектов на российских предприятиях, которые, на взгляд авторов, могут быть устранены при эффективном применении проектного подхода в управлении. Также в ходе исследования было выявлено, что российские тренды проектного управления пока значительно отличаются от мировых, но постепенно российские компании начинают применять те или иные современные методы проектного управления.

Ключевые слова: проектный подход, управление предприятием, проблемы российских компаний.

JEL: O20

1 **Елина Ольга Александровна** — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики промышленности, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. Москва, Россия. E-mail: oyelina@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5003-2471; ResearcherID: I-3139-2018; AuthorID: 317955

2 **Симонова Анна Анатольевна** — магистр 2 курса факультета менеджмента. Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Россия. E-mail: Simonovaann96@mail.ru. ORCID 0000-0003-0295-1830; Researcher ID: K-8964-2018; AuthorID: 958582

3 **Тутаева Динара Рафаиловна** — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. Москва, Россия. E-mail: tutaeva.dr@rea.ru.

ORCID 0000-0002-1633-959X; AuthorID: 813641

Введение

Текущие условия развития экономики не позволяют компаниям работать стабильно, без движения и развития своего продукта или услуги — они вынуждают их разрабатывать инновации, чтобы оставаться конкурентоспособными и не уйти с рынка. Не инновационные и неразвивающиеся компании, как правило, попадают в кризис и покидают свою нишу, вследствие чего в экономике остаются прогрессивные компании, способные создавать новое и легко преодолевать кризисные явления.

На сегодняшний день существует несколько подходов к управлению компанией: проектный,

системный, ситуационный и сценарный. В успешных компаниях, а также в тех, кто разрабатывает антикризисные меры, все они используются в единстве и взаимосвязи. Однако, по мнению многих авторов, именно проектный подход является наиболее эффективным способом при возникновении кризисных явлений или для их предотвращения. Считается, что использование технологий проектного менеджмента в условиях кризиса позволяет более эффективно разрабатывать и реализовывать антикризисную стратегию, осуществлять мониторинг и контроль в течение кризисного и посткризисного периода [Юрьева, 2013].

Главной целью такого подхода является повышение эффективности отдельного процесса или компании в целом. Подцелями могут быть:

- разработка новых видов продукции/услуги на основе передовых технологий, которые позволят повысить прибыль компании и вывести компанию на новый уровень развития;
- внедрение в компании современных управленческих технологий, способных повысить эффективность деятельности на всех уровнях руководства (оперативном, тактическом и стратегическом);
- уменьшение расходов на управленческий аппарат за счет повышения оперативности его работы и сокращения численности и др.

В центре проектного подхода лежит понятие проекта, под которым понимается комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение конкретных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений¹. Институт управления проектами (PMI) определяет проект как временное предприятие, которое создается для производства уникального продукта или услуги. Также такое определение проекта использовал американский автор книг по управлению проектами Гарольд Керцнер. Проект — это временное явление, так как он имеет определенное начало и конец, а значит ограниченный объем и ресурсы. А уникальность проекта состоит в том, что он представляет собой набор не рутинных, а специфических процедур. Также стоит отметить, что проектная команда часто включает в себя людей, которые обычно не работают вместе — из

различных отделов, иногда из разных организаций или из разных географических регионов². На выходе каждый проект имеет уникальный результат, который напрямую зависит от компетентности руководящего состава, работников, ответственных за проект, выделенных ресурсов, временного интервала и масштабы проекта. Таким образом, перед внедрением проектного подхода менеджеры компании должны провести детальный анализ всех составляющих для определения узких мест, возможностей компании и наличия мощностей для внедрения проекта.

Также стоит отметить, что каждый проект имеет свой жизненный цикл, т.е. совокупность стадий (фаз) от начала и до конца проекта. Обзор литературы показал, что, как правило, проект состоит из 4 стадий: инициирование, планирование, реализация и завершение [Darnall, Preston, 2010].

Методологические основы

Проведенное исследование практики применения проектного подхода российскими компаниями позволяет сделать следующие методологические выводы. По мнению авторов, стадии, стандартно выделяемые в рамках проектного подхода в управлении (инициирование, планирование, реализация и завершение) следует дополнить ещё двумя (см. рис. 1). Это обусловлено тем, что мониторинг результатов позволит сократить процент неуспешных проектов в будущем и предотвратить большие расходы (из-за неправильного планирования), которые могут привести к кризису организации, а рассмотрение итогов всегда важно, как инструмент обратной связи — корректировок, усовершенствований и т. д.

2 What is Project Management? // Project Management Institute, н. д./2019. URL <https://www.pmi.org/about/learn-about-pmi/what-is-project-management> (дата обращения: 05.08.2019)

1 ГОСТ Р 58184-2018 Система менеджмента проектной деятельности. Основные положения. Введ. с 01.12.2018. М., 2018. 12 с.

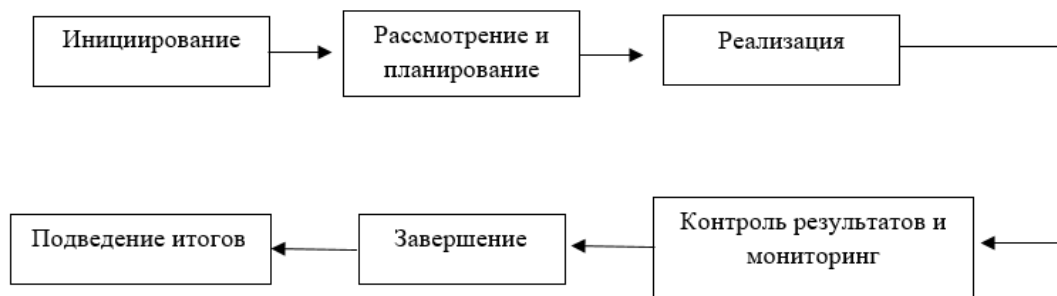

Рис. 1. Схема управления проектами

Источник: составлено авторами на основе исследованной литературы.

На первом этапе разрабатывается сама идея внедрения проектного управления, выбирается область применения, обосновывается необхо-

димость и целесообразность внедрения. Затем идея рассматривается на верхних уровнях управления, где менеджеры принимают решение о

внедрении, либо отклонении проекта. В случае положительного ответа соответствующий отдел осуществляет планирование, рассчитывает сроки проекта, бюджет и просчитывает возможные риски и методы их устранения. После всего перечисленного начинается непосредственная реализация проекта, в которой участвуют все заинтересованные и назначенные лица. В течение всего жизненного цикла проекта необходимо проводить оценку промежуточных результатов и их корректировку в случае необходимости. После завершения проекта подводятся все итоги и оценивается конечный результат, который может повлиять на внедрение проектов в будущем. Стоит отметить, что каждый проект имеет свой жизненный цикл, который может разниться с другими текущими проектами компании. Его протяженность зависит от масштабности проекта, области внедрения, бюджета и других факторов.

Одной из особенностей проекта является межфункциональный и комплексный характер. Это означает, что для реализации проекта требуется привлечение специалистов из различных областей, т.к. выполняемые проектные задачи выходят за рамки компетенции одного организационного подразделения/отдела [Gozdziewska-Nowicka, Janicki, Wilska, 2017]. Эта особенность связана с другой — необходимостью использования большого количества различных ресурсов во время выполнения проекта, которые часто ограничены. К таким ресурсам относятся человеческие, материальные (сырье, материалы, активы), финансовые и информационные.

В России проектная деятельность осуществляется давно, но до начала 21 века это были, как правило, единичные проекты без общей методологии. С момента вступления в силу Постановления Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» проектная деятельность стала структурированной, формализованной и начала своё активное развитие в новом качестве.

Однако за 3 прошедших года статистика реализации проектов пока не показала успешность внедрения проектного управления в РФ³. Исследование проводилось по следующим направлениям.

- Наличие офиса управления проектами в компаниях.
- Уровень зрелости проектного управления в компаниях.

- Основные проблемы в управлении проектами и портфелями проектов.
- Соответствие проектов и ресурсов стратегическим целям.
- Модель приоритезации проектов.
- Ресурсное обеспечение проектов.
- Использование информационных систем проектного управления в компаниях.

Результаты

Далее приводятся основные выводы исследования:

1. Только 44 % проектов реализуются в срок и в рамках бюджета.
2. Среднее превышение бюджета 189 %.
3. Среднее превышение сроков 222 %.
4. 70 % проектов сокращают запланированный объём работ.
5. 30 % проектов закрываются досрочно.
6. в 61 % компаний, участвовавших в опросе, в той или иной форме присутствует офис управления проектами.
7. Число компаний с высоким уровнем зрелости проектного управления за год выросло с 17 % до 19 %.
8. 37 % респондентов в качестве главной проблемы указали обеспеченность своих проектов необходимыми ресурсами, на втором месте проблема приоритезации проектов (26 %).
9. В 46 % компаний проекты и ресурсы не согласованы со стратегическими целями.
10. 49 % компаний пользуются скоринговыми моделями для приоритезации проектов.
11. 60 % компаний страдают от недостатка ресурсов для реализации проектов.
12. Только 29 % компаний имеют информационную систему управления портфелем проектов.

Согласно рис. 2 в большинстве проектов фактические сроки и бюджет превышают запланированные в 2 и более раз, что является одной из главных проблем проектного управления в России. Это связано, в первую очередь, с недостаточной компетенцией проектных менеджеров, минимальным расчётом рисков и непредвиденных ситуаций, недостаточно глубоким планированием проекта и недостаточной мотивацией персонала на своевременное достижение целей проекта. Всё вышеуказанное может привести к различным последствиям: снижению конкурентоспособности компании, потере части клиентской базы и персонала, снижению прибыли, потере рентабельности и т. п. В связи с этим перед

3 Исследование IT компании Аскон. URL: https://ascon.ru/source/info_materials/2015/RPM4_0.pdf (дата обращения: 09.08.2019).

запуском того или иного проекта компаниям следует нанимать высококвалифицированный персонал для ведения проекта, детально просчитывать бюджет и оценивать возможные риски.

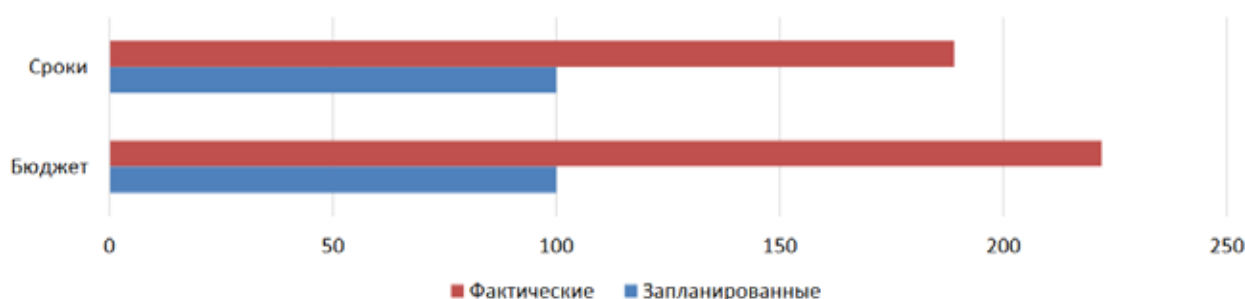

Рис. 2. Показатели эффективности проекта

Источник: Исследование IT компании Аскон. URL: https://ascon.ru/source/info_materials/2015/RPM4_0.pdf (дата обращения: 09.08.2019).

Другой особенностью управления проектами в России является организация проектирования. В последнее время разрабатываются и активно используются технологии проектирования на основе накопленных знаний [Шаяхов, 2017]. В России имеет место отставание в части освоения новых технологий проектирования в силу недоста-

точности разработок программных продуктов, но применение данных технологий постепенно входит в российскую практику. Количество сертифицированных проектных менеджеров отчасти демонстрирует вышеуказанное. Количество сертифицированных менеджеров по системе IPMA в динамике представлено на рис. 3.

Рис. 3. Количество сертифицированных менеджеров IPMA в России

Источник: составлено авторами на основе данных Национальной системы управления проектами. URL: <http://www.sovnet.ru/> (дата обращения: 09.08.2019)

Обсуждения

По мнению авторов, одной из главных причин медленного внедрения проектного управления на российских предприятиях является неспособность брать ответственность за результаты проекта, а также неправильный просчёт рисков и сопоставление их с возможностями компании.

Также барьерами могут выступать:

1. Неправильно поставленные цели. Менеджеры компании не всегда осознают целесообразность внедрения проекта и переоценивают возможности компании, либо недостаточно чётко доносят суть проекта до сотрудников.
2. Недостаточно квалифицированный персонал, занимающийся планированием (бюд-

жета, ресурсов, времени и т. п.).

3. Несоблюдение установленных сроков. Срыв сроков может привести к дополнительным расходам компании, а в худшем случае — к отказу от проекта.
4. Недостаточная мотивация персонала на достижение целей проекта.

Также стоит выделить 8 самых крупных ошибок проектных менеджеров, которые могут привести к краху проекта [Stacey Marone, 2016]:

1. Слишком большая зона ответственности.
В гонке за большим материальным вознаграждением, престижем и статусом часть менеджеров забывают сопоставить ведение проекта со своими возможностями и возможностями компании. В результате цели проекта не

достигаются, и вся деятельность выходит из-под контроля. Чтобы избежать возникновения такой проблемы, следует дробить цели проекта на более мелкие, распределять обязанности среди других менеджеров или передавать часть ответственности своим подчинённым.

2. Отказ от непредвиденных ситуаций.
3. Неумение работать в команде. Менеджер проекта всегда должен осознавать то, что хороший результат проекта можно достичь только при тесном сотрудничестве всех членов команды.
4. Отсутствие чётких требований и критериев к проекту.
5. Минимальный риск-менеджмент.
6. Недостаточное развитие гибких личностных навыков у проектных менеджеров (soft skills) [Прима, 2018]. Для успешного ведения проекта проектный менеджер должен

обладать 3 основными бизнес-компетенциями: техническими, лидерскими и стратегическими. Помимо вышеперечисленного необходимо развивать эмоциональный интеллект, самоменеджмент и выстраивание эффективной командной работы.

7. Страх применения agile методов. Статистика за 2018 год показывает, что только 10 % опрашиваемых компаний сказали о «высоком уровне компетенции в Agile всей организации», 40 % внедрили Agile, но пока находятся на этапе становления, а большинство остальных организаций пока проводят только локальные эксперименты с Agile. На рис. 4 можно увидеть результаты применения методики Agile по мнению российских компаний.
8. Отсутствие широкого распространения методики Lean.

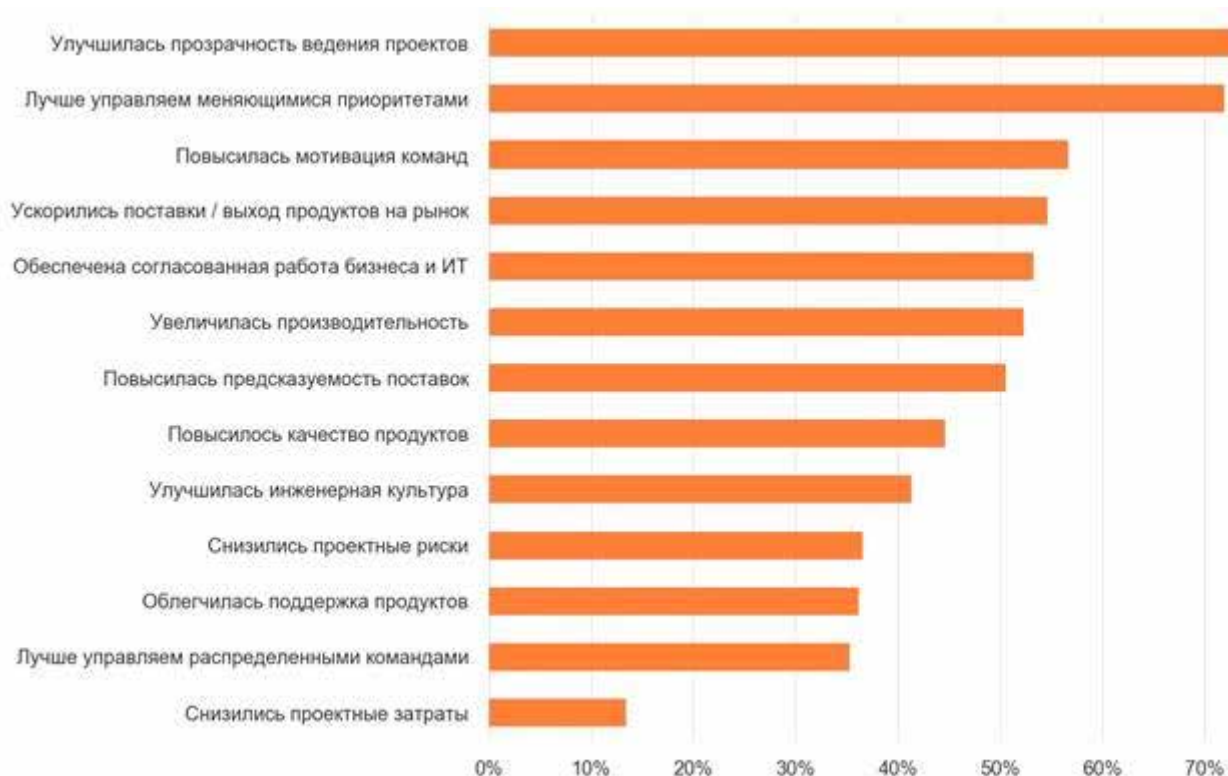

Рис. 4. Результаты внедрения методики Agile

Источник: [Отчет об исследовании Agile., 2018]

Статистика 2014 года показывает, что менее 10% отечественных компаний применяют в своей ежедневной работе принципы метода Lean [Южанин, 2014]. А совсем недавно порядка 80 % топ-менеджеров и не знали об этих методах. В результате Россия отстает от развитых стран в пять-шесть раз в применении методик бережливых преобразований. К 2018 году общая картина не

сильно изменилась [Блейман, 2018].

Всё вышеуказанное может привести к кризису организации, в период которого правильное внедрение проектов будет лучшим управленческим решением. Иностранные исследования показывают, что в 67 % проектов ещё до начала проекта составляется план действий на период кризисных ситуаций [Gozdziewska-Nowicka,

Janicki, Wilska, 2017]. В результате, когда наступает внезапный и быстро развивающийся кризис, команда проекта имеет больше возможностей и ресурсов на более раннее вмешательство, снижение высокого уровня разрушений и смягчение негативных последствий кризиса. В ряде случаев (почти в трети проектов) процедуры или планы действий разрабатываются непосредственно в период кризиса, что, по мнению авторов, снижает

их эффективность. В каждом третьем проекте, в свою очередь, был создан комитет в составе группы топ-менеджеров внутри организации для координации антикризисных мер в рамках проекта. В 67 % случаев руководитель проекта принял меры по оптимизации затрат в рамках мероприятий, направленных на ограничение последствий кризиса. Другие применяемые меры указаны на рис. 5.

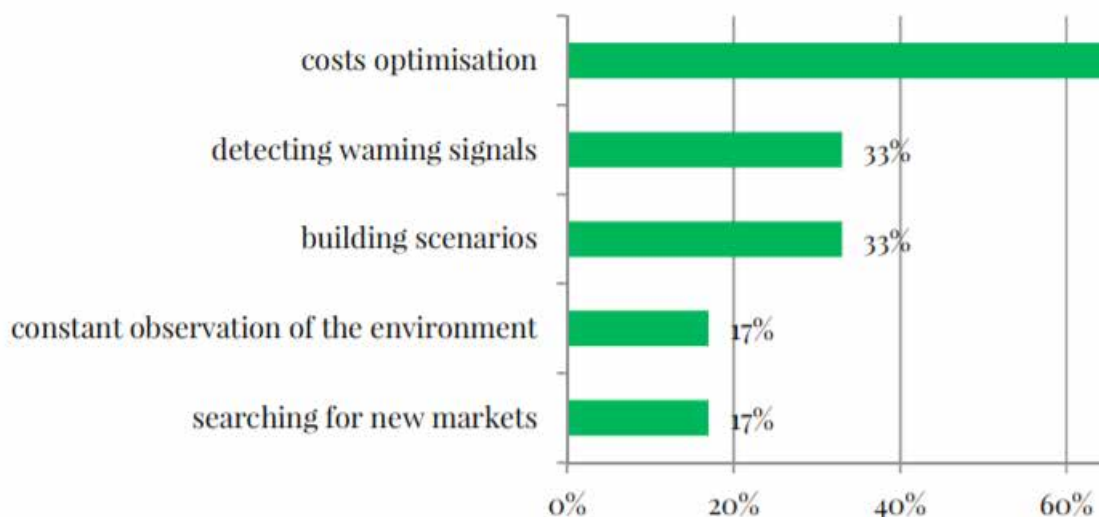

Рис. 5. Меры, применяемые проектным менеджерами для снижения эффекта кризиса

Источник: [Gozdziewska-Nowicka, Janicki, Wilska, 2017]

Заключение и рекомендации

На сегодняшний день, в эру роботизации, проектное управление будет постепенно автоматизироваться, что позволит сократить долю неуспешных проектов, вероятность возникновения ошибок при реализации, срыва сроков, возникновения кризиса на предприятиях и т. п. Проектные офисы уже сейчас частично предоставляют сервис проектным командам по администрированию, организации командной работы и необходимого обучения¹. Однако для успешной реализации проекта необходимо, чтобы проектный офис удерживал роль наблюдателя, а не исполнителя при выборе и реализации проектов. Такой подход обеспечит организациям существенную экономию финансовых и человеческих ресурсов, а также повысит ценность реализуемых проектов для заинтересованных сторон в силу самостоятельной реализации проектного управления. Также стоит отметить, что для обеспечения эффективной проектной деятельности все участни-

ки должны периодически проходить обучение и заниматься самообразованием, мотивацию к которым должен развивать проектный офис совместно с менеджерами компании.

Другие современные тренды проектного управления [Qureshi, 2018]:

1. Применение цифровых инструментов проектного управления. Они позволяют повысить продуктивность такого управления и избежать кризиса компании.
2. Использование эмоционального интеллекта. Это позволит улучшить эффективность управленческих решений, увеличить продуктивность командной работы, снизить процент возникновения профессионального стресса и текучести кадров.
3. Акцент на soft skills.
4. Применение технологии agile.
5. Использование интернета вещей.
6. Применение технологии канбан, в т. ч. канбан-досок, позволяющих визуально представить и понять всю суть проекта.
7. Удалённые команды. Такая работа позволяет экономить время и энергию сотрудников, что в будущем приводит к увеличению их производительности.

¹ Резолюция международной конференции «Тренды проектного управления в России и мире» // Агентство проектного управления Финансового университета. Москва, 19 февраля 2019 г. URL: <https://pmagency.org/conference-resolution/> (дата обращения: 06.08.2019)

8. Социальная ответственность. недостаточно развито, в связи с чем редко применяется на предприятиях, однако оно могло бы
9. Сотрудничество на рабочем месте. предотвратит кризисы в ряде предприятий при
Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что пока проектное управление в России грамотном внедрении.

Список источников

Блейман Н. Новая экономика: как российские предприятия внедряют lean-методику. // РБК+. Устойчивое развитие, выпуск № 3, 10.04.2018. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5acc2c447a8aa94d61f53915?ruid=NaN> (дата обращения: 02.09.2019).

Отчет об исследовании Agile в России 2018 // Project management journal, 2018. URL: <https://pmjournal.ru/articles/biznes-stati/otchet-ob-issledovanii-agile-v-rossii-2018/> (дата обращения: 07.08.2019).

Прима Я. Г. Тенденции развития проектного управления в России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. С. 49–56. DOI: [10.24151/2409-1073-2018-2-49-57](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-49-57).

Шаяхов О. Особенности проектного управления в России // PMProfy, 17.08.2017. URL <http://www.pmpofy.ru/content/rus/365/3654-article.asp> (дата обращения: 09.08.19).

Южанин А. Как работает Lean в России и других странах (с цифрами) // Атомный эксперт, № 5–6, 2014. URL http://www.up-pro.ru/library/production_management/lean/lean-russia-usa.html (дата обращения: 08.09.2019).

Юрьева Т. В. Кризисный менеджмент и проектный подход // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2013. С. 74–78.

Gozdziewska-Nowicka A., Janicki T., Wilska E. Project management in crisis situations // Torun business review. 2017. 16(2), p. 53–62.

Qureshi, Atif. New Emerging Trends of Project Management In 2018 // [ProjectManagement.com](https://www.projectmanagement.com/blog-post/41215/New-Emerging-Trends-of-Project-Management-In-2018), 2018. URL: <https://www.projectmanagement.com/blog-post/41215/New-Emerging-Trends-of-Project-Management-In-2018> (дата обращения: 03.09.2019).

Darnall Russell W., Preston John M. Project Management from Simple to Complex // Flat World Knowledge. 2010. p. 54–58.

Stacey Marone. The 5 biggest mistakes new project managers make // Project Smart, 01.11.2016. URL: <https://www.projectsmart.co.uk/the-5-biggest-mistakes-new-project-managers-make.php> (дата обращения: 05.09.2019).

RUSSIAN MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Olga Elina¹, Anna Simonova², Dinara Tutaeva³

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE PROJECT APPROACH IN MANAGEMENT OF THE RUSSIAN ENTERPRISES

Abstract. This article substantiates the feasibility of project management to prevent crisis situations and maintain the competitiveness of the company at a given level. The main purpose of the study is to identify the features of project management, the main mistakes of project managers and trends in the development of project management in Russia. To achieve this goal, the following tasks were solved: consideration of the main elements of the project approach, stages of implementation, identification of main characteristics and their description, analysis of statistics of implementation and main trends of project management in Russia. This article has a certain practical value for project and anti-crisis managers at Russian enterprises.

The analysis revealed that project management is not yet successful in Russia, but the positive side is the fact that every year we can see a growing number of Russian companies, which began to apply the project approach. The article also presents the main errors and reasons for unsuccessful project management at Russian enterprises, which, in the opinion of the authors, can be eliminated with effective work. The study also revealed that Russian trends of project management are still significantly different from the world ones, but gradually Russian companies are beginning to apply certain modern methods of project management.

Key words: project approach, enterprise management, problems of Russian companies.

JEL: O20

- 1 **Elina Olga Aleksandrovna** — Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Industrial Economics, Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia. E-mail: oyelina@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5003-2471; ResearcherID: L-3139-2018; AuthorID: 317955
- 2 **Simonova Anna Anatolyevna** — MiM, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia. E-mail: Simonovaann96@mail.ru. ORCID 0000-0003-0295-1830; Researcher ID: K-8964-2018; AuthorID: 958582
- 3 **Tutaeva Dinara Rafailovna** — Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia. ORCID 0000-0002-1633-959X; AuthorID: 813641

References

- Bleiman N. Novaya ekonomiya: kak rossiyskiye predpriyatiya vnedryayut lean-metodiki [New Economy: How Russian Enterprises Introduce Lean Methods]. *RBC +. Sustainable development*, issue No. 3, 04/10/2018. Available at <https://plus.rbc.ru/news/5acc2c447a8aa94d61f53915?uid=NaN> (accessed September 2, 2019) (in Russian).
- Otchet ob issledovanii Agile v Rossii 2018 [Agile Russia Research Report 2018]. *Project management journal*, 2018. Available at <https://pmjournal.ru/articles/biznes-stati/otchet-ob-issledovanii-agile-v-rossii-2018/> (accessed: 08/07/2019).
- Prima Ya. G. Tendentsii razvitiya proyektного upravleniya v Rossii [Trends in the development of project management in Russia]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research*. 2018. P. 49–56. DOI: [10.24151/2409-1073-2018-2-49-57](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-49-57) (in Russian).
- Shayakhov O. Osobennosti proyektного upravleniya v Rossii [Features of project management in Russia]. *PMPProfy*, 08/17/2017. Available at <http://www.pmpprofy.ru/content/rus/365/3654-article.asp> (accessed: 08/09/19) (in Russian).
- Yuzhanin A. Kak rabotayet Lean v Rossii i drugikh stranakh (s tsiframi) [How Lean works in Russia and other countries (with numbers)]. *Atomnyy ekspert [Atomic Expert]*, No. 5–6, 2014. Available at http://www.up-pro.ru/library/production_management/lean/lean-russia-usa.html (accessed September 8, 2019) (in Russian).
- Yurieva T. V. Krizisnyy menedzhment i proyektный podkhod [Crisis management and project approach]. *Strategicheskiye resheniya i risk-menedzhment = Strategic decisions and risk management*. 2013. P. 74–78 (in Russian).
- Gozdziewska-Nowicka A., Janicki T., Wilska E. Project management in crisis situations. *Torun business review*. 2017. 16(2), p. 53–62.
- Qureshi, Atif. New Emerging Trends of Project Management In 2018. *ProjectManagement.com*, 2018. Available at <https://www.projectmanagement.com/blog-post/41215/New-Emerging-Trends-of-Project-Management-In-2018> (accessed 09/03/2019).
- Darnall Russell W., Preston John M. *Project Management from Simple to Complex*. Flat World Knowledge. 2010, p. 54–58.
- Stacey Marone. The 5 biggest mistakes new project managers make. *Project Smart*, 11/01/2016. Available at <https://www.projectsmart.co.uk/the-5-biggest-mistakes-new-project-managers-make.php> (accessed 09/05/2019).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Соломатин Я. В., Соломатин А. В., Пенькова И. В. Анализ институциональной и нормативно-правовой структуры рынка ценных бумаг в России // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 59–67. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.7.

Дата поступления 04.10.2019 г.

УДК 336.763

Ярослав Соломатин¹, Александр Соломатин², Инесса Пенькова³

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТРУКТУРЫ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИИ

Аннотация. В данной работе анализируется институциональная и нормативно-правовая структура фондового рынка Российской Федерации. Проанализировав нормативно-правовые акты, а также электронные источники, были выявлены ключевые институты российского фондового рынка (такие как Московская биржа, Национальный клиринговый центр, Национальный расчетный депозитарий и другие), их функции и взаимосвязи, рассмотрены органы, регулирующие данные институты, а также проанализирован и структурирован нормативно-правовой базис, на котором это регулирование основывается. На основании полученной информации в графическом виде представляется структура взаимодействия институтов рынка ценных бумаг России и структура распределения их функций.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, регулирование рынка ценных бумаг, структура рынка ценных бумаг.

JEL: G10, G18

¹ Соломатин Ярослав Васильевич — соискатель. Исполнительный директор ООО «Красная крепость». Москва, Россия.

² Соломатин Александр Васильевич — кандидат экономических наук, доцент. Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт). Москва, Россия. E-mail: avs1129@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4949-5425; ResearcherID: C-8956-2015; Author ID: 567330.

³ Пенькова Инесса Вячеславовна — доктор экономических наук, профессор. Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия. Author ID: 828532.

Введение

Несмотря на тот факт, что российский рынок ценных бумаг является достаточно молодым, он уже сейчас обладает достаточно сложной и развитой институциональной и нормативно-правовой структурой, которая во многом не уступает более зрелым рынкам. Однако зачастую при анализе этой структуры, исследователи принимают во внимание только одну из её частей (исключительно взаимосвязи между профессиональными участниками рынка ценных бумаг [Прянишникова, 2013] или только законодательство, на основе которого он регулируется [Звягинцева, 2013; Минлигареева, 2014], ввиду чего не всегда ясна взаимосвязь между институтами и нормативно-правовой базой, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью данного исследования ставится анализ текущего состояния институциональной и нормативно-правовой структуры фондового рынка РФ: основных институтов, их функций, взаимодействия друг с другом; органов, регулирующих рынок, а также нормативно-правового

базиса, на основании которого они исполняют свои функции.

Результаты предлагаемого исследования могут представлять интерес для следующих агентов:

- ученых, изучающих рынки ценных бумаг. Они смогут более масштабно посмотреть на текущую структуру отечественного фондового рынка, и, на основе этого, предложить улучшения для неё;
- представителей органов, регулирующих рынок ценных бумаг. Они смогут выявить дублирующие контролирующие функции и иные регуляторные проблемы фондового рынка РФ и соответствующим образом оптимизировать свою регуляторную структуру;
- участников рынка ценных бумаг. Данная статья поможет им выявить ранее скрытые взаимосвязи между институтами фондового рынка и использовать их для оптимизации своего бизнеса.

Достижение цели исследования требует решения таких задач:

- проанализировать ключевые институты рынка ценных бумаг России, их функции и взаимодействие друг с другом;
- изучить органы, осуществляющие надзор за данными институтами;
- представить структуру нормативно-правового базиса, на основе которого данные органы выполняют свои функции и в графическом виде сформировать институциональную структуру фондового рынка РФ с распределением функций между его институтами.

Завершена данная работа будет формулированием основных выводов и результатов.

Основные материалы исследования

Предлагаемое исследование целесообразно начать с рассмотрения ключевых институтов рынка ценных бумаг РФ.

Биржа

Публичное Акционерное Общество «Московская Биржа ММВБ-РТС» (Московская биржа) (далее — Московская биржа) является крупнейшей российской биржей¹, образованной 19 декабря 2011 путем слияния двух основных российских биржевых групп (ММВБ и РТС) в соответствии с планами Правительства Российской Федерации по созданию Международного Финансового Центра в Москве.

Торги на рынке ценных бумаг Московской биржи проводятся в разделе «Основной рынок»; в таких торгах принимает участие центральный контрагент (Национальный клиринговый центр (далее — НКЦ)) [19]. На основном рынке сосуществуют три торговых режима: $T + 0$, $T + 1$ и $T + 2$.

В режиме $T + 2$ для совершения сделки требуется только частичное предварительное финансирование (начальная маржа), потери от дефолтов контрагентов покрываются центральным контрагентом. Список торгуемых ценных бумаг включает в себя акции; паи; депозитарные расписки; корпоративные еврооблигации и еврооблигации Министерства финансов (далее — Минфин) (номинарованные в USD); облигации (номинарованные в USD). Торги выполняются в следующих режимах торговли: анонимные сделки с центральным контрагентом, переговорные сделки с центральным контрагентом, сделки репо с центральным контрагентом. Сделки рассчитываются в $T + 2$.

Режим $T + 1$ используется для торговли облигациями федерального займа (далее — ОФЗ) в

режиме анонимных торгов и переговорных сделок. Для исполнения сделки требуется частичное предварительное финансирование (начальная маржа) требуется для выполнения сделки, потери от дефолтов контрагентов покрываются центральным контрагентом. Расчет производится в российских рублях.

В режиме $T + 0$ для исполнения сделки требуется полное предварительное финансирование. Перечень доступных ценных бумаг включает акции (только режим переговорных сделок); ОФЗ (только режим переговорных сделок), муниципальные и корпоративные облигации; Еврооблигации Минфина; корпоративные еврооблигации (номинарованные не в USD). Сделки рассчитываются в день торгов.

Помимо рынка ценных бумаг, Московская биржа также предлагает торговлю на валютном рынке, денежном рынке, срочном рынке (так называемом «FORTS») и товарном рынке. В случае, если фьючерсный контракт, связанный с котировкой ценных бумаг удерживается до погашения, расчет ценных бумаг происходит автоматически в разделе «Основной рынок» Московской биржи.

Депозитарии

Депозитарная система России состоит из организаций, осуществляющих депозитарную деятельность (кастодианы и депозитарии), и регистраторов владельцев/номинальных держателей ценных бумаг.

Депозитарная деятельность означает оказание услуг по хранению сертификатов ценных бумаг и/или ведение учета ценных бумаг и передачу прав по ним. Депозитарий, осуществляющий расчеты по результатам сделок, совершенных в ходе публичных торгов, по соглашению с организаторами таких торгов и / или клиринговыми организациями являются расчетным депозитарием².

Депозитарий обычно выполняет следующие функции: хранение, учет, расчет, участие в проведении корпоративных действий, голосование по доверенности, обработка дивидендов / купонов, функции налогового агента, информационная поддержка и прочее.

Центральный депозитарий

НРД является небанковской кредитной организацией, появившейся вследствие слияния Национального депозитного центра и Расчетной палаты Московской межбанковской валютной биржи 3 ноября 2010 года. НРД является частью группы Московская биржа, в которую также входит Московская биржа и НКЦ. На данный момент

¹ Московская биржа. Официальный сайт. URL: <http://moex.com/> (дата обращения: 5 августа 2019).

² Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

НРД выступает единственным центральным депозитарием на рынке³.

НРД выполняет функции расчетного депозитария и расчетного банка для Московской биржи и клирингового центра для внебиржевых сделок типа «Поставка против платежа», рассчитываемых на его книгах. НРД поддерживает как сделки типа «Поставка без платежа», так и «Поставка против платежа» в рублях и долларах США.

Взаимодействие НРД с другими институтами российского фондового рынка происходит посредством электронных средств связи — SWIFT и прямой электронной связи.

Помимо роли центрального депозитария, НРД также является национальным нумерующим агентством России и институтом, уполномоченным присваивать международные коды ISIN и CFI.

Регистраторы

На данный момент на российском фондовом рынке функционирует 34 регистратора⁴. После 1 октября 2014 года все акционерные общества, ведущие реестры акционеров самостоятельно, должны делегировать эту функцию независимой стороне, имеющей надлежащую лицензию, выданную Банком России (ранее это правило было обязательным только для эмитентов с более чем 50 акционерами).

Регистраторы обязаны указывать перевод ценных бумаг между счетами только по письменному поручению (Передаточному письму) от владельца счета, осуществляющего перевод таких ценных бумаг. Регистратор обязан обработать передачу прав собственности на переведенные ценные бумаги в течение трех рабочих дней со дня получения передаточного письма.

Согласно российскому законодательству, деятельность регистратора не может совмещаться ни с какой другой деятельностью на рынке ценных бумаг. Один из эмитентов может иметь только одного регистратора, но один регистратор может управлять реестром для нескольких эмитентов⁵.

Клиринг

НКЦ является отдельным юридическим лицом, созданным для осуществления функций клирингового центра. В настоящее время НКЦ также выступает в качестве центрального контрагента на рынке ценных бумаг РФ. НКЦ имеет бессрочную

лицензию на осуществление клиринговой деятельности, выданную Федеральной службой по финансовым рынкам, и банковскую лицензию Центрального банка России. С декабря 2007 года НКЦ осуществляет клиринг транзакций на валютном рынке Московской биржи, с ноября 2011 года — на рынке ценных бумаг, а с декабря 2012 года — на рынке производных финансовых инструментов⁶.

Будучи центральным контрагентом, НКЦ несет риски по сделкам, совершенным на Московской бирже, выступая посредником между сторонами, то есть как продавец для каждого покупателя и наоборот, которые, таким образом, как бы заменяют свои договорные отношения друг с другом соответствующими контрактами с центральным контрагентом.

Основной функцией НКЦ является поддержание стабильности в обслуживаемых им сегментах финансового рынка за счет внедрения современной системы управления рисками, соответствующей международным стандартам, и предоставления участникам таких клиринговых услуг, которые позволяют эффективно использовать выделенные средства.

Помимо услуг, предоставляемых НКЦ в качестве клирингового центра и центрального контрагента, центр предоставляет ряд дополнительных возможностей для участников фондового рынка РФ:

- НКЦ гарантирует выполнение обязательств перед каждым недефолтным участником по сделкам, заключенным с таким участником, независимо от того, как другие участники рынка выполняют свои обязательства;
- НКЦ избавляет участников от необходимости оценивать риски и устанавливать дополнительные ограничения/требования к друг другу, так как участники подвержены только риску дефолта НКЦ как центрального контрагента;
- клиринг с частичным фондированием, а также неттинг, проводимый НКЦ в качестве банка, позволяют участникам более эффективно использовать свои финансовые активы и сокращать транзакционные издержки.

Расчет по результатам клиринга осуществляются в ходе торговых сессий, а также после них. Для этого НКЦ рассчитывает обязательства участников клиринга с в тот же день и включает их в пул клиринга. Если условия сделок допускают

3 Национальный Расчетный Депозитарий. Официальный сайт. URL: <https://www.nsd.ru/ru/> (дата обращения: 5 августа 2019).

4 Банк России. Официальный сайт. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 30 июля 2019).

5 Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

6 Национальный Клиринговый Центр. Официальный сайт. URL: <http://nkcbr.ru/> (дата обращения: 5 августа 2019).

неттинг, НКЦ рассчитывает чистые обязательства. НКЦ проверяет достаточность залога, депонированного для расчетов участниками клиринга, а также достаточность активов, подлежащих депонированию в гарантийные фонды НКЦ. Если окончательное чистое обязательство конкретного участника клиринга не будет полностью покрыто выделенными им, такой участник клиринга считается не исполняющим свои обязательства и на него впоследствии накладываются штрафы.

Далее, согласно логике исследования, рассмотрим регулирующие органы рынка ценных бумаг РФ и его нормативно-правовую базу.

Банк России (ЦБ РФ)

ЦБ РФ является центральным банком Российской Федерации и отвечает за контроль всех банковских операций, регистрацию новых акций российских банков, осуществление банковской деятельности, а также профессиональной деятельности на фондовом рынке. ЦБ РФ устанавливает процедуры клиринга и валютного контроля¹.

С 1 сентября 2013 года, в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 года 251-ФЗ, ЦБ РФ становится «мегарегулятором» российского рынка ценных бумаг, заменив собой ФСФР и выполняя в этой роли следующие функции²:

- регулирование эмиссии и торговли ценными бумагами, в том числе государственная регистрация выпусков ценных бумаг, их проспектов и, в некоторых случаях, отчетов об итогах размещения ценных бумаг;
- контроль и надзор за деятельностью эмитентов ценных бумаг, профессиональных участников фондового рынка, негосударственных пенсионных фондов и их СРО, инвестиционных фондов и их управляющих компаний, управляющих ипотечного покрытия, специальных депозитариев для инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов и управляющих ипотечного покрытия, Пенсионного фонда Российской Федерации, государственных управляющих компаний, фондовых и товарных бирж;
- представление Федеральному правительству предложений по совершенствованию

существующих нормативно-правовых актов о рынке ценных бумаг;

- участие в разработке проектов нормативно-правовых актов о рынке ценных бумаг;
- обеспечивает соблюдение правил отчетности и раскрытия информации участниками фондового рынка в соответствии с российским законодательством;
- лицензирование различных профессиональных участников рынка ценных бумаг, таких как брокеры, фондовые и товарные биржи, регистраторы, депозитарии и управляющие компании.

ФАС. ФАС сотрудничает с ЦБ РФ в сферах надзора и контроля за рынком ценных бумаг и поддержания конкуренции между участниками рынка³.

Минфин

Минфин является исполнительным органом, ответственным за реализацию государственной политики и координацию деятельности других федеральных органов власти в финансовой сфере (в частности, на рынке ценных бумаг). Министерство выполняет множество функций, которые включают в себя подготовку бюджетов, управление государственным долгом (в частности, долговыми государственными ценными бумагами), фискальные реформы, учет и аудиторскую деятельность, финансовое регулирование и другое. Минфин выступает регулятором, принимающим участие в разработке налогового законодательства и уполномоченным предоставлять официальные разъяснения и интерпретацию российского налогового законодательства. Кроме того, Министерство напрямую регулирует рынок государственных ценных бумаг и осуществляет функции эмитента государственных ценных бумаг⁴.

СРО. СРО — некоммерческие организации, объединяющие определенные институты рынка ценных бумаг. Полноценные СРО на фондовом рынке были введены Федеральным законом от 13.07.2015 N 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [9]. На них возложена основная функция по выработке более детальных, чем Банк России норм/требований и контроль их соблюдения, и тем самым, приближая регулятора рынка к его участникам. Согласно российскому законодательству, каждый профессиональный участник рынка ценных

1 Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

2 Федеральный закон от 23.07.2013 N 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков».

3 Федеральная антимонопольная служба. Официальный сайт. URL: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 30 июля 2019).

4 Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 N 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации».

бумаг обязан быть членом хотя бы одной СРО.

Всего на данный момент в РФ зарегистрировано 21 СРО в сфере финансового рынка⁵. Наиболее крупными из них являются Профессиональная Ассоциация Регистраторов, Трансфер-Агентов и Депозитариев (ПАРТАД), НФА и НАУФОР.

Иные регулирующие органы

Приведенный перечень государственных органов, осуществляющих надзор/контроль за российским фондовым рынком и/или имеющих возможность менять нормативно-правовые акты, связанные с ним, является далеко не полным. Для простоты анализа функций таких второстепенных институтов, воспользуемся подходом,

⁵ Банк России. Официальный сайт. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 30 июля 2019).

согласно которому систему управления можно условно разделить на [Берзон и др., 2015]:

- структуру органов управления, к компетенции которых относится регулирование отношений на фондовом рынке;
- совокупность законов и иных нормативно-правовых актов, действие которых распространяется на отношения, возникающие на фондовом рынке.

Возьмем за основу классификацию, предложенную в работе Звягинцевой, и рассмотрим органы, косвенно влияющие на регулирование российского фондового рынка, указав их полномочия и правовые акты, которые их этими полномочиями наделяют [Звягинцева, 2013]. Типология представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Органы государственной власти, влияющие на регулирование российского фондового рынка, их функции и правовые акты, закрепляющие эти функции

Тип органа	Название органа	Регулятивные функции на фондовом рынке	Правовой акт, закрепляющий функции органа на рынке ценных бумаг
1	2	3	4
Высшие органы государственной власти	Государственная Дума и Совет Федерации — высшая законодательная власть	Ратифицирует нормативно-правовые акты	Конституция Российской Федерации
	Президент и Правительство — высшая исполнительная власть	1. Ратифицирует нормативно-правовые акты. 2. Определяет общие направления развития фондового рынка и утверждает концепцию такого развития	Конституция Российской Федерации Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»
Косвенные регуляторы	ФНС	1. Устанавливает порядок налогообложения операций с ценными бумагами 2. Осуществляет контроль за соблюдением требований налогового законодательства	Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2004 № 506 «Об утверждении положения о Федеральной налоговой службе»
	Федеральное агентство по управлению государственным имуществом	1. Осуществляет продажу государственного имущества 2. Осуществляет от имени Российской Федерации права по ценным бумагам, принадлежащим государству 3. Приобретает от имени Российской Федерации ценные бумаги	Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 № 432 «О федеральном агентстве по управлению федеральным имуществом»
	Министерство экономического развития	принимает участие в разработке концепции развития финансового рынка	Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 № 437 «О министерстве экономического развития РФ»
	Федеральная служба по финансовому мониторингу	осуществляет контроль за соблюдением требований о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма	Постановление Правительства РФ от 23 июня 2004 № 307 «Об утверждении положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу»

Источник: таблица составлена авторами на основании обзора российского законодательства⁶

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993); Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 23.06.2004 N 307 «Об утверждении положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу»; Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 N 506 «Об утверждении положения о Федеральной налоговой службе»; Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 N 432 «О федеральном агентстве по управлению федеральным имуществом»; Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 N 437 «О министерстве экономического развития РФ».

В столбце 4 Таблицы 1 приведены правовые акты, наделяющие те или иные институты полномочиями в сфере управления российским фондовым рынком. Однако было бы некорректно утверждать, что это полный список актов, являющихся правовой основой для управления рынком. Для полноты картины рассмотрим все релевантные акты [Берзон и др. 2015]:

1. Конституция РФ — гарант единства рынка, свободы экономической деятельности, использования единой денежной единицы
2. Федеральные законы — общие правила и порядок деятельности без подробной детализации
3. Указы Президента РФ — конкретизируют нормы гражданского права и федеральных законов
4. Акты Правительства РФ (постановления/распоряжения) — обеспечивают реализа-

цию федеральных законов и указов Президента

5. Нормативные акты исполнительных органов государственной власти, осуществляющих регулирование фондового рынка (т. е. в данном случае — Центральный Банк России)
6. Правила и инструкции, разрабатываемые СРО.

Дальнейшее исследование приводит нас к необходимости анализа структуры рынка ценных бумаг РФ и распределение функций между его институтами.

На основании информации, полученной в более ранних исследованиях, предоставляется возможность сформировать таблицу 2, отражающую распределение функций среди институтов фондового рынка, а также схему взаимодействия между ними (рисунок 1).

Таблица 2. Распределение функций на фондовом рынке РФ

	ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС»				Внебиржевой рынок
	Основной рынок			Секция FORTS	
	T0	T+1	T+2		
Торгуемые инструменты	муниципальные и корпоративные облигации еврооблигации Минфина (номинарованные в USD и не в USD) корпоративные еврооблигации (номинарованные не в USD)	ОФЗ	акции депозитарные расписки паи корпоративные еврооблигации и еврооблигации Минфина (USD) облигации (USD)	фьючерсы опционы	акции облигации паи иностранные ценные бумаги
Режимы торговли	непрерывный встречный аукцион: основной торговый режим (анонимные не прямые торги) режим переговорных сделок режим сделок репо режимы для размещения и погашения ценных бумаг ряд других специфических режимов	непрерывный встречный аукцион: основной торговый режим (анонимные торги с центральным контрагентом), режим переговорных сделок с центральным контрагентом режим сделок репо с центральным контрагентом		непрерывный встречный аукцион	торговля осуществляется на основе индикативных котировок участников торгов
Требование к предварительному финансированию сделок	полное предварительное финансирование денежных средств/ценных бумаг	частичное предварительное финансирование денежных средств/ценных бумаг			отсутствует
Расчетная схема	T+0	T+1	T+2	расчет и поставка ценных бумаг осуществляются согласно срокам, установленным контрактом	согласно имеющимися договоренностями между контрагентами
Валюта котирования	RUB			RUB, USD	RUB, USD
Валюта расчетов	RUB				RUB, USD
Клиринговый центр	НКЦ				неприменимо ¹

	ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС»				Внебиржевой рынок
	Основной рынок			Секция FORTS	
	T0	T+1	T+2		
Центральный контрагент	НКЦ				неприменимо
Место расчетов ценных бумаг	НРД ²				НРД или регистратор, в зависимости от типа ценной бумаги

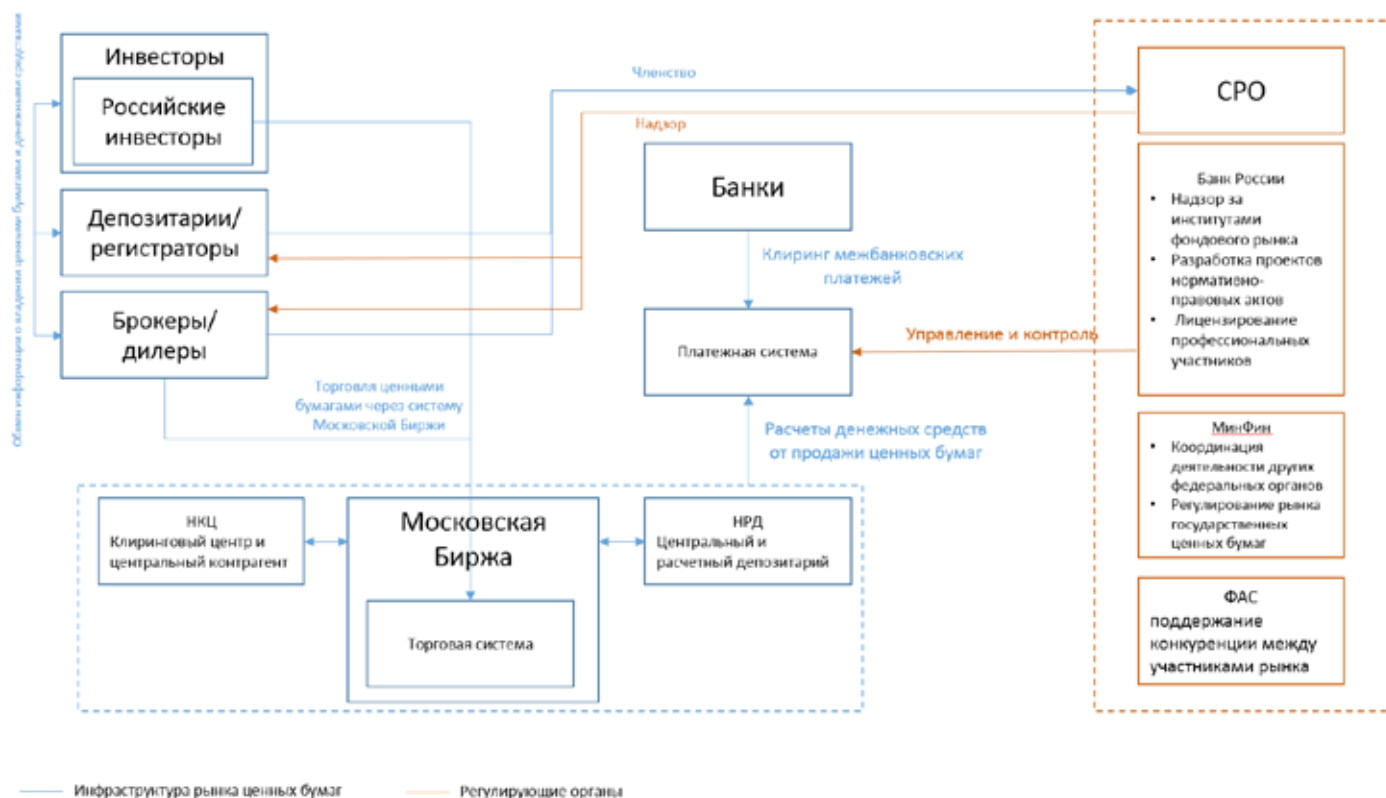
Примечания к таблице 1:

- 1 НКЦ действует в качестве центрального контрагента только для сделок с полным финансированием в режиме торгов T0
- 2 НРД действует в качестве клирингового центра для внебиржевых транзакций типа «Поставка против платежа», рассчитываемых на его книгах

Источник: таблица составлена авторами по данным исследования

Рис. 1. Структура взаимодействия институтов фондового рынка РФ

Источник: рисунок составлен авторами по данным настоящего исследования

Заключение и выводы

Основываясь на информации из нормативно-правовых актов, регулирующих рынок ценных бумаг, а также из электронных источников, связанных с данным рынком, были выявлены его основные институты (Московская биржа, НРД, НКЦ, депозитарии, регистраторы), их функции и взаимосвязи. Затем были определены основные регулирующие органы рынка ценных бумаг РФ

(ЦБ РФ, ФАС, СРО, МинФин и другие), сферы полномочий каждого из них, а также представлена нормативно-правовая база, которая является основой этих полномочий.

Результаты исследования позволили сформировать таблицу распределения функций среди институтов фондового рынка, а также структуру взаимодействия между ними, включая регулирующие органы.

Список источников

Берзон Н. И. и др. Рынок ценных бумаг. Учебник для академического бакалавриата. Москва: Юрайт, 2015. 443 с.

Звягинцева Н. А. Реформирование системы государственного регулирования рынка ценных бумаг: путь к мегарегулятору // Известия ИГЭА. 2013. № 5 (91). С. 27–34.

Минлигареева С. А. Государственное регулирование рынка ценных бумаг в условиях реформирования структуры исполнительной власти // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 31–35.

Прянишникова М. В. Современное развитие структуры организованного рынка ценных бумаг Российской Федерации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 4 (48). С. 89–93.

ACTUAL ISSUES OF FINANCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Yaroslav Solomatin¹, Alexander Solomatin², Inessa Penkova³

ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL AND REGULATORY-LEGAL STRUCTURE OF THE OF THE SECURITIES MARKET IN RUSSIA

Abstract. This paper analyzes the institutional and regulatory structure of the securities market of the Russian Federation. After analysis of the regulatory legal acts as well as electronic sources, the key institutions of the Russian securities market (such as the Moscow Exchange, the National Clearing Center, the National Settlement Depository and others), their functions and relationships were identified. Then, the regulatory bodies of these institutions were examined; the regulatory framework on which this regulation is based was also analyzed and structured. Based on the gathered information, the structure of interactions among the institutions of the Russian securities market are presented in a graphical form, as well as the distribution structure of their functions were indicated.

Key words: securities market, regulation of securities market, securities market structure.

JEL: G10, G18

- 1 **Solomatin Yaroslav Vasilievich** – degree seeker. Executive Director of Krasnaya Krepost LLC. Moscow, Russia.
- 2 **Solomatin Alexander Vasilievich** – Candidate of Sci. (Econ.), associate professor. Moscow International Higher Business School "MIRBIS" (Institute). Moscow, Russia. Email: avs1129@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4949-5425; ResearcherID: C-8956-2015; Author ID: 567330.
- 3 **Penkova Inessa Vyacheslavovna** – Doctor of Sci. (Econ.), professor. North-Caucasus Federal University (NCFU, RU). Stavropol, Russia. Author ID: 828532

References

- Berzon N. I. et al. *Rynok tsennykh bumag* [Securities Market]. Textbook for academic undergraduate. Moscow: Yurayt, 2015. 443 p. (in Russian).
- Zvyagintseva N. A. Reformirovaniye sistemy gosudarstvennogo regulirovaniya rynka tsennykh bumag: put' k megaregulyatoru [Reforming the system of state regulation of the securities market: the path to the mega-regulator]. *Izvestiya IGEA = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2013. No. 5 (91). P. 27–34 (in Russian).
- Minligareeva S. A. Gosudarstvennoye regulirovaniye rynka tsennykh bumag v usloviyakh reformirovaniya struktury ispolnitel'noy vlasti [State regulation of the securities market in the context of reforming the structure of the executive branch]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2014, No. 1. P. 31–35 (in Russian).
- Pryanishnikova M. V. Sovremennoye razvitiye struktury organizovannogo rynka tsennykh bumag Rossiyskoy Federatsii Modern development of the structure of the organized securities market of the Russian Federation. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 2013, No. 4 (48). P. 89–93 (in Russian).

ACTUAL ISSUES OF FINANCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Vestnik MIRBIS ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>

№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

For citation: Dadson G. E., Charyyarova G. D. Digitalisation policy: barriers and search for solutions in the banking industry. Vestnik MIRBIS. 2020. No. 1 (21). P. 68–75. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.8

Receipt date 01/16/2020.

Gomado Etse Dadson¹, Gozel Charyyarova²

DIGITALISATION POLICY: BARRIERS AND SEARCH FOR SOLUTIONS IN THE BANKING INDUSTRY

Abstract. Any government is interested in the development of digitalisation and all existing problem, which hinders it development. This demands the need to carry out a policy to avert these problems especially those characterised with the banking sphere which are vital for digitalisation. However, notwithstanding any government policy to direct digitalisation, greater autonomy is given to the banks to decide which pace and direction to move in digitalising operations. The old tradition of business is fading, banks are facing stiff competition from non-banking institutions and consumers gradually are becoming technologically savvy. These circumstances have forced banks to be more consumer – centric. There is rapid digitisation of the banking industry where products are presented to the comfort of consumers. Notwithstanding digital revolution in the banking industry, there are huge hurdles in terms of adopting digitisation within the industry. This study seeks to examine the barriers to digitalisation of the banking industry in Ghana.

Using qualitative approach, the study examines the adoption of this innovation by leveraging on diffusion of innovation and institutional theory. Taking the study from the perspectives of banks, a primary data was acquired through semi-structured interview of about 10 executives from different banks. Secondary data was obtained from open sources.

The result revealed that organisation's adoption of digitalisation is dependent on return on investment, institutional factors and the business environment. The study emphasis the rapid rate at which digital banking is growing in Ghana. This study concludes that banks should have a better management process in transiting consumers from the traditional process of banking to the digitisation process rather than solely waiting on the consumers adopt.

Key words: banks, non-banking institutions, digitalisation, revolution, barrier, diffusion, return on investment, management process.

JEL: O32

1 **Dadson Gomado Etse** — graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow, Russia.

E-mail: dadfrango@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6261-9728.

2 **Charyyarova Gozel Dzhumamuhamedovna** — graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow, Russia.

E-mail: ms.charyyarova@mail.ru.

Introduction

Governments policies of digitalisation, not excluding the banking sector is directly link to informational society. As the agenda 'global world' is being pushed, the economy and the business environment are being integrated. The banking industry, however, is not immune to the agenda of globalisation and the ultimate somewhat integration of the developed and developing economies. Digitalisation coupled with factors related to customers and risk have forced banks to rethink the strategies of doing business. The digital phenomenon permits huge data to be generated and transferred within short period of time, a situation which has heightened competition among banks and increased the speed and reduced the cost of operation [Owusu et al., 2017]. Digital banking has given customers the

opportunity of acquiring various services at a place and time of their convenience. More so, customers continuously are getting use to such services and keep on demanding for improvement in the quality of service being delivered by banks nonetheless larger population of customer base are not eager to join the digitisation platforms due to the inherent problems such as lack of adequate infrastructure, security issues and not user-friendly interface associated with it [Tarhini et al., 2015]. Banks on the other hand are presented with the rare opportunity of minimising operational cost, maximising profit and becoming more competitive in the industry [Furst, Lang & Nolle, 2002].

For the purposes of this study, the term digital banking may refer to internet or online banking and mobile banking. A plethora of study has been done

on adoption of digitalisation of banking operations by different researchers from various perspectives; however, the most common themes are the barriers of adoption of digital platform among consumers and mostly. Thus, some researchers argue the adoption of digital banking from the perspective of the consumer, in other words factors hindering consumers to adopt particular banking innovation – whilst some argue that feature like demographic factors, lack of know-how on the part of the consumers, poor connectivity and geographical positions as the key disincentives to customers' adoption of digital banking [Iddris, 2013; Laukkanen, 2016]; others argue that conservativeness of clients, perceived usefulness of the innovation, user-friendliness of the interface, security and cost associated with the digital services are the major hindrances to customers' adoption [Ismail, Alawamleh, 2017; Montazemi & Qahri-Saremi, 2015]. Notwithstanding any of the factors, the propensity of adopting digital banking in developed economy is higher than that of developing economy.

In fact, there have been several researches in the field of digital banking from various disciplines like information technology, management organization, marketing, financial and banking however; there is no coherency in the findings.

This study will however seek to identify and understand the barriers of digital banking from the perspective of the banks. Indeed there exist numerous literature on the factors of digital banking adoption in Ghana however, none or few take the research from the angle of the bank instead largely focus on consumers' ability and capability to adopt the innovation [Owusu et al., 2017; Iddris, 2013]. This makes the findings one-sided and miss out on the opportunity to look at the strategic failure of the institutions (banks and the financial institutions) to adequately implement a well thought out program of innovation which will look attractive to consumers. Thus, a rejection or unsuccessful trial of innovation with regards to digital banking should not entirely be laid on consumers' inability or incapability to adopt and accept.

Furthermore, the study will seek to leverage on literatures of diffusion theory of innovation and institutional theory to explore in greater depth the barriers to the adoption of digitalisation in Ghana. Also, scarcity of information and understanding of the critical factors affecting the acceptance and usage of digital platform in the Ghanaian banking industry will be considered. The result of which will help banks and financial institutions map up an unambiguous strategy of implementing innovation in

a holistic manner and creating an awareness of innovation using the appropriate channel.

This study is made relevant by the fact that, though internet and mobile communication have seen rapid and deep penetration in Ghana, the acceptance and adoption of digital banking have not reflected this expansion. Again, as a growing economy, it is imperative to understand the hurdles in the implementation of digital innovation in the banking industry in this digital dispensation to keep the industry competitive and relevant and to an extent keep the economy competitive. With the help of government and corresponding attempt in the banking sector this particular problem could be solved.

Materials and method

History of digital banking

Development of digital foundation of banking activities is always accomplished with the help of government policy which is usually directed toward allowing banks to develop digital technology in regard to working with clients and upgrading their activities, with the aim of maximising profit. Technology has somewhat bridged the gap between service providers and customers. In fact, the banking industry has benefited immensely from technology through digital banking to get intimate with customers and offer services to consumers at consumers' convenience. This has made banks to be efficient and more competitive operationally [Tarhini et al., 2015]. Though technology has been rapid and disruptive, the banking industry has been reluctant in adopting the innovation. As a matter of fact, the banking industry reluctantly adopted digital banking starting with the Automated Teller Machine which was introduced by Barclays bank in 1967. This was followed by telephone banking services though not digital but innovative enough to disrupt business model. With this platform, customers were able to communicate with bankers and transact banking business through phone calls. However, the proliferation of digital banking was on the rise within 1980s when personal computers were then the taste of consumers. The term PC-banking was then coined by the then service providers, dominated by Citibank which was the pioneer of the idea. Gradually, PC-banking technology became primitive and expensive and therefore could be operated by corporate clients. Moreover, the spread of digital banking was at its peak in the 1990s when the dotcom operations were popular and fast spreading. Thus, banks realised that the taste and attention of the customers have switched to the dotcom business therefore felt the need to take advantage of the platform with lit-

tle or no investment – there was no additional software required or new infrastructure needed to start the banking activities hence Wells Fargo employing the platform to attract customers which was subsequently followed by other major banks around the globe [Polasik, Wisniewski, 2009].

Customers' perception of digital banking

Before government gives any policy direction to banks in the development of digital technology, government with the banks strive to understand how the society will react, what policy expectations are and if there will be no risk and unjustifiable loss of clients to the banks. In most cases, the reduction of risk guarantees competition between banks and financial organisations. Currently, the digital domain is seeing increasing competition with banks and financial institutions seeking to get an edge over competitors. Customers' loyalty to a company is crucial for the survival of the company. And customers' readiness to accept a bank's innovation or subscribing to a deployed technology of a bank, largely is informed by the psychological behaviour of the customer. Therefore, understanding the psychology of the customer is equally important as improving the quality of service. Furthermore, customer may have the desire to use a technology not based on how easy the interface is but rather the usefulness of the application, thus psychologically when a customer's perceived usefulness of a technology outweighs the perceived ease of use the customer's propensity to ignore the difficulties with the application is higher since the perceived usefulness appropriately compensates for the effort/attitude. Moreover, the perceived usefulness and perceived ease of use is affected by exogenous factors such as experience, quality of the application and information [9]. Generally, there are ten major factors that influence the adoption and acceptance of digitalisation of banking activities from the perspectives of the consumer. These factors include; convenience of usage, accessibility, features availability, bank management and image, security, privacy, design, content, speed, and fees and charges. Interestingly most of these attributes coincides with already existing literatures [Laukkanen, 2016; Ismail & Alawamleh, 2017; Shaikh & Karjaluoto, 2015]. Nonetheless, to the customer, image and management of banks is core to banks' reputation. Therefore, image and management of banks play crucial role in customers' acceptance of innovation. Furthermore, Customers view privacy as something sacrosanct, therefore any innovation that seems to dig deeper into the privacy of customers is a huge disincentive for customers to accept and

adopt, nevertheless, when a bank has good management staff and a good public image, consumers are inclined to risk it and bet on the image and management of the bank [10]. In this case, government policy in the banking sphere also helps support the image of the banks within clients, making banking industry reliable and protected for users.

Implementation of Digital Banking

It is no secret that, huge capital injection is needed to build and keep up the infrastructure for the operation of digital banking though the operational cost of digital banking becomes less expensive over time. Moreover, the cost of investment on infrastructure to support digital platform performance affects the acceptance of digital banking for instance poor internet connectivity within a geographical domain or a country ultimately affects the adaptation and acceptability of digital banking [Poon, 2007]. It is however worth noticing that among the ten attributes examined Poon, management and image of banks are the only attribute which has a direct link to the action of the bank. This underscores the argument that a great number of researchers focus more on the consumer and the attributes of the consumers' ability to accept and adopt new ideas.

It must be stated that adoption is a process not an event and these processes can be seen in two different stages – the stage before the adoption, and the stage after the adoption of innovation. Furthermore, these stages are not mutually exclusive but are complementary to one another and for that matter the former is the preparatory phase for the later. Additionally, factors of technology adoption can be categorised into three; compatibility of the technology, advantage of the innovation and complexity of the innovation. Besides categorise of these factors, another contributing element are the usefulness of the innovation and the quality of information available on the innovative product or services [Montazemi & Qahri-Saremi, 2015]. Though some skewed the argument to represent only consumers, the quality of information is equally relevant for organisations or institutions and for that matter for banks to have success in introducing digital innovation product or platform. That is, the availability of quality information about a platform or the use of a product through the appropriate channel clears any confusions and complication that might arise in adopting the platform/product [Rogers, 2002]. Prior to the financial crisis in 2008, banks were comfortable and were adapting well to changes. However, the financial crisis has given way to a rapid changing world in which banks no longer dictate the pace

of the market rather are indeed struggling to adjust to the market. In fact, contrary to the assertions of most researchers, there are three elements that dictate the dynamics of the banking industry. These are digitalisation/technology, regulation and clients. Therefore, the adoption of any digital platform is not the question of how capable the client is but rather the capability of the banks. Further the financial crisis has eroded and degraded the level of trust in the banking industry and gaining it back is very relevant for the industry. As a result, customers dictate the pace of the market, what type of innovation to be supported, the reputation of the bank (that is quality of staff) and the communication lines (how banks communicate with clients). The bank which is able to keep up with these changes in taste, fashion and preference of the customers or society and invest appropriately gets the edge on the market [13]. In this current business climate, the process of creative destruction is what is needed in this era of banking. Thus, it is high time innovation is allowed to provoke 'managed chaos' in the system to promote competitiveness in the banking industry. Moreover, the case of risk and security can certainly not be a reason not to adopt innovation since technology one way or the other is associated with a degree of risk and uncertainty. Ultimately, the banking industry will be streamlined by external factors; the weaker banks will consolidate, the strong banks will come out stronger and the traditional functions of banks will continue despite the rapid proliferation of shadow banks. However, these external pressures must not force banks to sacrifice long-term gain for short-term profit [Banerjee et al., 2015]. Thus, to cite Banerjee [ibid., p.4.)

"Specifically, if they elect to cut costs and boost profits through underinvestment, over time they will not be able to keep up with technological change and evolving customer demands – and in the end, they will not have a business model. Most importantly, retail customers now expect to be able to move seamlessly across digital channels such as online and mobile banking, which requires adequate investment in digital platforms".

Therefore the sure way to meet the emerging threat and pending opportunity is an integrated program of technological investment, human capital development, embracing and adjusting customers' changing trend and good communication policy [Nițescu, 2016]. It must be noted that with the ultimate aim in mind, government economic policies and regulatory agents have significant effect on the decision of banks in the industry and consequent-

ly the pace of digital adoption of the banks. When regulatory policies are flexible banks adoption aptly and when government policies are directed towards the drive of knowledge base economy, incentives for adoption by banks will be high [Woldie et al., 2008].

The banking challenges in Ghana

The aftermath of the financial crisis has brought about keen competitions among banks to attract and maintain clients. Issues like risk management and loss prevention are gradually taking centre stage in the banking sector. A situation which has consistently kept interest rate high in Ghana. Furthermore, the issue of financial sector 'clean up' in the banking and the financial industry, coupled with series of regulatory directives from the regulatory agent recently has become a primary concern for all stakeholders in the industry in Ghana.

The advancement in technology has triggered the processing of big data on daily occurrence. Unfortunately, most Ghanaian banks are mostly less resourced hence has no financial muscles for necessary investment even though the Ghanaian population largely is within the millennial age thus the average age of the population falling with 21. As result of lack of investment in technology (digital), a large part of the population (millennial age) who are adventurous and prone to adopt digital technology are being missed. This has led to many banks and financial institution to chase the same segment of client making the market highly saturated with it associated challenges.

From a 2014 survey conducted by the central bank, about 81.8% of the executives surveyed consider competition as a major challenge. In addition, 72.7% see regulations as a challenge whilst 63.6% are of the view that technological factors will have the greatest influence on the future of banking in Ghana [Owusu et al., 2017]. In view of this it is therefore salient for the banking sector i.e. organisational level to start thinking strategically about the adoption and implementation of digital policy (banking) from the highest level of the organisation to the customer if the Ghanaian banks want to stay relevant in this competitive and fluid industry. Fortunately, there is huge opportunity in terms of client coverage in Ghana as mobile and internet penetration is on the ascendancy. Therefore, a new method of reaching the 70% of the unbank population of about 30 million people must be adopted since in the long term, the return on this investment will be worth it.

Theoretical underpinnings

**Diffusion of innovation theory
and Institutional theory**

The theory of diffusion started off as type of communication research in the 1940s [Rogers, 1976.]. According to Rogers [ibid.], it was until the 1960s when there was actual breakthrough in the research of diffusion theory of innovation. Within that period the study was focused on developing country. However, meticulousness revealed the previous flaw within the theory and the biases associated with previous researches. This theory is profound in that there was an exception to a situation where producers will sponsor researchers thereby manipulating the findings or monopolising the findings therefore making future research on the results difficult or impossible. The theory places emphasis on the fact that diffusion is communication behaviour and occur through a social structure and the effect is usually seen over a period of time. With this communication behaviour comes to the fore the quality or the strength of a weak tie which is usually notice within social network (human relationship) [ibid.]. The theory, however, throws light on the component that helps in the diffusion of innovation and that includes innovation, time, communication channel and social system. According to Rogers [Rogers, 2002, p. 990];

“Mass media channels are more effective in creating initial knowledge of innovations, whereas interpersonal channels are more effective in forming and changing attitudes toward a new idea, and thus in influencing the decision to adopt or reject a new idea”

The theory also sought to underline class of adopters whereby some segment of the society accepts and adopt quickly an innovation whilst others are reluctant in accepting.

Rogers [Rogers, 2004, p.13] however defines diffusion as “process through which an innovation, defined as an idea perceived as new, spreads via certain communication channels over time among the members of a social system”

It is therefore imperative that banks in adopting a digital platform to transact business, communicate this innovation through the appropriate channel of social system and must be patient to see the result of the product. Thus, innovation product or service of a bank must be followed with a well-developed program of promoting the product or service using a well-designed communication channels involving personal and social relationships.

Although consumers are willing and ready to move to digital platforms, most banks unfortunately are not prepared to meet the challenge. In fact, McKinsey [Olanrewaju, 2014] asserts that;

“retail banks have digitized only 20 to 40 percent

of their processes; 90 percent of European banks invest less than 0.5 percent of their total spending on digital. As a result, most have relatively shallow digital offerings focused on enabling basic customer transactions”

This phenomenon can be explained through the theory of adoption where banks investing in innovation want to see quick return but inability of the banks to communicate to the customers the benefit of adopting innovation, erodes the intentions. Banks merely introduce innovation because the banks believe it is the order of the day without a well thought out program to deliver the product to the customers. True to tell, digitisation is the fashion of the century as consumers are using the digital platforms to buy various products from books to ticketing. This is because consumers have understood and bought into the idea hence a flourishing business. However, the reluctance of banks to adopt and invest in the digital platform is making the banks miss out on the opportunity and lag other industry [ibid.]. More so, banks are being conservative and not proactive because the banks simple react to the challenges posed by the non-banking financial service otherwise called shadow bankers and the challenges posed by consumers.

Another theory that is worth talking about on adoption is institutional theory. Institutional theory to a larger extent gives researcher a better understanding of the action and inaction of organisation. Organisations are expected to behave rationally, thus within the norms and confinement of the society within which they exist. It is through the ‘rational’ behaviour that gives the organisation legitimacy within the society. This ultimately gives organisation the chance to survive and operate within the society. However, conforming to societal norms compromises the organisational technical competency and efficiency [Greenwood et al., 2017]. Generally, organisation and management practices are pure human social construct but not an evidence of empirical reality. This is however not surprising to note that though banks are established on economic motive, banks usually follow the dictates and perceptive waves of the society sometimes at the expense of economic gain thus, economic motive not playing out to be the fundamental of socio-culture causes [Suddaby, 2015].

The aftermath of the financial crisis eroded or degraded the trust relationship between banks and customers. Customers have been forced to seek alternative method of transacting financial operations order than the banks leaving the banks to pursue

clients on their terms. Because banks are playing the catching up thus trying to meet the taste and satisfaction of clients, the penetration of the digital banking is not as wide as compared to the penetration of digital platforms in general. Thus, though the mobile and internet penetration is wide globally however it doesn't necessarily reflect in the banking industry [Shaikh & Karjaluo, 2015].

The consequence of the 2008 financial crisis is that the fundamental rule of institution has been broken and coupled with the advancement in technology, all boundaries are being moved at a fast pace. Banks with their conventional structure needs to adapt and adopt quickly. Institutional communication must be swiftly re-defined and re-configured for the sake of effectiveness [Cornelissen et al., 2015].

Method

This study uses the qualitative approach of examining these phenomena. This because there has been little known research of the barriers of digitisation in Ghana. This has necessitated collection of primary data from sources thus, managers, information technology experts, analytics and some selected staff of banks. Interviews focus group discussion was chosen due to the nature of the study. That is to say the aim was to probe subjectively how staff, experts and managers are well prepared in this digital world, the marketing strategy adapted to penetrate the market and why firms do not seem to make inroad as expected of them. In seeking the full cooperation of the selected participants, there was full disclosure of the intent of the interview and confidentiality was guaranteed at the highest level. Participants were therefore brief on the minimum time limit the interview will be taken [Saunders, Lewis & Thornhill, 2009].

Data Collection

Data were collected from multiple sources. The main sources of data were banks' staff, IT experts and managers. The information was then evaluated Kothari [Kothari, 2004] to attain a desirable outcome. It must be noted that since it is subjective approach to this investigation, the tendency of bias being impugned in the evaluation cannot be discarded entirely. Data were however collected within a reasonable period of time which made the conclusion substantial. Though there was delay in getting interviews and feet-dragging from participant, ultimately significant number of participants availed themselves. Thus, approximately 50 participants with an estimate time of 30 minutes each gave the research enough grounds to draw reasonable conclusion as per the aim. A semi-structured interview with the

help of snowball sampling of the census guaranteed some sort of confidence in the conclusion [Creswell & Creswell, 2017]. An analysis was made based on the categories of population interviewed. Codes were assigned to each category with special attention was given to the managers and experts. The study's philosophy was on interpretivism hence the interpretative technique was used to analyse the data obtained.

Conclusion

Development of digitalisation in the banking industry on all levels and its realisation directly or indirectly there is government participation, creating of mechanism for regulation with which it helps create conducive atmosphere for banks and clients. Many problems have been successful solved, the rising problems are also are on the level of solution

The first to be notice was that banks are risk averse therefore the banks try as much as possible not to engage in capital expenditure with an undefined future return hence the lack of capital investment in the digital platform. The banks therefore find it convenient to leverage on the already existing platform to connect to the customers, a practice which mostly involves minimal investment. Again, this lack of capital injection in the infrastructure development hampers the growth of digitisation in Ghana. The infrastructure requires huge capital injection and banks especially the small banks do not have such capital to invest, this ultimately hinders the pace at which the banks adopt the digitisation concept though the digital concept in general is having greater and sustainable impact.

Banks usually assume that the digital concept is the norms therefore do little or nothing to educate the customer of the benefit of the digital platform being rolled out. This however throws customers off-guard and become highly indifferent to the innovation the banks are rolling out until it becomes a necessity. The findings revealed that if banks will invest a little resource to educate customers as to the benefit of the platform many more clients will indeed be hook on the platform.

The finding shows that, in the Ghanaian setup, security is the least of the clients' worry. However, banks staff mostly are indifferent to the innovation platform of the bank this is because the staff are themselves ignorant of the innovation or have just little idea of the innovation. The banks thus have centralised the innovation which is to be rolled such that only the IT/ICT units could sufficiently and confidently explain the innovation. This shows that banks as a matter of necessity must educate their staff at all

level so that at any given time a staff could educate a client or allay the fear of a client in adopting an idea. the banking sector will be on the ascendancy.

Some interviewees also cited the economy and government policies as a barrier. While government policies of liberalisation can spread the use of technology at rapid pace, unnecessary bureaucratic cause could create a great obstacle. As one banker puts it, in the quest to get an operating licence for branchless bank, it is taken the bank more than three years and still counting. That is government regulator must be swift and flexible in exercising their powers or else the risk of limiting innovation in support sectoral transformation of the economy.

References

- Alsajjan B., Dennis C. Internet banking acceptance model: Cross-market examination. *Journal of business research*. 2010. V. 63. No. 9–10. P. 957–963. DOI: [10.1016/j.jbusres.2008.12.014](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2008.12.014).
- Banerjee B. et al. The Determinants of Bank Profitability in Slovenia, 1999–2014. *Bančni Vestnik*. No. 11. 2015. P. 21–32.
- Cornelissen J. P. et al. Putting communication front and center in institutional theory and analysis. *Academy of Management Review*. Vol. 40, No. 1. 2015. DOI: [10.5465/amr.2014.0381](https://doi.org/10.5465/amr.2014.0381)
- Creswell J. W., Creswell J. D. *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches*. SAGE publishing, 2017. ISBN-13: 978-1506386706, ISBN-10: 1506386709.
- Furst K., Lang W. W., Nolle D. E. Internet banking. *Journal of Financial Services Research*. 2002. Vol. 22. No. 1–2. P. 95–117.
- Greenwood R. et al. (ed.). *The Sage handbook of organizational institutionalism*. Sage, 2017. DOI: [10.4135/9781526415066](https://doi.org/10.4135/9781526415066)
- Iddris F. Barriers to adoption of mobile banking: Evidence from Ghana. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2013. Vol. 3. No. 7. P. 356–370. DOI: [10.6007/IJARBS/v3-i7/59](https://doi.org/10.6007/IJARBS/v3-i7/59).
- Ismail L. B., Alawamleh M. The Impact of Online Banking of Customer Satisfaction in Jordan. *Journal of Organisational Studies and Innovation*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1–13.
- Kothari C. R. *Research methodology: Methods and techniques*. New Age International, 2004. 401 p.
- Laukkanen T. Consumer adoption versus rejection decisions in seemingly similar service innovations: The case of the Internet and mobile banking. *Journal of Business Research*. 2016. Vol. 69. No. 7. P. 2432–2439.
- Montazemi A. R., Qahri-Saremi H. Factors affecting adoption of online banking: A meta-analytic structural equation modeling study. *Information & Management*. 2015. Vol. 52. No. 2. P. 210–226. DOI: [10.1016/j.im.2014.11.002](https://doi.org/10.1016/j.im.2014.11.002)
- Nițescu D. C. New pillars of the banking business model or a new model of doing banking?. *Theoretical and Applied Economics*. Volume 23 (2016), No. 4(609), Winter, pp. 143–152.
- Olanrewaju T. The rise of the digital bank. *McKinsey on Business Technology*. 2014. Vol. 33. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/the-rise-of-the-digital-bank>
- Owusu A. et al. Determinants of business intelligence systems adoption in developing countries: An empirical analysis from Ghanaian Banks. *The Journal of Internet Banking and Commerce*. 2017. P. 1–25.
- Polasik M., Piotr Wisniewski T. Empirical analysis of internet banking adoption in Poland. *International Journal of bank marketing*. 2009. Vol. 27. No. 1. P. 32–52. DOI: [10.1108/02652320910928227](https://doi.org/10.1108/02652320910928227)
- Poon W. C. Users' adoption of e-banking services: the Malaysian perspective. *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2007. Vol. 23. No. 1. P. 59–69.
- Rogers E. M. A prospective and retrospective look at the diffusion model. *Journal of health communication*. 2004. Vol. 9. No. S1. P. 13–19.
- Rogers E. M. Diffusion of preventive innovations. *Addictive behaviors*. 2002. Vol. 27. No. 6. P. 989–993.
- Rogers E. M. New product adoption and diffusion. *Journal of consumer Research*. 1976. Vol. 2. No. 4. P. 290–301.
- Saunders M., Lewis P., Thornhill A. *Research Methods for Business Students*. 5th Edition. 2009. ISBN-10: 0273716867; ISBN-13: 978-0273716860.
- Shaikh A. A., Karjaluo H. Mobile banking adoption: A literature review. *Telematics and Informatics*. 2015. Vol. 32. No. 1. P. 129–142. DOI: [10.1016/j.tele.2014.05.003](https://doi.org/10.1016/j.tele.2014.05.003)
- Suddaby R. Can institutional theory be critical?. *Journal of Management Inquiry*. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 93–95. DOI: [10.1177/1056492614545304](https://doi.org/10.1177/1056492614545304)
- Tarhini A. et al. User adoption of online banking in Nigeria: A qualitative study. *The Journal of Internet Banking and Commerce*. 2015. Vol. 20. No. 3. DOI: [10.4172/1204-5357.1000132](https://doi.org/10.4172/1204-5357.1000132)
- Woldie A. et al. Internet banking: an initial look at Ghanaian bank consumer perceptions. *Banks and Bank Systems*, Volume 3, Issue 3, 2008. P. 35–46.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Dadson G. E., Charyyarova G. D. Digitalisation policy: barriers and search for solutions in the banking industry // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 68–75. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.8

Дата поступления 16.01.2020 г.

УДК 658.5

Гомадо Дадсон¹, Гозель Чарыярова²

ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ: БАРЬЕРЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Любое правительство заинтересовано в развитии цифровизации и всех существующих проблем, которые мешают ее развитию. Это требует проведения политики, направленной на предотвращение этих проблем, особенно тех, которые связаны с банковской сферой и имеют жизненно важное значение для цифровизации. Тем не менее, несмотря на любую государственную политику, направленную на цифровизацию, банкам предоставляется большая автономия, чтобы решать, какими темпами и направлением двигаться в операциях по цифровизации.

Старая деловая традиция исчезает, банки сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны небанковских учреждений, и потребители постепенно становятся технически подкованными. Эти обстоятельства заставили банки быть более ориентированными на потребителя. Это и есть ускоренная цифровизация банковской индустрии, где продукты представлены для удобства потребителей. Несмотря на цифровую революцию в банковской индустрии, существуют огромные препятствия с точки зрения внедрения цифровых технологий в отрасли. Это исследование направлено на изучение барьеров для цифровизации банковской индустрии в Гане. Используя качественный подход, исследование изучает принятие этой инновации, используя диффузию инноваций и институциональной теории. Если взять исследование с точки зрения банков, первичные данные были получены путем полуструктурированного опроса около 10 руководителей из разных банков. Вторичные данные были получены из открытых источников. Результат показал, что внедрение цифровизации в организации зависит от окупаемости инвестиций, институциональных факторов и деловой среды.

В исследовании подчеркивается быстрый темп роста цифровизации банковской сферы в Гане. В этом исследовании делается вывод о том, что в банках должен быть более эффективный процесс управления при переходе потребителей от традиционного банковского процесса к процессу цифровизации, а не только в ожидании принятия потребителями.

Ключевые слова: банки, небанковские учреждения, цифровизация, революция, принятие, барьер, диффузия, возврат инвестиций, процесс управления.

JEL: O32

Список источников на стр. 45.

¹ Дадсон Гомадо Этсе — аспирант, РУДН. Москва, Россия. E-mail: dadfrango@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6261-9728.

² Чарыярова Гозель Джумамухамедовна — аспирант, РУДН. Москва, Россия. E-mail: ms.chariyarova@mail.ru.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21) 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Грабчак Е. П., Логинов Е. Л., Мищеряков С. В. Цифровая трансформация систем управления ТЭС: переход к интеллектуальной модели управления жизненным циклом энергетического оборудования // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 76–83. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.9

Дата поступления 01.02.2020 г.

УДК 658

Евгений Грабчак¹, Евгений Логинов², Сергей Мищеряков³

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ТЭС: ПЕРЕХОД К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЗНЕННЫМ ЦИКЛОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается интеллектуальная информационно-аналитическая технология, реализуемая в процессах эксплуатации тепловых электрических станций, основанная на возможностях мультиагентного анализа состояния каждого элемента энергетического оборудования в единой стандартизированной цифровой модели ТЭС, когда система заранее сигнализирует о необходимости ремонта энергетического оборудования. Анализ включает изучение показателей, характеризующих техническое состояние функциональных узлов энергетического оборудования (с использованием расчетных моделей планирования режима работы ТЭС) с внедрением виртуальной модели управления жизненным циклом энергетического оборудования для определения оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование. При этом, предлагается использовать систему единых стандартов, единую стандартизированную модель, единые подходы к идентификации, основанные на единой онтологической модели предметной деятельности для перехода от планово-предупредительных ремонтных работ в отношении энергетического оборудования объектов к ремонтам по техническому состоянию с возможностью формирования сценариев технических воздействий на это оборудование (агентное моделирование управляемого событиями поведения): продолжения эксплуатации, осуществления ремонта, замены, модернизации или реконструкции.

В статье представлены подходы к формированию технологии мониторинга обеспечивает построение унифицированных систем учета энергетического оборудования, эксплуатируемого в электро- и теплоэнергетических системах, улучшения их технологических параметров и характеристик в отношении оценки и прогноза технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов для определения оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование, позволяющее направлять поток событий согласно условиям, заданным наличием финансовых средств на эти цели.

При этом осуществляется автоматизированный анализ индексов технического состояния каждой единицы (узла) энергетического оборудования и формирование сценариев технических воздействий на это оборудование (агентное моделирование управляемого событиями поведения).

Ключевые слова: тепловые электрические станции, оборудование, жизненный цикл, цифровая модель, цифровые двойники, мониторинг.

JEL: L51

1 Грабчак Евгений Петрович — кандидат экономических наук, заместитель министра. Министерство энергетики РФ. Москва, Россия.

E-mail: Grabchak.eugene@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3373-8696; AuthorID 987468.

2 Логинов Евгений Леонидович — доктор экономических наук, профессор РАН, дважды лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, заместитель директора Института экономических стратегий, начальник службы Ситуационно-аналитического центра Минэнерго России. Институт экономических стратегий, Москва, Россия. E-mail: evgenloginov@gmail.com. ORCID: 0000-0001-8487-0692; AuthorID 185486.

3 Мищеряков Сергей Васильевич — доктор экономических наук, генеральный директор. Корпоративный образовательный и научный центр ЕЭС им. А. Ф. Дьякова (НП «КОНЦ ЕЭС»). Москва, Россия. E-mail: msv@keu-ees.ru. ORCID: 0000-0003-3460-6257; AuthorID 714777.

Введение

В Российской энергетике в связи с цифровыми трендами трансформации информационных систем управления все большую востребованность получают интеллектуальные информаци-

онно-аналитические технологии, реализуемые в процессах эксплуатации тепловых электрических станций (ТЭС) [Костюков, Тарасов, Путинцев, 2015; Логинов, Борталевич, Шкута, 2017]. Актуализируется построение современных цифровых

систем учета энергетического оборудования, эксплуатируемого в электро- и теплоэнергетических системах, оптимизации их технологических параметров и характеристик [Круг, Новиков, 2012; Мищеряков, 2018]. Это особенно важно, прежде всего, в отношении мониторинга технического состояния энергетического оборудования тепловых электрических станций, которое существенно изношено и выработало нормативные сроки эксплуатации [Албул и др., 2013; Римов, 2018].

Несмотря большое количество новых разработок в этой сфере, наблюдается потребность в новых технологиях мониторинга технического состояния энергетического оборудования ТЭС для перехода от планово-предупредительных ремонтных работ в отношении энергетического оборудования объектов к ремонтам по техническому состоянию [Кондратьева и др., 2019; Логинов и др., 2017]. Старение и изношенность энергетического оборудования ТЭС определяют потребность прогнозировании оптимальности технических воздействий на это оборудование: продолжения эксплуатации, осуществления ремонта, замены, модернизации или реконструкции с учетом протекания деградационных процессов в массиве энергетического оборудования.

Создание цифровой среды управления с поддержкой риск-ориентированного управления на базе цифровых технологий

Для определения оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование, позволяющее направлять поток событий согласно условиям, заданным наличием финансовых средств на эти цели, целесообразно использовать расчетные модели планирования режима работы ТЭС на основе мониторинга и анализа состояния каждого элемента энергетического оборудования в единой стандартизированной цифровой модели ТЭС с верификацией модели для уточнения ее соответствия событиям в реальной среде [Грабчак, 2018].

Предлагается создание, своего рода, цифровой среды управления, с опорой на технологии риск-менеджмента на базе цифровых технологий для оценки технического состояния энергетического оборудования тепловых электрических станций с использованием цифровых двойников технических систем, процессов, изделий, объектов для определения оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование на всех стадиях его эксплуатации. При этом эксплуатация энергетического оборудования с использованием расчетных моделей пла-

нирования режима работы ТЭС (с планированием будущих синхронизационных операций, прогнозированием для устранения причин их задержки) на основе мониторинга и анализа состояния каждого элемента энергетического оборудования в единой стандартизированной цифровой модели ТЭС рассматривается авторами как динамическая совокупность текущего и капитального ремонта с учетом различных категорий показателей надежности и рабочего ресурса энергетического оборудования, выделяемых по признаку прямого или опосредованного участия в снижении потока отказов, интенсивности отказов и увеличении срока безаварийной эксплуатации.

Для контроля процессов эксплуатации энергетического оборудования в системе мониторинга технического состояния энергетического оборудования тепловых электрических станций с внедрением виртуальной модели управления жизненным циклом энергетического оборудования, когда система заранее сигнализирует о необходимости ремонта энергетического оборудования, предлагается использовать технологии агентного анализа и моделирования.

Необходимо налаживание анализа показателей надежности и рабочего ресурса энергетического оборудования для перехода от планово-предупредительных ремонтных работ в отношении энергетического оборудования объектов к ремонтам по техническому состоянию (с тестированием стратегий технического обслуживания), которые требуют прогнозирования уровня износа энергетического оборудования и вероятности наступления отказов (ориентированный граф с вершинами — состояниями и псевдосостояниями энергетического оборудования) [Гаврилюк, Манцеров, 2018; Секретарев, Мехтиев, 2015].

Для этого анализируется техническое состояние функциональных узлов энергетического оборудования тепловых электрических станций (на базе виртуальной модели управления жизненным циклом энергетического оборудования с учетом протекания деградационных процессов в массиве энергетического оборудования) с использованием единых стандартов, единую стандартизированную модели, единых подходов к идентификации, основанных на единой онтологической модели предметной деятельности с опорой на технологии риск-менеджмента на базе цифровых технологий.

На этой основе предполагается при контроле и мониторинге состояния каждого элемента энергетического оборудования в единой стан-

дартизированной цифровой модели ТЭС с верификацией модели для уточнения ее соответствия событиям в реальной среде — в рамках расчетных моделей планирования режима работы ТЭС — программное определение соответствующего целевым установкам индекса технического состояния энергетического оборудования для предотвращения ситуаций с неисполнением либо ненадлежащим исполнением ремонта. То есть необходим анализ и идентификация отказов и их последствий, интенсивности отказов для увеличения срока безаварийной эксплуатации на основе использования индекса технического состояния энергетического оборудования, направленных на определение оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование, позволяющее направлять поток событий согласно условиям, заданным наличием финансовых средств на эти цели, с учетом показателей надежности и рабочего ресурса энергетического оборудования.

Структура описания анализируемых данных

Описания структурированных баз данных технического состояния энергетического оборудования, с опорой на технологии риск-менеджмента на базе цифровых технологий, представляются стандартизованным образом и содержат данные о результатах эксплуатации энергетического оборудования в системе технического состояния энергетического оборудования тепловых электрических станций. Сквозная цифровизация создает базу для построения унифицированных систем учета энергетического оборудования, эксплуатируемого в электро- и теплоэнергетических системах, мониторинга их технологических параметров и характеристик.

Идентификация, задание структуры информации в базе данных является одной из составных частей онтологического моделирования. Она предполагает наличие набора терминов (TBox — от Terminology Box), набора утверждений (ABox — от Assertion Box), т. е. значения конкретных свойств для конкретных индивидуальных объектов, конкретные связи между ними (эта часть модели описывает конкретные факты).

Пятнадцатого ноября 2019 г. в России приняты ГОСТ Р 58651.1 — 15.11.2019 «Информационная модель электроэнергетики. Основные положения» и ГОСТ Р 58651.2 — 15.11.2019 «Информационная модель электроэнергетики. Базисный профиль информационной модели», которые определяют требования к профилям информацион-

ных моделей и организации информационного обмена в электроэнергетике и устанавливают состав информационной модели для обеспечения однозначной интерпретации передаваемых и получаемых данных всеми участниками информационного обмена в электроэнергетике. Принятие ГОСТов дает дополнительный импульс работам по разработке единых отраслевых классификаторов основного технологического энергетического оборудования, формирования единой информационной модели электроэнергетики.

Динамика потока отказов, интенсивности отказов на основе мониторинга и анализа состояния каждого элемента энергетического оборудования в единой стандартизированной цифровой модели ТЭС изучается с использованием специального уникального кода, виртуально прикрепляемого к единице энергетического оборудования (группе).

Описания идентифицируемых параметров потока отказов, интенсивности отказов, связанных с исполнением расчетных моделей планирования режима работы ТЭС, одного типа группируются в виртуальные информационные блоки данных по эксплуатации энергетического оборудования в системе технического состояния энергетического оборудования ТЭС с учетом характеристик жизненного цикла энергетического оборудования.

При этом создается возможность анализа разноплановых технико-экономических данных получаемых из различных информационных источников для определения оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование с использованием единых стандартов, единую стандартизованной модели, единых подходов к идентификации, основанных на единой онтологической модели предметной деятельности.

На этой основе осуществляется выход на формирование сценариев технических воздействий на это оборудование (агентное моделирование управляемого событиями поведения): продолжения эксплуатации, осуществления ремонта, замены, модернизации или реконструкции с учетом протекания деградиционных процессов в массиве энергетического оборудования, где анализ параметров процессов эксплуатации, позволяет проанализировать движение пакетов ресурсов, выделить тенденцию изменения группы показателей надежности и рабочего ресурса энергетического оборудования и их характеристики для выработки управляющих рекомендаций в рамках

интерактивной коммуникации энергокомпаний и контролирующих ведомств.

Систематика показателей надежности и рабочего ресурса энергетического оборудования представляется в ходе анализа обычной и аварийной эксплуатационной динамики для перехода от планово-предупредительных ремонтных работ в отношении энергетического оборудования объектов к ремонтам по техническому состоянию (с тестированием стратегий технического обслуживания), которые требуют корректировки исходя из прогнозирования уровня износа энергетического оборудования и вероятности наступления отказов (ориентированный граф с вершинами — состояниями и псевдосостояниями энергетического оборудования), то есть оценки и прогноза технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов. Операторы мониторинга при анализе потока отказов, интенсивности отказов, использующие цифровые двойники технических систем, процессов, изделий, объектов, могут выделить генезис (первопричину) событий на основе выявления явных и неявных причинно-следственных зависимостей в режиме оценки и прогноза технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов в отношении каждого элемента энергетического оборудования в единой стандартизированной цифровой модели ТЭС с верификацией модели для уточнения ее соответствия событиям в реальной среде.

Определение ресурсоэффективности текущего и капитального ремонта

Кластеризуемые показатели технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов определяются в ходе контроля обычной и аварийной эксплуатационной динамики с выходом на показатели ресурсоэффективности текущего и капитального ремонта с расширением спектра любых доступных для анализа показателей надежности и рабочего ресурса энергетического оборудования. Выбранный оператором мониторинга пакет данных по оценке и прогнозу технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов несет информацию о ресурсоэффективности текущего и капитального ремонта во временной и объектно-параметрической динамике.

Классификация, то есть включение каждого объекта в один или несколько классов, кластеров является неотъемлемой составляющей онтологического моделирования. Термин «класс» в информационных моделях означает некий символ (информационный сигнал), который используется для общего обозначения какой-либо совокупности объектов. Концептуализация в моделях, и классификация — в информационных системах нужны для того, чтобы получить возможность формулировать знания и строить логические выводы в частности по ресурсоэффективности технических воздействий.

Вычисляемые интерпретации ресурсоэффективности текущего и капитального ремонта на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов позволяют определить оптимальный вид, состав и стоимость технического воздействия на это оборудование [Секретарев, Мошкин, Мехтиев, 2015; Труханов и др., 2018].

Анализ технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов, идентифицирующих неэффективность конкретной позиции в рамках расчетных моделей планирования режима работы ТЭС, позволяет индивидуализировать характеристики индекса технического состояния конкретной единицы энергетического оборудования с формированием уточняющих условий к реализации текущего и капитального ремонта (с планированием будущих синхронизационных операций, прогнозированием для устранения причин их задержки).

Это также помогает определить соответствие процесса эксплуатации нормативным требованиям [Ефимов и др., 2012; Норицына, 2017]. Результаты анализа позволяют государственным ведомствам выработать рекомендации по корректировке программ текущего и капитального ремонта ТЭС с учетом тарифно-ценовой и ресурсной динамики в отношении производства и реализации электроэнергии и тепла [Оклей, 2016; Черезов, Грабчак, 2016].

Таким образом, для снижения потока отказов, интенсивности отказов и увеличения срока безаварийной эксплуатации энергетического оборудования ТЭС предлагается способ интеллектуального анализа для оценки и прогноза технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов с использованием многоаспектной интерпретации систематики показателей надежности и рабочего ресурса энер-

гетического оборудования с использованием цифровых двойников технических систем, процессов, изделий, объектов.

Заключение

Предлагаемая технология мониторинга обеспечивает построение унифицированных систем учета энергетического оборудования, эксплуатируемого в электро- и теплоэнергетических системах, улучшения их технологических параметров и характеристик в отношении оценки и прогноза технического состояния производственного энергетического оборудования на основе данных мониторинга, статистики дефектов и отказов для определения оптимального вида, стоимости и сроков технического воздействия на это оборудование, позволяющее направлять поток событий соглас-

но условиям, заданным наличием финансовых средств на эти цели. Осуществляется автоматизированный анализ индексов технического состояния каждой единицы (узла) энергетического оборудования и формирование сценариев технических воздействий на это оборудование (агентное моделирование управляемого событиями поведения): продолжения эксплуатации, осуществления ремонта, замены, модернизации или реконструкции (с планированием будущих синхронизационных операций, прогнозированием для устранения причин их задержки) с заданием базовых характеристик, когда система заранее сигнализирует о необходимости ремонта энергетического оборудования, с использованием расчетных моделей планирования режима работы ТЭС.

Список источников

- Албул В. П. и др. Анализ показателей работы ТЭС / В. П. Албул, С. В. Дроздов, Т. А. Степанова, В. А. Тумановский, Н. В. Винниченко // Информационные ресурсы России. 2013. № 2 (132). С. 2–6.
- Гаврилюк Е. А., Манцеров Б. А. Управление техническим состоянием сложных систем на основе нечеткой модели // Автоматизация процессов управления. 2018. № 1 (51). С. 91–98.
- Грабчак Е. П. Концептуальный подход к внедрению в отрасли рискориентированной системы мониторинга и оценки готовности субъектов энергетики к работе в отопительный сезон // Электроэнергия. Передача и распределение. 2018. № 3 (48). С. 4–10.
- Ефимов А. В. и др. Применение методов интервальной статистики для диагностики технического состояния энергетического оборудования и планирования продолжительности ремонтов энергоблоков ТЭС и АЭС / А. В. Ефимов, Т. В. Потанина, В. Л. Каверцев, Т. А. Гаркуша, Т. А. Есипенко // Энергосбережение. Энергетика. Энергоаудит. 2012. № 6 (100). С. 20–26.
- Кондратьева О. Е. и др. Разработка методики оценки затрат при переходе на наилучшие доступные технологии энергетической отрасли / О. Е. Кондратьева, П. В. Росляков, Д. О. Скобелев, Т. В. Гусева, О. А. Локтионов, М. Аке // Теплоэнергетика. 2019. № 7. С. 68–76. DOI: [10.1134/S0040363619070051](https://doi.org/10.1134/S0040363619070051)
- Костюков В. Н., Тарасов Е. В., Путинцев С. Л. Мониторинг безопасной эксплуатации энергетического оборудования ТЭС // Новое в российской электроэнергетике. 2015. № 2. С. 6–13.
- Круг П. Г., Новиков Д. Б. Функциональная структура АСУТП тепловой электрической станции // Промышленные АСУ и контроллеры. 2012. № 3. С. 1–6.
- Логинов Е. Л. и др. Сетецентрическое управление объектами атомного энергопромышленного комплекса России как многоагентной системы с большим числом квази-автономных организационных и технических элементов с собственными управленческими траекториями / Е. Л. Логинов, С. И. Борталевич, А. В. Баитов, В. Ю. Борталевич // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2017. № 1. С. 112–119.
- Логинов Е. Л., Борталевич С. И., Шкута А. А. Развитие интеллектуальных сервисов в автоматизированных информационных системах управления энергетической инфраструктуры. Москва: ИПР РАН, 2017. 95 с.
- Мищеряков С. В. Цифровая оценка надежности производственной системы субъектов энергетики // Надежность и безопасность энергетики. 2018. Т. 11. № 2. С. 109–116.
- Норицына И. Ю. Прогнозирование оценки технического состояния электроэнергетического оборудования // Системы компьютерной математики и их приложения. 2017. № 18. С. 107–109.
- Оклеп П. И. Принципы формирования информационной базы системы управления производственными активами тепловой электростанции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 1. С. 26–41.

Римов А. А. Методические аспекты оценки и прогноза технического состояния основного установленного энергетического оборудования электростанций // Надежность и безопасность энергетики. 2018. Т. 11. № 2. С. 134–142.

Секретарев Ю. А., Мехтиев А. Д. Оценка ремонтно-восстановительных работ на основе мониторинга случайного процесса эксплуатации основного энергетического оборудования станции // Электро. Электротехника, электроэнергетика, электротехническая промышленность. 2015. № 5. С. 49–52.

Секретарев Ю. А., Мошкин Б. Н., Мехтиев А. Д. Корреляционно-регрессионный анализ составляющих себестоимости производства энергии на тепловых электрических станциях // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 2 (31). С. 47–51.

Труханов В. М. и др. Математическая модель прогнозирования отказов статистическим методом при испытаниях головных образцов энергетического оборудования ТЭС / В. М. Труханов, М. М. Султанов, М. П. Кухтик, Ю. А. Горбань // Надежность и безопасность энергетики. 2018. Т. 11. № 3. С. 235–240.

Черезов А. В., Гребчак Е. П. Зарубежный опыт нормативно-правового регулирования обеспечения надежности в электроэнергетике // Надежность и безопасность энергетики. 2016. № 2 (33). С. 2–8.

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Evgeny Grabchak¹, Evgeny Loginov², Sergey Mischeryakov³,

DIGITAL TRANSFORMATION OF THERMAL POWER STATION CONTROL SYSTEMS: TRANSITION TO THE INTELLECTUAL MODEL OF POWER EQUIPMENT LIFE CYCLE MANAGEMENT

Abstract. The article discusses the intelligent information-analytical technology implemented in the operation processes of thermal power plants, based on the capabilities of multi-agent analysis of the state of each element of power equipment in a single standardized digital model of thermal power plants, when the system signals in advance about the need to repair power equipment. The analysis includes the study of indicators characterizing the technical condition of the functional units of power equipment (using calculation models for planning the operating mode of TPPs) with the introduction of a virtual model for managing the life cycle of power equipment to determine the optimal type, cost and timing of the technical impact on this equipment. At the same time, it is proposed to use a system of uniform standards, a unified standardized model, unified approaches to identification, based on a unified ontological model of subject activity for the transition from scheduled preventive maintenance work in relation to the power equipment of facilities to technical repairs with the possibility of creating scenarios of technical impacts on this equipment (agent-based modeling of event-driven behavior): continued operation, repair, replacement, modernization or reconstruction.

The article presents approaches to the formation of monitoring technology that provides the construction of unified accounting systems for power equipment operated in electric and heat power systems, improving their technological parameters and characteristics with respect to assessing and forecasting the technical condition of production power equipment based on monitoring data, statistics of defects and failures for determining the optimal type, cost and terms of technical impact on this equipment, to direct the flow of events-governing in accordance with the conditions specified by the presence of funds for these purposes.

In this case, an automated analysis of the indices of the technical state of each unit (node) of energy equipment and the formation of scenarios of technical impacts on this equipment (agent-based modeling of event-driven behavior) are performed.

Key words: thermal power plants, equipment, life cycle, digital model, digital doubles, monitoring.

JEL: L51

1 **Grabchak Evgeny Petrovich** – Candidate of Sci. (Econ.), deputy minister. Ministry of Energy of the Russian Federation. Moscow, Russia. E-mail: Grabchak.eugene@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3373-8696; AuthorID 987468.

2 **Loginov Evgeny Leonidovich** – Doctor of Sci. (Econ.), Professor of the Russian Academy of Sciences. Institute of Economic Strategies, Moscow, Russia. E-mail: evgenloginov@gmail.com. ORCID: 0000-0001-8487-0692; AuthorID 185486.

3 **Mischeryakov Sergey Vasilievich** – Doctor of Sci. (Econ.), General Director of NP "CTSCenter UES". Moscow, Russia. E-mail: msv@keu-ees.ru. ORCID: 0000-0003-3460-6257; AuthorID 714777.

References

Albul V. P. et al. Analiz pokazateley raboty TES [Analysis of TPP performance indicators] / V. P. Albul, S. V. Drozdov, T. A. Stepanova, V. A. Tumanovskiy, N. V. Vinnichenko. *Informatsionnyye resursy Rossii* [Russian Information Resources]. 2013. No. 2 (132). P. 2–6 (in Russian).

Gavrilyuk Ye. A., Mantserov B. A. Upravleniye tekhnicheskimi sostoyaniyem slozhnykh sistem na osnove nechetkoy modeli [Management of the technical condition of complex systems based on a fuzzy model]. *Avtomatizatsiya protsessov upravleniya = Automation of control processes*. 2018. No 1 (51). P. 91–98 (in Russian).

Grabchak Ye. P. Kontseptual'nyy podkhod k vnedreniyu v otrasli riskoriyentirovannoy sistemy monitoringa i otsenki gotovnosti sub'yektov energetiki k rabote v otopitel'nyy sezon [A conceptual approach to the introduction of a risk-based system in the industry for monitoring and assessing the readiness of energy entities to work in the heating season]. *Elektroenergiya. Peredacha i raspredeleniye* [Electricity. Transmission and distribution]. 2018. No. 3 (48). P. 4–10 (in Russian).

Efimov A. V. et al. Primeneniye metodov interval'noy statistiki dlya diagnostiki tekhnicheskogo sostoyaniya energeticheskogo oborudovaniya i planirovaniya prodolzhitel'nosti remontov energoblokov TES i AES [Application of interval statistics methods for diagnosing the technical condition of power equipment and planning the duration of repairs of power units of thermal power plants and nuclear power plants]. A. V. Yefimov, T. V. Potanina, V. L. Kavertsev, T. A. Garkusha, T. A. Yesipenko. *Energobezopasnost. Energetika. Energoaudit* [Energy Saving. Energy. Energy audit]. 2012. No. 6 (100). P. 20–26 (in Russian).

Kondratyeva O. E. et al. Razrabotka metodiki otsenki zatrat pri perekhode na nailuchshiy dostupnyy tekhnologii energeticheskoy otrasli [Development of a methodology for estimating costs in the transition to the best available

technologies in the energy industry]. O. Ye. Kondrat'yeva, P. V. Roslyakov, D. O. Skobelev, T. V. Guseva, O. A. Loktionov, M. Åke. *Teploenergetika = Thermal Engineering*. 2019. No. 7. P. 68–76. DOI: [10.1134/S0040363619070051](https://doi.org/10.1134/S0040363619070051) (in Russian).

Kostyukov V. N., Tarasov Ye. V., Putintsev S. L. Monitoring bezopasnoy ekspluatatsii energeticheskogo oborudovaniya TES [Monitoring of safe operation of power equipment of thermal power plants]. *Novoye v rossiyskoy elektroenergetike* [New in the Russian electric power industry]. 2015. No. 2. P. 6–13 (in Russian).

Krug P. G., Novikov D. B. Funktsional'naya struktura ASUTP teplovoy elektricheskoy stantsii [The functional structure of process control systems of a thermal power plant]. *Promyshlennyye ASU i kontrolyery = Industrial Automatic Control Systems and Controllers*. 2012. No. 3. P. 1–6 (in Russian).

Loginov E. L. et al. Setetsentricheskoye upravleniye ob'yektami atomnogo energopromyshlennogo kompleksa Rossii kak mnogoagentnoy sistemy s bol'shim chislom kvazi-avtonomnykh organizatsionnykh i tekhnicheskikh elementov s sobstvennymi upravlencheskimi trayektoriyami [Network-centric management of facilities of the atomic energy industry of Russia as a multi-agent system with a large number of quasi-autonomous organizational and technical elements with their own management trajectories]. Ye. L. Loginov, S. I. Bortalevich, A. V. Baitov, V. Yu. Bortalevich. *Problemy bezopasnosti i chrezvychaynykh situatsiy = Safety and emergencies situations problems*. 2017. No. 1. P. 112–119 (in Russian).

Loginov Ye. L., Bortalevich S. I., Shkuta A. A. *Razvitiye intellektual'nykh servisov v avtomatizirovannykh informatsionnykh sistemakh upravleniya energeticheskoy infrastruktury* [Development of intelligent services in automated information systems for managing energy infrastructure]. Moscow: IPR RAS Publ., 2017. 95 p. (in Russian).

Mishcheryakov S. V. Tsifrovaya otsenka nadezhnosti proizvodstvennoy sistemy sub'yektov energetiki [Digital assessment of the reliability of the production system of energy entities]. *Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki = Safety & Reliability of Power Industry*. 2018. Vol. 11. No. 2. P. 109–116 (in Russian).

Noritsyna I. Yu. Prognozirovaniye otsenki tekhnicheskogo sostoyaniya elektroenergeticheskogo oborudovaniya [Forecasting the assessment of the technical condition of electric power equipment]. *Sistemy komp'yuternoy matematiki i ikh prilozheniya* [Computer Mathematics Systems and Their Applications]. 2017. No. 18. P. 107–109 (in Russian).

Okley P. I. Printsipy formirovaniya informatsionnoy bazy sistemy upravleniya proizvodstvennymi aktivami teplovoy elektrostantsii [Principles of Forming the Information Base for the Production Asset Management System of a Thermal Power Plant]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta)* [Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Socio-economic sciences]. 2016. No. 1. P. 26–41 (in Russian).

Rimov A. A. Metodicheskiye aspekty otsenki i prognoza tekhnicheskogo sostoyaniya osnovnogo ustanovlennogo energeticheskogo oborudovaniya elektrostantsiy [Methodological aspects of the assessment and forecast of the technical condition of the main installed power equipment of power plants]. *Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki = Safety & Reliability of Power Industry*. 2018. Vol. 11. No. 2. P. 134–142 (in Russian).

Sekretarev Yu. A., Mehdiyev A. D. Otsenka remontno-vosstanovitel'nykh rabot na osnove monitoringa sluchaynogo protsessa ekspluatatsii osnovnogo energeticheskogo oborudovaniya stantsii [Evaluation of repair work based on monitoring the random operation process of the main power equipment of the station]. *Elektro. Electrical engineering, electric power industry, electrical industry* [Elektro. Electrical engineering, electric power industry, electrical industry]. 2015. No. 5. P. 49–52 (in Russian).

Sekretarev Yu. A., Mekhtiyev A. D. Korrelyatsionno-regressionnyy analiz sostavlyayushchikh sebestoimosti proizvodstva energii na teplovykh elektricheskikh stantsiyakh [Correlation and regression analysis of the components of the cost of energy production at thermal power plants]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo = Business. Education. Law*. 2015. No. 2 (31). P. 47–51 (in Russian).

Trukhanov V. M. et al. Matematicheskaya model' prognozirovaniya otkazov statisticheskimi metodami pri ispytaniyakh golovnykh obraztsov energeticheskogo oborudovaniya TES [Mathematical Model for Failure Prediction by Statistical Method during Tests of Head Samples of Power Energy Equipment of Thermal Power Plants]. V. M. Trukhanov, M. M. Sultanov, M. P. Kukhtik, YU. A. Gorban'. *Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki = Safety & Reliability of Power Industry*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 235–240 (in Russian).

Cherezov A. V., Grabchak Ye. P. Zarubezhnyy opyt normativno-pravovogo regulirovaniya obespecheniya nadezhnosti v elektroenergetike [Foreign experience in legal regulation of ensuring reliability in the electric power industry]. *Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki = Safety & Reliability of Power Industry*. 2016. No. 2 (33). P. 2–8 (in Russian).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21) 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Основные факторы эффективности и выгоды, возникающие при реализации проектов интеллектуальных нефтегазовых месторождений / А. Д. Балашова, О. И. Большакова, В. Я. Афанасьев, О. В. Байкова // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 84–89. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.10

Дата поступления 24.01.2020 г.

УДК 658; 004.8

Анна Балашова¹, Ольга Большакова², Валентин Афанасьев³, Оксана Байкова^{4,5}

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ВЫГОДЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

Аннотация. Нефтегазовые компании активно работают над внедрением средств автоматизации и интеллектуализации производственных процессов, что значительно улучшает операционную эффективность актива, снижает вероятность появления осложнений в ходе реализации плана. В статье рассматриваются пять основных групп факторов, влияющих на эффективность при реализации проектов интеллектуальных нефтегазовых месторождений. Знание ключевых факторов эффективности, умение определять их влияние на деятельность компании позволяют воздействовать на уровень показателей экономической эффективности посредством управления этими факторами. Также в статье приводятся ожидаемые выгоды от реализации проектов, показывается их взаимосвязь с факторами эффективности. Четкое понимание о выгодах, возникающих при реализации проектов интеллектуальных нефтегазовых месторождений, наряду с информацией о возможных капитальных вложениях и эксплуатационных затратах, необходимых для создания и работы системы на месторождении помогут компаниям оценить эффективность реализации таких проектов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые технологии, интеллектуальные месторождения, факторы эффективности, оптимизация бизнес-процессов, искусственный интеллект, цифровой двойник месторождения, коэффициент извлечения нефти, коэффициент извлечения газа.

JEL: Q49

1 Балашова Анна Дмитриевна — магистрант. E-mail: ann_balashova@mail.ru.

2 Большакова Ольга Ильинична — кандидат физико-математических наук, кандидат экономических наук. E-mail: olgabolsh@mail.ru.
Author ID: 277878.

3 Афанасьев Валентин Яковлевич — доктор экономических наук. E-mail: vy_afanasyev@guu.ru. Author ID: 264190.

4 Байкова Оксана Викторовна — доцент. E-mail: o-baykova@yandex.ru. Author ID: 267134.

5 Место работы авторов: Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Россия

В настоящее время происходят изменения в структуре запасов углеводородов в сторону увеличения трудноизвлекаемых и небольших труднодоступных месторождений, что приводит к увеличению стоимости разработки нефтяных месторождений для компаний. В этих условиях организации все более активно развивают новые технологии, используют средства автоматизации производства, искусственный интеллект (далее — ИИ). Дополнительным толчком для совершенствования технологий в области ИИ стала национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная 11 октября 2019 года Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. В тексте стратегии отмечается: «... благодаря внедрению таких решений рост мировой экономики в 2024 году составит не менее 1 трлн долларов США»⁶. Исследование, проведенное РАЭК и НИУ ВШЭ при поддержке компании Microsoft, показало, что в России ИИ значительно повлияет на экономический рост, производительность труда и инновационное развитие в 2019–2024 годах [Цифровая экономика., 2019]. При этом наиболее популярными технологиями ИИ считаются: виртуальные помощники, прогнозный анализ, машинное обучение.

⁶ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // [Garant.ru](http://www.garant.ru). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (Дата обращения: 24.01.2020).

Цифровые технологии позволяют максимально продуктивно извлекать нефть в текущих условиях. А ключевая концепция «интеллектуальное месторождение» (далее — ИМ) обеспечивает эффективное освоение и эксплуатацию месторождения на всех этапах, что приносит значительные выгоды. В целом ИМ представляет собой интеграцию различных цифровых решений для управления месторождением в режиме реального времени и при необходимости регулирования производственных показателей. К примеру, дочерняя компания ExxonMobil — XTO Energy использует облачные технологии Microsoft (Dynamics 365, Azure), машинное обучение и Интернет-вещей (IoT) для создания собственного интеллектуального месторождения [Игнатьева, Бахтина, 2019]. Компании сотрудничают в целях улучшения анализа данных и повышения эффективности добычи в Пермском бассейне. В результате, ExxonMobil рассчитывает на увеличение добычи на 50 тыс. барр. /сутки к 2025 году, а также на рост чистого денежного потока в течении следующих 10 лет.

Интеграция цифровых решений, их последующая интеллектуализация позволяет полностью автоматизировать весь процесс (т. е. всю цепочку поставок до потребителя). Внедрение интеллектуальных технологий в рамках всей цепочки поставок способствует упрощению и синхронизации процессов, а также учету всевозможных обстоятельств для принятия более точных и оперативных решений. Проще говоря, такая трансформация бизнес-процессов обеспечивает снижение затрат на всех звеньях цепочки создания стоимости в нефтегазовой отрасли. Далее целесообразно выявить основные группы факторов эффективности, а именно, за счет чего достигается экономия.

Проанализировав мировой и отечественный опыт по созданию и эксплуатации ИМ, можно выделить основные группы факторов [Балашова, Большакова, 2019; Волков, н.д./2020; Ukolov V.F. et al., 2018]:

1. Оптимизация систем управления нефтегазодобывающим производством

Данный фактор заключается в том, что происходит интеграция оборудования и производственных цехов в единую систему на базе Интернета-вещей (IoT). Поскольку оборудование оснащено «умными» датчиками, позволяющими считывать и анализировать данные в режиме реального времени, руководитель может получать актуальную информацию с производственного актива. Другими словами, данный канал связи

значительно поддерживает принятие управленческих решений, улучшает их качество.

Экспертно-аналитическая система по оптимизации включает следующие функции:

- автоматизированное планирование различных видов мероприятий на месторождении;
- визуализацию текущих производственных показателей, в том числе данные АСУТП (автоматизированная система управления технологическим процессом);
- поддержку принятия решений для геологов, разработчиков, технологов и других технических специалистов;
- оперативный доступ к единой базе нормативно-справочной информации о подрядчиках, оборудовании и т. д.;
- отображение текущего состояния актива посредством интегрированного моделирования с возможностью производить оперативный расчет влияния операционной деятельности на профиль добычи.

Представленный набор функций разнообразен и варьируется в зависимости от используемых технологий и программного обеспечения. В целом они позволяют:

- повышать эффективность операций, связанных с перемещением работников между различными объектами, и рационализировать использование рабочей силы за счет стандартизации процессов;
- экономить временные ресурсы за счет автоматизации процессов сбора, обработки и воспроизведения данных;
- оптимизировать процесс принятия решений за счет получения оперативной и более надежной информации;
- сглаживать падение добычи за счет повышения качества планирования с применением методов линейного программирования;
- выявлять потенциально неэффективные скважины посредством использования современных систем и методов наблюдения;
- снижать потери при добыче за счет своевременного обнаружения оборудования с низкой производительностью;
- реально оценивать запасы углеводородов за счет использования более достоверной информации, полученной от цифрового двойника и т. д.

2. Профилактическое техническое обслуживание и ремонт

Следующий, не менее важный, фактор зачастую связан с большими и непредвиденными расходами, поскольку приходится проводить ремонт в авральном режиме, что приводит к перерасходу средств, неоптимальной загрузке рабочих, а иногда, к полной остановке производства. Сегодня цифровые технологии, современные системы мониторинга позволяют осуществлять предиктивное обслуживание оборудования, тем самым оптимизируя графики технических работ с целью обеспечения бесперебойной деятельности организации и минимизации затрат на ремонт. Использование технологии больших данных (Big Data) и прогнозной аналитики позволяет:

- выбирать оптимальные программы по обслуживанию конкретно для каждого класса оборудования;
- снижать расходы на проверку и обслуживание, концентрируясь на оборудовании с большим риском отказа и т. д.

3. Автоматизация вспомогательных бизнес-процессов

Вспомогательные бизнес-процессы организации не участвуют в создании добавленной стоимости продукта, но выполняют при этом важную роль в деятельности компании — обеспечивают основные бизнес-процессы всеми необходимыми ресурсами. Стоит отметить, что вспомогательные процессы являются затратными по своей сути. Следовательно, отсутствие эффективно выстроенных вспомогательных процессов приводит к дефициту ресурсов, высоким затратам. К примеру, многие операции, выполненные вручную на основе бумажного документооборота часто приводят к ошибкам и дополнительным операционным издержкам (до 7–15 %). С помощью цифровых решений можно автоматизировать такие процессы, как формирование заявок для сотрудников, создание карточек сотрудников при приеме на работу, сверка банковских выписок и корректировка расхождений, выставление и оплата счетов. Это, в свою очередь, приводит к сокращению трудоемкости процессов, снижению числа ошибок — контролю и аудиту, увеличению добавленной стоимости, повышению скорости выполнения задач [Балашова, Большакова, 2019]. Анализ работы вспомогательных подразделений и расходов предприятия в режиме реального времени позволяет повысить точность и оперативность расчетов и в результате выявить скрытые резервы в области минимизации оборотного капитала.

4. Интегрированное планирование и реализация

Устаревшие операционные модели не способствуют взаимодействию между руководителями и инженерами, а также другими заинтересованными лицами. Руководители компаний, управляющие активами зачастую не имеют полного представления о текущей ситуации. При низком уровне координации в ходе согласования и внедрения изменений сложно обеспечить целостное видение всех процессов, задач и целей. Интегрированный подход позволяет объединить всю цепочку создания стоимости, подразумевает создание сквозного плана. А цифровые инструменты, например системы коллективной разработки процессов и анализа данных, позволяют выполнять задачи с участием различных структурных подразделений организации и принимать оперативные решения с учетом всех накопленных знаний.

5. Транспорт, логистика и управление складами

Мониторинг маршрутов и состояния транспорта, работоспособности оборудования и складских запасов имеют большое значение для обеспечения максимальной производительности предприятия. Дело в том, что данные звенья цепи необходимы для обслуживания наиболее важных активов. Таким образом, отсутствие соответствующего контроля ведет к смещению сроков поставок, низкой загрузке и качеству транспортных и складских услуг внутри компании, высокой стоимости эксплуатации и обслуживания.

Ожидаемые выгоды при реализации ИМ могут быть сгруппированы в две категории.

Позволяющие производить количественные оценки:

- увеличение добычи;
- сокращение затрат;
- рост коэффициента извлечения нефти (КИН), коэффициента извлечения газа (КИГ).

Количественно не оцениваемые (выгоды нематериального характера) или трудно оцениваемые выгоды:

- лучший доступ к операционным данным;
- повышение безопасности;
- улучшение экологии.

Основные выгоды и факторы эффективности при реализации проекта ИМ на основе анализа мирового опыта оценки экономической эффективности представлены в таблице 1. Исходя из таблицы 1, можно сказать, что внедрение подобных систем управления позволяет обеспечить повышение уровня добычи (2–6 %) за счет оптимизации

систем и сокращения потерь, а также значительно сократить капитальные и эксплуатационные расходы (11–25 %), добиться повышения КИН и КИГ, что приводит к увеличению запасов на 1–2 %.

Таблица 1. Сводная таблица по выгодам, возникающим при внедрении ИМ

Выгоды (рост NPV)	Категории выгод		Факторы эффективности
	Увеличение добычи 2–6 %	Сокращение потерь	<ul style="list-style-type: none"> Быстрая идентификация областей потерь и разрешение ограничений Увеличение качества выявления причин потерь и составление более точного списка корректирующих мероприятий Увеличение контроля за производственным оборудованием на соответствие планам
		Оптимизация систем	За счет улучшения систем: <ul style="list-style-type: none"> оптимизация цикла нагнетания воды в скважине оптимизация контроля производственных процессов оптимизация управления интегрированными производственными процессами и залежами
	Сокращение расходов 11–25 %	Операционные и проектные расходы	<ul style="list-style-type: none"> Более качественное управление знаниями в области производства Улучшенная методология управления изменениями в рамках проектов Более качественное управление знаниями по выявленным причинам инцидентов в операционных процессах
		Расходы на эксплуатацию оборудования	<ul style="list-style-type: none"> Наличие результатов анализа поломок оборудования Акцент на предупредительном техническом обслуживании оборудования и сокращение количества корректирующих ремонтов оборудования
	Увеличение запасов 1–2 %	Увеличение КИН и КИГ	<ul style="list-style-type: none"> Более качественное управление знаниями в области характеристик пластов Предоставление более качественных рекомендаций по бурению в долгосрочной перспективе

Источник: данные о выгодах внедрения интеллектуальных месторождений основываются на анализе опыта клиентов Accenture, исследованиях CERA (Cambridge Energy Research Associates) и SPE (Society of Petroleum Engineers), ITPS [Балашова, Габидуллина, Большакова, 2018; Балашова, Большакова, 2019; Гулулян, 2017; The 2016 Upstream Oil., 2016]

Количественная оценка получаемых выгод позволит нефтегазовым компаниям принимать обоснованные решения об использовании технологии интеллектуальных нефтегазовых месторождений.

Таким образом, в существующих условиях ухудшения добычи и нарастающей конкуренции, нефтегазовые компании вынуждены разрабатывать новые цифровые инструменты и модели, чтобы

оставаться конкурентоспособными. Предложенная классификация факторов эффективности и потенциальных выгод наряду с информацией о возможных капитальных вложениях и эксплуатационных затратах, необходимых для создания и работы системы интеллектуальных нефтегазовых месторождений, помогут компаниям оценить возможную эффективность реализации своих будущих проектов.

Список источников

Балашова А. Д., Габидуллина Е. Л., Большакова О. И. Повышение эффективности разведки и добычи углеводородов путем цифровизации в секторе upstream // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин : материалы 2-го Международного научного форума. Вып. 2. Москва: ГУУ, 2018. С. 144–151.

Балашова А. Д., Большакова О. И. Влияние цифровизации бизнеса на коэффициент извлечения нефти и повышение эффективности деятельности нефтегазовых компаний // Вестник университета, 2019. № 5. С. 73–79.

Волков С. В. «Цифровой двойник» актива — основа умного месторождения / Роснефть, ITPS // Роснефть, н.д./2020. URL: http://techneft.ru/images/doc/sekcii/06_informatizaciya/7.3_its_ifield.pdf (дата обращения: 15.01.2020).

Гулулян А. Г. Оценка экономической эффективности использования технологий цифровых месторождений при принятии управленческих решений в нефтегазовом производстве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, РГУ нефти и газа, 2017.

Игнатьева А., Бахтина О. Интеллектуальное месторождение. XTO Energy, дочка ExxonMobil, применит облачные технологии Microsoft для повышения эффективности нефтедобычи на своих активах // [Neftegaz. RU](https://neftegaz.ru/news/Oborudovanie/194384-intellektualnoe-mestorozhdenie-xto-energy-dochka-exxonmobil-primenit-oblachnye-tehnologii-microsoft/), 24.02.2019. URL: <https://neftegaz.ru/news/Oborudovanie/194384-intellektualnoe-mestorozhdenie-xto-energy-dochka-exxonmobil-primenit-oblachnye-tehnologii-microsoft/> (дата обращения: 20.01.2020).

Цифровая экономика от теории к практике: как российский бизнес использует искусственный интеллект / РАЭК, НИУ ВШЭ, Microsoft // РАЭК, 2019. URL: <https://raec.ru/upload/files/190715-ii.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

The 2016 Upstream Oil and Gas Digital Trends Survey // [Accenture.com](https://www.accenture.com/us-en/insight-2016-upstream-oil-gas-digital-trends-survey), 2016. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insight-2016-upstream-oil-gas-digital-trends-survey> (дата обращения: 10.12.2019).

Ukolov V. F. et al. Digitalization of Economics and New Risks in the Leading Industries of FEC / V. F. Ukolov, V. Y. Afanasyev, V. B. Vorontsov, O. V. Baikova, O. I. Bolshakova // Helix, 2018. Vol. 8(6): 4594-4598. DOI: [10.29042/2018-4594-4598](https://doi.org/10.29042/2018-4594-4598)

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Anna Balashova¹, Olga Bolshakova², Valentin Afanasyev³, Oksana Baykova^{4,5}

MAIN FACTORS OF EFFICIENCY AND BENEFITS, WHICH ARISE FROM THE IMPLEMENTATION OF SMART OIL AND GAS FIELDS

Abstract. Oil and gas companies actively working on the introduction of automation and intellectualization of production of complications during the implementation of the plan. This article considers five main groups of factors affecting efficiency in the implementation of smart oil and gas field projects. The Knowledge of key efficiency factors as well as the ability of determination their impact on the company's activities, allow influence on the level of indicators of economic efficiency through the management of these factors. Also, article presents the expected benefits from the implementation of projects, and shows its relationship with efficiency factors. A clear understanding of the benefits arising from the implementation of smart oil and gas field projects, along with information about possible capital investments and operating costs required to create and operate the system in the field, will help companies evaluate the effectiveness of such projects processes, which significantly improves the operational efficiency of the asset and reduces probability.

Key words: digital transformation, digital technology, smart fields, performance factors, business process optimization, artificial intelligence, digital field twin, oil recovery factor, gas recovery factor.

JEL: Q49

- 1 Balashova Anna Dmitrievna – undergraduate. Email: ann_balashova@mail.ru.
- 2 Bolshakova Olga Ilyinichna – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Candidate of Sci. (Econ.). Email: olgabolsh@mail.ru.
Author ID: 277878.
- 3 Afanasyev Valentin Yakovlevich – Doctor of Sci. (Econ.), Professor. Email: vy_afanasyev@guu.ru. Author ID: 264190.
- 4 Baykova Oksana Viktorovna – Associate Professor. Email: o-baykova@yandex.ru.
Author ID: 267134.
- 5 Place of work: The State University of Management. Moscow, Russia.

References

Balashova A. D., Gabidullina Ye. L., Bol'shakova O. I. Povysheniye effektivnosti razvedki i dobychi uglevodorodov putem tsifrovizatsii v sektore upstream [Improving the efficiency of hydrocarbon exploration and production through digitalization in the upstream sector]. *Shag v budushcheye: iskusstvennyy intellekt i tsifrovaya ekonomika revolyutsiya v upravlenii: novaya tsifrovaya ekonomika ili novyy mir mashin : materialy 2-go Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Step into the future: artificial intelligence and the digital economy revolution in management: a new digital economy or a new world of machines : Proceedings of the 2nd International Scientific Forum]. Vol. 2. Moscow: GUU Publ., 2018. P. 144–151 (in Russian).

Balashova A. D., Bolshakova O. I. Vliyaniye tsifrovizatsii biznesa na koeffitsiyent izvlecheniya nefti i povysheniye effektivnosti deyatelnosti neftegazovykh kompaniy [Influence of business digitalization on oil recovery ratio and increasing the efficiency of oil and gas companies]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2019. No. 5. P. 73–79 (in Russian).

Volkov S. V. "Tsifrovoy dvoynik" aktiva — osnova umnogo mestorozhdeniya ["Digital double" of an asset - the basis of a smart field] / Rosneft, ITPS // *Rosneft*, n.d./2020. URL: http://technet.ru/images/doc/sekcii/06_informatizatsiya/7.3_itps_ifield.pdf (accessed 01/15/2020) (in Russian).

Gululyan A. G. Otsenka ekonomicheskoy effektivnosti ispol'zovaniya tekhnologiy tsifrovyykh mestorozhdeniy pri prinyatii upravlencheskikh resheniy v neftegazovom proizvodstve [Evaluation of the economic efficiency of the use of digital field technologies when making management decisions in oil and gas production]. The dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Moscow, Russian State University of Oil and Gas, 2017 (in Russian).

Ignatyev A., Bakhtina O. Intellektual'noye mestorozhdeniye. XTO Energy, dochka ExxonMobil, primenit oblachnyye tekhnologii Microsoft dlya povysheniya effektivnosti nefte dobychi na svoikh aktivakh [Intellectual deposit. XTO Energy, a subsidiary of ExxonMobil, will use Microsoft cloud technologies to increase the efficiency of oil production on its assets]. *Neftegaz.RU*, 24/02/2019. URL: <https://neftegaz.ru/news/Oborudovanie/194384-intellektualnoe-mestorozhdenie-xto-energy-dochka-exxonmobil-primenit-oblachnyye-tekhnologii-microsoft/> (accessed: 20/01/2020) (in Russian).

Tsifrovaya ekonomika ot teorii k praktike: kak rossiyskiy biznes ispol'zuyet iskusstvennyy intellekt [Digital economy from theory to practice: how Russian business uses artificial intelligence]. RAEC, HSE, Microsoft. RAEC, 2019. URL: <https://raec.ru/upload/files/190715-ii.pdf> (accessed: 12/10/2019) (in Russian).

The 2016 Upstream Oil and Gas Digital Trends Survey. *Accenture.com*, 2016. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insight-2016-upstream-oil-gas-digital-trends-survey> (accessed: 12/10/2019).

Ukolov V. F. et al. Digitalization of Economics and New Risks in the Leading Industries of FEC. V. F. Ukolov, V. Y. Afanasyev, V. B. Vorontsov, O. V. Baikova, O. I. Bolshakova. *Helix*, 2018. Vol. 8(6): 4594–4598. DOI: [10.29042/2018-4594-4598](https://doi.org/10.29042/2018-4594-4598)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21) 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Чарыярова Г. Д., Дадсон Г. Цифровизация как системная технология развития крупных компаний // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 90–94. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.11

Дата поступления 05.12.2019 г.

УДК 658.5

Гозель Чарыярова¹, Гомадо Дадсон²

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СИСТЕМНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Цифровая трансформация — это введение новых технологий в компании, изменение культуры организации, мышления персонала, преобразование всей его деятельности для повышения конкурентоспособности отрасли и достижения поставленных целей наиболее рациональным путем. К сожалению, эти задачи пока не решены и требуют системного подхода.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием разработок управления цифровизацией контроля в крупных компаниях. Цифровизация бизнес-процессов необходима на уровне не только крупных предприятий, но и целые отрасли выбирают для себя этот путь как возможность соответствовать современному миру.

Цифровизация направлена не только на настройку продвинутой технологии, но и основательную динамику в способах менеджмента и философии организаций и решения других системных проблем.

Цель исследования — обеспечить экономический успех компаний в долгосрочной перспективе. Основным способом к изучению этой задачи служит сравнительный анализ, дающий возможность комплексно рассмотреть бизнес-процессы компании. Материалы статьи представляют практическую значимость для управленцев крупных компаний и бизнесменов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, бизнес-процесс, облачные технологии, искусственный интеллект, корпоративная культура.
JEL: O32

1 Чарыярова Гозель Джумамухамедовна — аспирант, РУДН. Москва, Россия. E-mail: ms.chariyarova@mail.ru.

2 Дадсон Гомадо Этсе — аспирант, РУДН. Москва, Россия. E-mail: dadfrango@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6261-9728.

Введение

На сегодняшний день цифровая трансформация промышленности, розничной торговли и других сфер меняет жизнь каждого человека и каждой компании. Технологии трансформации, искусственный интеллект, блокчейн, автоматизация — мы уже встречаемся во всех сферах жизни. Например, в банковской и фармацевтической промышленности цифровое преобразование не может быть осуществлено без технологий [Грибанов, Шатров, 2019].

Цифровая трансформация бизнес-процессов улучшает кадровую деятельность компании, исходя из этого происходит улучшение результативности [Аубакирова, 2018]. Существуют много компаний, которые занимаются цифровизацией и решают задачи в этой области. Одной из крупных компаний, которая занимается внедрением цифровых платформ и технологий, является компания SAP. Компания SAP предлагает автоматизировать обычные повседневные операции для того чтобы было достаточно времени для действительно трудных вопросов [Савина, 2018].

Платформа SAP s / 4HANA

Платформа SAP s / 4HANA — это система нового поколения в бизнесе. Системе больше не нужны

сотни источников данных, система не нуждается в трате времени на сравнение и анализ, то есть все происходит в реальном времени. Данная программа создана как на операционной, так и на научном методе, иными словами, позволяет решениям на базе данной платформы выполнять расчеты и получать отчеты в считанные минуты. Было отмечено значительное сокращение числа таблиц. Для хранения данных по финансовому и управленческому учету создана единая таблица, содержащая всю необходимую аналитику по финансовому и управленческому учету. Аналогичный подход используется и в логистике. А платформа SAP s / 4HANA требует относительно меньше ресурсов чтобы хранить данные. Это большая экономия, ведь вам не нужно покупать разные модули системы, отдельно платить за лицензирование и внедрение — принцип все в одном. И как результат, значительное повышение производительности системы. Мы можем уверенно утверждать, что цифровизация бизнеса дает возможность развитию организации по инновационным способам³.

3 Пленарная сессия круглого стола «От цифрового разрыва к цифровому прорыву» (Официальный сайт SAP — онлайн-трансляция).

На рисунке 1 представлен процесс цифровизации бизнеса.

Рис. 1. Схема цифровизации бизнеса

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Цифровая трансформация бизнеса

Цифровая трансформация бизнеса — это изменение, касающееся всех функций организации. Она влияет как на изменение бизнес-модели, так и на инфраструктуру организации.

Облачные технологии позволяют нескольким командам работать над одним проектом одновременно и эффективно использовать ресурсы компании.

Готовые решения позволяют сэкономить время на решении чрезвычайно важных задач. Различные приложения оптимизируют работу компании и требуют минимальных затрат времени на их внедрение и адаптацию.

Каждую минуту каждый человек обрабатывает огромное количество цифровых данных.

Рис. 2. Цифровая трансформация компании

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Дабы использовать весь потенциал информации, надо ее сперва собрать, затем проанализировать и далее структурировать [Цифровая экономика., н.д./2019.].

Цифровая трансформация компании способствует этому благодаря технологиям, как Big Data

(большие данные) или Artificial Intelligence (Искусственный интеллект). Эти технологии устремлены на обработку данных, на основании которых можно принимать решения.

Компания «Алкогольная сибирская группа»

Предлагаю рассмотреть случай автоматизации бизнес-процессов управления на примере компании «Алкогольная сибирская группа»⁴.

На пленарной сессии круглого стола «От цифрового разрыва к цифровому прорыву» Генеральный директор компании «Алкогольная сибирская группа» поделилась опытом внедрения цифровых технологий в компании.

Компания «Алкогольная сибирская группа» первой в России внедрила облачное решение SAP S/4HANA. Внедрением проекта занималась совместная команда компания «Алкогольная сибирская группа» и SAPDigital Business Services.

Рис. 3. Внедрение проекта SAP/S4HANA

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Запуск SAP/S4HANA гарантировал связанность и прозрачность системы бизнес-процессов компании «Алкогольная сибирская группа». Новая платформа обеспечила бесперебойный обмен информацией с государственной системой ЕГАИС. SAP/S4HANA дала возможность эффективно планировать и мониторить производство и продажи компании. Также компания планирует увеличить объем производства и продаж алкогольной продукции, при этом сохранив высокое качество продукции и обеспечив лучший клиентский сервис⁵.

Компания «Алкогольная сибирская группа» автоматизировала 140 бизнес-сценариев. Таким образом, ошибки движения материалов и продукции от производства до реализации в компании свелись к нулю. Компании ежедневно анализирует и контролирует уровень процессов. В процессе внедрения программы SAP компания «Алкогольная Сибирская группа» ис-

4 Официальный сайт компании «Алкогольная Сибирская Группа». URL: <http://www.asg.ru/>

5 Пленарная сессия круглого стола «От цифрового разрыва к цифровому прорыву» (Официальный сайт SAP – онлайн-трансляция).

пользовала технологии SAP Enable Now.

В связи с этим, у менеджеров крупнейших компаний могут возникнуть ряд вопросов:

1. Как отражается внедрение цифровых технологий на персонале компании?
2. Что предпринимает компания для того, чтобы изменилось цифровое мышление?
3. Как повысить цифровую грамотность персонала?
4. Как изменилась корпоративная культура компании после внедрения цифровых технологий?
5. Использует ли компания технологии психологического менеджмента?
6. На каком уровне находится цифровой контроль в компании и способствует ли он повышению эффективности бизнес?
7. Как определить готовность персонала к цифровизации контроля?

В условиях цифровизации компании необходима мотивация топ-менеджмента и сотрудников компании [Астафьева, 2018]. Члены команды должны понимать цель изменений и понять идею того, что цифровизация — это не просто внедрение цифровых технологий в компанию, а требование сегодняшнего дня. И главная задача руководителя (управленца) — донести эту идею до всего персонала. Только тогда возможен успех компании, когда вся единая команда будет осознавать важность процесса.

Внедрение цифровизации — это только первый шаг. После внедрения цифровых технологий, необходимо адаптировать персонал к новшествам. Рассмотрим процесс цифровизации на рисунке 4.

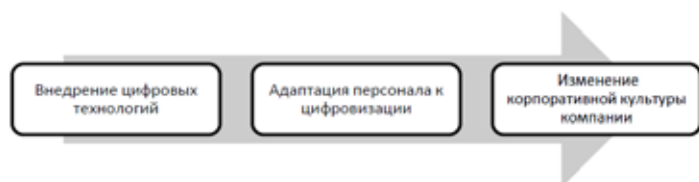

Рис. 4. Процесс цифровизации

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Практика показывает, что самым сложным этапом является адаптация персонала к цифровым бизнес-процессам.

Генеральный директор компании «Алкольная сибирская группа» отметила, что в компании была внедрена технология SAP ENABLE NOW, ко-

торая помогает менять мышление персонала и обучать в сторону цифрового мышления. Также необходимо отметить, что изменение корпоративной культуры компании происходит годами, в то время, как внедрение цифровых технологий происходит достаточно в короткие сроки¹.

Компания проводит Центр развития: оценивается потенциал системного мышления сотрудников компании. Компании необходимо будет провести ряд мероприятий, которые позволят сотрудникам осваивать новые технологии и бизнес-процессы. Такие мероприятия включают в себя различные тренинги, семинары, вебинары, решение бизнес-кейсов, мастер-классы, где сотрудники получают необходимые навыки для работы в цифровой среде.

Стоит отметить, что цифровые технологии сами становятся помощниками в адаптации персонала. Рассмотрим это на рисунке 5.

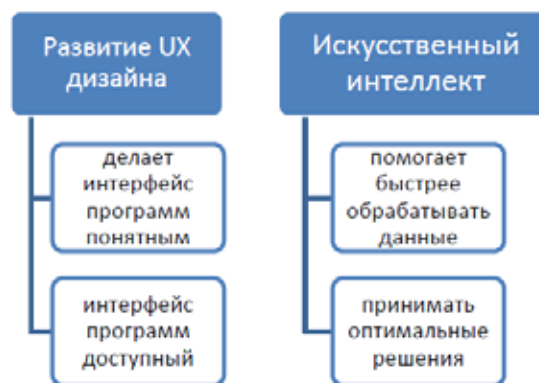

Рис. 5. Адаптация персонала

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Заключение

Таким образом, мы можем сказать, что цифровая трансформация организации — процесс изменения организации к другим методам решения на основе применения цифровых технологий. Из чего следует, изменения затрагивают философию и культуру организации, способы управления и применения новых бизнес-моделей для улучшения эффективности компании. Следовательно, внедрение цифровизации в бизнес-процессы обеспечит быстрый рост компании и даст возможность выйти на более продвинутый уровень управления контролем за этими процессами.

¹ Конференция SAP «Внутренний контроль и аудит в эпоху цифровой трансформации», 14 октября 2019 год, Москва.

Список источников

Астафьева О. Проблемы подготовки управленческих кадров в условиях цифровой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 5. С. 134–141.

Аубакирова Г. Влияние цифровых технологий на конкурентоспособность страны: опыт Казахстана // Экономист. 2018. № 6. С. 85–95.

Грибанов Ю. И., Шатров А. А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3. С. 44–48.

Савина Т. Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, вып. 3. С. 579–590. DOI: [10.24891/fo.24.3.579](https://doi.org/10.24891/fo.24.3.579)

Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / НИУ ВШЭ. Москва, н.д./2019. URL: <http://spkpr.ru/wp-content/uploads/2017/11/TSifrovaya-e-konomika-global-ny-e-trendy-i-praktika-rossijskogo-biznesa.pdf> (дата обращения 17.11.2019).

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Gozel Charyyarova¹, Gomado Etse Dadson²

DIGITALIZATION AS A SYSTEMIC TECHNOLOGY OF LARGE COMPANIES

Abstract. Digital transformation is the introduction of modern technologies in the enterprise's business processes, changing the organization's culture, staff's thinking, transforming all its activities to increase the industry's competitiveness and achieve its goals in the most rational way. Unfortunately, these tasks have not yet been solved and require a systematic approach.

The article is significant as a result of lack of development of control digitalization control in merchants. Digitalization of business processes is essential not only for large enterprises, but also industries choose this path for themselves as an opportunity to align with the modern world. Digitalization is aimed not only for the adoption of advance technology, but also elementary dynamics of management capabilities and organizational philosophy and solutions to other systemic problems.

The purpose of the study is to ensure the economic success of companies in the long term. The main method to study this problem is a comparative analysis that allows you to comprehensively consider the company's business processes. This study is significant for managers of large companies and businesses alike.

Key words: digital transformation, business process, cloud technologies, artificial intelligence, corporate culture.

JEL: O32

- 1 **Charyyarova Gozel Dzhumamuhamedovna** — graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow, Russia.
E-mail: ms.chariyarova@mail.ru.
- 2 **Dadson Gomado Etse** — graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow, Russia.
E-mail: dadfrango@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6261-9728.

References

Astafyeva O. Problemy podgotovki upravlencheskikh kadrov v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Problems of training managerial personnel in the digital economy]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = International journal of management theory and practice*. 2018. No. 5. P. 134–141 (in Russian).

Aubakirova G. Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na konkurentosposobnost' strany: opyt Kazakhstana [Influence of digital technologies on the country's competitiveness: the experience of Kazakhstan]. *Economist*. 2018. No. 6. P. 85–95 (in Russian).

Gribanov Yu. I., Shatrov A. A. Sushchnost', sodержaniye i rol' tsifrovoy transformatsii v razvitiy ekonomicheskikh sistem [Essence, content and role of digital transformation in the development of economic systems]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2019. No. 3 P. 44–48 (in Russian).

Savina T. N. Tsifrovaya ekonomika kak novaya paradigma razvitiya: vyzovy, vozmozhnosti i perspektivy [Digital economy as a new development paradigm: challenges, opportunities and prospects]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2018. Vol. 24, no. 3, pp. 579–590. DOI: [10.24891 / fc.24.3.579](https://doi.org/10.24891/fc.24.3.579) (in Russian).

Tsifrovaya ekonomika: global'nyye trendy i praktika rossiyskogo biznesa [Digital economy: global trends and practice of Russian business]. HSE Publ. Moscow, n.d. / 2019. URL: <http://spkpr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Tsifrovaya-e-ekonomika-global-ny-e-trendy-i-praktika-rossiyskogo-biznesa.pdf> (accessed 11/17/2019) (in Russian).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21) 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Салиенко Н. В., Кожевина О. В. Цифровизация аграрно-промышленного комплекса и достижение национальных целей устойчивого развития (ЦУР) // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 95–100. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.12

Дата поступления 13.02.2020 г.

УДК 332.05, 332.1

Наталья Салиенко¹, Ольга Кожевина²

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И ДОСТИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ЦУР)

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование проблем цифровой трансформации АПК в контексте достижения национальных целей устойчивого развития. Повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий и цифровая трансформация агропромышленного сектора — одно из важнейших направлений обеспечения устойчивого экономического роста, продовольственной и экономической безопасности.

Методической основой данной статьи являются результаты зарубежных и российских исследований устойчивому развитию и цифровой трансформации в аграрно-промышленном комплексе.

Результаты. Обосновано, что цифровизация в аграрно-промышленном комплексе направлена на создание высокопроизводительного экспортно-ориентированного аграрного сектора. Внедрение цифровых технологий направлено на создание новой модели предоставления услуг, торговли. Логистики, социальной и финансовой интеграции.

Выводы/значимость. Сельскохозяйственные инновации вносят вклад в продовольственную безопасность и питание, экономическое развитие, устойчивое управление природными ресурсами. Информационно-коммуникационные технологии открывают широкие возможности внедрения устойчивых методов ведения агропроизводства и управления природно-климатическими рисками.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, высокотехнологичный сектор, системообразующая отрасль, цифровая экосистема, цели устойчивого развития, ЦУР.

JEL: O180

1 **Салиенко Наталья Владимировна** — доктор экономических наук, профессор. МГТУ им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия. E-mail: verno555@mail.ru. ORCID 0000-0002-7244-4087, AuthorID: 428058.

2 **Кожевина Ольга Владимировна** — доктор экономических наук, профессор. МГТУ им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия. E-mail: ol.kozhevina@gmail.com. ORCID 0000-0001-5346-2253, AuthorID: 346023.

Введение

Сельское хозяйство в последние годы становится более привлекательным для инвесторов сегментом, поскольку в аграрно-промышленном комплексе начала повсеместно внедряться цифровизация. За счет создания единой сети бизнес-процессов в АПК, обмену и управлению информацией через Интернет, производительной мощности компьютеров, развитию программного обеспечения и различных облачных платформ, стала возможной автоматизация максимального количества сельскохозяйственных процессов благодаря созданию виртуальной (цифровой) модели всего производственного цикла.

Обзор литературы

Согласно ведомственному проекту «Цифровое сельское хозяйство» — это сельское хозяйство, базирующееся на современных способах

производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия с использованием цифровых технологий, которые способствуют сокращению затрат сельхозпроизводства и росту производительности труда в отрасли. Преимуществами цифровой трансформации аграрно-промышленного комплекса являются: математическая точность в планировании графиков работ, возможность своевременного принятия экстренных мер для предотвращения потерь в случае зафиксированных угроз, заблаговременный просчет урожайности, себестоимости производства и конечной прибыли.

Согласно исследованию PWC [Применение цифровых технологий., 2019], основными технологическими трендами, способствующими цифровым инновациям в агропроизводстве являются: а) земледелие, основанное на данных (отбор

проб, сеть датчиков, датчики, устанавливаемые на технику, удаленные сенсоры); б) «умные» сельскохозяйственные роботы (сельскохозяйственные дроны, агроботы, «виноградные» роботы). Спутниковые и наземные сенсоры позволяют собирать детальную информацию для планирования сельхозработ.

К ключевым элементам перехода аграрно-промышленного комплекса к Индустрии 4.0. следует отнести, во-первых, форсирование цифровой базы для поддержки решений (систематизация и оптимизация принятия решений, инвестиции и финансирование проектов, платформа для развития малого и среднего предпринимательства (МСП)); во-вторых, наличие аналитических платформ по вертикалям АПК (картирование, прогнозирование и планирование размещения сельхозпроизводств на основе больших данных, системы раннего обнаружения и реагирования на проблемы агропроизводства); в-третьих, необходимость цифровизации сельхозпроизводства с внедрением «умных» технологий и роботизации (точное земледелие, ресурсосбережение, автоматизация тепличных комплексов и ферм, повышение урожайности); в-четвертых, цифровая логистика на основе технологии блокчейн (продвижение продукции, анализ спроса, сервисы).

Безусловно, инновационное развитие аграрного сектора требует использования современных информационно-коммуникационных технологий.

Так, по исследованию, проведенному Deloitte, около 40 % их предприятий применяют системы точного земледелия, более 25 % отметили наличие «умных» агропроизводств, ферм, 22 % планируют расширение цифровизации сельхозпроизводства.

Результаты

Российский АПК находится в начале цифровой трансформации, поскольку как таковой цифровой экосистемы не сформировано, многие процессы автоматизации некорректно подменяются цифровизацией. Цифровизация АПК — это скоординированные действия каждого участника цифровой экосистемы, минимизация финансовых и транзакционных издержек, развитая ИТ-структура, методическое сопровождение цифровой трансформации, а также институционально-регуляторные инструменты.

Некоторые эксперты говорят о второй «зеленой» революции, аналоговый период в АПК закончился и он переходит в цифровое «поле». Производительность мирового сельского хозяй-

ства за счет использования цифровых технологий может возрасти на 70 % к 2050 году. Смысл второй «зеленой» революции сводится прорыву в АПК посредством технологий точного земледелия, повышающим урожайность и качество сельхозпродукции. Длинная цепочка создания стоимости сельхозпродукции обуславливает смещение акцентов в сторону цифровизации, повышения инвестиционной привлекательности этой системообразующей сферы экономики. Цепочка создания стоимости обладает сложной структурой, более выраженной горизонтально, нежели вертикально. Кроме того, аграрно-промышленный комплекс и, соответственно, агро-бизнес уязвимы относительно природно-климатического фактора, который для них является существенным, может замедлять и удлинять бизнес-процессы. Цифровая трансформация сельхозпроизводства должна минимизировать зависимость от данного фактора.

Масштабы инновационных процессов в сельском хозяйстве ниже, чем в других сферах аграрно-промышленного комплекса. В промышленности уровень инновационной активности (удельный вес организацией с технологическими инновациями) составляет около 10 %, а в сельском хозяйстве — порядка 4 %. Из общей суммы затрат на технологические инновации, затраты на исследования и разработки — 13 %, а затраты на приобретение машин и оборудования — около 50 %. Интенсивность затрат на технологические инновации — менее 1%. Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг — порядка 1,5 %. Виды затрат на технологические инновации сельхозорганизаций по видам инновационной деятельности: исследования и разработки, дизайн, приобретение машин и оборудования, приобретение новых технологий, приобретение программных средств, обучение и подготовка персонала, маркетинговые исследования.

Если проводить сопоставление с передовыми европейскими странами, то российские сельхозтоваропроизводители по уровню инновационной активности отстают. Так, в Норвегии уровень инновационной активности — 60 %, Нидерланды — 49 %, Дания 41 %, Испания 9 %.

Россия занимает в Глобальном инновационном индексе в 2019 году 46-е место. В этом же рейтинге (Global Innovation Index) [Global Innovation Index, 2019] Нидерланды занимают — 4 место, Дания — 7, а Испания — 29.

Инновационное развитие АПК напрямую связано с уровнем инвестиционной активности предприятий, заинтересованностью ключевых стейкхолдеров и государства в построении современного сельского хозяйства и реализации ЦУР (целей устойчивого развития).

Однако, несмотря на невысокий средний уровень инновационной активности по отрасли, следует отметить, что динамика инвестиций в информационное, компьютерное и телекоммуникационное (далее — ИКТ) оборудование АПК достаточная, что свидетельствует об определенной зрелости российского агробизнеса. В АПК растет объем и качество использования современных технологий, в том числе и благодаря инвестициям.

По данным Министерства сельского хозяйства РФ, Россия занимает 15 место в мире по уровню

цифровизации, при этом в России лишь 10 % пашен обрабатываются с использованием цифровых технологий [Шустиков, 2018].

При помощи цифровизации бизнес-процессов в АПК российская экономика выходит на качественно новый этап своего развития, обретая всё новые конкурентные преимущества. Инновационное развитие аграрно-промышленного комплекса РФ невозможно без его цифровизации. Новые информационно-коммуникационные технологии сегодня — современные инструменты прогресса. Цифровизация — это применение цифровых технологий с целью изменения бизнес-модели и предоставления новых возможностей для получения доходов и создания стоимости; это процесс перехода к цифровому бизнесу.

Основные направления цифровизации сельского хозяйства представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Основные направления цифровизации сельского хозяйства

Источник: рисунок авторов по данным настоящего исследования

Внедрение технологий цифровой экономики способно обеспечить получение положительных экономических эффектов и позволить минимизировать затраты производства примерно на 20% с внедрением комплексного подхода. В случае же несбалансированного подхода использования семенного потенциала, средств защиты растений, а также мощностей машинно-тракторного парка, новых технологий утратится приблизительно до 40% урожая. Цифровая трансформация АПК будет способствовать экономии в оплате труда, химизации и внесении удобрений, использовании посадочного материала, применении ГСМ и нефтепродуктов.

У цифровизации сельского хозяйства есть как неоспоримые выгоды, так и задачи, которые нужно решать в ближайшее время [Давлетшин,

Трофимов, 2018]. С одной стороны, увеличивает экономический эффект, в 3–5 раз повышается производительность труда, возрастает маржинальность агробизнеса, а затраты сельхозпроизводителей снижаются. Новые технологии позволяют проводить эффективную инвентаризацию земель и землепользования. С другой стороны, аграрии сталкиваются с нелегкими задачами при внедрении технологий точного земледелия. Это и вопросы интеграции новых систем с существующими бизнес-процессами, и отсутствие комплексного решения, которое бы обеспечивало автоматизацию и прозрачность всех бизнес-процессов. Возникает целый блок кадровых вопросов: недостаток IT-специалистов, адаптированных к агрофере, нехватка агрономов, способных работать с компьютерными программами и приложениями,

низкая квалификация людей, которым предстоит обслуживать новое оборудование.

Выводы

1. Цифровизация бизнес-процессов АПК позволит перейти российской экономике на новый этап развития и обеспечит ее конкурентными преимуществами.
2. Цифровая трансформация аграрного производства формирует условия и возможности для устойчивого развития, достижения цели устойчивого развития (ЦУР), решения проблем продовольственной безопасности, голода, истощения природных ресурсов.
3. Цифровая трансформация АПК имеет специфические особенности, в частности сложность, многообразие производственных процессов, объединенных ИКТ; участие в технологическом процессе живых организмов, обеспечение бесперебойности технического управления и режимов работы с животными, растениями, гибкое изменение параметров.
4. Экономическая эффективность цифровой трансформации в аграрно-промышленном комплексе должна обеспечиваться на каждом этапе производства и реализации сельскохозяйственной продукции.

Список источников

Применение цифровых технологий для повышения эффективности деятельности АПК. Текст электронный / ПрайсвотерхаусКуперс Консультирование, 2019 // PWC, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/agriculture/agro-tech-solutions-final.pdf> (дата обращения 10.03.2020).

Давлетшин И., Трофимов А. Цифровой передел. Преимущества и риски цифровизации сельского хозяйства. Текст электронный // Агроинвестор, 19.09.2018. URL: www.agroinvestor.ru/technologies/article/30405-tsifrovoy-peredel/ (дата обращения 06.03.2020).

Шустиков В. Цифровые технологии приходят в сельское хозяйство. Текст электронный // Сколково, 21.02.2018. URL: <https://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2018/02/21/cifrovytehnologii-prihodyat-v-selskoe-hozyaystvo.aspx> (дата обращения 09.03.2020).

Global Innovation Index : Report 2019. Текст электронный // PWC, 2019. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (дата обращения 10.03.2020).

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Natalia Salienko¹, Olga Kozhevina²

DIGITALIZATION OF AGRICULTURAL INDUSTRY COMPLEX AND ACHIEVEMENT OF NATIONAL GOALS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT (SDGs)

Abstract. Goals. The purpose of this article is to study the problems of digital transformation of the agro-industrial complex in the context of achieving national sustainable development goals. The widespread introduction of information and communication technologies and the digital transformation of the agro-industrial sector is one of the most important areas for ensuring sustainable economic growth, food and economic security.

Methodology. The methodological basis of this article is the results of foreign and Russian studies on sustainable development and digital transformation in the agro-industrial complex.

Results. It is proved that digitalization in the agro-industrial complex is aimed at creating a high-performance export-oriented agricultural sector. The introduction of digital technology is aimed at creating a new model for the provision of services, trade. Logistics, social and financial integration.

Conclusions / relevance. Agricultural innovation contributes to food security and nutrition, economic development, and sustainable management of natural resources. Information and communication technologies open up wide possibilities for introducing sustainable methods of agricultural production and management of natural and climatic risks.

Key words: digitalization, digital transformation, high-tech sector, system-forming industry, digital ecosystem, sustainable development goals (SDGs).

JEL: O180

1 **Salienko Natalia Vladimirovna** – Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russia. E-mail: verno555@mail.ru. ORCID 0000-0002-7244-4087, AuthorID: 428058.

2 **Kozhevina Olga Vladimirovna** – Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russia. E-mail: ol.kozhevina@gmail.com. ORCID 0000-0001-5346-2253, AuthorID: 346023.

References

Primeneniye tsifrovyykh tekhnologiy dlya povysheniya effektivnosti deyatelnosti APK [The use of digital technology to improve the efficiency of the agricultural sector. Electronic text]. PricewaterhouseCoopers International Limited. PwC, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/agriculture/agro-tech-solutions-final.pdf> (accessed 03/10/2020) (in Russian).

Davletshin I., Trofimov A. Digital redistribution. Benefits and risks of digitalization of agriculture. Electronic text. *Agroinvestor*, 09/19/2018. URL: www.agroinvestor.ru/technologies/article/30405-tsifrovoy-peredel/ (accessed 03/06/2020) (in Russian).

Shustikov V. Digital technologies come to agriculture. Electronic text. *Skolkovo*, 02.21.2018. URL: <https://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2018/02/21/cifrovytehnologii-prihodyat-v-selskoe-hozyaystvo.aspx> (accessed 03/09/2020) (in Russian).

Global Innovation Index: Report 2019. Electronic text. PwC, 2019. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (accessed March 10, 2020).

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Черных Е. О., Семёнов А. В. Повышение качества услуг как основа экономического роста хозяйственных предприятий в условиях становления корпоративного гражданства // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 101–105. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.13

Дата поступления 30.01.2020 г.

УДК 332.1

Елена Черных¹, Александр Семёнов²

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УСЛУГ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ГРАЖДАНСТВА

Аннотация. На основании современных исследований автором изучены особенности повышения качества услуг в условиях становления корпоративного гражданства.

Методической основой данной статьи являются исследования по особенностям повышения качества услуг в условиях становления корпоративного гражданства.

Результаты. В настоящей статье определена роль повышения качества услуг как основа экономического роста хозяйственных предприятий.

Выводы/значимость. В статье автором в условиях становления корпоративного гражданства рассматривается условия повышения качества услуг как основа экономического роста хозяйственных предприятий.

Качество предоставляемых услуг во все времена являлось залогом успешного функционирования компании. В то время как корпоративное гражданство или корпоративная социальная ответственность стало модным трендом сравнительно недавно. Корпоративное гражданство — это меры, которые добровольно принимают компании для того, чтобы вся ее деятельность шла на благо окружающей среды, ее служащих и обществу, в котором она функционирует. Руководители фирм понимают, что повышение качества услуг, которые предоставляет предприятие является основным условием экономического роста и напрямую связаны с обоснованным корпоративным гражданством.

Применение. Полученные выводы и результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении повышения качества услуг как в условиях становления корпоративного гражданства.

Ключевые слова: качество услуг, экономический рост, корпоративное гражданство, хозяйственные предприятия.

JEL: O14

1 Черных Елена Олеговна — кандидат экономических наук, доцент. ВАБТ Минэкономразвития России. Москва, Россия.

E-mail: chxyz@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9663-3501. AutorID: 473086

2 Семёнов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент. Дипломатическая академия МИД РФ. Москва, Россия.

E-mail: Legatus@bk.ru. ORCID: 0000-0002-8492-2568. AutorID: 673618

Введение

По мнению специалистов, низкое качество услуг и плохой сервис являются гарантиями оттока клиентов и это может обойтись хозяйственному предприятию потерей больших сумм прибылей.

Для высокого качества услуг в компании должны быть продуманы и закреплены стандарты качества. Стандартами называются определенные правила, которые призваны помочь сотрудникам хозяйственного предприятия общаться с клиентами и превращать их в покупателей.

Существуют следующие причины введения стандартов качества на предприятии:

Во-первых, стандарты качества помогают повысить продажи и лояльность клиентов. Клиенты таких компаний чувствуют удовлетворенность и

защищенность, поэтому вероятность перехода к конкурентам значительно снижена.

Во-вторых, стандарты качества предполагают введение двойного контроля. Сотрудники и работники хозяйственного предприятия понимают, что за его действиями следит и руководство, и клиенты. Происходит четкое понимание того, что руководство получает четкие критерии для анализа работы сотрудника. В то время как сам сотрудник уверен, что его деятельность будет проанализирована объективно.

И хотя в различных компаниях существуют свои требования к стандартам качества, существуют универсальные требования, которые не зависят от деятельности предприятия. К таким требованиям можно отнести следующее:

1. Внешний вид сотрудника
2. Правила взаимодействия с клиентами
3. Запрещенное поведение сотрудника
4. Правила работы с документами и деньгами

Хотя на законодательном уровне данные стандарты не регулируются, на уровне предприятия алгоритм утверждается руководителем предприятия. Однако необходимо помнить, что составление стандарта само по себе не является панацеей качества обслуживания клиентов. Существует необходимость ежедневного контроля за их соблюдением и совершенствованием.

Методика

Данная статья написана с применением методов анализа и синтеза, а также сравнения и систематизации материала. Вся информация, которая была получена в результате подготовки данной статьи, обобщены и структурированы. Обобщение и структуризация проведена в соответствии с общими требованиями к разработке научно-методических основ по исследованной теме.

Обзор литературы и исследований

Работы по изучению повышения качества услуг как основа экономического роста хозяйственных предприятий рассмотрены такими учеными как Н. А. Евстропов, В. М. Корнеева, С. В. Бабыкин [Евстропов, 2013], Б. В. Бойцов, Ю. Ю. Комаров, Г. В. Панкина [Бойцов, Комаров, Панкина, 2017].

В работе Н. А. Евстропова, В. М. Корнеевой, С. В. Бабыкина «Менеджмент качества предприятий и организаций» обобщены фундаментальные основы, современные методы и принципы менеджмента качества, которые легли в основу новейших стандартов, справочных и методологических руководств [Евстропов, 2013].

Менеджмент качества организаций рассматривается углубленно в трудах Б. В. Бойцова, Ю. Ю. Комарова, Г. В. Панкиной [Бойцов, Комаров, Панкина, 2017], а вот основы методологии и методики управления качеством анализируются в работе А. Г. Зекунова и В. Н. Иванова [Зекунов, Иванов, 2012].

Результаты

Мировой опыт расценивает снижение качества услуг хозяйственных предприятий как одно из основных условий потери клиентов и как следствие снижение производительности труда. Таким образом, можно констатировать, что повышение качества услуг повлечет за собой увеличение производительности труда и конкурентоспособности предприятия [Бойцов, Комаров, Панкина, 2017].

В то же время приходится констатировать, что

повышение качества услуг не такая уж простая задача. Для комплексного решения данной проблемы необходимо прописать стандарты качества обслуживания клиентов и контролировать их исполнение. Также необходимым условием повышения качества услуг является обратная связь с покупателями и реакция на их претензии и желания. Также в рамках повышения качества услуг хозяйственные предприятия должны соблюдать баланс в количестве оповещений, так как излишняя настойчивость раздражает людей и подталкивает их к отказу от услуг данной компании.

Для повышения качества предоставляемых услуг в первую очередь необходимо позаботиться об обучении сотрудников. Это связано с тем, что как показывает мировая практика эффект обучения, **полученные навыки имеют свойство притупляться уже через 2–3 месяца, если обучение было краткосрочным.** К примеру, крупнейшая британская компания WF Electrical, которая занимается поставками электрооборудования и арматуры в большинство торговых сетей страны, смогла доказать высокую эффективность обучения. Была отобрана группа из 24 торговых представителей, для которой были организованы курсы по обучению. В то время как для остальных сотрудников компании (порядка 90 человек) такие курсы не проводились. В результате данного эксперимента было выявлено, что в обучающейся группе в первые месяцы обучения продажи повысились на 6,6 %, а к его концу — уже на 9,3 % по сравнению с контрольной группой, которая не проходила обучение. После окончания обучения тенденция роста продаж продолжилась. Проект проводился в течение года. То есть можно констатировать, что обучение должно носить непрерывный характер и проводить закрепление эффекта от обучения и мотивировать сотрудников необходимо в непосредственном общении с покупателями. В этом поможет разработка корпоративных стандартов обслуживания. Поэтому с этими стандартами сотрудникам необходимо знакомиться при поступлении на работу. И если корпоративные стандарты обслуживания будут возведены в ранг официальных требований компании, а сотрудников будут регулярно им обучать, можно действительно требовать от работников их исполнения.

Также помочь в повышении качества услуг для экономического роста предприятия может прием «Тайные покупатель» (Mystery Shopping).

Данное решение поможет проверить, **насколь-**

ко эффективным было обучение сотрудников. При этом тайные покупатели также помогут определить, используются ли внедрённые корпоративные стандарты в общении с клиентами.

Однако это не единственная **функция приема «Mystery Shopping»**. Так, к примеру, многие хозяйственные предприятия считают, что регулярное проведение проверок позволяет держать сотрудников в «тонусе» — они стараются постоянно быть готовыми к проведению проверки, потому хорошо обслуживают каждого клиента.

В качестве третьего метода повышения качества услуг могут стать мотивационные программы.

Часто случается так, что один сотрудник обслуживает клиентов с улыбкой, вежливо, быстро, а другой с неохотой и неприветливо. Данное обстоятельство связано с нежеланием выполнять свою работу из-за недостаточной мотивации. Однако при одинаковом уровне оплаты труда на первый план выходят другие способы мотивации — бесплатный подвоз на работу, парковочные места, улучшенная медицинская страховка, дополнительный отпуск, место для ребенка в детском саду, подарки к праздникам и т. д. Возможно, желаемого эффекта можно будет добиться и нестандартными методами мотивации или решать вопрос от противного и пользоваться отрицательной мотивацией. Как правило многие компании проводят разработку мотивационных программ для сотрудников для повышения качества обслуживания. Данная мотивационная программа приносит свои результаты.

В то же время необходимо придерживаться баланса интересов. Так, мотивационная программа должна быть привлекательной настолько, чтобы сотруднику хотелось остаться на этой работе, чтобы он понимал, что таких условий он не найдет у конкурента. Именно это позволит персоналу качественно выполнять свои обязанности качественно.

В-четвертых, в целях повышения качества услуг можно ввести контроль за соблюдением корпоративных требований.

В каждой работе по выполнению услуг должен присутствовать контроллинг выполняемых работ. Так, в целях обеспечения качественного контроля за выполнением корпоративных требований чаще всего используют количественные показатели, например, индекс удовлетворенности клиентов или результаты прохождения аудита. Также

можно ввести регулярную практику проведения тайных проверок.

Также хорошим стимулом для повышения качества выполняемых услуг может стать так называемая кнопка лояльности. Кнопка лояльности — это автоматизированная система оценки качества обслуживания. Более продвинутый метод — **использование камер со специальным программным обеспечением**. Они позволяют распознать реакцию клиента на обслуживание по микровыражениям лица. Такие технологии позволяют анализировать реакции всего потока посетителей и дают более точные количественные данные. Погрешность будет намного меньше, чем для классической кнопки лояльности [Шайхутдинова, Ахметшин, 2017; Система непрерывного..., н.д./2019; Dudin, Lyasnikov, Horikov, 2013].

В рамках повышения качества услуг можно пересмотреть стандарты мерчандайзинга. Так, расстановка товаров должна соответствовать не только требованиям поставщиков или производителей, но и удобству покупателей. А за их поведением наблюдают именно сотрудники первой линии — консультанты в зале и работники кассового узла.

Также стоит уделять внимание сотрудникам back-офиса. Это частая проблема для интернет-магазинов, а также оффлайн-магазинов, которые сотрудничают с юридическими лицами. К примеру, может случиться, что в call-центре клиент получил хорошую консультацию, оператор быстро принял у него заказ. Однако ему потребовалось позвонить в бухгалтерию и там ему нагрубили, или же несколько раз перенаправили на другие номера. В итоге положительное впечатление о компании испорчено и, конечно, о таком сервисе покупатель уже никому ничего хорошего не расскажет. То есть при обучении стандартам качества услуг не стоит забывать и о сотрудниках back-офиса — бухгалтерии, юридическом отделе, секретарях и т. п.

Выводы

Подытоживая изложенный материал, можно сделать следующие выводы и обобщения.

Чем лучше хозяйственных предприятий обслуживает своих клиентов, тем дольше данные клиенты сохраняют лояльность к компании, больше платят и советуют друзьям. При этом часто для улучшения сервиса не нужно затрачивать огромные финансовые или технические ресурсы.

Список источников

Бойцов Б. В., Комаров Ю. Ю., Панкина Г. В. Вопросы управления качеством технологических процессов. Москва: Дрофа, 2017.

Евстропов Н. А. Менеджмент качества предприятий и организаций : учебное пособие / Н. А. Евстропов, В. М. Корнеева, С. В. Бабыкин. Москва: Академия стандартизации, метрологии и сертификации, 2013. 216 с. ISBN 978-5-93088-135-6.

Зекунов А. Г., Иванов В. Н. Обеспечение функционирования системы менеджмента качества : учебное пособие. Москва: Академия стандартизации, метрологии и сертификации, 2012. 176 с. ISBN 978-5-93088-117-2.

Чекалдин А. М. Анализ подготовки и повышения квалификации персонала организации // Вестник НГИЭИ. 2015. № 11 (54). С. 92.

Шайхутдинова Л. Ф., Ахметшин Э. М. Разработка программ повышения квалификации персонала // Экономические аспекты регионального развития: история и современность : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 23 марта 2017, Елабуга. С. 252.

Система непрерывного корпоративного обучения. Текст электронный. // Официальный сайт Объединенной авиастроительной корпорации, н.д./2019. URL: <https://uacrussia.ru/ru/corporation/personnel-policy/sustained-education/> (дата обращения 10.10.2018).

Dudin M. N., Lyasnikov N. V., Horikov Yu. V. Brain factor and its stating rolle in enterprises' competitive recovery // European Researcher. 2013. Vol. 38, no. 1–1, pp. 15-19.

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Elena Chernykh¹, Alexander Semenov²

IMPROVING THE QUALITY OF SERVICES AS THE BASIS FOR ECONOMIC GROWTH OF ECONOMIC ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF THE ESTABLISHMENT OF CORPORATE CITIZENSHIP

Abstract. Based on modern research, the features of improving the quality of services in the setting of corporate citizenship are studied

The methodological basis of this article is research on the features of improving the quality of services in the setting of corporate citizenship.

Results. This article defines the role of improving the quality of services as the basis for the economic growth of business enterprises.

Conclusions / relevance. In the article, the author, in the context of the establishment of corporate citizenship, considers the conditions for improving the quality of services as the basis for the economic growth of business enterprises.

The quality of the services provided at all times was the key to the successful functioning of the company. While corporate citizenship or corporate social responsibility has become a fashion trend relatively recently. Corporate citizenship is a measure that a company voluntarily takes to ensure that all its activities are for the benefit of the environment, its employees and the community in which it operates.

In Russian reality, corporate citizenship is increasingly seen as an attribute of modern developed business, on the one hand, and as a form of management that has reached its limit of development with elements of external dialogue and interaction with society, on the other. Company executives understand that improving the quality of services that an enterprise provides is a key condition for economic growth and is directly related to sound corporate citizenship.

Application. The findings and the results of the study can be used in further study of improving the quality of services as in the formation of corporate citizenship.

Key words: quality of services, economic growth, corporate citizenship, business enterprises

JEL: O14

1 **Chernykh Elena Olegovna** – Candidate of Sci. (Econ.), associate professor. Russian Foreign Trade Academy (RFTA). Moscow, Russia.

E-mail: chxyz@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9663-3501. AutorID: 473086

2 **Semenov Alexander Vladimirovich** – Candidate of Sci. (History), associate professor. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow, Russia.

E-mail: Legatus@bk.ru. ORCID: 0000-0002-8492-2568. AutorID: 673618

References

Boytsov B. V., Komarov YU. YU., Pankina G. V. *Voprosy upravleniya kachestvom tekhnologicheskikh protsessov* [Issues of quality management of technological processes]. Moscow: Bustard, 2017 (in Russian).

Yevstropov N. A. *Menedzhment kachestva predpriyatiy i organizatsiy* [Quality management of enterprises and organizations] : a training manual. N. A. Yevstropov, V. M. Korneyeva, S. V. Babykin. Moscow: Akademiya standartizatsii, metrologii i sertifikatsii Publ., 2013. 216 p. ISBN 978-5-93088-135-6 (in Russian).

Zekunov A. G., Ivanov V. N. *Obespecheniye funktsionirovaniya sistemy menedzhmenta kachestva* [Ensuring the functioning of the quality management system] : a training manual. Moscow: Akademiya standartizatsii, metrologii i sertifikatsii Publ., 2012. 176 p. ISBN 978-5-93088-117-2 (in Russian).

Chekaldin A. M. Analiz podgotovki i povysheniya kvalifikatsii personala organizatsii [Analysis of the training and professional development of personnel of the organization]. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGIEI*. 2015. No. 11 (54). P. 92 (in Russian).

Shaykhutdinova L. F., Akhmetshin E. M. Razrabotka programm povysheniya kvalifikatsii personala [Development of staff development programs]. *Ekonomicheskiye aspekty regional'nogo razvitiya: istoriya i sovremennost' : materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem)* [Economic aspects of regional development: history and modernity: Proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]. March 23, 2017, Elabuga. P. 252 (in Russian).

Sistema nepreryvnogo korporativnogo obucheniya [The system of continuous corporate training]. *Official website of the United Aircraft Corporation*, n.d./2019. URL: <https://uacrussia.ru/ru/corporation/personnel-policy/sustained-education/> (accessed 10.10.2018) (in Russian).

Dudin M. N., Lyasnikov N. V., Horikov Yu. V. Brain factor and its stating rolle in enterprises 'competitive recovery. *European Researcher*. 2013. Vol. 38, no. 1–1, pp. 15–19.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Практический опыт применения государственно-частного партнёрства в Европе и возможности его использования в России / М. Н. Руденко, О. Е. Носкова, Р. А. Иманов, В. С. Чернявский // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 106–119.

DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.14

Дата поступления 29.01.2020 г.

УДК 338.2

Марина Руденко¹, Оксана Носкова², Рафаил Иманов³, Владимир Чернявский⁴

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В ЕВРОПЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Одним из основных направлений государственной экономической политики большинства стран является использование механизма государственно-частного партнерства. Практика применения ГЧП в зарубежных странах насчитывает историю более 25 лет, и относящиеся к первой массовой «волне» европейские модели ГЧП переживают сегодня кризис, что привело к тому, что большинство европейских правительств пересматривают свои стратегии. Выделение современных тенденций, проблемных зон использования механизма государственно-частного партнерства в реализации экономической политики европейских стран, а также анализ предпринимаемых стратегических решений, позволяют определить основные направления по повышению эффективности реализации инфраструктурных проектов в России.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство (ГЧП), проекты ГЧП, инфраструктура, рынок ГЧП-проектов, Европа, Российская Федерация.

JEL: L3

1 Руденко Марина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательства и экономической безопасности ФГБОУ ВО "Пермский государственный научно-исследовательский университет" (ПГГПУ). Пермь, Россия. E-mail: m.ru.ko@mail.ru.

ResearcherID: U-2293-2019; Author ID: 86970.

2 Носкова Оксана Евгеньевна — старший преподаватель кафедры менеджмента ПГГПУ. Пермь, Россия. E-mail: skova@bk.ru.

ORCID: 0000-0001-8270-0702.

3 Иманов Рафаил Арифович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: imanov@cemi.rssi.ru. Author ID: 712705.

4 Чернявский Владимир Сергеевич — кандидат экономических наук, ведущий инженер, ЦЭМИ РАН. Москва, Россия.

E-mail: ychern2007@bk.ru. Author ID: 852279.

Введение

В 80–90-е годы XX в. в связи с административными реформами, инициированными и проводимыми в ряде зарубежных стран (Великобритания, Австралия, Канада, США) появилась новая концепция государственного управления, так называемый New Public Management. В основу инновационной модели государственного менеджмента заложены технологии управления частными компаниями при моделировании рыночных процессов внутри государственного сектора. С целью сокращения масштабов и ресурсов государственного управления основным нововведением модели New Public Management стало делегирование частному сектору ряда функций по производству и предоставлению общественных услуг, традиционно осуществляемых государством, на основе кооперации между государственными

структурами и предпринимательским сектором, известное на сегодня как государственно-частное партнерство (далее — ГЧП).

Основной причиной актуальности внедрения инновационных инструментов управления развитием сферы публичных услуг стала неспособность государственного сектора обеспечить приемлемую эффективность инвестиционных расходов и заданный уровень социально-экономической эффективности инфраструктурных благ, что, в частности, в России, привело к ежегодному сокращению объема государственных средств, выделяемых на инфраструктуру. Поэтому поиск альтернативных источников инвестирования и развития инфраструктуры, разработка действующих механизмов повышения социально-экономической эффективности инвестиций в модернизацию инфраструктурных объектов, является

крайне актуальной задачей, как в мировом, так и национальном масштабе.

На сегодня использование механизма государственно-частного партнерства в государственном менеджменте большинства стран рассматривается как одно из основных направлений государственной экономической политики и развития предпринимательства: практика применения ГЧП в зарубежных странах насчитывает историю более 25 лет, что говорит об имеющейся нормативной, методологической и практической базе. И для выявления лучших практик ГЧП с целью их применения в Российской Федерации необходимо изучить общемировые практики и тенденции, а, так как европейские страны отличаются богатейшим опытом введения государственно-частного партнерства в экономическую среду, анализ практики именно стран Европы с учетом специфики страновых моделей ГЧП является на сегодня актуальным.

Методология (теоретические основы) исследования

Проведенный анализ современных научно-методических подходов к определению понятия «государственно-частное партнерство» позволяет говорить о том, что на сегодняшний день не существует единого общепринятого определения ГЧП.

Первоначально термин ГЧП появился в США в 1940-х годах и использовался в отношении частного и государственного финансирования реализуемых на тот момент образовательных программ. Активизацию применения ГЧП в современной истории практически все исследователи связывают с объявлением в 1992 году правительством Великобритании частной финансовой инициативы (Private Finance Initiative, PFI).

В исследовании «Public-Private Partnerships' implementation in the Energy Sector in Africa: Challenges, Best Practices and New Trends» [Public-Private Partnerships., 2011] ГЧП трактуется как процесс участия частного сектора в реализации государственных проектов, которое, в отличие от традиционных форм государственных контрактов, характеризуется как юридический контракт (соглашение), предусматривающий разграничение рисков и возложение ответственности за предоставление государственных услуг частному лицу.

Государственно-частное партнерство в трактовке European Investment Bank представляет собой отношения между предпринимательским сектором и структурами государственного сек-

тора с целью привлечения ресурсов и кадрового потенциала частного сектора для оказания помощи в производстве общественных благ и услуг [World Association of PPP Practitioners., н.д./2019].

ГЧП как форма сотрудничества (партнерство) между органами государственной власти и бизнес-структурами рассматривается в рекомендательных документах, разработанных Европейским союзом, в которых также конкретизируется цель и сферы применения данной формы кооперации — «обеспечение финансирования, сооружения, реконструкции, управления и содержания объекта инфраструктуры или предоставления услуги» [Recommendation of the Council., 2012].

Приведенные определения указывают на то, что основное внимание в трактовках ГЧП отводится именно вопросам участия и интересам частных инвесторов, при этом не указывается роль государственного сектора в такого рода партнерских отношениях, механизмах мотивации участия бизнеса в реализацию инфраструктурных проектов.

Основными инструментами привлечения частного капитала в сферу реализации государственных общественно значимых проектов являются:

- правительственная поддержка инвесторам;
- предоставляемые органами публичной власти гарантии возврата и доходности вложенных средств инвестора;
- разделение между сторонами ГЧП рисков рентабельности проекта;
- предоставление публичной стороной различных субвенций, налоговых льгот [Садовская, 2019].

Согласно теории инвестиций, именно данные условия — доходность и уровень рисков — являются определяющими при принятии инвестиционных решений.

Мотивация со стороны публичной власти заключается в достижении тех целей и задач, которые стратегически актуальны для социально-экономического развития территории при одновременном снижении бюджетного финансирования (что весьма актуально в рамках бюджетного дефицита).

В частности, в исследовании, проведенном в 2001 году Институтом государственно-политических исследований (Лондон, Великобритания), целью государственно-частного партнерства является достижение согласованного материального результата и оказание общественно-значимых услуг через отношения и взаимную заинтересо-

ванность публичного сектора и представителей частного сектора.

Таким образом, основная миссия сочетания частного и государственного капиталов (как финансового, так и интеллектуального) при реализации инфраструктурных проектов с использованием ГЧП — создание благоприятных условий для инновационного и социально-экономического развития территории (как страны в целом, так и отдельного региона или муниципального образования), что, в конечном итоге, позволит обеспечить территории конкурентные преимущества и даст толчок к развитию экономики.

В качестве главной цели ГЧП выступает обеспечение максимальной социально-экономической эффективности использования имеющихся государственных и частных ресурсов в процессе производства благ в условиях изменяющихся экономических систем. Приведенные определе-

ния позволяют следующее определение государственно-частному партнерству: ГЧП — система экономических отношений, возникающих между публичной властью, с одной стороны, и частным сектором, с другой, на основе долгосрочного соглашения (контракта), заключенного на конкурентной основе, и направленного на совместное финансирование и реализацию проектов по созданию/модернизации общественно значимых объектов инфраструктуры на условиях взаимной заинтересованности при совместном распределении рисков и обязанностей с целью регулирования и полноценного социально-экономического развития территории.

Результаты исследования

Благодаря данным преимуществам, ГЧП широко используется в народном хозяйстве большинства европейских стран, что подтверждается статистическими данными EPPP, рисунок 1.

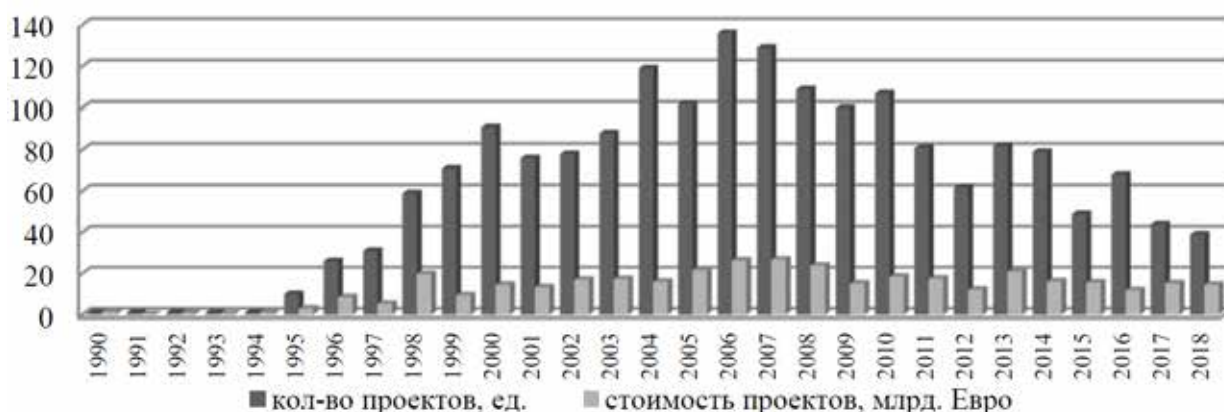

Рис. 1. Динамика реализации проектов ГЧП в Европе за период 1990–2018 годы, все сектора

Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

В соответствии с рис. 1 европейскими странами за период 1990–2018 годы реализован 1841 ГЧП-проект на сумму в 383,238 млрд евро. При этом основной пик активности приходится на 2006 год, в течение которого было завершено 136 ГЧП-проектов на сумму 26,269 млрд Евро [Market Update., 2019].

На конец анализируемого периода отмечается сужение рынка: за 2018 год достигли финансового закрытия 39 ГЧП-проектов на сумму 14,6 млрд евро [там же].

Таким образом, в стоимостном выражении рынок сократился на 4% (в 2017 году — 15,2 млрд евро), в количественном выражении — на 11 % по сравнению с 2017 года (44 в 2017 году). Стоит отметить, что это самое низкое количество транзакций с 2001 г., но при этом средний размер

сделки увеличился до 375 млн евро (345 миллионов евро в 2017 году) [там же].

Совокупная стоимость восьми закрытых крупных сделок составила EUR 9,6 млрд евро, как и в 2017 году, что составляет 66 % от общей рыночной стоимости всех европейских ГЧП-проектов (справочно: в 2017 году на долю крупных сделок приходилось 69 %). К крупным сделкам (500 млн Евро или более), достигшим финансового закрытия в 2018 году относятся:

3 ГЧП-проекта, реализуемых в Турции: строительство моста Чанаккале на сумму 3,1 млрд Евро, автомагистрали Анкара-Нигде на сумму 1,2 млрд. Евро, Билкентская лаборатория на сумму 711 млн Евро. Совокупная стоимость завершенных в 2018 году крупных проектов в Турции составляет 5,011 млрд Евро;

- проект по улучшению скоростного широкополосной сети Интернет Gironde во Франции на сумму 1,2 млрд Евро (проектирование, строительство, финансирование, эксплуатация, техническое обслуживание и коммерциализация находящиеся в собственности оптоволоконные широкополосные сети в районах с низкой плотностью, не охваченные оператором);
 - 3 ГЧП-проекта, реализуемых в Нидерландах: строительство Бланкенбургского тоннеля на сумму 1 млрд Евро, автомагистрали A16 Роттердам — 930 млн Евро, плотины Афслудтдик — 810 млн Евро. Совокупная стоимость завершенных в 2018 году крупных проектов в стране составляет 2,74 млрд Евро;
 - строительство дороги A10/A24 Нойруппин-Панков (652 млн Евро) в Германии [Чернов, 2018].
- Большинство крупных ГЧП-проектов, завершенных в 2018 году, связаны с развитием транспортной инфраструктуры, что является спецификой реализации проектов — высокой стоимостью именно в данной сфере. Согласно таблице 1 и рисунку 2 не менее активно реализуются проекты, связанные с инвестированием в другие общественно значимые сектора.

Таблица 1. Отраслевая специфика европейских проектов ГЧП по стоимости и количеству за 1990–2018 годы

Сфера присутствия	Совокупная стоимость проектов ГЧП по отраслям		Количество проектов по отраслям	
	млрд евро	Доля в совокупном объеме, в %	ед.	Доля в совокупном объеме, в %
Транспорт	211,992	55,32	391	21,24
Окружающая среда	24,308	6,34	143	7,77
Образование	35,997	9,39	443	24,06
Общественный порядок и безопасность	12,954	3,38	147	7,98
Туризм и культура	6,807	1,78	80	4,35
Общественные услуги	7,29	1,90	76	4,13
Оборона	18,271	4,77	56	3,04
Здравоохранение	50,717	13,23	393	21,35
Жилищно-коммунальное хозяйство	7,456	1,95	83	4,51
Интеллектуальная собственность	0,16	0,04	2	0,11
Телекоммуникации	7,291	1,90	27	1,47
ВСЕГО	383,243	100	1841	100

Источник: таблица составлена авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

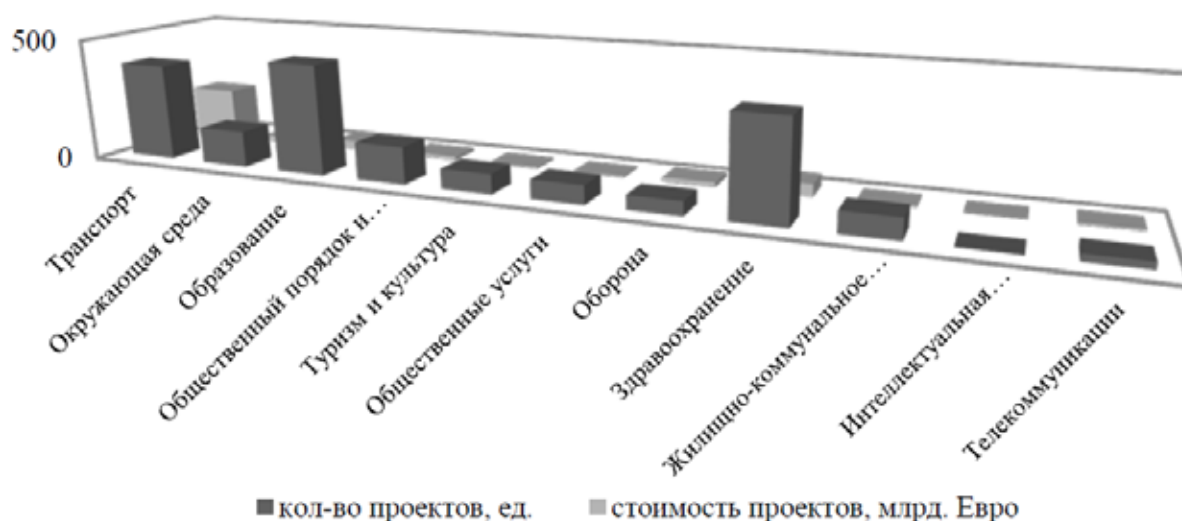

Рис. 2. Отраслевая специфика европейских проектов ГЧП по стоимости и количеству за 1990–2018 годы

Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

Таким образом, за анализируемый период основная доля реализованных ГЧП-проектов (рисунок 3) приходится на проекты в области транспортной инфраструктуры (55,32 %) в стоимостном выражении (211,992 млрд евро). Однако, по количественному параметру преобладают проекты в области образования над другими направления-

ми использования — 443 проекта (24,06 % от общего количества реализованных проектов). Также наблюдается достаточное количество проектов в таких социальных сферах, как здравоохранение — 393 проекта (21,35 %), что подтверждает использование социально-ориентированной экономической модели стран Европы, рисунок 3.

Рис. 3. Отраслевая структура европейских проектов ГЧП по стоимости (а) и количеству (б) за 1990-2018 годы
Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

Управление проектами ГЧП призвано обеспечить согласованность с инвестиционными приоритетами страны, что, в свою очередь, ведет к реализации стратегических планов, и по отраслевой специфике ГЧП-проектов можно судить о направлениях социально-экономической политики в той или иной стране. По данным аналитического исследования «Market Update Review of the European PPP Market in 2018», проведенного Европейским

экспертным центром [Market Update., 2019], в 2018 году транспортный сектор оставался крупнейшим в стоимостном выражении с транзакциями на сумму более 7 млрд евро (7,6 млрд евро в 2017 году). Как показано на рис. 4, сектор телекоммуникаций был вторым по активности с точки зрения стоимости в 3 млрд евро (2,1 млрд евро в 2017 году), что связано с шестью сделками широкополосного дуплекса, закрытыми во Франции.

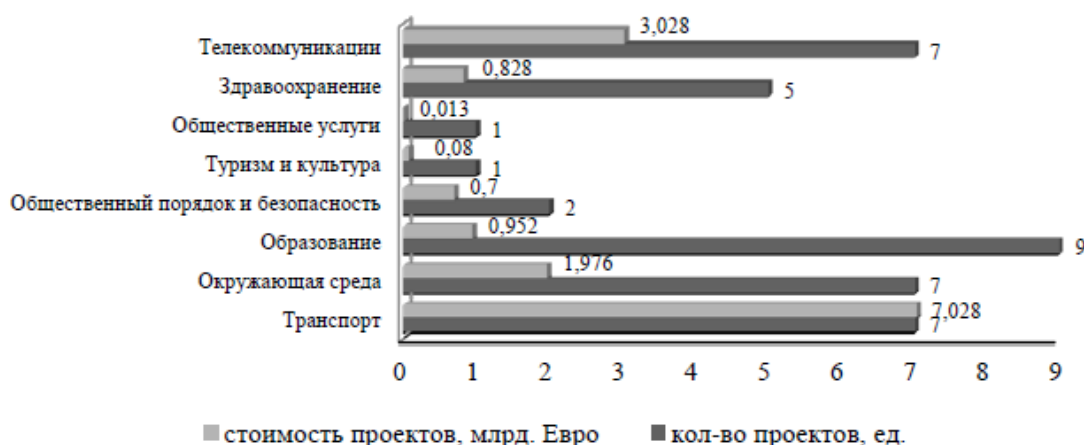

Рис. 4. Отраслевая структура европейских проектов ГЧП по стоимости и количеству за 2018 год
Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

В сфере образования количество проектов, достигших финансового закрытия, уменьшилось с десяти до девяти, а совокупная стоимость аналогичным образом снизилась до 952 миллионов евро (958 миллионов евро в 2017 году). Семь проектов закрыты в секторе окружающей среды на общую сумму 1,976 млрд евро (462 млн евро в 2017 году). Значительное сокращение как в стоимостном выражении претерпел сектор здравоохранения — с 3,8 млрд евро в 2017 году до 828 млн евро в 2018 году, так и по количеству проектов — из девяти проектов в 2017 году до пяти проектов в 2018 году. За анализируемый период наибольшая практика в реализации ГЧП-проектов в сто-

имостном и количественном выражении принадлежит Великобритании (рисунки 5 и 6).

На втором месте — Франция: за период 1991–2018 годы в стране реализовано 198 ГЧП-проектов на сумму 42,681 млрд Евро. Тройку лидеров замыкает Испания с реализованными 161 ГЧП-проектов на сумму 35,2 млрд Евро.

Однако, если рассматривать количественные и стоимостные показатели исследуемого рынка на конец 2018 года, позиции стран меняются (рисунок 7): крупнейшим рынком ГЧП в Европе в стоимостном выражении является Турция, реализовавшая 5 ГЧП-проектов на общую сумму 5,1 млрд евро (6 млрд евро в 2017 году).

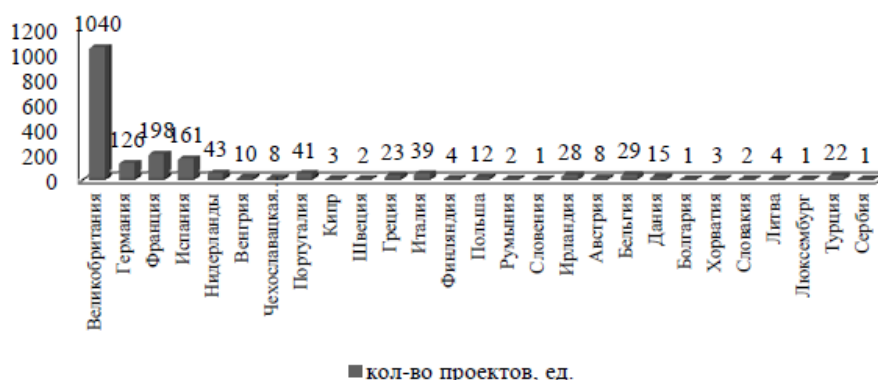

Рис. 5. Количественная характеристика практики реализации проектов ГЧП по странам Европы, ед. за 1990–2018 годы
 Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

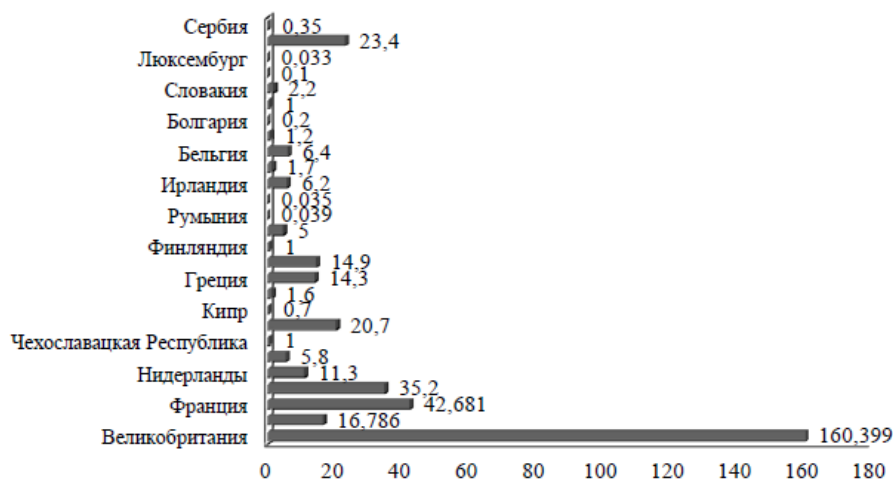

Рис. 6. Реализация ГЧП-проектов в стоимостном выражении по странам Европы, млрд. евро за 1990–2018 годы
 Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

В количественном выражении лидером стала Франция, из которых 15 было финансово закрыто в 2018 году (девять — в 2017 году) [Market Update., 2019].

Франция была также вторым по величине рынком ГЧП по итогам 2018 года с точки зрения стоимости с общим объемом в 4,2 миллиарда евро.

Значительное влияние на развитие европей-

ского рынка ГЧП-проектов оказывает партнерство с институциональными инвесторами. Так, по данным исследования «Market Update Review of the European PPP Market in 2018», проведенного Европейским экспертным центром [там же], в 2018 году из общего числа 39 сделок, которые достигли финансового закрытия в 2018 году, 21 (по сравнению 13 из 44 в 2017 году) предусматривали

финансирование институциональными инвесторами (страховые компании, пенсионные фонды) через различные модели финансирования.

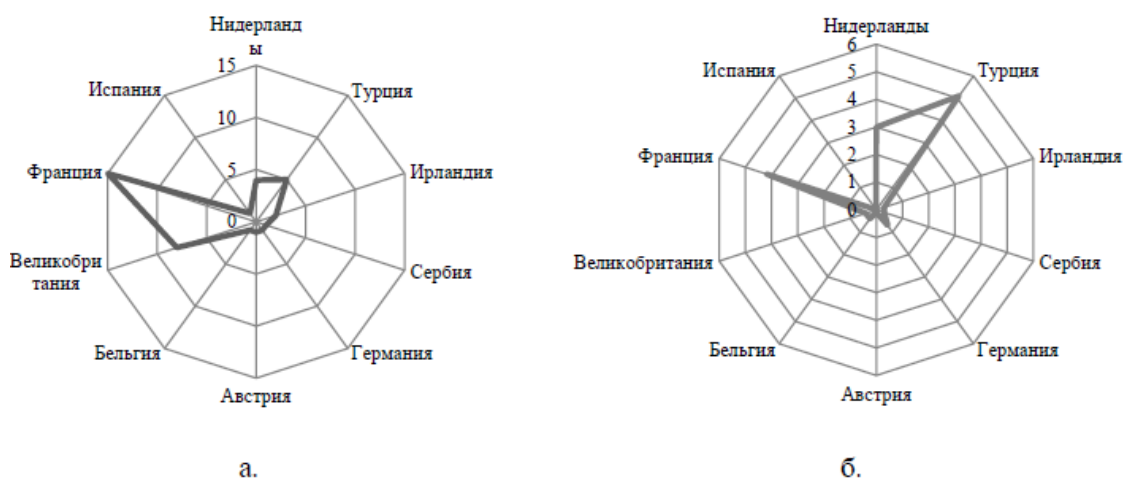

Рис. 7. Распределение стран по количеству (а) и стоимости (б) проектов ГЧП в 2018 году

Источник: рисунок составлен авторами по данным [EPEC Data Portal, н.д./2019]

Кроме того, правительство некоторых стран (например, в Великобритании) в качестве приоритетных инвесторов придает особое значение именно страховым и пенсионным фондам, которые обладают значительными финансовыми ресурсами.

Также в 2018 году отмечается значительная роль на рынке ГЧП-проектов Европы национальных правительств и государственных финансовых учреждений, например, объездная дорога A355 Strasbourg West (Франция), дорога A10 / A24 Нойруппин-Панков (Германия), плотина Афслутдейк и туннель Бланкенбург (Нидерланды) — данные проекты реализованы при поддержке Европейского фонда стратегических инвестиций (EFSI) [Market Update., 2019].

Организация проектной деятельности в большинстве европейских стран децентрализована. Так, в Великобритании каждый департамент и органы местной власти несут ответственность за собственную подготовку проекта в качестве закупающей организации. Закупающие органы планируют, структурируют и закупают проекты, а также оплачивают инфраструктурные услуги либо за счет сбора платежей с пользователей, либо за счет своих государственных бюджетов [там же].

Для руководства инфраструктурными проектами в Великобритании в 2015 году создана «Управление по инфраструктуре и проектам» (IPA). Подотчетная Казначейству Ее Величества и Кабинету министров, IPA была сформирована для наблюдения за общей политикой в отношении реализации проектов и обеспечения качества конкретных коммерческих предложений. На се-

годня IPA определяется как «экспертный центр правительства Великобритании по инфраструктуре и крупным проектам», что является частью более широкой институциональной основы для планирования и реализации инфраструктурных проектов.

Стратегическое планирование развития инфраструктуры в Великобритании осуществляет «Национальная комиссия по инфраструктуре», в ее состав входят независимые эксперты и лидеры отрасли, финансируется Казначейством.

Аналогичная организация и в Германии — разработкой и реализацией ГЧП-проектов на каждом уровне власти занимается специализированный государственный орган. Чаще всего, мероприятия по разработке инфраструктурных проектов финансируются из федерального или местного бюджетов.

Довольно часто для крупных проектов создаются специальные агентства, которые обеспечиваются отдельными бюджетами. Например, для управления транспортной системой Лондона в 2000 году была создана государственная служба «Транспорт для Лондона» (TfL). Для планирования и реализации проектов строительства новых железнодорожных линий в Лондоне TfL была учреждена компания «Crossrail Limited». После завершения железнодорожные линии будут переданы TfL для работы. Аналогично реализуется проект строительства железной дороги, соединяющей Лондон, Бирмингем, Ист-Мидлендс, Лидс и Манчестер — сам проект разрабатывается и реализуется компанией «High Speed Two (HS2) Limited», учрежденной правительством Великобритании [там же].

Кроме того, во многих странах созданы специализированные национальные финансовые институты (инфраструктурные фонды). Ресурсное обеспечение таких фондов осуществляется из государственного бюджета, доходов от управления имуществом, а также иной деятельности.

Так, в Великобритании действует «Фонд обеспечения регионального экономического роста» (Regional Growth Fund), который был создан британским правительством для привлечения внебюджетного финансирования. По состоянию на 2018 год, фонд располагает бюджетом в 2,6 млрд фунтов стерлингов.

Для реализации гарантий инвесторам создаются государственные инфраструктурные банки, которые, чаще всего, находятся под контролем государства. Например, созданный в Германии в 1948 году «Kreditanstalt für Wiederaufbau» (KfW) является шестым крупнейшим в мире эмитентом облигаций на сумму 80 млрд евро в год и действует как агент и центр технических экспертиз для федерального и государственного правительства. Основное направление деятельности банка заключается в финансировании развития, т.е. в финансировании проектов, направленных на поддержку изменений в экономике, экологии и общественной жизни не только Германии, но и других странах, которое банк осуществляет от имени Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии.

Кредитные продукты ориентированы на конкретных заемщиков при выгодных процентных ставках. Так, например, разработана целая линейка кредитных предложений для муниципалитетов для реализации проектов в муниципальную и социальную инфраструктуру (школы, детские сады, телекоммуникационные распределительные сети, транспортная инфраструктура и др.). Как правило, это целевые кредиты — они предназначены для покупки недвижимости для целей развития в сумме до 150 миллионов евро в год сроком до 30 лет. Процентные ставки по кредитам KfW чрезвычайно низкие — в диапазоне 0,05–0,2 %, при этом заемщик должен предоставить отчет об использовании данных средств [Guidance Note., 2019].

Растет число различного рода организаций, заявляющих целью своей деятельности развитие ГЧП. Примерами таких вновь созданных организаций могут служить следующие: Центр ГЧП при Европейской экономической комиссии ООН (UNECE International PPP Centre of Excellence),

франкфуртский Центр ГЧП в области здравоохранения, а Всемирная Ассоциация практиков ГЧП (World Association of PPP Practitioners).

Таким образом, проведенный анализ опыта европейских стран по развитию и реализации различных форм и механизмов ГЧП позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день большинство стран Европы имеют за плечами продолжительный опыт использования ГЧП, создана необходимая институциональная основа для планирования и реализации инфраструктурных проектов. Среди «плюсов» государственно-частного партнерства следует выделить следующие:

- внедрение традиций эффективного управления в общественные сектора экономики;
- расширение инвестиционных возможностей на всех уровнях;
- экономия бюджетных средств;
- привлечение частного капитала к решению социально-значимых задач.

По данным британского правительства, такие проекты обеспечивают 17 % экономии для бюджета страны, а по данным Национального бюро аудита ежегодная экономия государственных средств на финансирование социальной сферы составляет от 2 до 3 млрд фунтов стерлингов.

В Германии были снижены тарифы на электроснабжение благодаря концессионным соглашениям между муниципалитетами и владельцами коммунальных предприятий.

Однако существуют и определенные проблемы.

Так в ноябре 2018 года в Великобритании был представлен новый бюджетный план, который предполагал отказ от основной модели ГЧП, применяемой в Великобритании с 1992 года модели инициативы частного финансирования (PFI)¹. Среди основных причин низкой эффективности модели PFI министром были названы следующие:

- псевдопартнерство — проекты ГЧП, которые «навязываются общественности или не отвечают ее интересам»;
- «невыгодность для налогоплательщиков»;
- высокие политические риски для частного инвестора;
- неэффективность проектов ГЧП для бюджета по сравнению с иными формами реализации инфраструктурных проектов;
- недостаток прозрачности.

Существует много других проблем, таких как перерасход средств, задержки и проблемные

¹ Британское ГЧП поставили на паузу: правительство откажется от PFI // ГЧП Институт, 07 ноября 2018. URL: https://p3institute.ru/novosti-gchp/novosti_1976.html (дата обращения: 05.08.2019)

контракты, которые затрагивают общество. По расчетам Счетной палаты Великобритании бюджетная эффективность британской модели ГЧП, не смотря на достаточный опыт в использовании ГЧП, не является обоснованной. В качестве примера можно привести результаты доклада британского научного института «The Centre for Health and the Public Interest (CHPI)», опубликованного в конце лета 2017 года, посвященного ГЧП-проектам по строительству больниц. Основным аргументом неэффективности применяемых механизмов ГЧП стали долгосрочные выплаты государства в пользу частных партнеров, т. е. плата за доступность: в большинстве проектов суммарный объем платы превышает капитальные затраты на строительство в среднем в 7–20 раз¹. И, как отмечается в докладе министра, аналогичная ситуация наблюдается и по всему британскому рынку ГЧП в целом.

Кризис британской модели ГЧП можно объяснить тем, что созданная в стране модель ГЧП относится к первой массовой «волне» проектов ГЧП, а с учетом того, что средний срок проектов ГЧП составляет около 30 лет, следовательно, уже сейчас в Великобритании назрела необходимость принятия дальнейших стратегических решений относительно данных проектов².

Указанные положительные и отрицательные тенденции на европейском рынке проектов ГЧП дает большой практический материал, анализ которого позволит в действительности оценить, насколько эффективно ГЧП, и выработать более эффективные модели реализации проектов ГЧП на будущее. Таким образом, дальнейшее развитие института государственно-частного партнерства как «новой технологии управления развитием экономики» становится все более актуальным.

При этом стоит отметить, что не существует универсальной стратегии развития и управления процессами развития инфраструктурой на основе государственно-частного партнерства, выбор которых зависит от приоритетов государства, его экономического состояния, финансовых возможностей и т. д.

Президентский Указ от 7 мая 2018 года³ дал старт повороту российской экономики в направ-

лении обеспечения развития производственных секторов, ориентируясь, прежде всего, на поддержание инвестиционной активности для развития производственной, транспортной и социальной инфраструктуры. В результате принятия данной политики государственные ресурсы в стратегических планах концентрируются на инвестиционном обеспечении реализации национальных целей и приоритетов.

В такой ситуации государственно-частное партнерство является хорошей инвестиционной моделью для нашей страны, позволяющей более эффективно распоряжаться имеющимися ресурсами.

Согласно аналитического обзора АНО «Национальный Центр ГЧП» [Просто и честно..., 2019] сегодня Россия инвестирует в инфраструктуру 2,8 % от ВВП, при этом потребность российской экономики составляют 4,2 % от ВВП, что составляет 25,9 трлн руб. в ближайшие шесть лет. Инвестиции всех нацпроектов составляют 25,7 трлн руб., из них на инфраструктуру может быть направлено около 15,3 трлн руб. Дефицит составляет 10,6 трлн руб. [там же].

Основные стратегические документы, на базе которых в ближайшие годы будет развиваться инфраструктура — это национальные проекты. Всего их 13, общей стоимостью 25,7 трлн руб., из которых внебюджетных средств — 7,7 трлн руб. (рисунок 8).

В условиях снижения бюджетных средств на реализацию национальных проектов, логично предположить, что следует активно использовать механизмы государственно-частного партнерства. Анализ показывает, что за прошедший год 353 проекта с использованием механизмов ГЧП прошли стадию коммерческого закрытия, что в полтора раза меньше, чем годом ранее (рисунок 9) [Платон..., 2019].

Но при этом отмечается повышение активности частных инвесторов: так за 2018 г. их объем составил 451,7 млрд. руб. в 2018 году, что на 82,5 % больше аналогичного показателя 2017 года (247,5 млрд руб.) (рисунок 10).

По сферам реализации проектов ГЧП два лидера — транспорт и коммунально-энергетическое хозяйство. И, если транспорт лидирует по объему инвестиций (что соответствует тенденциям на европейском рынке) — на отрасль приходится 59 % от общих инвестиций (1,3 трлн руб.), по количеству проектов на транспортную отрасль приходится всего 4 % от общих инвестиций.

1 Там же.

2 Там же.

3 Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 24.07.2019).

Рис. 8. Вклад национальных проектов в развитие инфраструктуры России в 2019–2014 годы, млрд руб.

Источник: рисунок составлен авторами по данным [Guidance Note..., 2019]

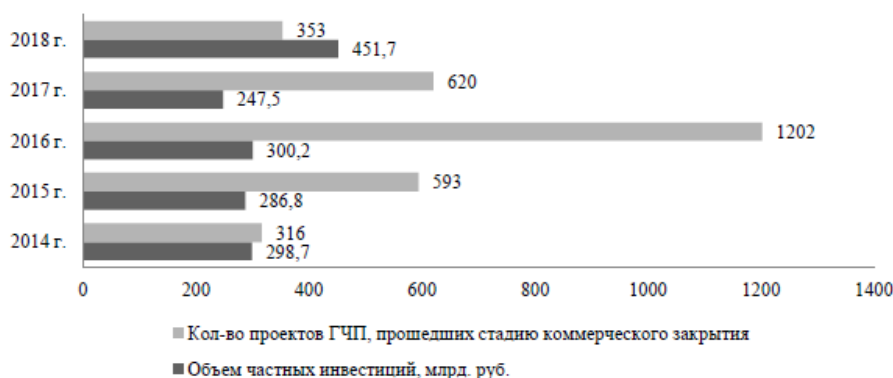

Рис. 9. Количество проектов ГЧП, прошедших стадию коммерческого закрытия в соответствующем году, и объем инвестиций в этих проектах по годам

Источник: рисунок составлен авторами по данным [Guidance Note..., 2019]

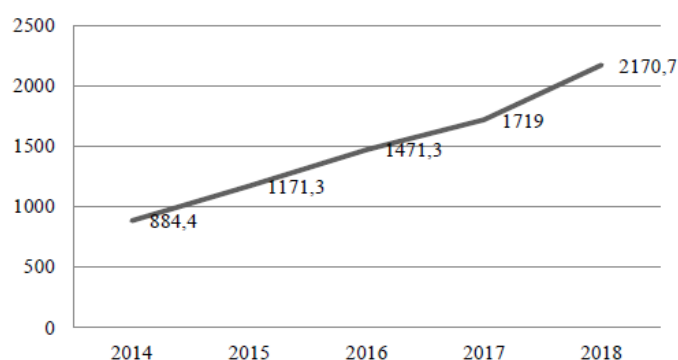

Рис. 10. Законтрактованные инвестиционные обязательства частных партнеров в проектах ГЧП, 2014–2018 годы, накопленным итогом

Источник: рисунок составлен авторами по данным [Платон..., 2019]

Противоположная ситуация в коммунально-энергетическом хозяйстве: 80 % (2 731 проект) приходится именно на этот сектор, что в денежном выражении составляет 25 % от общего объема (рисунок 11). Исключение — оборона и безопасность. Один проект (ПЛК «Архангельск»), но за 18 млрд руб., что в среднем выше, чем по

всем другим отраслям. Как показывает европейская и мировая практика реализации ГЧП-проектов, инфраструктура — это долгосрочный бизнес, который требует не только хороших, прозрачных и быстрых механизмов принятия решений для запуска проекта, но и того, где неожиданные изменения поведения в государстве или корпоративном партнере могут иметь тяжелые последствия.

Закупки в инфраструктурных проектах являются одним из наиболее важных этапов, поскольку именно там определяются определения и стратегии реализации проекта. Кроме того, именно на этапе закупок разрабатываются переговоры и инновации бизнес-моделей между государственными и частными партнерами. Чтобы обеспечить наилучшее соотношение цены и качества при разработке ГЧП, проектные риски должны распределяться между сторонами, которые в наибольшей степени способны управлять ими, что

сводит к минимуму затраты и повышает производительность. Это сложный баланс для правительства и законодательных органов, который требует стратегической правовой перспективы. Вся деятельность по проектированию/модернизации или восстановлению инфраструктурных объектов отвечает заранее определенной общественной проблеме. Эта проблема, как правило, продиктована сверху без особого или какого-либо участия пользователей или сообществ, от имени которых решаются проблемы.

Здесь приоритеты тех, кто находится у власти, преобладают над приоритетами тех, кто должен жить с «решением». Например, российская система взимания платы с грузовиков, имеющих разрешённую максимальную массу свыше 12 тонн, известная под названием «Платон»: с момента запуска в эксплуатацию системы 15 ноября 2015 года деньги взимаются с перевозчиков в счёт возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения.

Рис. 11. Отраслевая специфика проектов ГЧП в России по количеству на конец 2018 года

Источник: рисунок составлен авторами по данным [Guidance Note., 2019]

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 29 августа 2014 года № 1662-р было заключено Концессионное соглашение между Федеральным дорожным агентством и ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы», которое назначено оператором системы взимания платы и реализует полный цикл создания системы с её последующей модернизацией. По информации оператора системы, инвестиции в её создание составили более 29 млрд руб., из которых 2 млрд за счёт собственных средств акционеров и 27 млрд за счёт кредита, предоставленного Газпромбанком [Платон., 2019].

За свои услуги оператор системы должен получать из федерального бюджета от 10,6 млрд руб. в год с момента запуска до завершения действия концессионного соглашения (13 лет). По прогнозу компании, доход госбюджета от введения системы должен составить 40 млрд руб. в год. Однако, на 2018 год с момента начала работы Платона в госбюджет поступило чуть больше 50 миллиардов рублей [там же].

Для потребителя данный проект означал увеличение расходов, а для государства — неисполнение объема прогнозируемых поступлений и недовольство потребителей даже через два года после внедрения проекта.

Причиной является методика оценки социально-экономической эффективности проектов на стадии их инициирования: как и для любого инвестиционного проекта, соотношение цены и качества («Value for money») является ключевым обоснованием любого ГЧП, что заложено и в методические основы экономического обоснования таких проектов в России (как и в странах Европы, как показал анализ). В основе методологии «Value for money» лежит принцип нахождения лучшего соотношения цены и качества, включая расчет эффективности для бюджета.

Однако, в странах Европы в последние годы наблюдается постепенное смещение акцентов в оценке проектов ГЧП от концепции «Value for money» к подходу, основанному на приоритизации ценностей, которые принесет реализация проекта ГЧП для людей, общества. Такой подход получил название «Ценность для людей» (Value for People).

Как следствие, органы исполнительной власти все чаще рассматривают механизмы ГЧП как инструменты реализации стратегий устойчивого развития (Sustainable Development Goals (SDGs)). К тому же такое понимание целей реализации проектов ГЧП становится доминирующим у институтов развития, принимающих решения об

условиях финансирования соответствующих инициатив. Можно предположить, что данная тенденция будет способствовать росту проектов ГЧП в социальной сфере, включая здравоохранение, ЖКХ и образование.

Именно поэтому «Value for People» продекларирован в «Руководящих принципах ГЧП», разработанных для ООН как один из 8 руководящих принципов для ГЧП, ориентированных на людей [Guiding Principles., 2018].

Поэтому следует создать систему оценки проектов ГЧП, ориентирующиеся не только на «соотношение цены и качества», но и на использующие подход «соотношение цены и качества», в основе которого лежат люди, а целью является устойчивое развитие. Данная система требует участия людей — граждан, групп потребителей, других заинтересованных сторон и т. д. В России делаются попытки привлекать граждан к решению общественных проблем (например, проект «Управляем вместе», «Понятный бюджет»), но, в большинстве случаев, реализация данных проектов не ведет к использованию мнения общества в общественно значимых проектах. Тем более, что проблема прозрачности проектов ГЧП характерна и для европейского рынка. В результате общественность получает очень мало интереса и сохраняется атмосфера недоверия. В качестве примера можно привести то же самое концессионное соглашение «Платон» — договор о концессии между Росавтодором и РТИТС подписавшие стороны называли конфиденциальным и защищенным коммерческой тайной, а сам документ

официально не публиковался [Платон., 2019].

Общество должно быть проинформировано о процессе реализации проектов ГЧП и, в свою очередь, регулирующему органу нужна обратная связь с потребителями о производительности, обслуживании и цене инфраструктурного объекта, созданного в рамках реализации ГЧП-проекта.

Правительства и партнеры из частного сектора должны раскрывать больше информации о своих общих проектах и своих соглашениях. Такая информация должна включать:

- информацию о влиянии на занятость (сколько человек потеряет работу, сколько потребуется переподготовка и т. д.);
- ценообразование на услуги;
- информация о воздействии на незащищенные слои населения и о смягчении последствий изменения климата;
- как проект вносит непосредственный вклад в достижение целей устойчивого развития.

Кроме того, раскрытие информации необходимо для расширения участия заинтересованных сторон в принятии решений по ГЧП.

Заключение

И, так как Россия находится только на пути формирования новой концепции государственного менеджмента, для повышения процессов внедрения данного инновационного механизма финансирования инфраструктурных проектов, необходимо учитывать данные тенденции и не совершать те ошибки, которые характерны для европейских рынков ГЧП-проектов.

Список источников

Платон (система взимания платы) // Википедия. [2019—2019]. Дата обновления: 27.10.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=102978044> (дата обращения: 09.08.2019).

Просто и честно об инвестициях в инфраструктуру и государственно-частном партнерстве в России : аналитический обзор / Национальный Центр ГЧП. Москва : Национальный Центр ГЧП, 2019. URL: <http://pppcenter.ru/assets/docs/reit240419.pdf> (дата обращения: 09.08.2019).

Садовская Е. П. Использование зарубежного опыта для развития государственно-частного партнерства в России // Современная экономика : сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 243–246. ISBN: 978-5-907204-39-3.

Чернов С. С. Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнерства // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3. С. 204–209.

EPEC Data Portal // EPEC, н.д./2019. URL: <https://data.eib.org/epec/sector/all> (дата обращения: 04.08.2019).

Guidance Note on National Infrastructure Banks and Similar Financing Facilities // Global Infrastructure HUB, 29.03.2019. URL: <https://www.gihub.org/news/for-consultation-guidance-note-on-national-infrastructure-banks-and-similar-financing-facilities/> (дата обращения: 24.07.2019).

Guiding Principles on People-First Public-Private Partnerships (PPPs) for the United Nations Sustainable Development Goals (UN SDGs). Part II — The 8 Guiding Principles for People-First PPPs in Support of the UN SDGs. // UNECE International PPP Centre of Excellence, 03.05.2018. URL: <https://www.unece.org/icoeppp.html> (дата обращения: 24.07.2019).

Market Update Review of the European PPP Market in 2018 // European Investment Bank, 02/2019. URL: https://www.eib.org/attachments/epec/epec_market_update_2018_en.pdf (дата обращения: 04.08.2019).

Practices and New Trends. United Nations Conference Centre, Addis Ababa, Ethiopia 30 June – 1 July 2011. URL: https://www.uneca.org/sites/default/files/uploaded-documents/MPD/PPP-HLW2011/ppp_in_the_energy_sector-eca_background_paper.pdf (дата обращения: 01.08.2019)

Recommendation of the Council on Principles for Public Governance of Public-Private Partnerships // OECD, 2012. URL: <https://www.oecd.org/gov/budgeting/ppp-recommendation.pdf> (дата обращения: 24.07.2019).

World Association of PPP Practitioners // The World Bank Group, н.д./2019. URL: <https://blogs.worldbank.org/ppps/ready-launch-world-association-ppp-units-ppp-professionalshtml> (дата обращения: 24.07.2019).

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Marina Rudenko¹, Oksana Noskova², Rafail Imanov³, Vladimir Chernyavskiy⁴

PRACTICAL EXPERIENCE IN THE USE OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN EUROPE AND THE POSSIBILITY OF ITS USE IN RUSSIA

Abstract. One of the main directions of the state economic policy of most countries is the use of the mechanism of public-private partnership. The practice of using PPPs in foreign countries has a history of more than 25 years, and European PPP models related to the first mass "wave" are experiencing a crisis today, which has led most European governments to rethink their strategies. The identification of current trends, problem areas of using the mechanism of public-private partnership in the implementation of the economic policy of European countries, as well as an analysis of the strategic decisions undertaken, allow us to identify the main directions for improving the efficiency of the implementation of infrastructure projects in Russia.

Key words: public-private partnership (PPP), PPP projects, infrastructure, the market of PPP projects, Europe, Russian Federation.

JEL: L3

- 1 **Rudenko Marina Nikolaevna** – Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Perm State Research University. Perm, Russia. Email: m.ru.ko@mail.ru. ResearcherID: U-2293-2019; Author ID: 86970.
- 2 **Noskova Oksana Evgenievna** – Senior Lecturer, Management Department, Perm State Research University. Perm, Russia. Email: skova@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8270-0702.
- 3 **Imanov Rafail Arifovich** – Candidate of Sci. (Econ.), Leading researcher Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS). Moscow, Russia. Email: imanov@cemi.rssi.ru. Author ID: 712705
- 4 **Chernyavskiy Vladimir Sergeevich** – Candidate of Sci. (Econ.), Lead Engineer, CEMI RAS. Moscow, Russia. Email: vchern2007@bk.ru. Author ID: 852279.

References

- Platon (sistema vzimaniya platy) [Plato (charging system)]. *Wikipedia*. [2019–2019]. Date updated: 10.27.2019. Available at: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=102978044> (accessed 08/09/2019) (in Russian).
- Prosto i chestno ob investitsiyakh v infrastrukturu i gosudarstvenno-chastnom partnerstve v Rossii : analiticheskiy obzor* [Simple and honest about investments in infrastructure and public-private partnerships in Russia : analytical review]. National Center for PPP. Moscow: National Center for PPP, 2019. Available at: <http://pppcenter.ru/assets/docs/reit240419.pdf> (accessed 08/09/2019) (in Russian).
- Sadovskaya E. P. Ispol'zovaniye zarubezhnogo opyta dlya razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii [The use of foreign experience for the development of public-private partnerships in Russia]. *Sovremennaya ekonomika : sbornik statey XXVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern Economics : Proceedings of the 28th International Scientific and Practical Conference]. Penza: Nauka i prosveshcheniye, 2019. P. 243–246. ISBN: 978-5-907204-39-3 (in Russian).
- Chernov S. S. Zarubezhnyy opyt realizatsii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Foreign experience in the implementation of public-private partnerships]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo = Business. Education. Law*. 2018. No. 3. P. 204–209 (in Russian).
- EPEC Data Portal. *EPEC*, n.d./2019. Available at: <https://data.eib.org/epec/sector/all> (accessed: 08/04/2019).
- Guidance Note on National Infrastructure Banks and Similar Financing Facilities. *Global Infrastructure HUB*, 29.03.2019. Available at: <https://www.gihub.org/news/for-consultation-guidance-note-on-national-infrastructure-banks-and-similar-financing-facilities/> (accessed: 07/24/2019).
- Guiding Principles on People-First Public-Private Partnerships (PPPs) for the United Nations Sustainable Development Goals (UN SDGs). Part II — The 8 Guiding Principles for People-First PPPs in Support of the UN SDGs. *UNECE International PPP Centre of Excellence*, 03.05.2018. Available at: <https://www.unece.org/icoeppp.html> (accessed: 07/24/2019).
- Market Update Review of the European PPP Market in 2018. *European Investment Bank*, 02/2019. Available at: https://www.eib.org/attachments/epec/epec_market_update_2018_en.pdf (accessed: 08/04/2019).
- Practices and New Trends*. United Nations Conference Centre, Addis Ababa, Ethiopia 30 June – 1 July 2011. Available at: https://www.uneca.org/sites/default/files/uploaded-documents/MPD/PPP-HLW2011/ppp_in_the_energy_sector-eca_background_paper.pdf (accessed: 08/01/2019).
- Recommendation of the Council on Principles for Public Governance of Public-Private Partnerships. *OECD*, 2012. Available at: <https://www.oecd.org/gov/budgeting/ppp-recommendation.pdf> (accessed: 07/24/2019).
- World Association of PPP Practitioners. *The World Bank Group*, n.d./2019. Available at: <https://blogs.worldbank.org/ppps/ready-launch-world-association-ppp-units-ppp-professionalshtml> (accessed: 07/24/2019).

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Беспалова Н. А. Институт корпоративного гражданства как платформа повышения качества услуг хозяйственных структур // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 120–125. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.15

Дата поступления 13.12.2019 г.

УДК 332.1

Наталья Беспалова¹

ИНСТИТУТ КОРПОРАТИВНОГО ГРАЖДАНСТВА КАК ПЛАТФОРМА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УСЛУГ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Аннотация. Вопросы повышения качества товаров и услуг остаются одними из важнейших, но при этом все более укрепляются другие факторы, влияющие на выбор потребителей. Сегодня все большее влияние получает институт корпоративного гражданства, выступающей в качестве более развитой формы корпоративной социальной ответственности. Принимая решение об покупке тех или иных услуг, люди часто внимательно изучают информацию о предприятиях, и социальная ответственность является явным плюсом для них при принятии решения. При этом наибольшее влияние оказывает именно вопрос самого качества услуги, поэтому можно сказать о взаимосвязи корпоративного гражданства с ним.

Развитие корпоративного гражданства положительно сказывается на росте качества услуг, предприятие которое желает привлечь клиентов и инвесторов своей социальной деятельностью понимает, что во многом именно качество услуги повлияет на их выбор, но при этом социальная ответственность также выступит в качестве важного дополнения.

Ключевые слова: корпоративное гражданство, корпоративная социальная ответственность, качество услуг, предпринимательская деятельность.

JEL: O14

¹ **Беспалова Наталья Александровна** — кандидат экономических наук, И. О. доцента, Институт социальных наук. Москва, Россия.
E-mail: bespalova1911@gmail.com.

Введение

Все большую актуальность приобретают корпоративная социальная ответственность и корпоративное гражданство. Возможности многих крупных и средних предприятий во многом взаимосвязаны с показателями их социальной ответственности, особенно в настоящее время развития информации, когда каждый человек может следить за большим количеством действий предприятий благодаря развитию современных СМИ и информационных технологий. И именно фактор социального поведения, отношения к экологии, проявление других социально значимых поступков существенно влияет на отношение к предприятию со стороны общества и конкретных потребителей его товаров и услуг.

Результаты исследования

Рассмотрим понятие корпоративного гражданства, однако так как часто указывается тот факт, что оно выступает в качестве производной корпоративной социальной ответственности необходимо рассмотреть и данный термин.

Орехов С. А. дает, следующее определение «корпоративно социальная ответственность —

это не только ответственность компании перед работниками, партнерами, с которыми она сталкивается в процессе работы компании, перед обществом в целом, не только набор принципов, по которым организация выстраивается бизнес-процессы, а философия компании общественной и предпринимательской деятельности по которой существует организация, заботящаяся о своем развитии, обеспечении хорошего уровня жизни людей и развитии общества в целом» [Орехов, 2018, с. 2]. Данное определение включает в себя основные подходы к пониманию корпоративной социальной ответственности, которые видят в ней ответственность компании перед обществом в целом, и конкретно субъектами и объектами, на которые ее деятельность влияют, а исходя из данной ответственности, работа компании ведется на основе этических соображений и принципов ее деятельности, которые позволяют устранить или максимально снизить неблагоприятные последствия от ее деятельности, способствовать развитию работников, партнеров, территорий работы, а также общества в целом. Корпоративное гражданство же многим видится

в качестве эволюционной формы корпоративной социальной ответственности, при которой в основе деятельности предприятия не ответственность перед обществом, а собственное желание способствовать развитию общества, работников предприятия, партнеров, территорий и т. д.

По словам Л. З. Абдоковой «корпоративное гражданство предполагает опережающее сотрудничество компаний с обществом и государством» [Абдокова, 2017]. Д. В. Колесников говорит о том, что «В отличие от КСО, представляющей собой компенсирующую деятельность и предполагающую решение проблем стейкхолдеров, созданной деятельностью самой компании, корпоративное гражданство предполагает опережающее ее сотрудничество с обществом и государством» [Колесников, 2017, с. 101]. Поэтому можно выделить ведущую характеристику корпоративного гражданства, которая отличает его от корпоративной социальной ответственности — инициативность. Предприятия иницируют деятельность, которая благоприятно скажется на развитии общества, в то время как при корпоративной социальной ответственности данная инициатива реализуется благодаря давлению общества. Деятельность предприятия не является какой-либо компенсацией за негативный характер, а носит добровольный и самостоятельный характер.

Развитие общественных отношений привело

к новому уровню социальной ответственности предприятий, непосредственно к корпоративному гражданству, когда предприятия ощущают себя важной частью общества и поэтому стремятся сделать его лучше, активно участвуют в реализации социальных проектов. Конечно, предприятия тоже думают и о плюсах, которые они получают, но при корпоративном гражданстве данные плюсы носят косвенный характер. Главным плюсом является то, что предприятие будет вести свою деятельность в более социально развитом обществе, а это значит, у людей будет больше возможностей воспользоваться их товарами или услугами. В целом корпоративное гражданство способствует развитию общества, но при этом данный институт положительно воздействует и на деятельность предприятия, а также качество его товаров или услуг. Для анализа влияния корпоративного гражданства на развитие бизнеса интересно проанализировать отчет Economist Intelligence Unit, который посвящен исследованию вопросов корпоративной социальной ответственности. В рамках данного отчета было проведено исследование, в рамках которого руководителям предпринимательских структур задавались вопросы о взаимосвязи их социальных действий с устойчивостью предприятий. Руководителей предприятия спросили, влияет ли корпоративное гражданство на устойчивость бизнеса (рисунок 1).

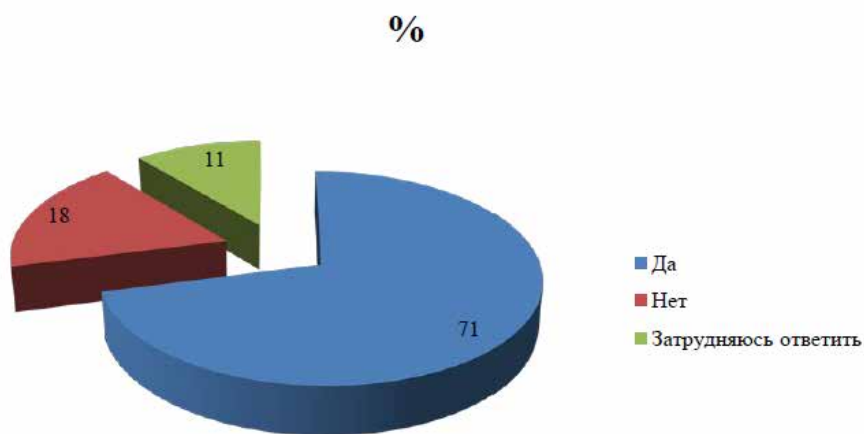

Рис. 1. Ответ на вопрос руководителей о взаимосвязи корпоративного гражданства с устойчивостью предприятия

Источник: [Corporate citizenship..., 2008]

Больше половины ответили на данный вопрос положительно, 75 % руководителей сказали о прямой взаимосвязи устойчивости их предприятий с корпоративным гражданством. О не влиянии высказались 18 %, а 11 % затруднились ответить. Второй вопрос касался положительного влияния корпоративного граждан-

ства непосредственно на результаты предприятия (рисунок 2).

Исследование показало, что 75 % руководителей предприятий говорит о влиянии на результаты компаний корпоративного гражданства. Люди, обладающие реальным опытом управления предприятий, использующие в

своей деятельности корпоративное гражданство, видят положительный эффект. Именно поэтому оно получает все большее развитие не только со стороны крупных предприятий и корпораций, но и среди небольших хозяйствую-

щих субъектов. Еще руководителей предприятий спрашивали о возможной эффективности корпоративных инвестиций в образование на предприятиях.

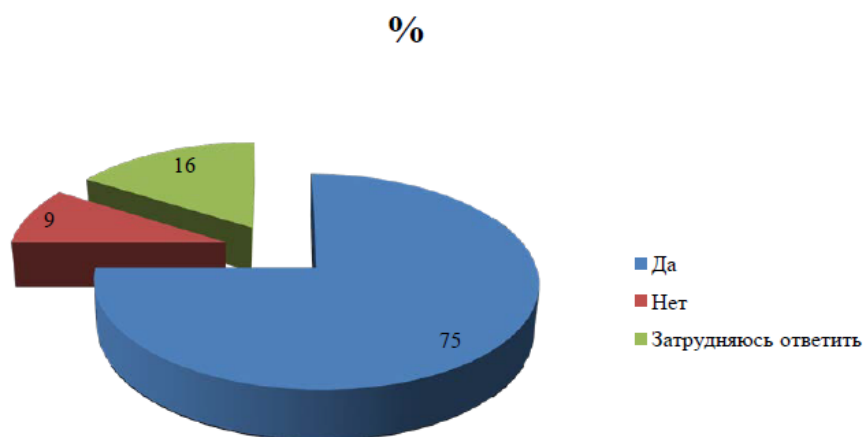

Рис. 2. Ответ на вопрос руководителей о влиянии корпоративного гражданства на результаты предприятия

Источник: [Corporate citizenship..., 2008]

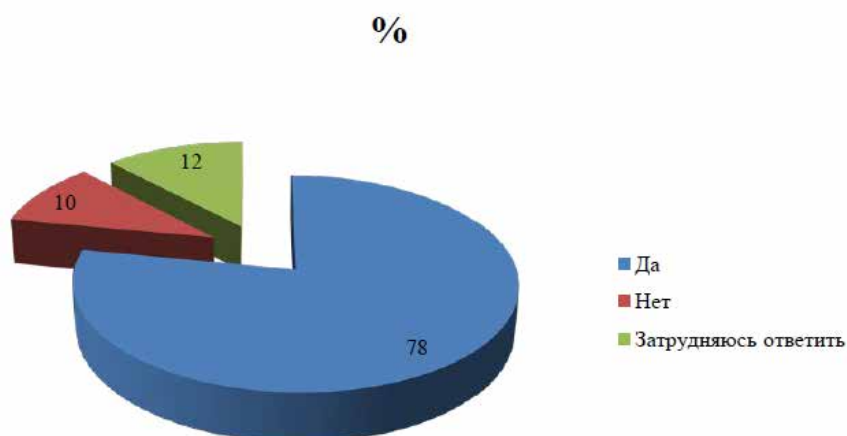

Рис. 3. Ответ на вопрос руководителей о влиянии корпоративных инвестиций в образование на результаты предприятия

Источник: [Corporate citizenship..., 2008]

78 % руководителей предприятий ответили, что данные инвестиции способны в будущем повысить итоговые результаты деятельности предприятия, 12 % затруднились ответить, а 10 % сказали об неэффективности данных инвестиций (рисунок 3).

Представленные данные показывают зависимость деятельности предприятия, ее устойчивости и эффективности от корпоративного гражданства. Руководители предприятий во многом уверены в положительном эффекте использования корпоративного гражданства.

Все это говорит о возможном положительном влиянии корпоративного гражданства на услуги предприятий. С помощью применения корпоративного гражданства предприятие старает-

ся способствовать развитию общества, однако при должном уровне социального благополучия граждане большее внимание будут обращать на качество предлагаемых им товаров и услуг, а также высказывать заинтересованность в социальных позициях предприятий.

Можно сделать вывод о том, что развитие корпоративного гражданства может влиять на повышение качества услуг предприятий следующим образом:

Повышение социальной ответственности будет способствовать повышению развития общества, что приведет к росту благосостояния его представителей, данная ситуация повысит требования со стороны потребителей к непосредственному качеству услуг.

Активное развитие корпоративного гражданство предприятия услуг привлечет клиентов с более высокими доходами, которые при выборе поставщика услуг в первую очередь будут ориентироваться не на их ценник, а на другие факторы, такие как качество, имидж предприятия, который во многом зависит от его социальных действий. У данных клиентов будут более высокие потребности к качеству услуг, что повлияет на деятельность предприятия в сфере повышения качества.

Принятие принципов корпоративного гражданства предприятия повысит требования с его стороны к своей деятельности, будет осуществлен поиск не максимально дешевых способов

оказания услуг, а осуществлять их с осознанием социальной ответственности, что также повысит качество предоставляемых услуг.

В целом можно сделать вывод, что принятие принципов корпоративного гражданства способно повысить качество предлагаемых услуг со стороны хозяйственных структур.

Существуют и конкретные исследования, показывающие значение корпоративного гражданства для потребителей товаров и услуг, так по данным Reputation Institute ведущими факторами влияния на репутацию предприятия выступают: качество товаров и услуг, управление и корпоративное гражданство (рисунок 4).

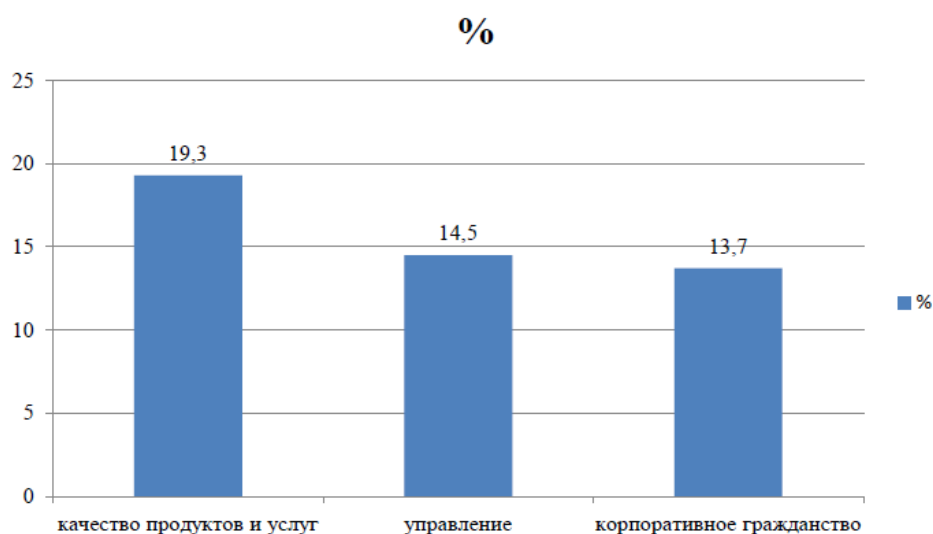

Рис. 4. Ведущие факторы, которые влияют на репутацию предприятия

Источник: 2017. Global RepTrak® 100. The World's Most Reputable Companies / Reputation Institute, 2017. URL: https://www.ideeideas.it/press/global_reptrak_2017.pdf

Можно увидеть, что корпоративное гражданство входит в тройку факторов, оказывающих существенное влияние на репутацию, по важности уступая только качеству товаров и услуг, а также управлению. Помимо этого растет и интерес со стороны покупателей к социально ответственным предприятиям, такие компании становятся более интересными для инвесторов.

Проанализировав развитие корпоративного гражданства можно встретить реальные примеры положительного влияния на качество услуг данного института. Например, компания «Microsoft» в своих отчетах о социальной ответственности указывает, что ежегодно тратит большие финансовые средства, предоставляя бесплатные лицензии на свое программное оборудование для начинающих предпринимателей, образовательных учреждений, а также некоммерческих организаций. Данная деятельность напрямую влияет на повышение качества

услуг, которые предоставляют образовательные учреждения. Возможность получить бесплатные лицензии на программное оборудование способствует экономии средств, которые тратятся на другие аспекты, что способствует развитию данного образовательного учреждения и качеству его образовательных услуг. Некоммерческие предприятия так же часто оказывают различного рода услуги, получение бесплатного программного оборудования способствует эффективности их деятельности с помощью его, а, следовательно, и качеству услуг. Среди начинающих предпринимателей присутствуют те, которые работают в сфере услуг, использование такого программного оборудования на бесплатной основе способствует увеличению внимания к качеству предоставляемых услуг.

В целом деятельность в сфере корпоративного гражданства со стороны «Microsoft» способствует повышению качества услуг различных пред-

приятый. При этом данная компания отличается высокоэффективными информационными решениями, например, предоставление лицензии на использование CRM-систем [The economics of digital., 2014]. Подключение CRM-системы является достаточно дорогим и часто начинающие предприниматели не могут это позволить. Однако получение возможностей использования данной системы дает большие преимущества по работе с клиентами. Например, «Microsoft Dynamics CRM — решение компании Microsoft, помогающее строить долговременные отношения с клиентами при осуществлении продаж и маркетинговых мероприятий, а также при обслуживании клиентов»¹. С помощью системы предприниматель может осуществлять контакт со всеми своими клиентами и повышать лояльность с их стороны к своему предприятию, использование таких информационных систем существенно влияет на положительное отношение потребителей.

Выводы

¹ Microsoft Dynamics CRM // [TAdviser.com](http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:Microsoft_Dynamics_CRM), 2014. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:Microsoft_Dynamics_CRM

Проведенное исследование показало, что корпоративное гражданство может существенно повлиять на рост качества услуг различных предприятий. В первую очередь, необходимо сказать о том, что оно является одним из наиболее влиятельных факторов привлечения клиентов и инвесторов для предприятий, которые более охотно сотрудничают с социально ответственными компаниями. Об прямой зависимости результатов и устойчивости предприятия от корпоративного гражданства говорят и руководители предприятий.

Клиенты более охотно сотрудничают с социально ответственными предприятиями, но при этом важнейшим фактором остается именно качество услуг, поэтому активное развитие корпоративного гражданства приводит и к вопросам повышения качества, данные процессы являются взаимосвязанными. Более того обычно клиенты, заинтересованные в корпоративном гражданстве предприятия имеют достаточные доходы, чтоб главным фактором выбора услуги не являлась ее цена. Поэтому развитие корпоративного гражданства должно сопровождаться повышением качества услуг.

Список источников

Абдокова Л. З. Корпоративная социальная ответственность как основа корпоративного гражданства и социального партнерства в бизнесе // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 2. № 1. С. 139–141.

Колесников Д. В. Роль корпоративного гражданства в развитии бизнеса // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2017. № 6. С. 99–104.

Орехов С. А. Понятие корпоративной социальной ответственности // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2018. № 1. С. 2–10.

Corporate citizenship: Profiting from a sustainable business / Economist Intelligence Unit Ltd., 2008. URL: http://graphics.eiu.com/upload/Corporate_Citizens.pdf (дата обращения 25.07.2019)

The economics of digital currencies / R.Ali, J. Barrdear, R. Clews, J. Southgate. Bank of England, 2014. URL: <http://www.bankofengland.co.uk/publications/Documents/quarterlybulletin/2014/qb14q3digitalcurrenciesbitcoin2.pdf> (дата обращения 25.07.2019)

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

*Natalya Beshpalova*²

THE INSTITUTE OF CORPORATE CITIZENSHIP AS A PLATFORM FOR IMPROVING THE QUALITY OF SERVICES OF ECONOMIC STRUCTURES

Abstract. Issues of improving the quality of goods and services remain one of the most important, but at the same time, other factors affecting consumer choice are becoming increasingly stronger. Today, the institution of corporate citizenship, which acts as a more developed form of corporate social responsibility, is gaining more and more influence. When deciding on the purchase of certain services, people often carefully study information about enterprises, and social responsibility is a clear plus for them when making decisions. At the same time, it is the question of the very quality of the service that has the greatest influence, so we can say about the relationship of corporate citizenship with it.

The development of corporate citizenship has a positive effect on the growth in the quality of services, an enterprise that wants to attract customers and investors through its social activities understands that in many respects it is the quality of services that will affect their choice, but social responsibility will also serve as an important complement.

Key words: corporate citizenship, corporate social responsibility, quality of services, entrepreneurial activity.

JEL: O14

2 **Beshpalova Natalya Aleksandrovna** – Candidate of Sci. (Econ.), Acting Associate Professor, Institute of Social Sciences. Moscow, Russia.
Email: beshpalova1911@gmail.com

References

Abdokova L. Z. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' kak osnova korporativnogo grazhdanstva i sotsial'nogo partnerstva v biznese [Corporate social responsibility as the basis of corporate citizenship and social partnership in business]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* = *Successes in modern science and education*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 139–141 (in Russian).

Kolesnikov D. V. Rol' korporativnogo grazhdanstva v razvitii biznesa [The Role of Corporate Citizenship in Business Development]. *Obrazovaniye i nauka bez granits: fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya* [Education and Science without Borders: Fundamental and Applied Research]. 2017. No. 6. P. 99–104 (in Russian).

Orekhov S. A. Ponyatiye korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti [The concept of corporate social responsibility] *Innovatsionnaya ekonomika i sovremennyy menedzhment* [Innovative Economy and Modern Management]. 2018. No. 1. P. 2–10 (in Russian).

Corporate citizenship: Profit from a sustainable business / Economist Intelligence Unit Ltd., 2008. URL: http://graphics.eiu.com/upload/Corporate_Citizens.pdf (accessed 07/25/2019)

The economics of digital currencies / R. Ali, J. Barrdear, R. Clews, J. Southgate. Bank of England, 2014. URL: <http://www.bankofengland.co.uk/publications/Documents/quarterlybulletin/2014/qb14q3digitalcurrenciesbitcoin2.pdf> (accessed 07/25/2019)

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Чернявский С. В., Палт М. В. Теоретические и практические вопросы определения размеров природной (горной) ренты в интересах совершенствования системы ее налогообложения // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 126–133. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.16

Дата поступления 21.02.2020 г.

УДК 330.1

Сергей Чернявский¹, Михаил Палт²

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРОВ ПРИРОДНОЙ (ГОРНОЙ) РЕНТЫ В ИНТЕРЕСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЕЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Актуальность исследования: в условиях, когда существенная доля доходов Федерального бюджета Российской Федерации поступает в виде налогов и поступлений от предприятий нефтегазового сектора, теоретическое и практическое понимание сущности ренты, создаваемой в данном секторе экономики является первоочередным вопросом налогообложения.

Цель исследования заключается в определении сущности природной (горной) ренты и методик определения ее размеров с целью нахождения допустимых границ налогообложения.

Результаты исследования: теоретическая и практическая сущность горной ренты выражается в ее трактовке и определении размеров как разницы между наивысшими (замыкающими или предельными) и индивидуальными затратами помноженными на объем добычи, а не как ее превышение над величиной нормальной или средней прибыли.

Практическая значимость: изъятие государством горной ренты как специфического дохода собственника недр от передачи прав на добычу недропользователю позволит в дальнейшем использовать по отношению к всем прочим доходам единые нормативы налогообложения.

Ключевые слова: рентные доходы, природная рента, замыкающие затраты, нормальная прибыль, сверхприбыль, дифференциальная рента, недропользователь.

JEL: E62

1 **Чернявский Сергей Владимирович** — доктор экономических наук, профессор кафедры теории и систем отраслевого управления Института отраслевого менеджмента РАНХиГС. Москва, Россия. E-mail: vols85-85@mail.ru. ResearcherID B-2780-2018; AuthorID: 637860.

2 **Палт Михаил Викторович** — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. E-mail: mvpalt@mail.ru. AuthorID: 810198.

Введение

В современной экономической науке существует множество определений ренты и рентных доходов, которые могут быть отнесены к двум теоретическим положениям. Несмотря на то, что представители указанных направлений основываются и ссылаются на работы представителей классической политэкономии, практические выводы о принципах и методиках расчета размеров ренты заметно различаются.

Сверхприбыльная концепция природной ренты

Представители направления, трактующего ренту как сверхприбыль основываются, по всей видимости, на следующей цитате А. Смита, по которому, рента есть часть урожая, «...которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им (арендатором) на семена, на оплату тру-

да, покупку и содержание скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал. ... Всю ту часть продукта, или, что то же самое, всю ту часть его цены, которая остается сверх этой доли, землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты...» [Смит, 2020].

Итак, алгоритм определения размеров ренты представляется следующим: выручка — затраты — прибыль = рента. Однако, затраты из дальнейших рассуждений выпадают, а все внимание сводится к прибыли. Так, А. В. Латков отмечает: «Многие современные исследователи придерживаются нормативного подхода, согласно которому рента рассматривается фактически как один из ценообразующих факторов и как часть

прибыли хозяйствующих субъектов. Соответственно, идентифицируются понятия «рента» и «сверхприбыль» [Латков, 2014]. Это отмечают и другие экономисты: «...в "сверхприбыльной концепции" природной ренты, к которой склоняется большинство современных российских исследователей, понятие природной ренты эквивалентно понятию «сверхприбыль»» [Куликов, 2004]. Однако прибыль, превышающая среднюю рентабельность не может отождествляться с природной рентой, так как имеет сложную природу и может быть получена от действия целого ряда факторов. В самом простом случае сверхприбыль может представлять собой сумму дифференциальных рент I и II, а так же квазиренты, которые принадлежат разным собственникам. Так, рента I рода принадлежит владельцу ресурса (собственнику земли или недр), в свою очередь дифференциальная рента II и квазирента должна принадлежать тому, кто осуществил затраты капитала на улучшение качества ресурса или внедрил новые технологии.

Теоретические различия во взглядах на сущность ренты

Следует помнить, при идентификации ренты как сверхприбыли упускается из виду тот момент, что основой определения размеров ренты является не деление прибыли на нормативную и сверхнормативную части, а сравнение самых высоких (замыкающих или предельных) и индивидуальных затрат. Д. Рикардо писал: «Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков. Когда поступает в обработку земля третьего разряда по качеству, тотчас начинает давать ренту земля второго разряда. Как и раньше, рента регулируется различием в их производительной силе. В то же время поднимается рента с земли первого разряда, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго разряда на величину разницы в продукте, который они дают при данном количестве капитала и труда» [Рикардо, 1955]. Начинает использоваться земля второго порядка, появляется рента на землях первого. Начинает использоваться земля третьего порядка, появляется рента на землях второго, а так же возрастает рента на землях первого порядка, обращаю внимание «при данном количестве капитала и труда». И если в АПК рента может выражаться в стоимости избыточной продукции с земельных участков одинаковой площади, то

при добыче углеводородов, а этот вопрос особенно актуален для России, рента выражается в разнице между наивысшими (замыкающими или предельными) и индивидуальными затратами помноженными на объем добычи: «...ставки ренты устанавливаются исходя из уравнения издержек на относительно лучших природных ресурсах по производству продукции (включая ренту) с издержками в наименее благоприятных условиях производства» [Петраков, Козерская, 2009, с. 134]. Данная позиция Н. Я. Петракова и Н. С. Козерской изложена предельно ясно: рента = издержки в наименее благоприятных условиях производства (здесь ренты нет, на основании этих издержек должна строиться цена) — издержки на относительно лучших природных ресурсах. Недропользователь, в данном случае, должен получить нормальную среднюю прибыль (если технологический уровень добычи соответствует среднему). Если не соответствует, то прибыль будет ниже средней. Однако дифференциальная рента I, представляющая собой стоимостное выражение преимущества природных условий добычи и местоположения (а так же качества добытых углеводородов) должна выступать доходом собственника недр — государства. Недропользователь, с согласия собственника недр, может получить для добычи нефти тот или иной участок с разными природными условиями добычи, которые будут влиять на себестоимость добычи в ту или иную сторону. Поэтому недропользователь, в результате своей деятельности, должен получить прибыль, превышение которой над ее средним или нормальным уровнем будет определяться используемыми технологиями, затратами капитала и т. д. И тут у сторонников идентификации ренты как сверхприбыли, возникают определенные сложности. Горная рента, как специфический доход от добычи полезных ископаемых принадлежит собственнику недр — государству. Однако отобрать у недропользователя всю сверхприбыль нельзя. На практике этого и не происходит: «...государство и нефтяные предприятия России разделили сверхдоход от превышения цены на нефть примерно поровну» [Карветская, Морозов, 2009, с. 33]. Как пишут Семенов А. В., Разовский Ю. В. и другие: «Словосочетание "сверхприбыль" — это термин, означающий превышение доходности капитала над нормативным уровнем эффективности, возникающее вследствие благоприятных природных, экономических, политических и других условий его использования» [Семенов и др., 2015]. Одни причины, вернее их

воздействие, обусловлены деятельностью предпринимателя-недропользователя, в то время как природные факторы от него не зависят, а потому доходы от них являются собственностью государства.

Различия в способах расчета ренты

Теоретические разногласия в идентификации природной ренты приводят к весьма значительному несовпадению в практических расчетах. В 2002 году Е. В. Моргунов рассчитал потенциальную горную ренту за 2001 год от реализации нефти на внутреннем и на мировом рынках в двух случаях: 1) если «...норма экономически обоснованной прибыли недропользователя соответствует ставке рефинансирования ЦБ России (25 %)»; 2) если «...норма экономически обоснованной прибыли недропользователя соответствует средней рентабельности народного хозяйства России (19 %)» [Моргунов, 2002]. Потенциальная горная рента рассчитывалась следующим образом: из стоимости добытой нефти, исчисленной по рыночной цене вычитались затраты и прибыль недропользователя. Казалось бы, расчет прямо по А. Смиту. Однако стоимость добытой нефти за минусом затрат, есть фактическая прибыль отрасли, а прибыль недропользователя, это средняя или нормальная прибыль. А рента — именно сверхприбыль. Рыночная цена нефти на внутреннем рынке — 2 618 руб. за тонну или \$11,9 за баррель; рыночная цена нефти на мировом рынке, 4 200 руб. за тонну или \$19,1 за баррель; курс — 30,1 руб. за доллар США. Результаты расчетов: 1) 18,3 млрд \$ (550,8 млрд руб.); 2) 27 млрд \$ (812,7 млрд руб.) [там же].

Следует отметить, что кроме двух рассмотренных вариантов, Моргунов Е. В. считал возможным уровень и сумму нормальной прибыли рассчитать исходя из: «3–5 % (рисковая премия) реальной рентабельности продукции или услуг (фактическая рентабельность – индекс инфляции = 3–5 %); ставка по коммерческим кредитам + рисковая премия (3–5 % годовых)» [Моргунов, 2002]. Показательно, что и в первом случае 550,8 млрд руб это горная рента, и во втором случае 812,7 млрд руб. тоже. А есть еще и 3-й и 4-й варианты [там же]. Что изымать или налогооблагать?

Весьма различаются и предложения Разовского Ю. В. по определению нормальной прибыли для исчисления горной ренты. Так, одна из первых его методик предполагала деление «...дохода горного предприятия на нормальную прибыль и дифференциальную горную ренту на базе банковской процентной ставки», которую следовало

определять по «...методике и экономико-математической модели как средняя величина ставок по кредитам прямым заемщикам ведущих коммерческих банков страны и ставки рефинансирования Центрального банка РФ» [Разовский, 1997]. Позднее, в работе «Оценка горной ренты», опубликованной в соавторстве с Булатом С. А. и Савельевой Е. Ю., рента равнялась разнице «... между фактической (или плановой, расчетной) прибылью горного предприятия, полученной от реализации добытых ресурсов недр (от других видов деятельности прибыль не учитывается), и нормальной прибылью, обеспечивающей развитие горного производства в рыночных условиях хозяйствования» [Разовский и др., 2009, с. 93]. Методика включала в себя расчет размеров «... капитала (имущества) предприятия-недропользователя по следующей формуле:

$$\text{ПРН} = \text{Кн.г.} \times \text{Иг (руб.)},$$

где Иг — стоимость имущества предприятия, обеспечивающего функционирование горного производства, млн руб.;

Кн.г. — коэффициент нормальной эффективности горного производства (безразмерная величина)» [там же, с. 95].

При этом, «...сущность горной ренты сложна для восприятия. В силу этого необходимость акциза (изъятия) ренты в пользу общества неоднозначно воспринимается руководителями и специалистами предприятий, а в ряде случаев не принимается и даже отвергается. Дифференциальная горная рента часто скрывается, используется для покрытия убытков деятельности не связанной с использованием недр» [там же, с. 92]. Однако суммы горной ренты рассчитанные первым и вторым способом будут различаться. Какую из них подвергать акцизу (изъятию)?

Известен расчет размеров рентных доходов по металлургии и нефтегазовому комплексу, проведенный в начале 2000-х годов, который предполагал, что «...рента природного объекта (скажем, месторождения полезных ископаемых) определяется как разность фактического дохода предприятия (или компании), использующего этот объект (разрабатывающего месторождения) и нормального или среднего дохода, который получило бы данное предприятие, если бы направило имеющиеся у него ресурсы капитала и труда на иные цели, не использующего данного природного ресурса» [Глазьев, н.д./2018]. Тогда сумма ренты в валовом внутреннем продукте 2000-го года составила 17,4 %, в то время, как в 2001-м году — 11 %. Авторы данного расчета предпола-

гали, что при введении в РФ специального налога, по примеру норвежского НДД, сумма доходов Федерального Бюджета в 2000-м году могли бы увеличиться на 18 % (380 млрд рублей).

Уже в те годы, анализируя результаты рассматриваемого расчета С. Киммельман и С. Андрюшин отмечали, что с учетом налогов, а также прямых и косвенных выплат «...дополнительный чистый доход нефтяных компаний России в 2002 г. будет равен нулю» [Киммельман, Андрюшин, 2004, с. 40–41]. В то же время, отмечали авторы, «...в указанных расчетах определяется не горная рента, а некий избыток прибыли. Поэтому их можно образно сравнить со «...средней температурой по больнице», которая, как известно, ни о чем не говорит и ничего не доказывает» [там же, с. 40–41].

В любом случае, рента, рассчитанная по правилам определения сверхприбыли представляется весьма значительной. А какова же горная рента, если ее посчитать как разницу между замыкающими (предельными) и фактическими индивидуальными затратами? Ведь «...величина природной ренты должна определяться в первую очередь природными факторами» [Куликов, 2004]. С другой стороны, рента «...определяется только по объектам разработки, а не по отрасли в целом» [Волынская, Ежов, 2006, с. 60]. А следовательно, по скважине или, в крайнем случае, по месторождению.

Искомая величина горной ренты по объектам разработки, будет выражаться следующей формулой:

$$R_i = (Z_z - Z_i)V_i,$$

Где: R_i — величина горной ренты i -ого объекта разработки;

Z_z — предельные затраты на добычу нефти в РФ (удельные);

Z_i — фактические затраты на добычу нефти на i -ом объекте разработки (удельные);

V_i — объем добычи нефти на i -ом объекте разработки;

Сумма же горной ренты в соответствующей нефтяной компании или по нефтедобыче России (R) будет рассчитываться по следующей формуле:

$$R = \sum_{i=1}^n (Z_z - Z_i)V_i,$$

При этом, если просуммировать $Z_z V_i$ от 1 до n , где n есть число объектов разработки, то полученная сумма будет представлять собой объем затрат на добычу а нефтяной компании или нефтедобыче России, исчисленный в соответствии с принятыми для расчета замыкающими (предель-

ными) затратами. Сумма $Z_i V_i$ от 1 до n будет представлять собой действительную сумму затрат на добычу нефти по нефтяной компании или нефтедобыче России:

$$\begin{aligned} R &= (Z_z - Z_1)V_1 + (Z_z - Z_2)V_2 + \dots + (Z_z - Z_n)V_n = \\ &= \sum_{i=1}^n Z_z V_i - \sum_{i=1}^n Z_i V_i = Z_z V - Z, \end{aligned}$$

В 2016-м году мы произвели расчет горной ренты от добычи нефти в России в 2013 и 2015 годах как произведение разницы между замыкающими (предельными) и фактическими (индивидуальными) затратами и объемом добычи нефти [Чернявский С. В., Чернявский В. С., 2016, с. 81–85]. Размеры полученной при расчетах горной ренты оказались заметно меньше, чем при определении ренты как сверхприбыли. Так сумма горной ренты в 2013-м году составила всего лишь 8,6 % от размеров НДПИ на нефть за тот же период. В определенной мере это понятно: мы рассчитываем не сверхприбыль, возникающую «...вследствие благоприятных природных, экономических, политических и других условий его использования» [Семенов и др., 2015], а дифференциальную горную ренту I , возникающую только вследствие благоприятных природных условий добычи и преимуществ местоположения. С другой стороны «...нефтедобыче применяются две взаимодополняющие классификации: поэлементная и калькуляционная. Фактическое исполнение сметы затрат на производство и отчетная калькуляция себестоимости добычи нефти и газа попутного должны быть тождественны, как по составу элементов затрат, статей расходов и их содержанию»¹. Должны быть тождественны, однако величины получаются весьма разные. Так: «В январе 2016 года замминистра энергетики Алексей Текслер заявил, что себестоимость добычи нефти в России составляет 3–6 долларов за баррель, а с учетом расходов на транспортировку и бурение — до 15–16 долларов»². В марте 2017 г. «...министр энергетики РФ Александр Новак сообщил, что себестоимость нефтедобычи в России составляет 10–15 долларов за баррель»³. Если принимать для расчетов ренты себестоимость добычи нефти в \$3–6 за баррель, то интересующая нас разница составляет \$3, если \$10–15 за объемную

¹ Себестоимость добычи нефти и газа. Доступ по ссылке: <http://www.neftvnb.ru/text/calculation/>... (дата обращения: 30.03.20).

² Полная себестоимость добычи нефти. Доступ по ссылке: http://www.neftvnb.ru/text/economica/sebestoim_03.pdf/ (дата обращения: 16.06.19).

³ Там же.

единицу, то \$5, а если 15–16, то \$1. Годом ранее «... полная себестоимость добычи нефти крупнейшими российскими компаниями с учетом налогов и расходов на транспорт составила \$38–40, а без учета налогов — \$10–13»¹. При этом, себестоимость добычи нефти для внутреннего и внешних рынков тоже разная. Так, в первом квартале 2016 года «...себестоимость нефти на экспорт была 17,53 доллара/бочка, а для внутреннего потребителя цена в долларах была 13,5 доллара/бочка». Однако, с 1-го квартала 2016 года по 2-й квартал 2018 года себестоимость добычи нефти в РФ «... выросла в 2 раза (на экспорт), а себестоимость добычи для внутреннего потребителя более чем в 2,6 раза»².

Однако все приведенные данные показывают, что разница в себестоимости между континентальными месторождениями в среднем 3-6 долларов за баррель в отдельные годы. При этом, если для определения размеров горной ренты нужно из затрат на добычу исчисленных из условий замыкающего месторождения, то есть по

предельным затратам вычесть фактические, то указанную разницу необходимо разделить надвое. Тогда на каждую добытый баррель нефти придется 1,5–3 доллара горной ренты, а ее размер, по сравнению с величиной сверхприбыли будет сравнительно небольшим.

Выводы

Таким образом, как в теоретическом плане, так и с точки зрения реальных размеров горная рента, исчисленная в соответствии с ее классическим пониманием, имеет мало общего с суммой сверхприбыли. Горная рента в классическом понимании будет отражать стоимостное выражение природных преимуществ данной скважины, месторождения, компании и т. д. по сравнению с условиями замыкающего месторождения (не имеющего дифференциальной горной ренты), которое в современных условиях приходится разрабатывать для удовлетворения внутренних и внешних потребностей. Указанную сумму вправе изымать государство в свою пользу как специфический доход собственника недр от передачи прав на добычу соответствующему недропользователю. В дальнейшем это даст возможность государству использовать в отношении недропользователей единые нормативы налогообложения доходов. В свою очередь, горная рента, исчисленная как сверхприбыль, имеет сложную природу и полностью изыматься в доход государства не может.

1 Полная себестоимость добычи нефти. Доступ по ссылке: http://www.neftvnb.ru/text/economica/sebestoim_03.pdf/ (дата обращения: 16.06.19).

2 Полная себестоимость добычи (поставки) баррели нефти в России на 2 кв. 2018 года > 35 \$. Текст электронный // AfterShock, 06.10.2018. Url: <http://www.aftershock.news/?q=node/689330> (дата обращения: 30.03.20).

Список источников

- Волынская Н. А., Ежов С. С. Рента в сырьевых отраслях топливно-энергетического комплекса России // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 4. С. 58–71.
- Глазьев С. Ю. Рента — неиспользованный резерв роста. Текст электронный // Сайт С. П. Курдюмова, н.д./2018. Url: <http://www.spkurdyumov.narod.ru/Glazev110.htm/> (дата обращения: 25.11.2018).
- Карветская А. А., Морозов Г. Б. О распределении природной ренты в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9 (147). С. 31–37.
- Кимельман С., Андрюшин С. Проблема горной ренты в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 30–42.
- Куликов А. П. Подход к оценке природной ренты с точки зрения характеристик месторождения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва: ИНП РАН, 2004. Т. 2. С. 398–419.
- Латков В. А. Развитие теории рентоискательства: промежуточные итоги и перспективы // Психолого-экономические исследования. 2014. Т. 1–7. № 3–4. С. 108–121.
- Моргунов Е. В. Институционализация горной ренты (на примере нефтегазового сектора народного хозяйства России): диссертация кандидата экономических наук. Москва: ГУУ, 2002. 122 с.
- Петраков Н. Я., Козерская Н. С. Неизвестный Новожилов. Москва: Наука, 2009. 240 с. ISBN 978-5-02-037021-0.
- Разовский Ю. В., Булат С. А., Савельева Е. Ю. Оценка горной ренты. Москва: СГУ, 2009. 182 с. ISBN 978-5-8323-0662-9.
- Разовский Ю. В. Методика и алгоритм определения величины дифференциальной горной ренты // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 1997. № 2. С. 153–157.
- Семенов А. В. и др. Арктическая нефтегазовая рента / А. В. Семенов, Ю. С. Руденко, Ю. В. Разовский, Ю. Н. Макаркин // Бурение и нефть. 2015. № 3. С. 64–69.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: АСТ, 2020. 1072 с. ISBN 978-5-17-117450-7.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Рикардо Давид. Сочинения (в 3-х томах). Т. 1. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. Текст электронный // Московский либертариум. Url: http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/ (дата обращения: 30.12.19).
- Чернявский С. В., Чернявский В. С. Горная рента от добычи нефти в России в период с 2013–2015 гг.: когда следует вводить новые налоги? // 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции. Под редакцией чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. 2016. С. 81–85. ISBN: 978-5-8211-0735-0.

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Sergey Chernyavskiy¹, Mikhail Palt²

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF DETERMINING THE SIZE OF NATURAL (MOUNTAIN) RENT IN THE INTEREST OF IMPROVING ITS TAX SYSTEM

Abstract. The relevance of the study: in conditions when a significant share of the federal budget revenues of the Russian Federation comes in the form of taxes and revenues from enterprises in the oil and gas sector, a theoretical and practical understanding of the nature of rents created in this sector of the economy is a priority taxation issue.

The purpose of the study is to determine the nature of natural (mountain) rent and methods for determining its size in order to find acceptable taxation limits.

Research results: the theoretical and practical essence of mining rent is expressed in its interpretation and determination of dimensions as the difference between the highest (closing or marginal) and individual costs multiplied by the volume of production, and not as its excess over the value of normal or average profit.

Practical significance: the state's withdrawal of mining rent as a specific income of the owner of the subsoil from the transfer of mining rights to the subsoil user will make it possible in the future to use unified taxation standards in relation to all other incomes.

Key words: rental income, natural rent, closing costs, normal profit, excess profit, differential rent, subsoil user.

JEL: E62

- 1 **Chernyavskiy Sergey Vladimirovich** – Doctor of Sci. (Econ.), Professor. Institute of Industry Management, RANEP. Moscow, Russia.
E-mail: vol85-85@mail.ru. ResearcherID B-2780-2018; AuthorID: 637860.
- 2 **Palt Mikhail Viktorovich** – Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, Lomonosov Moscow state University. Moscow, Russia.
E-mail: mvpalt@mail.ru. AuthorID: 810198.

References

- Volynskaya N.A., Ezhov S.S. Volynskaya N. A., Yezhov S. S. Renta v syr'yevykh otraslyakh toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii [Rent in the raw material sectors of the fuel and energy complex of Russia]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Foreign economic relations of the Russian Federation*. 2006. No. 4. P. 58–71 (in Russian).
- Glazhev S. Yu. Renta – neispol'zovanny rezerv rosta [Rent – an unused reserve of growth]. Electronic text. *Website of S. P. Kurdyumov*, n.d. / 2018. Url: <http://www.spkurdyumov.narod.ru/Glazhev110.htm/> (accessed: 11/25/2018) (in Russian).
- Karvetskaya A. A., Morozov G. B. O raspredelenii prirodnoy renty v sovremennoy Rossii [On the distribution of natural rent in modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No. 9 (147). P. 31–37 (in Russian).
- Kimelman S., Andryushin S. Problema gornoy renty v sovremennoy Rossii [The problem of mining rent in modern Russia]. *Voprosy Ekonomiki*. 2004. No. 2. P. 30–42 (in Russian).
- Kulikov A. P. Podkhod k otsenke prirodnoy renty s tochki zreniya kharakteristik mestorozhdeniya [Approach to the assessment of natural rent from the point of view of the characteristics of the field]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting RAS]. Moscow: INP RAN Publ., 2004. T. 2. P. 398–419 (in Russian).
- Latkov V. A. Razvitiye teorii rentoiskatel'stva: promezhutochnyye itogi i perspektivy [Development of the theory of rent-seeking: intermediate results and prospects]. *Psikhologo-ekonomicheskiye issledovaniya* [Psychological and economic research]. 2014. V. 1–7. No. 3-4. P. 108–121 (in Russian).
- Morgunov Ye. V. *Institutsionalizatsiya gornoy renty (na primere neftegazovogo sektora narodnogo khozyaystva Rossii)* [Institutionalization of mining rent (on the example of the oil and gas sector of the national economy of Russia)] : the dissertation of the candidate of economic sciences. Moscow: GUU Publ., 2002. 122 p. (in Russian).
- Petrakov N. YA., Kozerskaya N. S. *Neizvestnyy Novozhilov* [Unknown Novozhilov]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 240 p. ISBN 978-5-02-037021-0 (in Russian).
- Razovskiy Yu. V., Bulat S. A., Savel'yeva Ye. Yu. *Otsenka gornoy renty* [Assessment of mountain rent]. Moscow: SGU Publ., 2009. 182 p. ISBN 978-5-8323-0662-9 (in Russian).
- Razovskiy Yu. V. Metodika i algoritm opredeleniya velichiny differentsial'noy gornoy renty [Methodology and algorithm for determining the value of differential mountain rent]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tekhnicheskiy zhurnal) = Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)*. 1997. No. 2. P. 153–157 (in Russian).

Semenov A.V. et al. Arkticheskaya neftegazovaya renta [Arctic oil and gas rent]. A.V. Semenov, Yu. S. Rudenko, Yu. V. Razovsky, Yu. N. Makarkin. *Burenije i neft'* [Drilling and Oil]. 2015. No. 3. P. 64–69 (in Russian).

Smith A. Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of peoples]. Moscow: AST Publ., 2020. 1072 p. ISBN 978-5-17-117450-7 (in Russian).

Ricardo D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [The Beginning of Political Economy and Taxation]. Ricardo David. Works (in 3 volumes). Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955. Electronic text. *Moscow Libertarianum*. Url: http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/ (accessed: 12.30.19) (in Russian).

Chernyavskiy S. V., Chernyavskiy V. S. Gornaya renta ot dobychi nefti v Rossii v period s 2013–2015 gg.: kogda sleduyet vvodit' novyye nalogi? [Mining rent from oil production in Russia from 2013–2015: when should new taxes be introduced?]. *25 let SNG: osnovnyye itogi, problemy, perspektivy razvitiya* [25 years of the CIS: main results, problems, development prospects]. Proceedings of an international scientific-practical conference. Edited by V. A. Tsvetkov. 2016. P. 81–85. ISBN: 978-5-8211-0735-0 (in Russian).

ПРОЦЕССЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Дашибалова И. Н. Представления этнических групп Бурятии о социальной нестабильности // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 134–143. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.17

Дата поступления 01.02.2019 г.

УДК 316.342.6

Ирина Дашибалова¹

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП БУРЯТИИ О СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена формированием в РФ неблагоприятных трендов, формирующих ситуацию социальной нестабильности на фоне падения мировых цен на нефть, санкционных мер, изменения структуры доходов и расходов, бюджетных ограничений в сфере образования и здравоохранения. Сопряжение рисков ухудшения уровня и качества жизни отражается на политических, социоструктурных, культурных процессах, происходящих в российских регионах. В этой связи одним из важнейших факторов взаимодействия этнических групп, проживающих в национальных регионах РФ, становится усиливающееся межрегиональное, внутрирегиональное и межгрупповое неравенство. Данная статья направлена на раскрытие представлений этнических групп Республики Бурятия о социальной нестабильности в регионе. На основе результатов массового опроса жителей Бурятии (n=900, 2018–2019 гг.) выявлено, что социальные проблемы, одинаково переживаемые основными этническими группами, концентрируют сходные массовые представления о социальной нестабильности. В деструктивной ситуации уязвимости этнические группы предпринимают разные адаптивные стратегии. Означенный фактор может способствовать межэтнической напряженности в регионе, вызванной конкуренцией за доступ к экономическим, политическим, образовательным, культурным и другим ресурсам².

Ключевые слова: социальная нестабильность, этнические группы, русские, буряты, межэтническое взаимодействие, социальные представления, институциональные проблемы, регион, безработица, адаптивные стратегии.

¹ **Дашибалова Ирина Николаевна** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). Улан-Удэ, Россия. E-mail: dashibalonirina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-4827-8533; ResearcherID: AAE-5383-2020; РИНЦ AuthorID: 308772

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ-р а 18-411-030010/18 «Межнациональное согласие в Республике Бурятия в изменяющихся социально-политических условиях».

Введение

Социально-экономические условия жизни российского общества являются значимой базовой характеристикой общественно-политической и личной безопасности граждан, индикатором социального благополучия. Структурное и доходное неравенство национальных регионов РФ в сравнении с центральными регионами формирует их асимметричный профиль. Ограничения социальной политики усилили дифференциацию пространственного развития в регионах РФ [Зубаревич, 2010, с. 60]. Значительную диспропорцию в административно-территориальном, производственном, инфраструктурном развитии представляют субъекты федерации, включающие наряду с областями, краями и городами федерального значения национальные республики и округа. Обусловленность межэтнических отношений экономическими факторами определя-

ется совокупностью дифференцирующих признаков: снижение реальных денежных доходов, низкий уровень оплаты труда, высокий уровень бедности и безработицы. Таким образом, падение уровня и качества жизни обостряет социальную напряженность в обществе, опосредованно влияющую на межэтническое взаимодействие. Важно отметить, что особую роль в восприятии социальных проблем играет разница в их оценке этническими группами.

Исходя из определения Н. П. Гончаровой, социальная нестабильность интерпретируется «совокупностью целого ряда характеристик, главными из которых являются уменьшение доли позитивных результатов функционирования общества (падение темпов экономического роста, благосостояния граждан и т. д.) и увеличение степени негативных «выбросов» (рост безработицы, инфляции, активности теневых и криминальных

структур, девиантного поведения и пр.)» [Гончарова, 2010, с.178].

Анализ факторов, влияющих на межэтническую напряжённость в современных условиях, а также различие в восприятии социальных проблем этническими группами представлен в ряде работ исследователей (Л. М. Дробижева, К. С. Григорьева, В. И. Мукомель, П. В. Фадеев, М. Ф. Черныш и др.). Актуальные социологические замеры оценок населением дестабилизирующих рисков межэтнических отношений осуществлены в работах М. А. Евсеевой, Ю. Б. Епихиной, Е. К. Зобиной, И. М. Кузнецова, Н. С. Мاستиковой и др. Изучению современных социально-политических представлений в оценке качества жизни различными этническими группами посвятила свои теоретические и эмпирические изыскания А. Р. Вагапова. [Вагапова, 2015; Вагапова, 2016].

Согласно социологическому подходу к социальным представлениям относится «особая форма социального знания, возникающая в результате соотнесения индивидуального и коллективного сознания с реальностью и одновременно являющаяся важным фактором конструирования социальной реальности» [Паутова, 2004, с. 33]. По С. Московичи социальные представления динамичны, появляются и функционируют именно в современном обществе в отличие от коллективных представлений, описанных Э. Дюркгеймом: «сегодняшние представления более не выполняют функцию социальной интеграции, не гарантируют солидарности тем, кто их разделяет [Цит. по Бовина, 2010, с. 8]. Социальные представления формируются на основе воздействия современных источников информации и служат основой социального поведения.

В складывающихся социально-экономических условиях представления этнических групп национальных регионов о социальной нестабильности в обществе одновременно детерминированы внешней ситуацией, так и формируют картину межэтнического взаимодействия.

Оценка социальных проблем различными этническими группами в полиэтничных регионах РФ в последние годы являлась предметом изучения и представлена в эмпирических замерах российских социологов Н. В. Бадмаевой, Б. В. Иджаевой, Д. В. Амаевой, Г. Ф. Балакиной, А. Ч. Кылгыдай, Ш. М. Гимбатова, С. Г. Максимовой, О. Е. Ноянзиной, Н. П. Гончаровой, Д. А. Омельченко, Г. С. Авдеевой и др. Исследователи проанализировали особенности восприятия населения республик Северного Кавказа, Калмыкии, Тывы, Алтайского

края проблем социально-экономического развития данных регионов, роль социального капитала, специфику адаптации к изменяющимся политическим условиям, различия в адаптивных стратегиях поведения русского населения, калмыков, тувинцев, алтайцев и др.

В Республике Бурятия, имеющей уникальные природные ресурсы, богатые этнокультурные традиции народов Забайкалья на протяжении нескольких десятилетий сложилась неблагоприятная социально-экономическая конъюнктура, связанная с ликвидацией крупных промышленных предприятий, стагнацией агропромышленного комплекса. Усугубляет общероссийскую ситуацию социальной нестабильности нарастание экологических проблем в регионе³. Серьёзной демографической угрозой становится не прекращающийся отток трудоспособного населения, включая наиболее его активную часть — молодёжь [Гунтыпова, 2019].

Позиции Республики Бурятия по показателям общего экономического развития за последние годы стабильно снижаются в сравнении с другими регионами РФ. Согласно исследованию регионов по качеству жизни, составленному в 2019 г. агентством «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня», включающему оценку субъектов на основе данных Росстата, Минздрава, Минфина, Центробанка и других открытых источников, Бурятия заняла 77 место из 85-ти. Рейтинг построен на основе комплексного учёта показателей, фиксирующих состояние различных аспектов условий жизни и ситуации в социально-экономической сфере. При расчёте был проведён анализ 70 показателей, которые объединены в 11 групп: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоённость территории и развитие транспортной инфраструктуры. Тем самым аутсайдерские позиции определились 31,624 баллами из 100

³ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году» // Сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 30.12.2019. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 17.02.2020).

возможных¹. По материалам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия «среднемесячная заработная плата, начисленная в ноябре 2019 года, в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, средняя численность работников которых превышает 15 человек, включая средние предприятия, микро и малые предприятия составила 39 984,9 рублей»².

Имеющийся низкий уровень оплаты труда в республике имеет значительную дифференциацию в зависимости от видов экономической деятельности. В частности, разрыв в размерах начисленной заработной платы фиксируется между работниками, занятыми в сфере добычи полезных ископаемых, финансовой и страховой деятельности, государственного управления и обеспечения военной безопасности и работниками бюджетных организаций (образование, здравоохранение, социальная защита населения), занятыми в сфере предприятий общественного питания, торговли на 35,3–45,8 %.

В 2016 г. доля бедных от общей численности населения составляла 18,35 % [Дугаржапова, 2019, с. 187]. Величина минимального прожиточного минимума в Бурятии в 3 квартале 2019 г. составила на душу населения 11 631 руб., для трудоспособного населения — 12 109 руб., для пенсионеров — 9 190 руб., для детей — 12 104 руб.³. В настоящее время численность бедных увеличилась. За чертой бедности, т. е. с доходами ниже прожиточного минимума, в Бурятии в 2018 г. находилось 182 100 человек, т. е. каждый пятый житель. Данную категорию составили матери-одиночки, многодетные семьи, пенсионеры, сельские жители. Таким образом, динамика уровня бедности в регионе растёт.

Усугубляют низкие позиции социального положения населения Бурятии рост уровня безработицы, высокая закредитованность населения РФ)⁴, сокращение доли оплаты труда, низкая

покупательская способность, рост числа семей, ориентированных преимущественно на покупку продовольственных товаров. Указанные факторы усиливают негативистские социальные настроения в регионе, которые влияют на этнизацию социальной напряжённости.

На преодоление стагнационных рисков территориальной дифференциации Бурятии направлены федеральные государственные программы развития и разработки учёных, которые выявили условия в управлении сельскими территориями в республике ввиду усиливающихся процессов внутренней миграции, а также трансграничный фактор развития местной экономики [Атанов и др., 2012; Дагбаев, 2015; Данилова, 2015]. Вместе с тем изучение мнения местного населения о социальных последствиях территориального неравенства, восприятие социальной нестабильности и стратегии решения социальных проблем основными этническими группами республики фактически не затрагиваются и не изучаются.

Таким образом, исходя из необходимости изучения социальных представлений этнических групп Республики Бурятия о социальной нестабильности в регионе и определения ресурсов её разрешения предопределена цель данной статьи.

Материалы и методы

Социологический сбор информации путём репрезентативного массового опроса, посвящённого изучению представлений этнических групп о наиболее острых социальных проблемах, раскрывает картину оценок о социальной нестабильности в регионе, актуальный рейтинг социальных рисков и потенциальные ресурсы, которые используют этнические группы в решении проблем.

Эмпирической базой для анализа явились результаты социологического исследования, осуществленного в 2018–2019 гг. сектором социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Сбор информации проводился методом массового опроса (анкетирования) жителей в городских (г. Улан-Удэ, г. Кяхта, г. Северобайкальск) и сельских поселениях шести муниципальных районах Бурятии — Еравнинский, Кабанский, Баргузинский, Хоринский, Заиграевский, Тарбагатайский. Число опрошиваемых и параметры отбора определялись на основе Итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Генеральная совокупность составила 883 627 человек

1 Рейтинг российских регионов по качеству жизни // РИА Новости, 18.02.2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html> (дата обращения: 17.02.2020).

2 Социально-экономическое положение Республики Бурятия : комплексный доклад / Федеральная служба государственной статистики // Бурстат, н.д./2020. URL: // <https://burstat.gks.ru/region/doc1181/lssWWW.exe/Stg/dz00/iz00280r.htm> (дата обращения: 17.02.2020).

3 Постановление Правительства Республики Бурятия от 31.10.2019 № 586. // Гарант.ру, 09.11.2019. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/buryat/1303080/> (дата обращения: 17.02.2020).

4 Рейтинг регионов по закредитованности населения —

2019. // РИА Рейтинг, 24.12.2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191224/630147980.html> (дата обращения: 17.02.2020).

(население в возрасте 18 лет и старше). Опрошено 900 человек. Отбор респондентов строился на основе стратифицированной выборки, многоступенчатой с применением квотных значений по взаимосвязанным параметрам на последней ступени отбора респондентов — пол, возраст, образование, национальность. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности: по полу — 419 мужчин (46,56 %), 481 женщина (53,44 %); по возрастным группам: от 18 до 29 лет — 259 человек (28,78 %), от 30 до 39 лет — 167 (18,56 %), от 40 до 49 лет — 152 (16,89 %), от 50 до 59 лет — 166 человек (18,44 %), от 60 и старше — 156 (17,33 %); по этническим группам: бурят — 226 человек (25,11 %), русских — 630 человек (70 %), представителей других национальностей — 43 человека (4,78 %). Выборочная совокупность городского населения составила 500 человек (55,56 %), сельского населения — 400 человек (44,44 %). По критерию «образование» подвыборки выглядят следующим образом: 358 человек с основным/средним общим образованием (39,78 %), 319 — с начальным профессиональным/средним специальным (35,44 %), 223 — с высшим образованием (24,78 %). Метод обработки информации: специализированная программа обработки статистической информации «ДА-система 4.0».

Группы социальных проблем, отношение к которым необходимо было изучить, образовали переменные, сформированные в следующие блоки: 1) экономические проблемы; 2) социально-институциональные проблемы; 3) экологические проблемы; 4) связанные имуществом, землей, недвижимостью; 5) политические; 6) отношения с мигрантами; 7) межэтнические; 8) религиозные отношения.

В ходе исследования конкретизированы перечисленные социальные явления в форме вопросов анкеты, которые предполагали выяснение следующих специфичных факторов, влияющих на социальную нестабильность в регионе: 1) экономические: а) снижение уровня жизни; б) безработица; в) отсутствие перспектив для молодёжи; 2) социально-институциональные: а) низкое качество здравоохранения; б) низкое качество получаемого среднего образования; в) низкое качество получаемого высшего образования; г) безопасность граждан; 3) экологические, в т. ч. связанные с охраной оз. Байкал; 4) процесс оформления земли в собственность; 5) коррупция, произвол, кумовство во власти; 6) ухудшение взаимоотношений между людьми разных национальностей;

7) а) нарастание враждебности между местным населением и мигрантами — людьми, которые недавно приехали из других стран; б) нарастание враждебности между местным населением и мигрантами — людьми, которые недавно приехали из других регионов России; 8) нарастание враждебности между различными религиозными течениями.

Для выявления масштаба представлений населения об указанных рисках разработана 4-х уровневая шкала: «очень большая проблема», «большая», «небольшая проблема», «не представляет проблемы». В инструментарии социологического исследования также предложен вопрос о потенциальных ресурсах решения социальных проблем этническими группами Бурятии.

Результаты

Самая многочисленная категория респондентов, показавшая суммарные доли утвердительных ответов («очень большая проблема» + «большая проблема») — 84,55 % по общей выборке, определила главную угрозу социальной нестабильности в регионе — безработицу (табл.1). Рейтинг регионов по уровню безработицы на основании данных Росстата подтверждает отрицательную динамику положения субъекта среди остальных, превышающую средние показатели по РФ: 2016 г. — 9,6 % (71 место из 84); в 2017 г. — 9,5 % (74 место)⁵; в 2018 г. — 8,9 % (75 место); в 2019 г. — 8,8 % (75 место)⁶. По мнению Дугаржаповой Д. Б. проблема безработицы в Бурятии «оказалась обусловленной сохранением значительной территориальной дифференциации в сфере занятости, напряженной ситуацией на рынке труда в отдельных населенных пунктах; дефицитом квалифицированных специалистов в сельской местности; низкой востребованностью на рынке отдельных категорий граждан (молодёжи без опыта работы, женщин, имеющих малолетних детей, инвалидов, лиц предпенсионного возраста и др.)» [Дугаржапова, 2019а, с. 89].

Через призму этнических различий опрошенных представления о социальной нестабильности в сфере занятости выявляют некоторые особенности, однако в целом они выглядят с несущественной разницей. Если у бурят, чьи суммарные

5 Рейтинг регионов по уровню безработицы в ноябре 2018 — январе 2019 гг. // РИА Рейтинг, 19.03.2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190319/630120082.html> (дата обращения: 17.02.2020).

6 Индекс рынка труда в регионах России. Итоги 2018 года // РИА Рейтинг, 09.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190909/1558395890.html> (дата обращения: 17.02.2020).

доли утвердительных ответов о наличии проблемы безработицы в регионе, составляют 87,17 % от всех ответивших, то у русских, согласно полученным данным доля ответивших близка — 84,61 % соответственно. То есть, буряты испытывают лишения безработицы чуть острее, но не критичнее доминирующей этнической группы. У представителей других национальностей, проживающих в Бурятии, оценка незанятости трудоспособного населения как негативного фактора составила 69,76 % ответивших (таблица 1).

Таблица 1. Оценка жителями Бурятии проблемы безработицы (в % от опрошенных)

Представляет ли проблему для республики явление безработицы	Варианты ответа			Всего по общей выборке
	национальности			
	русские	буряты	представители других национальностей	
очень большую	44,13	56,64	39,53	47,11
большую	40,48	30,53	30,23	37,44
небольшую	8,73	7,08	16,28	8,67
не представляет проблемы	0,95	0,44	—	0,78
затрудняюсь ответить	3,97	3,54	9,3	4,11
нет ответа	1,75	1,77	4,65	1,89
Всего	100	100	100	100

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

В проведенном опросе подавляющее большинство жителей (84,11 %) выделяет связанный с безработицей дефицит жизненных перспектив в республике для молодежи. Фиксация параметра «национальность» показывает отсутствие различий по данному фактору и общая картина фактически не меняется. У бурят, согласно полученным данным, оценка негативных тенденций для молодежи составила 84,51 % ответивших (суммарно — «очень большая проблема» + «большая проблема»). Доля русских включила 84,13 % опрошенных по данной позиции. Ответы других национальностей практически не отличаются — 81,39 % (таблица 2).

Таблица 2. Оценка жителями Бурятии отсутствия перспектив в республике для молодежи (в % от опрошенных)

Представляет ли проблему в республике отсутствие перспектив для молодёжи	Варианты ответа			Всего по общей выборке
	национальности			
	русские	буряты	представители других национальностей	
очень большую	48,57	55,31	46,51	50,22
большую	35,56	29,2	34,88	33,89
небольшую	9,37	10,18	2,33	9,22
не представляет проблемы	0,95	1,33	2,33	1,11
затрудняюсь ответить	3,33	2,65	9,3	3,44
нет ответа	2,22	1,33	4,65	2,11
Всего	100	100	100	100

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

Серьезную обеспокоенность экологическими проблемами выражают 82,45 % населения Республики Бурятия. Так, на основании показателей природоохранного, промышленно-экологического и социально-экологического индексов Бурятия в 2019 г. входит в аутсайдеры антирейтинга общественной организации «Зелёный патруль», занимая 78 место из 85¹. По данным Минприро-

ды, за 2018 г. в городах Улан-Удэ, Гусиноозерск, пгт Селенгинск вырос показатель выброса загрязняющих веществ, в том числе вызывающих возникновение заболевания сердечно-сосудистой, дыхательной систем, злокачественных опухолей, росту врождённых аномалий на 30,3 %².

press/ekologicheskiy_reyting_-_zima_2018-2019.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

1 Экологический рейтинг регионов РФ (01.12.2018 — 28.02.2019) / Зеленый патруль, 2019. URL: <http://greenpatrol.ru/sites/default/files/> 2 Жители Улан-Удэ и Селенгинска дышат самым грязным воздухом в России // Regnum, 04.09.2019. URL: <https://regnum.ru/news/>

Не снята с повестки дня наболевшая проблема загрязнения озера Байкал, вызванная техногенным и антропогенным воздействием. Ожидаемо, получены сходные корреляции по этническому признаку в понимании экологической ситуации бурятами, русскими и другими национальностями, живущими в Бурятии — 85,84 %, 81,11 % и 83,72 % соответственно, так как среда жизнедеятельности одинакова у всех групп.

Полученные данные показывают, что для респондентов тройка описанных проблем, находящихся на острие социальной ситуации в регионе, стоит рядом оценкой работы органов государственного и местного управления. Такие негативные характеристики политической элиты как «коррупция, кумовство, произвол чиновников» были определены значительной частью опрошенных — 81,45 %. Рассмотрим распределение по параметру «национальность». 83,19 % бурят (суммарно «очень большая проблема» и «большая проблема») считают данный фактор социальным риском в Бурятии. Значительна также доля русского населения, признающего проблему коррупции — 81,43 % опрошенных. Представители других национальностей оценивают несколько ниже, но доля респондентов достаточно большая — 72,09 %.

Обращает на себя внимание, что снижение уровня жизни населения фиксируется более третью четверти (78,78 %) респондентов по всей выборке. Данный обобщающий экономический фактор занял пятое место в рангах социальных рисков нестабильности в Бурятии в представлениях населения. Получены аналогичные свидетельства этнических групп без существенных отклонений в восприятии: 79,64 % бурят, 79,21 % русских и 67,44 % проявляют обеспокоенность указанной проблемой.

Следующий блок возможных угроз социально-институционального характера, обостряющих социальную напряжённость в регионе, демонстрирует отношение от половины до трёх четвертей населения РБ к функционирующим системам образования и здравоохранения в регионе. Мнение о низком качестве оказываемых услуг медицинскими учреждениями выразили 77 % жителей Бурятии. Неудовлетворительным качеством получаемого высшего образования в вузах республики встревожены более половины населения — 55,67 % респондентов. Система среднего образования, включающая основное, общее и профессиональное, оценивается в на-

стоящее время невысоко половиной жителей РБ (49,56 % опрошенных). Девятое место в рангах социальных проблем занимает нерешённость общественной и личной безопасности граждан, вытекающая из всех предыдущих аспектов, выделенная каждым вторым респондентом (48 %).

Результаты опроса показали, что для почти трети (31,55 %) населения процесс оформления земли в собственность стоит в приоритете жизненных тем.

Как подтверждают исследования прошлых лет, значительное ухудшение межэтнического взаимодействия РБ не грозит [Петрова и др., 2019]. Вместе с тем, пятая часть населения (21,34 % респондентов) полагают, что возможно подобное обострение ситуации между этническими группами. Меньше доля лиц, считающих, что существует нарастание враждебности между местным населением и мигрантами из других стран (17,78 %) и из других регионов России (15,22 %). Наконец, проблемой, которая стоит на последнем месте в ранжировании рисков социальной нестабильности в Бурятии, является потенциальная враждебность между религиозными течениями. Доля, составившая 13,44 % респондентов, позволяет свидетельствовать о достаточном спокойствии в сфере межконфессиональных отношений в РБ.

Для интерпретации представлений этнических групп о социальной нестабильности в регионе изучены их стратегии решения проблем. Респонденты обозначили потенциальный круг индивидуальных, групповых, государственных, конфессиональных ресурсов, влияющих на выход из критической ситуации. Обращает на себя внимание разница в использовании бурятами, русскими и представителями других национальностей, живущих в Бурятии, различных способов поиска помощи в затруднительном положении. Буряты в решении насущных проблем чаще, чем русские обращаются к родным, близким, друзьям — 80,09 % ответивших по подвыборке, хотя у русских этот ресурс тоже стоит на первом месте — 77,46 %. Несколько ниже доля горизонтальной солидарности у других национальностей — 67,44 %. Способность полагаться на свои силы демонстрируют все этнические группы, она характеризует почти в равной мере русских и бурят (76,67 % и 74,78 %), но в меньшей мере другие национальности — 62,79 % респондентов. Отличается отношение русских в сравнении с другими группами к использованию ресурса помощи от государства. Если четверть русских (25,87 %) обратятся за помощью к государственным ор-

ганам, то 18,14 % бурят и пятая часть других национальностей (20,93 %) поступят аналогичным образом. Вместе с тем, в кризисном обществе с усилением религиозных настроений показательно поведение почти трети респондентов других национальностей о возможности обращения к священнослужителям в разрешении своих проблем. У русских и бурят также сохраняется потребность молиться и надеяться на оккультные силы — 27,43 % и 19,37 % ответивших. Нижний ранг в определении способов выхода из сложной ситуации занимает обращение к руководству предприятия, на котором работает сотрудник. Это свидетельствует о невысоком доверии всех этнических групп к вертикальным связям в обществе (таблица 3).

Таблица 3. Оценка жителями Бурятии ресурсов решения социальных проблем (в % от опрошенных)

В решении насущных проблем на кого будете рассчитывать	Варианты ответа				Ранги
	национальности			Всего по общей выборке	
	русские	буряты	другие национальности		
буду решать всё самостоятельно	76,67	74,78	62,79	75,56	2
обращусь к помощи родных, близких, друзей	77,46	80,09	67,44	77,67	1
обращусь к помощи государственных органов	25,87	18,14	20,93	23,67	3
обращусь к руководству предприятия, в котором работаю	15,08	14,6	11,63	14,78	6
буду надеяться на чудо, удачу	20	15,04	4,65	18	5
буду молиться, обращусь к священнослужителям (ламам, православным священникам и т.д.)	19,37	27,43	32,56	22,11	4
обращусь к экстрасенсам, магам, гадалкам, шаманам	1,75	5,31	2,33	2,67	7
нет ответа	1,43	0,88	—	1,22	8
Всего	100	100	100	100	

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

Заключение

Исходя из структурного кризиса в Бурятии, маркерами которого являются снижение экономической активности населения, растущий уровень безработицы в сравнении с другими российскими регионами, дифференциация заработной платы по сферам занятости, возникает угроза социальной нестабильности. Массовый опрос населения подтвердил, что длительное взаимодействие этнических групп — русских и бурят, имеющих сходные условия жизнеобеспечения, влияют на близкие установки о рисках неопределённости и факторах, ухудшающих их социальное положение. Вместе с тем снижение уровня и качества жизни населения повышает латентную межэтническую напряжённость, которая проявляется в социальных представлениях о неравенстве и различных ресурсах решения проблем.

Анализ результатов эмпирического исследования позволяет сделать следующие выводы. Доминирующая часть населения остро испытывает отрицательные изменения на региональном рынке труда, причём разница в восприятии основных этнических групп явления безработицы

незначительна. Указанная социальная проблема является ведущей на фоне других, поскольку с ней связаны сокращение жизненно важных потребностей, отток молодёжи в другие регионы, вымывание человеческого капитала. Усугубляет стабильное снижение уровня жизни в регионе высокий уровень политической неопределённости и непредсказуемой социально-экономической политики в РФ в последние годы. Отсюда следуют тревожные социальные настроения подавляющей части населения независимо от этнической принадлежности.

Системным явлением, касающимся государственной и личной безопасности граждан, можно считать негативное влияние экономического кризиса на главные социальные институты, в целом на социальную сферу, введение платных государственных услуг и роста их стоимости. Институциональные изменения произошли в учреждениях здравоохранения и образования в связи реструктуризацией и ростом частного сектора. Но ухудшение качества и сокращение объёма бесплатных оказываемых услуг к накопившимся социальным рискам ложатся допол-

нительным бременем на личностные расходы и побуждают к поиску резервов выживания. Тем самым увеличивается социальная дифференциация между платежеспособными группами и малоимущими в удовлетворении базовых потребностей в медицинских и образовательных услугах. Проведённое исследование фиксирует более половины населения, включая разрез по параметру «национальность», неудовлетворённых системой здравоохранения, деятельностью учреждений среднего и высшего образования в республике.

В сложившихся условиях, как показывают результаты социологического исследования, наблюдается разница в понимании необходимых ресурсов к разрешению социальных проблем этническими группами Бурятии. Русское население чаще склонно в случае возникновения критической ситуации использовать обращение к государственным органам, чем буряты и представители других национальностей, живущих в РБ. Буряты в свою очередь чаще (в 1,5–5 раз), чем русские адресуют свои просьбы о помощи к священнослужителям (ламам) или шаманам, при

этом большую религиозность демонстрируют другие национальности. Показателем низкого социального доверия является редкое обращение за помощью к руководству предприятия, на котором работают граждане. Свидетельством дальнейшей атомизации общества, является ситуация «один на один» с проблемой, траектории действий становятся всё более индивидуальными, особенно у русских. Превалирующая часть бурят использует традиционные социальные связи (родственники, близкие, друзья) в разрешении имеющихся рисков, чаще, чем русские и другие национальности.

Таким образом, социальные проблемы в Республике Бурятия одинаково переживаемые этническими группами концентрируют сходные массовые представления о социальной нестабильности. В деструктивной ситуации уязвимости этнические группы предпринимают разные адаптивные стратегии. Означенный фактор может способствовать межэтнической напряжённости в регионе, вызванной конкуренцией за доступ к экономическим, политическим, образовательным, культурным и другим ресурсам.

Список источников

- Атанов Н. И., Бадмаева М. В., Егоров М. М. Проектный и пространственный подходы к развитию региональной экономики: сравнительные характеристики // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 4. С. 3–10.
- Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
- Вагапова А. Р. Сотношение субъективного благополучия и социально-политических представлений этнических групп // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 4 (20). С. 330–334.
- Вагапова А. Р. Современные социально-политические явления в представлениях разных этнических групп. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 5 (15). С. 226–231.
- Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: состояние и структура // Известия АлтГУ. 2010. № 1–2. С. 177–181.
- Гунтыпова Э. С. Миграция молодёжи Республики Бурятия в оценках молодёжи // Актуальные вопросы развития аграрного сектора Байкальского региона. Материалы научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки / ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова». 2019. Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, 2019. С. 196–200.
- Дагбаев Э. Д. Регионы и новая восточная политика России // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 1. С. 151–157.
- Данилова З. А. Социальные риски в Байкальской Азии // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 119–128.
- Дугаржапова Д. Б. Анализ уровня жизни населения Республики Бурятия в разрезе регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. Т. 33. № 1. С. 184–191.
- Дугаржапова Д. Б. Уровень и качество жизни населения Республики Бурятия // ЭКО. 2019а. № 3. С. 83–93.
- Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
- Паутова Л. А. Комплексный подход к исследованиям социального представления о стабильности // Социология 4М. 2004. № 19. С. 32–65.
- Петрова Е. В. и др. Межнациональные отношения в Республике Бурятия: по материалам мониторинговых исследований 2016–2018 гг. / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. 129 с.

HUMANIZATION PROCESSES OF SOCIETY: SOCIOLOGICAL ASPECTS

Irina Dashibalova¹

REPRESENTATIONS OF ETHNIC GROUPS OF BURYATIA ON SOCIAL INSTABILITY

Abstract. The research urgency is caused by the formation in Russia of adverse trends shaping the situation of social instability amid falling world oil prices, sanctions, changes in the structure of revenues and expenditures, budget constraints in education and health. The combination of risks of deterioration in the level and quality of life is reflected in the political, socio-structural, and cultural processes taking place in the Russian regions. In this regard, one of the most important factors in the interaction of ethnic groups living in the national regions of the Russian Federation is growing inter-regional, intra-regional and inter-group inequality. This article is aimed at revealing the views of ethnic groups of the Republic of Buryatia about social instability in the region. Based on the results of a mass survey of residents of Buryatia (n=900, 2018–2019), it was revealed that social problems equally experienced by main ethnic groups alike concentrate similar mass perceptions of social instability. In a destructive vulnerability situation, ethnic groups undertake different adaptive strategies. This factor may contribute to interethnic tension in the region caused by competition for access to economic, political, educational, cultural and other resources.

Key words: social instability, ethnic groups, Russians, Buryats, interethnic interaction, social perceptions, institutional problems, region, unemployment, adaptive strategies.

¹ **Dashibalova Irina Nicolaevna** – Candidate of Sci. (Philosophy), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS). Ulan-Ude, Russia. Email: dashibalonirina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-4827-8533; ResearcherID: AAE-5383-2020; PIIQ AuthorID: 308772

References

- Atanov N. I., Badmayeva M. V., Yegorov M. M. *Proyektyny i prostranstvennyy podkhody k razvitiyu regional'noy ekonomiki: sravnitel'nyye kharakteristiki* [Design and spatial approaches to the development of the regional economy: comparative characteristics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2012. No. 4. P. 3–10 9 (in Russian).
- Bovina I. B. *Teoriya sotsial'nykh predstavleniy: istoriya i sovremennoye razvitiye* [Theory of social representations: history and modern development]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2010. No. 3. P. 5–20 (in Russian).
- Vagapova A. R. *Sotnosheniye sub'yektivnogo blagopoluchiya i sotsial'no-politicheskikh predstavleniy etnicheskikh grupp* [The correlation of subjective well-being and socio-political representations of ethnic groups]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2016. Vol. 5, no. 4 (20). P. 330–334 (in Russian).
- Vagapova A. R. *Sovremennyye sotsial'no-politicheskiye yavleniya v predstavleniyakh raznykh etnicheskikh grupp* [Modern socio-political phenomena in the representations of different ethnic groups]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2015. Vol. 4, no. 5 (15). P. 226–231 (in Russian).
- Goncharova N. P. *Krizisnoye sostoyaniye obshchestva: sostoyaniye i struktura* [Crisis state of society: state and structure]. *Izvestiya AltGU = Izvestiya of Altai State University Journal*. 2010. No. 1–2. P. 177–181 (in Russian).
- Guntypova E. S. *Migratsiya molodozhi Respubliki Buryatiya v otsenkakh molodozhi* [Migration of youth of the Republic of Buryatia in youth assessments]. *Aktual'nyye voprosy razvitiya agrarnogo sektora Baykal'skogo regiona : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu Rossiyskoy nauki* [Actual problems of the development of the agricultural sector of the Baikal region : Proceedings of the scientific-practical conference dedicated to the Day of Russian Science]. Buryat State Academy of Agriculture. Ulan-Ude: Buryat State Academy of Agriculture Publ., 2019. P. 196–200 (in Russian).
- Dagbayev E. D. *Regiony i novaya vostochnaya politika Rossii* [Regions and the new Eastern policy of Russia]. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2015. No 1. P. 151–157 (in Russian).
- Danilova Z. A. *Sotsial'nyye riski v Baykal'skoy Azii* [Social risks in Baikal Asia]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting]. 2015. No. 1. P. 119–128 (in Russian).
- Dugarzhapova D. B. *Analiz urovnya zhizni naseleniya Respubliki Buryatiya v razreze regionov Sibirskogo i Dal'nevostochnogo federal'nykh okrugov* [Analysis of the standard of living of the population of the Republic of Buryatia by regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2019. Vol. 33. No. 1. P. 184–191 (in Russian).
- Dugarzhapova D. B. *Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Respubliki Buryatiya* [Level and quality of life of the population of the Republic of Buryatia]. *ECO*. 2019a. No. 3. P. 83–93 (in Russian).

Zubarevich N. V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: Independent Institute for Social Policy Publ., 2010.160 p. (in Russian).

Pautova L. A. Kompleksnyy podkhod k issledovaniyam sotsial'nogo predstavleniya o stabil'nosti [An Integrated Approach to Research on the Social Concept of Stability]. *Sotsiologiya 4M* [Sociology 4M]. 2004. No. 19. P. 32–65 (in Russian).

Petrova E. V. et al. *Mezhnatsional'nyye otnosheniya v Respublike Buryatiya: po materialam monitoringovykh issledovaniy 2016–2018 gg.* [Interethnic relations in the Republic of Buryatia: based on materials from monitoring studies 2016–2018]. Ye. V. Petrova, A. V. Bil'trikova, I. N. Dashibalova, V. G. Zhalsanova. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2019.129 p. (in Russian).

ПРОЦЕССЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Головчин М. А. Социальные факторы предпринимательской успешности: по данным опроса населения регионов Северо-Западного федерального округа // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 144–156. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.18

Дата поступления 01.02.2020 г.

УДК 331.446.4:316.354.2

Максим Головчин¹

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ УСПЕШНОСТИ: ПО ДАННЫМ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. Актуальность исследуемой проблематики определила необходимость поиска новых путей развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, в ряду задач которого находится не только укрепление финансового и кадрового потенциала бизнес-организаций, создание гибких условий налогообложения и закупок, но и содействие формированию имиджа бизнесмена как успешного профессионала, сама предпринимательская успешность при этом зависит от ряда как объективных (пол, возраст, образование и т. д.), так и субъективных факторов (черты характера бизнесмена, его социальное самочувствие, ценностный выбор и т. д.). В исследовании была поставлена цель, на основе изучения общественного мнения определить силу воздействия тех или иных социальных аспектов на успешность предпринимательской деятельности. Методы исследования: социологический опрос, проведенный в трех регионах Северо-Западного федерального округа (2019; N=1600); корреляционный анализ, типологизация и кластеризация первичных данных опроса. Результаты исследования: в статье на основании модификации методики Р. Р. Хаснудинова выделены три группы населения с разным личностным отношением к предпринимательской успешности (успешные предприниматели, неуспешные предприниматели, пассивные наблюдатели), составлен их социальный портрет; автором определен комплекс социальных факторов (социально-демографических и субъективно-ценностных), влияющих на успех в бизнесе; с помощью расчета индексов корреляции Пирсона оценен вклад каждого отдельного фактора на результативность коммерческой деятельности; выделены «болевые точки» развития предпринимательства в России. Определено, что развития частной инициативы в отечественной экономике не в последнюю очередь с усилением доверия и формированием благоприятного для развития бизнеса общественного климата. Материалы статьи представляют практическую ценность для управленцев всех уровней и представителей органов власти.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская успешность, социальный фактор, социологический опрос, корреляция, социальный капитал.

J24, L26, P42

¹ **Головчин Максим Александрович** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (ФГБУН ВолНЦ РАН). Вологда, Россия. E-mail: mag82@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7813-5170; Researcher ID: N-1706-2015; PИНЦ Author ID: 620285.

Введение

В настоящее время в науке ориентация на успех воспринимается как неотъемлемая часть стиля жизни современного человека, его конкурентоспособности; а социальная успешность — как фундаментальная проблема и ключевая (базовая) характеристика культуры модернити [Ефремова, 2004].

Успех как особое социальное явление чаще всего воспринимается в виде конечного результата деятельности человека в направлении достижения конкретной цели в совершенно разных сферах (семейной, интеллектуальной, профессиональной и академической), что сопровождается положительным эмоциональным фоном [Родионова, 2013]. Например, результат преодоления

человеком каких-либо внешних обстоятельств, либо проявление внутреннего потенциала личности. Успешность же — это индивидуальная способность и умение достигать подобного результата многократно в динамике, а не единожды [Верейкина, 2018]. Процесс этот может иметь объективное и субъективное основание, поскольку социальная успешность может быть, как внешней (т. е. основанной на общественном признании достижений, оценке со стороны работодателя), так и внутренней (т. е. основанной на ресурсах личности — готовности к решению поставленных задач, уверенности в себе и будущем, самооценке способностей) [Верейкина, 2018].

В плане определения природы социального (деятельностного) успеха и успешности в науч-

ной традиции представлены три концептуальных подхода — линейный, категориальный и интегративный (таблица 1), с точки зрения линейного подхода (Р. Г. Тернер) успех деятельности традиционно ассоциируется с социально-культурными детерминантами и определяется измеримыми показателями (метриками), в число которых могут входить пол, рост, уровень образования и т. п. Это так называемые социально-демографи-

ческие факторы. Таким образом, мерилom успешности становится внешняя оценка со стороны руководителя, эксперта (социально-культурные детерминанты), с точки зрения категориального подхода (Дж. Г. Гринхаус) упор делается на внутреннюю природу человека, отношение к себе, понимание собственной конкурентоспособности, т. е. субъективно-личностные детерминанты.

Таблица 1. Научные подходы к природе социальной успешности

№ п/п	Подход	Представители	Фактор успеха	Критерий успеха
1.	Линейный	Р. Г. Тернер	отношения с другими людьми личное усилие самого человека наличие опытного наставника	<ul style="list-style-type: none"> • эффективность деятельности • результативность деятельности
2.	Категориальный	Дж. Г. Гринхаус О. С. Дейнека	личностные качества человека	<ul style="list-style-type: none"> • стратегии построения карьеры • межличностные и семейные отношения • инвестиции в человеческий капитал • мотивация • организационные характеристики личности
3.	Интегративный	Е. Б. Котенева Р. А. Зобов В. Н. Келасев и др.	общественное признание и ценностный выбор	<ul style="list-style-type: none"> • социальная значимость и вклад в культуру • удовлетворенность жизнью и трудом

Источник: таблица составлена автором по [Теплинских, 2007]

Наконец, интегративный подход в основу социальной успешности вкладывает признание заслуг человека перед обществом, которая в свою очередь ведет к популярности и славе. Е. В. Деева отмечает, что у всех этих подходов есть одна общая черта — они рассматривают успешность с прагматичной точки зрения, т. е. как явление, влекущее некоторые выгоды и преференции обладателю [Деева, 2013].

Успешность является основой развития многих форм человеческой деятельности и моделей поведения, но она особенно важна для предпринимательской инициативы, поскольку, согласно мнению экспертов, именно успех является неотъемлемой частью целеполагания в этой сфере [Гаджиева, Ханова, 2011]. Благодаря этому успешность в деловой сфере выходит за рамки сугубо профессионального феномена, а приобретает всеобъемлющий характер. Так, отсутствие признаков элементарного успеха обычно приводит к краху проектов, а также может повлечь за собой негативное отношение в обществе к бизнесу как малоэффективной сфере приложения труда [там же].

Исходя из этого понимания, ученые по-разному определяют условия, от которых зависит достижение успеха в предпринимательстве. Это мо-

гут быть слабoreгулируемые отдельной личностью внешние факторы экономической конъюнктуры: дух предпринимательства и конкуренции, сложившееся в обществе, отношение к богатым и предприимчивым людям [Вебер, 1990; Хизрич, Питерс, 1991]; степень независимости предпринимателей, определяемая государственным законодательством [Швальбе, Швальбе, 1993]; надежность бизнес-контактов и деловых партнеров [McClelland, 1961] и т. д. Наряду с этим роль драйверов успешности могут выполнять и более контролируемые аспекты, связанные с внутренними характеристиками предпринимателя: энергичность [Вудкок, Френсис, 1991; Борисова, Логинов, Мдивани, 1997], креативность, новаторство [Макконнелл, Брю, 2003], склонность к интуитивному предугадыванию [Шумпетер, 1982], социальная ответственность [Баранова, 2017], стремление в своей деятельности соответствовать моральным принципам и правилам [Этциони, 2004] и т. д.

В исследовании мы исходим из гипотезы о том, что объективные и субъективные факторы комплексно действуют на предпринимательский успех, но далеко не в одинаковой степени.

Идея важности учета субъективных аспектов в развитии предпринимательства в настоящее вре-

мя ярко прослеживается в политике российского государства. В 2018 году в силу вступил национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который определил стратегию для продвижения бизнеса и частной экономической инициативы вплоть до 2024 года. Мероприятия нацпроекта включают увеличение предпринимательской активности, создаваемых в этой сфере рабочих мест, доли несырьевого экспорта субъектов предпринимательства, а также формирование центров поддержки предпринимателей и бизнесменов¹. В документе не обойден вопрос формирования благоприятного имиджа предпринимательства в обществе (Федеральный проект «Популяризация предпринимательства»). В частности, 2020 год был объявлен Годом предпринимательства. Важность подобных мер подчеркивает ряд обстоятельств. Так, по социологическим данным Edelman Trust Barometer по состоянию на 2018 г. бизнесу доверяет только 41 % россиян (в среднем по странам мира — 52 %)[Авдеева, 2019].

По результатам регионального исследования уровень доверия со стороны жителей регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО)² к банковским и предпринимательским кругам не превышает 20 %, что косвенно говорит о кризисе авторитета бизнеса в провинции. Минимальное доверие (15 %) к предпринимательским кругам выражает старшее поколение. Это мешает ему увидеть в частном секторе альтернативный драйвер развития общества. Нельзя сказать, что молодое поколение лишено подобных настроений, но уровень доверия среди его представителей к бизнесу выше (19–21 %).

В тоже время, выбор правильных средств и инструментов популяризации предпринимательства с нашей точки зрения должен быть напрямую связан не только с подготовкой кадров и развертыванием информационной кампании (как это отражено в нацпроекте), но и с верным пониманием того как воспринимает общество

бизнес. В этой связи целью нашего исследования стало определение степени влияния различных социальных факторов на успешность в предпринимательской деятельности на основании выборки социологического опроса.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования нами были проанализированы данные поквартирного анкетирования, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2019 г. среди населения регионов СЗФО. В опросе приняли участие 1600 чел. (генеральная совокупность — 2415 тыс. чел.), проживающих на территории Вологодской (800 чел.), Псковской (400 чел.) областей и Республики Карелия (400 чел.). Выборка исследования — целенаправленная, репрезентативная. В нее вошли в равном пропорциональном отношении к генеральной совокупности 44 % мужчин и 56 % женщин; 17 % лиц в возрасте до 30 лет, 49 % — в возрасте от 30 до 60 лет и 34 % — в возрасте старше 60 лет; 75 % проживающих в черте города и 25 % сельских жителей. В рамках исследования были опрошены все группы населения вне зависимости от сферы деятельности, а не предприниматели целенаправленно.

В определении предпринимательской успешности мы придерживались ценностно-психологического подхода, который был обозначен в трудах Р. Р. Хуснутдинова. В частности, он в своем исследовании выделяет несколько личностных типов предпринимателей по критерию успешности: «успешные», «неуспешные», «потенциальные» [Хуснутдинов, 2007]. Таким образом, им было определено важное положение в развитии российского бизнеса тем, кто по тем или иным причинам напрямую не задействован в предпринимательстве, но заинтересован в этом (они составляют «резерв» частной инициативы). Для определения оснований для кластеризации Р. Р. Хуснутдинов использует ряд психологических индикаторов, отражающих разные свойства личности бизнесмена, такие как воля, настойчивость, гибкость мышления, организаторские и коммуникативные способности, избегание неудач, склонность к фрустрации (переживанию неудач) и т. д. [Хуснутдинов, 2007]. По мнению исследователя, успешные предприниматели в своих поступках отличаются «осмысленностью жизненных целей», что придает их характеру более волевые черты, позволяет не пасовать перед риском, характерным для коммерческой деятельности. «Неуспешные» в свою очередь более склонны к избеганию любого риска и неудач [Хуснутдинов, 2007].

1 Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Официальный сайт правительства России, 2018. URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

2 Здесь и далее представлены данные опроса ФГБУН ВолНЦ РАН, проведенного в рамках грантового проекта РФФИ №18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

В нашем исследовании мы использовали описанный выше подход, но внесли в него коррективы в части типологизации предпринимателей. Так мы принципиально отказались от выделения «потенциальных предпринимателей». Их мы заменили на группу, которая была названа «пассивные наблюдатели» (т. е. те, кто не участвует в бизнесе и не планирует делать это в будущем). Таким образом, нами были рассмотрены три группы:

- 1) «успешные предприниматели» — те, кто уже добился важных успехов в бизнесе;
- 2) «неуспешные предприниматели» — те, кто

пока не добился успехов в соответствующем виде деятельности, но считает, что это ему по силам, а также те, кому хотелось бы добиться успехов, но они в этом сомневаются;

- 3) «пассивные наблюдатели» — те, у кого нет подобных жизненных планов.

Состав групп мы определили по ответам на вопрос анкеты «Насколько Вы успешны в бизнесе?» (таблица 2). С ответом на данный вопрос не определились 22 % респондентов, мнения которых не были учтены в дальнейшем анализе.

Таблица 2. Социальные характеристики групп населения регионов ЦФО по их отношению к успеху в предпринимательстве (в % от числа опрошенных)

100 % ↓	Оценка собственных успехов в бизнесе		
	Успешные предприниматели	Неуспешные предприниматели	Пассивные наблюдатели
Всего	4,3	44,1	51,5
Половозрастные характеристики			
Мужчины до 30 лет	4,3	12,7	5,5
Женщины до 30 лет	5,8	12,5	4,1
Мужчины 30–60 лет	44,9	29,6	21,1
Женщины 30–60 лет	18,8	23,5	23,8
Мужчины старше 60 лет	8,7	6,8	12,4
Женщины старше 60 лет	17,4	14,9	33,1
Занятость (по основному виду деятельности)			
Работающее население	74,1	67,3	56,8
Неработающее население	20,1	30,1	40,5
Другое	5,8	2,6	2,7

Источник: данные социологического опроса населения регионов ЦФО (2019; N=1600)

Наименее представительной в выборке является группа «успешных предпринимателей» (4 %). Второй по мере значимости сфера успеха для представителей этой группы является дружба и налаживание личных коммуникаций (90 %). Среди «успешных предпринимателей» больше представителей средних возрастов (30–60 лет), что говорит о связи успеха в бизнесе и профессионального опыта. С коммерческим успехом слабо связывает свои позиции в бизнесе представители молодого населения (до 30 лет), что сопряжено с недостатком знаний и опыта у последних, первоочередной ориентацией на получение образования, а не на реализацию своего потенциала на рынке труда.

Среди «неуспешных предпринимателей» (таких в выборке 44 %) закономерно больше молодежи и представителей студенчества при паритетном представительстве мужчин и женщин. Важно отметить, что молодежь пополняет не группу критиков бизнеса, а массово перетекает в резерв предпринимательства, т. е. проявляет готовность к соответствующей работе при прочих

равных условиях. Вопрос лишь в том, как создать соответствующие условия. Отметим также, что для представителей этой группы в целом характерно относительное сомнение в собственных успехах в любой сфере, а не только в профессиональной. Наиболее высоко они оценивают свои жизненные достижения в дружбе (77 %), но доля считающих подобным образом среди «неуспешных» предпринимателей меньше, чем у всех остальных.

Наиболее представительна группа «пассивных наблюдателей» (52 %). Наряду с предпринимательской активностью, они низко оценивают степень своего доступа к власти, финансовым ресурсам и важным постам (менее 2 %), а также редко имеют успехи на поприще общественной деятельности (5 %). Среди них больше людей пенсионного возраста, а значит носителей менталитета «советского простого человека» (по выражению В. В. Радаева), в ряду ценностей которого не было стяжательства и накопительства [Радаев, 2018]. Вместе с тем, как показали данные опроса, представители «пассива» намного лучше реали-

зуют себя в жизни как хорошие родители. В частности, они выше оценивают свои достижения в вопросах воспитания детей (70 % против 62 % среди «успешных» и 48 % среди «неуспешных» предпринимателей).

Представительство группы «успешных предпринимателей» во всех регионах примерно одинаковое (от 2,5 до 5,5 %). «Неуспешных» больше в Псковской области (53 %); здесь же менее всего пассив менее всего представлена группа «пассивных наблюдателей».

ва» (рисунок 1). Этот регион, в частности, занимает 9 место в рейтинге субъектов РФ по вовлеченности населения в малый бизнес и 3 место среди территорий СЗФО (после Калининградской области — 1 место и Санкт-Петербурга — 3 место). В рейтинге у него достаточно сильные позиции по обороту малых и микропредприятий (11 %)¹.

¹ Вовлеченность населения в малый бизнес в регионах РФ — Рейтинг 2019 // РИА Рейтинг, 09.04.2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190409/630122818.html> (дата обращения: 18.02.2020).

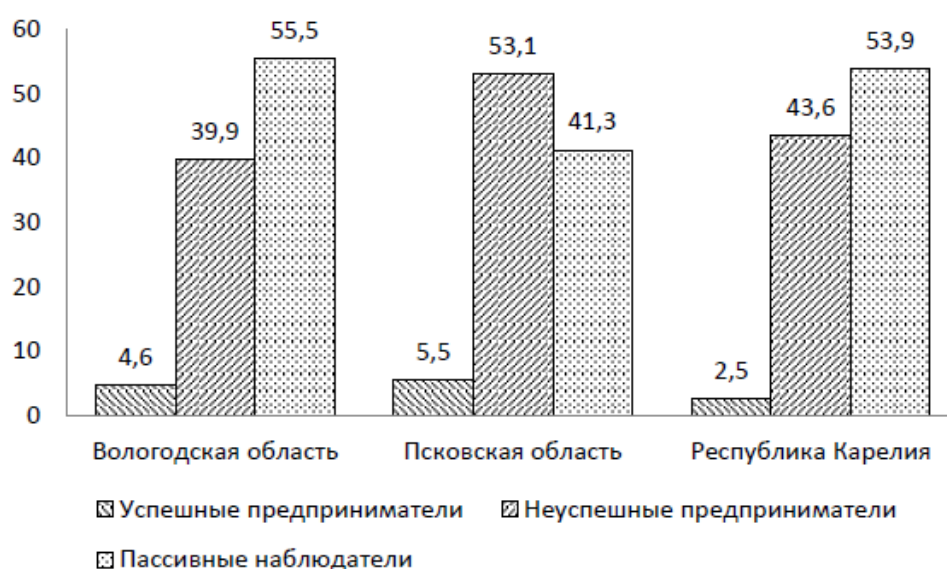

Рис. 1. Распределение групп населения по их отношению к успеху в предпринимательстве по регионам проживания (в % от числа опрошенных)

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Помимо этого, успех в бизнесе в немалой степени зависит от финансовых возможностей человека (стартового капитала). Так, в группе успешных предпринимателей больше тех, кто может самостоятельно, без чужой помощи (или помощи государства) обеспечивать достойную жизнь своей семье (57 %), а также тех, кто считает себя богатым и «человеком среднего достатка» (62%). Отсутствие у человека средств к существованию, невозможность отвечать по кредитам ограничивает возможность формирования начального (уставного) капитала, что выводит частную инициативу за пределы интересов бедствующих слоев населения. Так, 62 % тех, кто не собирается реализовывать себя в бизнесе, отмечают, что их материальное положение может исправить лишь сторонняя помощь государства.

Далее будут представлены результаты оценки значимости социальных факторов, влияющих на успешность предпринимательской деятельности.

Результаты

Для проведения оценочных процедур мы на основании анализа научной традиции опреде-

лили группу факторов, которые потенциально могут иметь влияние на успешность в предпринимательской деятельности. В эту группу вошли:

- Новаторский подход к работе (определяет выбор в пользу инноваций, а не традиций);
- Мера социальной ответственности: чувство личной ответственности за положение дел на работе, в семье, во дворе, в регионе проживания, в стране; личное участие в инновационных социальных проектах;
- Социальные настроения (степень уверенности в будущем дне и своих перспективах);
- Социальный капитал: уровень межличностного и институционального доверия.

Социологический анализ позволил сделать вывод о том, что для населения СЗФО вне зависимости от их успехов в бизнесе в целом характерна гибкость к новациям как тренду времени. Так, инициативу, предприимчивость, поиск нового считает главным в своей жизни 62 % «успешных», 65 % «неуспешных» предпринимателей и 50 % представителей «пассива» (хотя в составе последних и больше лиц старшего возраста). Та-

ким образом, новаторство становится вектором развития не только исключительно бизнеса, но и других сфер — образования, здравоохранения, культуры и т. д.

Успех в бизнесе также напрямую зависит от доверия к партнерам, окружающим людям, организационным структурам. В целом социальный капитал россиян, что подтверждают результаты опроса Левада-Центра, нельзя назвать высоким: доверие к правительственным структурам проявляет 26 % населения, банкам — 22 %, партиям — 16 %². Однако «успешные предприниматели» чаще остальных склонны доверять большинству знакомых им людей (21 %). Среди тех, кто входит в состав «пассива» уровень межличностного доверия меньше. Последние, как правило, сужают доверительный круг до близких лиц (69 %).

Причем социальный капитал предпринимательства проявляется не только на межличностном, но и на институциональном уровне. Успешные предприниматели чаще остальных доверяют различным правоохранительным структурам (58 %), прокураторе (54 %), суду (46 %). Возможно, это связано с тем, что бизнесмены время от времени контактируют с этими институтами и поэтому знакомы с их деятельностью. При этом успешные предприниматели в своем доверии более остальных лояльны средствам массовой информации (32 %; в группе «пассива» — 25 %), что говорит о том, телевидение, газеты и журналы в целом стараются помогать бизнесу в освещении его деятельности.

Отметим, что залогом успеха в предпринимательстве является доверие к своим коллегам и партнерам. Так, среди успешных предпринимателей банковским кругам и бизнесу доверяет 26 %, а среди пока не добившихся успеха — 22 %. В тоже время обращает на себя внимание невысокий уровень доверия, предъявляемый успешными (39 %) и неуспешными (36 %) предпринимателями научным организациям, что говорит о том, что они пока не воспринимают ученых как агентов, готовых сопровождать бизнес-процессы.

Представители группы «пассива» большой кредит доверия отдают армии (48 %), тогда как предприниматели (вне зависимости от своих успехов в бизнесе) к этому не склонны. Меньшим авторитетом пользуются федеральные и региональные органы власти (менее 45 %), что, впрочем, характерно для всех рассматриваемых групп.

В рамках исследования не нашла свое подтверждение теория Р. Р. Хуснутдинова о большей осмысленности жизненных целей среди успешных предпринимателей (под большей осмысленностью исследователь понимает нацеленность на будущее, социальную перспективу) [Хуснутдинов, 2007]. Было выяснено, что уверенность в завтрашнем дне испытывает менее половины (46%) успешных предпринимателей, что меньше, чем в остальных группах и в среднем по опросу. Это, видимо, связано с рискогенностью, слабой прогнозируемостью развития бизнеса. Среди труднопрогнозируемых предпринимательских рисков эксперты часто упоминают: появление новых мощных конкурентов (стратегический риск) и новых институциональных норм, которым будет сложно соответствовать (риск соответствия); непредвиденные сбои в операциях фирмы из-за технических неисправностей (операционный риск); неожиданные финансовые затраты или недополучение доходов вследствие имиджевых потерь (репутационный риск) [Киселева, Симонович, 2017] и т. д.

Вместе с тем, понимая те объективные риски, с которыми естественным образом связано предпринимательство, успешные бизнесмены, как правило, хорошо приспособляются к ним. В частности, они готовы в случае потери доходов на активные действия – получение дополнительного заработка (46 %), смену работы (22 %), повышение квалификации (13 %). Отметим, что готовность к подобным действиям в случае риска является еще более яркой чертой характера неуспешных предпринимателей. Именно они проявляют большую адаптивность, гибкость и мобильность к сложностям (только 3% в этой группе ничего не предпримут в случае кризисной ситуации). Это говорит об определенном потенциале развития бизнеса в России, осуществление которого возможно за счет массового успеха пока еще не реализовавших себя молодых бизнесменов. Представители пассива в данном случае скорее прибегнут к экономии личных накоплений (35 %).

В тоже время недостаточная уверенность в будущем вовсе не свидетельствует об отсутствии в жизни успешных предпринимателей определенного плана. Те, кто достиг важных результатов в бизнесе, действительно чаще связывают свое существование с инструментальными ценностями — денежными средствами (74 %), трудовой деятельностью (54 %). Ради справедливости стоит отметить, что духовные стороны жизни их заботят меньше: создание семьи и воспитание

2 Институциональное доверие // Левада-Центр, 24.10.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения: 07.02.2020).

ребенка — 2 место в ранжированном списке (у представителей пассива — 1 место), получение образования — 8 место (у представителей пассива — 5 место). Подобная расстановка жизненных приоритетов наводит на мысль, что в среде успешных предпринимателей формируется ментальная модель, названная Ю. Г. Жемчужниковой «работающий владелец» (самоотрешённый бизнесмен, сконцентрированный на работе и ставящий его выше бытовых сторон жизни) [Жемчужникова, 2001].

В свете развития в мире идеи социального предпринимательства нам интересно было посмотреть как социальная ответственность, понимание общественной миссии бизнеса влияют на успех в предпринимательстве. Было выяснено,

что большая часть населения (не меньше 80 %) вне зависимости от отношения к предпринимательству внутренне принимает обязательства исключительно за положение дел в своей семье. Обращает на себя внимание, что понимание общественной миссии среди респондентов часто не соотносится с уровнем собственных возможностей (последние, как правило, недостаточны). Успешные бизнесмены, которые априори должны обладать большим авторитетом и общественным весом, не стали заметным исключением из этого правила. Часть из них (12–20 %) понимает свое место в решении проблем на уровне города, региона и страны, но возможность влияния на эти вопросы как реально оценивает не более 18 % (таблица 3).

Таблица 3. Социальная ответственность населения регионов СЗФО в отношении разных сфер жизни (в % от числа опрошенных)

Сфера	Успешные предприниматели		Неуспешные предприниматели		Пассивные наблюдатели	
	Чувствуют ответственность	Могут повлиять	Чувствуют ответственность	Могут повлиять	Чувствуют ответственность	Могут повлиять
Семья	88,4	81,2	85,6	79,7	89,6	82,0
Работа	66,7	59,4	64,4	56,9	52,1	41,8
Ситуация в доме, дворе	46,4	40,6	43,0	40,8	37,4	32,6
Ситуация в городе, районе	20,3	17,4	16,2	12,5	11,0	4,9
Ситуация в регионе	15,9	8,7	11,4	6,8	4,4	2,1
Ситуация в стране в целом	11,6	11,6	11,7	6,7	4,4	1,9

Источник: данные социологического опроса населения регионов СЗФО (2019; N=1600)

При этом группа успешных предпринимателей неуспешных становятся участниками, организаторами, партнерами, соисполнителями различных социальных программ и проектов (17 % против 27 %). Это ставит на повестку дня вопрос об уровне корпоративной социальной ответственности (КСО) и соответствия российского бизнеса международным стандартам (ISO 26000) [Кухарчук, 2015].

С чем связана подобная ситуация? Чаще всего речь идет о том, что бизнес (особенно, успешный) просто не заинтересован в социальных проектах, направленных на решение проблем общества (инклюзии инвалидов, доступности образования и т. д.), поскольку не видит выгод для себя. Успешные предприниматели чаще остальных барьерами собственного участия в социальных проектах называют скепсис в отношении к подобной деятельности, сомнение в результативности соответствующих мероприятий, оценивание их как

полумеры (26 %). Основным стимулом, который побудил бы их к участию в этих инициативах, они считают возможность вознаграждения и личную заинтересованность (по 31 %). Поэтому, в идеале развитие социального предпринимательства в России должно быть связано с повышением уровня информированности населения не только о содержании социальных проектах, но и о возможных выгодах для участников (как материальных, так и нематериальных, имиджевых).

Для того чтобы определить влияние каждого отобранного фактора на успешность в предпринимательстве мы провели корреляционный анализ переменных, отвечающих за оценку населением собственного предпринимательского успеха и социальных характеристик респондентов.

На основании результатов корреляции было выявлено, что весь ряд отобранных социальных факторов воздействует на предпринимательский успех в разной мере (таблица 4). Степень влияния

трех из них (выбор в пользу инноваций, уверенность в будущем и ответственность за положение дел на работе) скорее можно классифицировать как слабую. Эти факторы заметно уступают силе воздействия на благополучие бизнесменов демографического фактора возраста респондентов. Еще девять характеристик воздействуют на предмет исследования незначительно (уровень межличностного доверия, ответственность за положение дел в регионе, доме, дворе, городе, районе, стране, участие в инновационных социальных проектах, доверие к банковским, научным кругам и политическим объединениям). Оставшиеся социальные аспекты играют негативную роль в отношении результативности бизнеса (обратная корреляция), поэтому их сложно включить в ряд

активных факторов. В целом анализ показал, что больший вклад в бизнес-достижения вносит новаторский подход предпринимателей, стремление опираться на инновации ($p=0,158$), что, впрочем, подтверждается и выводами Р. Р. Хуснутдинова [Хуснутдинов, 2007]. Чуть менее важную роль играют уверенность в будущем (которая, как мы отметили ранее, для предпринимателей свойственна не в полной мере) и мотивы корпоративной социальной ответственности. Долг в отношении членов общества оказался менее значимым для успеха в бизнесе, чем обязанность по решению сугубо профессиональных проблем. Особо стоит уделить внимание на недостаточную роль в рассматриваемом вопросе социального капитала.

Таблица 4. Степень тесноты парной связи между успешностью в предпринимательской деятельности и развития личности (корреляция Пирсона)

Переменная	Индекс	Ранг	Тип связи
Социально-демографические факторы			
Возраст	0,318	1	Средняя
Пол	0,122	2	Слабая
Уровень образования	0,085	3	Незначительная
Субъективно-ценностные факторы			
Выбор в пользу инноваций, новаторский подход	0,158	1	Слабая
Уверенность в будущем	0,114	2	Слабая
Ответственность за положение дел на работе	0,112	3	Слабая
Уровень межличностного доверия	0,083	4	Незначительная
Ответственность за положение дел в регионе проживания	0,076	5	Незначительная
Ответственность за положение дел в доме / во дворе	0,059	6	Незначительная
Ответственность за положение дел в городе / районе	0,053	7	Незначительная
Ответственность за положение дел в стране	0,050	8	Незначительная
Участие в инновационных социальных проектах	0,050	9	Незначительная
Доверие к банковским, предпринимательским кругам	0,022	10	Незначительная
Доверие к научным организациям	0,011	11	Незначительная
Доверие политическим партиям, движениям	0,002	12	Незначительная
Доверие к директорам, руководителям предприятий	-0,003	13	Обратная
Доверие к общественным организациям	-0,004	14	Обратная
Доверие к суду	-0,026	15	Обратная
Доверие к полиции	-0,030	16	Обратная
Доверие к прокуратуре	-0,033	17	Обратная
Доверие к профсоюзным организациям	-0,040	18	Обратная
Доверие к средствам массовой информации	-0,043	19	Обратная
Ответственность за положение дел в семье	-0,055	21	Обратная

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

Таким образом, социальный портрет успешного предпринимателя формирует образ состоявшегося бизнесмена как человека, отличающегося, главным образом, солидным опытом работы, новаторством и инициативностью, уверенностью, отдающего на 100 % самого себя своей

профессиональной деятельности (часто во вред исполнению семейных и родительских обязанностей). В этом портрете заметные черты приобретают мотивы альтруизма. Так, помощь окружающим людям для бизнесменов оказалась более осмысленной, а ответственность за положение

дел в своей семье, в сущности, выпадает из структуры факторов предпринимательского успеха. Это скорее тревожный факт, ставящий род деятельности коммерсанта в один ряд с военными, работниками органов правопорядка, учителями как профессиями, наиболее подверженными деформациям ценностно-смысловой сферы личности и эмоциональному выгоранию [Красильников, 2009].

Вместе с тем, наличие солидной группы «пассивных наблюдателей», представители которой не планируют заниматься бизнесом, вовсе не означает факт архаичности российского социума. «Пассив», в частности, не презентует критического отношения к идее предпринимательства (поскольку в целом сам недалеко от новаторства и креативности, характерной для реализации бизнес-проектов), но из-за неготовности к специфике данной деятельности (необходимости тесного взаимодействия с партнерами, работы в условиях сопутствующих рисков и т. п.) оптимально реализует свой потенциал в несколько иных сферах.

Отметим, что в этих выводах мы опираемся на данные социологического опроса, которые отражают исключительно мнение население (как представителей бизнеса, так и других профессий). То, что общество пока напрямую не связывает общественную миссию предпринимателя с профессиональным успехом, является скорее ментальным барьером для развития социально-ориентированного предпринимательства в России.

Заключение

Проведенный анализ помог определить уровень значимости социальных факторов для достижения успехов в бизнесе в интервале от среднего (возраст) до незначительного. Роль отдельных факторов и вовсе не подтвердилась. В ряд этих факторов парадоксальным образом затесалось социальное доверие, которое в свою очередь может проявляться на разных уровнях: доверие к команде, к партнерам, к конкурентам и, наконец, доверие самого общества к предпринимателям. С нашей точки зрения, это крайне тревожный момент. Ф. Фукуяма, например, называет институт доверия ключевой характеристикой развитого человеческого общества, которая связана с совместно разделяемыми ценностями поведения и проявляется на индивидуальном и социальном уровнях [Фукуяма, 1996]. Вслед за Ф. Фукуямой М. В. Курбатова считает, что «на микроуровне социальный капитал можно рассматривать как капиталное благо» [Курбатова, Левин, Каган, 2013]. Важное место доверие занимает и в деловой сфе-

ре. Так, В. В. Радаев пишет о том, что социальный капитал в бизнесе представлен в виде накопленных взаимных обязательств, деловой репутации, социальных сетей, честной конкуренции и стимулирует получение взаимной выгоды от рыночного обмена [Радаев, 2008]. В свою очередь Дж. Коулман рассматривал межличностное и групповое доверие как ресурс, без которого в предпринимательстве либо трудно, либо более того невозможно добиться поставленных целей [Коулман, 2001]. По опросным данным же, мы видим, что фактор межличностного доверия хоть и связан с понятием успешности в бизнесе, но не оказывает на него решающего влияния. Институциональное доверие вместе с тем вообще не либо не оказывает никакого заметного эффекта на предпринимательский успех (это касается доверия к банкам, научным организациям и политическим партиям), либо этот эффект имеет обратный вектор.

Примечательно, что в деловой сфере слабо проявляется доверие бизнесменов к собственно предпринимательским и близким к ним банковским кругам, что не может не отражаться на состоянии конкурентной среды. Для справки: в 2019 г. по индексу глобальной конкурентоспособности Россия занимала только 43 место в мире среди 141 страны¹. К подобным же выводам пришел Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, специалисты которого отметили, что высокий уровень конкуренции в российской экономике чувствует лишь 51 % представителей малого бизнеса, а 24 % вообще не ощущают соперничество со стороны других фирм². Слабая конкуренция в бизнес-среде, в свою очередь, приводит к монополизации и препятствует экономическому росту государства. Исследователи из Высшей школы экономики оценивают прямые потери от низкого уровня конкурентной среды в России в размере 2,5 % ВВП, что в целом сопоставимо с финансированием объектов социальной сферы [Шастико, 2013].

Эксперты также считают, что низкий уровень доверия в бизнес-среде создает не только риски монополизации экономики, но и возможности критического увеличения объемов транзакционных издержек — затрат на поиск нужной информации, проведение переговоров, точность

1 Schwab K. The Global Competitiveness Report 2019 / Klaus Schwab, World Economic Forum. 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 07.02.2020).

2 Оценка состояния конкурентной среды в России : доклад / Аналитический центр при Правительстве РФ. 2019. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21420.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

измерений, спецификации прав собственника, защиты от последствий проявлений оппортунизма сотрудников [Доржиева, 2016].

Как было сказано ранее, формирование надежных институтов доверия в предпринимательстве является частью целеполагания национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В этой части разработчики нацпроекта предполагают применение таких инструментов как максимальное использование для популяризации идей бизнеса ресурсов средств массовой информации и интернета, создание специализированных медиа-проектов, поддержка сообществ начинающих предпринимателей, реализация образовательных программ. В тоже время в рамках государственной политики нужно учесть, что создание культуры доверия к предпринимательским кругам требует более широкого понимания источников общественных предубеждений. Так, неоднозначный вклад в формирование отношения населения к бизнесу внесла маркетинговая социализация социальных отраслей — образования, здравоохранения и культуры. Эксперты пишут о том, что усиление

коммерциализации в России не привело ни к каким серьезным результатам, помимо сокращения доступности многих социальных услуг для населения и более того создало новые возможности для коррупции. Россия не смогла за короткий срок преодолеть тот путь, который в зарубежных странах занял несколько десятилетий [Грицко, Поливаева, 2017]. Соответствующие негативные эффекты отчасти отразились на отношении населения именно к представителям бизнеса, что выразилось в проявлении массового недоверия к ним, утрированному отношению к успеху в предпринимательстве. В этом свете важно законодательно установить, каким образом и в каких формах (благотворительных или предполагающих преференции) негосударственный сектор может помочь в развитии инфраструктуры и кадрового потенциала социальной сферы. Исполнение бизнесом роли альтернативного драйвера решения социальных проблем могло бы в корне поменять ситуацию с недоверием. Как мы отмечали ранее, в данном вопросе важно предусмотреть стимулы для вовлечения в эти процессы успешных предпринимателей (лидеров в своей сфере) путем учета их заинтересованности.

Список источников

Авдеева Д. А. Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 79–93. DOI: [10.31857/S086904990005087-7](https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7)

Баранова Н. В. Социальная ответственность предпринимательства в России: вопросы терминологии, развития, национальных особенностей // *Российское предпринимательство*. 2017. Том 18. № 9. С. 1479–1489. DOI: [10.18334/rp.18.9.37815](https://doi.org/10.18334/rp.18.9.37815)

Борисова Е. М., Логинова Г. П., Мдивани М. О. Диагностика управленческих способностей // *Вопросы психологии*. 1997. № 2. С. 112–121.

Верейкина С. Н. О критериях успешности, успешной социализации и киберсоциализации личности // *Преподаватель XXI век*. 2018. № 1–1. С. 81–87.

Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. 805 с. ISBN 5-01-001584-6.

Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. Москва: Дело, 1991. 320 с. ISBN: 5-85900-001-4.

Гаджиева С. Н., Ханова З. Г. Личность и деятельность предпринимателя в предметном поле психологических исследований // *Гуманизация образования*. 2011. № 3. С. 39–46.

Грицко М. А., Поливаева О. Г. Основные тенденции и результаты коммерциализации социальной сферы (на примере здравоохранения) // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. № 3 (80). С. 54–62.

Деева Е. В. Социальная успешность как фактор профессионального становления молодежи // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 6 (052). С. 205–209.

Доржиева Э. Л. Этика и доверие как инструменты минимизации транзакционных издержек в инновационной деятельности // *Экономика и экологический менеджмент*. 2016. № 2. С. 61–64. DOI: [10.17586/2310-1172-2016-9-2-61-64](https://doi.org/10.17586/2310-1172-2016-9-2-61-64)

Ефремова О. И. Социально-философский анализ феномена успеха // *Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки*. 2004. № 4. С. 13–17.

Жемчужникова Ю. Г. Психологический портрет предпринимателя // *Российское предпринимательство*. 2001. Том 2. № 3. С. 58–62.

- Киселева И. А., Симонович Н. Е. Оценка рисков в бизнесе: предпринимательские риски // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. № 3 (333). С. 244–257. DOI: [10.24891/fa.10.3.244](https://doi.org/10.24891/fa.10.3.244)
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
- Красильников И. А. Деформация личности: эмоции как смысловое проявление внутренних конфликтов // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Москва: ПИ РАО, 2009. С. 41–43.
- Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С. Структура социального капитала предпринимателей в их взаимодействии с региональной властью // Журнал институциональных исследований. 2013. № 4. С. 108–126.
- Кухарчук Д. В. КСО как инструмент повышения конкурентоспособности российского бизнеса // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 7. С. 72–80.
- Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс. Москва: ИНФРА-М, 2003. 983 с.
- Радаев В. В. Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 51–65.
- Радаев В. В. Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 2. С. 47–54.
- Родионова Е. А. Субъектный подход к определению профессиональной успешности // Социально-экономические и психологические проблемы управления. Ч. 1. Москва: МГППУ, 2013. С. 295–308. ISBN 978-5-94051-131-3.
- Теплинских М. В. Концептуальные подходы к проблеме определения успешности профессиональной деятельности специалистов социальной сферы // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 92–97.
- Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха. Москва: Прогресс-Универс, 1991. 160 с. ISBN 5-01-003304-6.
- Хуснутдинов Р. Р. Исследование психологических факторов успешности предпринимательской деятельности // Вестник Костромского государственного университета им. А. Н. Некрасова. Серия Психологические науки «Акмеология образования». 2007. №1. С. 84–89.
- Шастико А. Е. и др. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики. Москва: Дело, 2013. 120 с. ISBN 978-5-7749-0841-7.
- Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера, успех: Психология бизнеса. Москва: Прогресс, 1993. 239 с. ISBN 5-01-004054-9.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. Москва: Прогресс, 1982. 563 с.
- Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. Москва: Ладомир, 2004. 384 с. ISBN: 5-86218-460-0.
- Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Free, 1996. 480 p.
- McClelland D. C. The Achieving Society. Princeton, NJ: Van Nostrand. 1961. 512 p. DOI: [10.1037/14359-000](https://doi.org/10.1037/14359-000)

HUMANIZATION PROCESSES OF SOCIETY: SOCIOLOGICAL ASPECTS

Maxim Golovchin¹

SOCIAL FACTORS OF ENTREPRENEURIAL SUCCESS: ACCORDING TO A SURVEY OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT

Abstract. The relevance of the studied issues was determined by the modern tasks of the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation, the main leitmotif of which is to help shape the image of a businessman as a successful professional. At the same time, entrepreneurial success itself depends on a number of both objective (gender, age, education, etc.) and subjective factors (character traits of a businessman, his social well-being, value choice, etc.). The study set a goal, based on the study of public opinion, to determine the strength of the impact of various social aspects on the success of entrepreneurial activity. Research methods: a sociological survey conducted in three regions of the North-West Federal District (2019; N = 1600); correlation analysis, typologization and clustering of primary survey data. Research results: in the article, based on a modification of the R.R. Khasnutdinova identified three groups of the population with a different personal attitude to entrepreneurial success (successful entrepreneurs, unsuccessful entrepreneurs, passive observers), compiled their social portrait; the author defines a complex of social factors (socio-demographic and subjective-value) that affect business success; by calculating the Pearson correlation indices, the contribution of each individual factor to the effectiveness of commercial activity is estimated; "pain points" of entrepreneurship development in Russia are highlighted. It has been determined that the development of private initiative in the domestic economy is not least with the strengthening of trust and the formation of a favorable public climate for business development. The materials of the article are of practical value for managers of all levels and representatives of government bodies.

Key words: entrepreneurship, entrepreneurial success, social factor, sociological survey, correlation, social capital.

J24, L26, P42

1 **Golovchin Maxim Aleksandrovich** – Candidate of Sci. (Econ.), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VoIRC RAS). Vologda, Russia. Email: mag82@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7813-5170; Researcher ID: N-1706-2015; PИИЦ Author ID: 620285.

References

- Avdeyeva D. A. Doveriye v Rossii i yego svyaz' s urovnem ekonomicheskogo razvitiya [Trust in Russia and its connection with the level of economic development]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2019. No. 3. P. 79–93. DOI: [10.31857/S086904990005087-7](https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7) (in Russian).
- Baranova N. V. Sotsial'naya otvetstvennost' predprinimatel'stva v Rossii: voprosy terminologii, razvitiya, natsional'nykh osobennostey [Social responsibility of entrepreneurship in Russia: questions of terminology, development, national characteristics]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017. Volume 18. No. 9. P. 1479–1489. DOI: [10.18334/rp.18.9.37815](https://doi.org/10.18334/rp.18.9.37815) (in Russian).
- Borisova Ye. M., Loginova G. P., Mdivani M. O. Diagnostika upravlencheskikh sposobnostey [Diagnostics of managerial abilities]. *Voprosy Psichologii*. 1997. No. 2. P. 112–121 (in Russian).
- Vereykina S. N. O kriteriyakh uspekhnosti, uspeshnoy sotsializatsii i kibersotsializatsii lichnosti [On the criteria of success, successful socialization and cyber socialization of a person]. *Prepodavatel XXI vek*. 2018. No. 1–1. P. 81–87 (in Russian).
- Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990. 805 p. ISBN 5-01-001584-6 (in Russian).
- Woodcock M., Francis D. *Raskrepostchennyy menedzher* [A liberated manager]. Moscow: Delo Publ., 1991. 320 p. ISBN: 5-85900-001-4 (in Russian).
- Gadzhieva S. N., Khanova Z. G. Lichnost' i deyatel'nost' predprinimatelya v predmetnom pole psikhologicheskikh issledovaniy [Personality and activity of an entrepreneur in the subject field of psychological research]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of education]. 2011. No. 3. P. 39–46 (in Russian).
- Gritsk M. A., Polivayeva O. G. Osnovnyye tendentsii i rezul'taty kommersializatsii sotsial'noy sfery (na primere zdavookhraneniya) [The main trends and results of the commercialization of the social sphere (for example, healthcare)]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. 2017. No. 3 (80). P. 54–62 (in Russian).
- Deyeva Ye. V. Sotsial'naya uspekhnost' kak faktor professional'nogo stanovleniya molodezhi [Social success as a factor in the professional development of youth]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*. 2013. No. 6 (052). P. 205–209 (in Russian).
- Dorzhieva E. L. Etika i doveriye kak instrumenty minimizatsii transaktsionnykh izderzhek v innovatsionnoy deyatel'nosti [Ethics and trust as tools to minimize transaction costs in innovative activities]. *Ekonomika i ekologicheskyy menedzhment = Economics and Environmental Management*. 2016. No. 2. P. 61–64. DOI [10.17586/2310-1172-2016-9-2-61-64](https://doi.org/10.17586/2310-1172-2016-9-2-61-64) (in Russian).
- Yefremova O. I. Sotsial'no-filosofskiy analiz fenomena uspekha [Socio-philosophical analysis of the phenomenon of success]. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki = University news. North-Caucasian region. Social sciences series*. 2004. No. 4. P. 13–17 (in Russian).

Zhemchuzhnikova Yu. G. Psikhologicheskiy portret predprinimatel'ya [Psychological portrait of an entrepreneur]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2001. Volume 2. No. 3. P. 58–62 (in Russian).

Kiseleva I. A., Simonovich N. Ye. Otsenka riskov v biznese: predprinimatel'skiye riski [Risk assessment in business: entrepreneurial risks]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2017. No. 3 (333). P. 244–257. DOI: [10.24891/fa.10.3.244](https://doi.org/10.24891/fa.10.3.244) (in Russian).

Coleman J. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost = Social Sciences and Contemporary World*. 2001. No. 3. P. 121–139 (in Russian).

Krasil'nikov I. A. Deformatsiya lichnosti: emotsii kak smyslovoye proyavleniye vnutrennikh konfliktov [Deformation of personality: emotions as a semantic manifestation of internal conflicts]. *Psikhologicheskiye problemy smysla zhizni i akme* [Psychological problems of the meaning of life and acme]. Moscow: PI RAO Publ., 2009. P. 41–43 (in Russian).

Kurbatova M. V., Levin S. N., Kagan Ye. S. Struktura sotsial'nogo kapitala predprinimateley v ikh vzaimodeystvii s regional'noy vlast'yu [Structure of social capital of entrepreneurs in their interaction with regional authorities]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2013. No. 4. P. 108–126 (in Russian).

Kukharchuk D. V. KSO kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti rossiyskogo biznesa [CSR as a tool to increase the competitiveness of Russian business]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiiy vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2015. No. 7. P. 72–80 (in Russian).

McConnell K. R., Bru S. L. *Ekonomiks* [Economics]. Moscow: INFRA-M Publ., 2003. 983 p. (in Russian).

Radayev V. V. Proshchay, sovetskiy prostoy chelovek! [Farewell to the Soviet common man!]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost = Social Sciences and Contemporary World*. 2018. No. 3. P. 51–65. DOI: [10.7868/S0869049918030048](https://doi.org/10.7868/S0869049918030048) (in Russian).

Radayev V. V. Rynok kak perepleteniye sotsial'nykh setey [Market as an interweaving of social networks]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*. 2008. T. 6. No. 2. P. 47–54 (in Russian).

Rodionova Ye. A. Sub'yektnyy podkhod k opredeleniyu professional'noy uspekhnosti [Subject approach to the definition of professional success]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye i psikhologicheskiye problemy upravleniya* [Socio-economic and psychological problems of management]. Part 1. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., 2013. P. 295–308. ISBN 978-5-94051-131-3 (in Russian).

Teplinskikh M. V. Kontseptual'nyye podkhody k probleme opredeleniya uspekhnosti professional'noy deyatel'nosti spetsialistov sotsial'noy sfery [Conceptual approaches to the problem of determining the success of professional activities of specialists in the social sphere]. *Sibirskiy psikhologicheskiiy zhurnal = Siberian Journal of Psychology*. 2007. No. 25. P. 92–97 (in Russian).

Khizrich R., Peters M. Predprinimatel'stvo ili kak zavesti sobstvennoye delo i dobit'sya uspekha [Entrepreneurship or how to start your own business and succeed]. Moscow: Progress-Univers Publ., 1991. 160 p. ISBN 5-01-003304-6 (in Russian).

Khusnutdinov R. R. Issledovaniye psikhologicheskikh faktorov uspekhnosti predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Study of the psychological factors of entrepreneurial success]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. N. Nekrasova. Seriya Psikhologicheskiye nauki "Akmeologiya obrazovaniya"* [Bulletin of the Kostroma State University. Series Psychological Sciences "Acmeology of Education"]. 2007. No 1. P. 84–89 (in Russian).

Shastiko A. Ye. et al. *Posledstviya slaboy konkurentsii: kolichestvennyye otsenki i vyvody dlya politiki* [Consequences of weak competition: quantitative assessments and conclusions for politics]. Moscow: Delo Publ., 2013. 120 s. ISBN 978-5-7749-0841-7 (in Russian).

Schwalbe B., Schwalbe H. Lichnost', kar'yera, uspekha: Psikhologiya biznesa [Personality, career, success: Business Psychology]. Moscow: Progress Publ., 1993. 239 p. ISBN 5-01-004054-9 (in Russian).

Schumpeter J. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Issledovaniye predprinimatel'skoy pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury [Theory of Economic Development. A study of entrepreneurial profit, capital, credit, interest and the business cycle]. Moscow: Progress Publ., 1982. 563 p. (in Russian).

Etzioni A. Ot imperii k soobshchestvu: novyy podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam [From Empire to the Community: A New Approach to International Relations]. Moscow: Ladomir Publ., 2004. 338 p. ISBN: 5-86218-460-0 (in Russian).

Fukuyama F. *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Free, 1996. 480 p.

McClelland D. C. *The Achieving Society*. Princeton, NJ: Van Nostrand. 1961. 512 p. DOI: [10.1037/14359-000](https://doi.org/10.1037/14359-000)

ПРОЦЕССЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Музыкант В. Л., Панков В. В. Социальные трансформации в Кыргызской Республике на современном этапе и реакция СМИ на их динамику // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 157–161. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.19

Дата поступления 25.12.2019 г.

УДК 316.776.34

Валерий Музыкант¹, Виталий Панков²

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И РЕАКЦИЯ СМИ НА ИХ ДИНАМИКУ

Аннотация. В статье рассматриваются системообразующие факторы социальной трансформации политического пространства Кыргызстана в период вхождения в ЕАЭС и реакция на происходящие события по материалам СМИ.

Основное внимание уделяется расширению количества социальных страт, имеющих тенденцию к элементам маргинализации, делается попытка систематизировать видение отечественного социального поля, рационализировать видение маргиналов, дистанцируя последних от государства и цивилизационно-образующих категорий населения, выявить механизмы стимуляции маргинальных слоев и предложить методики их купирования.

Ключевые слова: социальные трансформации, СМИ, Кыргызстан в ЕАЭС, маргинализация.

1 Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН). Россия, Москва. Email: vmouzyka@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9422-351X; РИНЦ AuthorID: 389187.

2 Панков Виталий Вячеславович — кандидат педагогических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский Университет. Бишкек, Кыргызская Республика.

Введение

Актуальность: сегодняшний Кыргызстан буквально сотрясается регулярно возникающими в политической и экономической сфере коллапсами. Их волны так быстро накатывают одна за другой, а ситуация и без того разбалансированная, регулярно трансформируется, что социум уже не успевает сколько-нибудь адекватно реагировать. Как следствие Сегодняшний Кыргызстан буквально сотрясается регулярно возникающими в политической и экономической сфере коллапсами. Их волны так быстро накатывают одна за другой, а ситуация и без того разбалансированная, регулярно трансформируется, что социум уже не успевает сколько-нибудь адекватно реагировать. Как следствие — принятие общественных решений, иницируемых как властью, так и гражданским сектором (представим себе, что последний не только реален, но и функционирует), направленных на минимизацию возникающей очередной проблемы. Совершенно очевидно, что подобная рецептура категорически не способна к стабилизации ситуации в целом. С одной стороны, тактика эпизодической реакции изначально противоречит сохранению стратегической линии развития уже потому, что процесс должен идти от стратегии, определяющей каждый шаг

к заранее намеченному результату. С другой — разово принимаемые решения направлены на минимизацию потерь в конкретной ситуации, что ведет как к противоречивости делаемых шагов, так и к их взаимному нивелированию. Возникает объективное ощущение наличия ряда факторов, которые протягивают принятие и, главное, реализацию намеченного.

Новизна: проведен анализ социо-политической обстановки в КР и информация СМИ как социальный маркер происходящих изменений.

Методы и принципы исследования

В данной работе используется методологические принципы научности и верифицируемости. В основу работы методы анализа источников, анализ СМИ, сравнительные методы, герменевтический метод, каузальный анализ. Проанализированы 8 новостных интернет-порталов, отобраны соответствующие статьи по интересующей тематике.

Дискуссия

Поиски подобных факторов в отечественной среде вывели нас на проблемы социального характера. Под позицией социального здесь следует понимать широчайший диапазон всех специфических определяющих персонифицированные параметры личности единицы (особенно

не хотелось бы идти на поводу спекулятивной толерантной традиции выделять как невзаимосвязанные ряды характеристик, откровенно игнорируя их негативные последствия в конкретных ситуациях; нельзя рассматривать этнокультуру в отрыве от ее исторической либо религиозной составляющей, социальные, личностные статусы в отрыве от характера и качества материального обеспечения и т. д., даже если некоторые аспекты плохо вписываются в логику демонстраций позитивных элементов освещаемого явления). Нам видится причина в наборе ярко выраженных условий, совокупность которых формирует так называемую структурную маргинальность.

Структурная маргинальность — социальные группы, которые потеряли свои права и возможность их реализации или находятся в несколько худших условиях, вследствие политического, экономического и социального неравенства [Попова, 1999].

В целях активизации процесса анализа избранной проблематики однозначно необходима некоторая точка отсчета, своего рода, эталонная версия, в качестве которой наиболее рациональной видится академическое видение структурной маргинальности.

Рассмотрение более подробно структурной маргинальности, основы исследования которой заложены европейской академической традицией.

Рассматривая структурную маргинальность, Галсанамжилова О. М. в своей статье характеризует ее следующим образом: «Структурная маргинальность характеризует две разные позиции индивида или социальной группы в социальной структуре общества. Это или промежуточная позиция между структурными элементами, или низкая в социальной иерархии, в связи с чем, обычно, различают маргинальность — переходность и маргинальность — периферийность».

Маргинальность, которая понимается как переходность (пре-маргинальность) — это состояние на грани, возникающее в процессе перехода индивида из одного социального статуса к другому. Это не просто переход, а состояние незавершенности этого перехода, пребывания на границе двух статусов

Маргинальность — периферийность характеризует пребывания в низкой позиции в социальной иерархии или за пределами (на границе) функционального центра полиструктурной системы социальных связей. Периферийная маргинальность предполагает потерю социальных

связей. Нисходящая социальная мобильность обрывает социальные группы «на краю» социальной структуры. Для таких элементов в социологии используют понятие: «нижний класс», «аутсайдеры», «деклассированные», «бездомные» [Галсанамжилова, 2006].

Оба типа для современного Кыргызстана более чем характерны. Объективно сложившиеся ситуативные реалии фактически поставили все общество «на» и «за» грань маргинализации. С одной стороны, массовая миграция населения, фактически, стимулируемая правительственными структурами (достаточно вспомнить широко освещаемую в СМИ ситуацию с переселением в КР семей этнических кыргызов, ранее проживавших на Памире) в ходе которой люди оказываются не в состоянии интегрироваться во вновь избранную среду, причем, отсутствие возможностей к интеграции диктуется целым набором, как объективных (профессиональная подготовка, привычка к производительной деятельности, трудовая дисциплина, необходимый уровень бытовой культуры, уровень образования и т. д.), так и субъективных (стремление к навязыванию своих региональных традиций как этноориентированных, отказ от принятия предлагаемых ценностей, активный поиск культурных анклавов, и в свете недостижения элементарного уровня, базового, для принимающей стороны, культурная замкнутость, консервация доступных духовных ценностей и ориентир на утверждение, якобы имеющих место исторических моделей поведения и систем ценностей). Проще говоря, попытка утвердить «свой устав в чужом монастыре» на том основании, что монастырь утверждающему, в общем-то, и несвойственен.

Экономический коллапс, произошедший в Центральной Азии после распада СССР привел к реальному снижению статуса всех социальных групп, фактически, обратному массовому социальному лифтингу. Ситуация камуфлируется именно массовостью — большинство функционирующих социальных групп относительно друг друга сохранили ступени стратификации, и в самооценке персональной не готовы видеть проблему, т. е. не готовы эту проблему локализовать и решать, что, соответственно, саму проблему усиливает, изначально купируя инициативу. Поскольку на «социальное дно» равномерно «сползают» все, значит, «не мы такие, а жизнь такая».

В этом и причина — тотальное обнищание страны не вызывает к жизни общественные иници-

циативы исправлять причины, общество стремится преодолеть тактические трудности, не имея стратегии. Как следствие, решение сиюминутных задач осуществляется за счет стратегических ресурсов, значимость которых большинству не ясна («нет стратегии, зачем стратегический ресурс?»).

Параллельно идет процесс активного поиска более респектабельного статуса, чрезвычайно хаотичный. Терять большинству, фактически, нечего, мы уже либо «разбазарили» стартовые ценности, либо сами нигилистически отторгли у собственных достижений статус ценности, а как известно, это сомнительный, но действенный стимулятор, уже зарекомендовавший себя в истории.

Авторы в своей статье подчеркивают, что: «Процесс маргинализации сопровождается потерей личностью идентификации с определенной социальной группой и изменением социально-психологических ориентаций». Это предопределяет социальные перемещения определенной части индивидов. Однако «вхождение» в новую социальную группу происходит не мгновенно, иногда — это долговременный процесс. У индивида формируется субобъективная самооценка собственных возможностей в зависимости от самооценки ситуации; определяется стратегией поведения.

Первая группа — консервативная. Члены этой группы ориентируются на сохранение собственного социального статуса, в частности, профессионального.

Вторая группа — ориентированные вниз Индивиды готовы к понижению статуса, к выполнению менее квалифицированного труда. Такая потенциальная маргинальность отмечается минусовым значением.

Третья группа — прогрессивная Индивиды ориентированы на позитивные изменения, на повышение социального статуса. Они выбирают новую профессию, более квалифицированную и высокооплачиваемую. Это — потенциальная маргинальность с положительным значением.

Каждой группе соответствует своя стратегия поведения. Первой — стратегия стабилизации, а второй и третьей — противоположно направленные стратегии.

В маргинальности различают естественную, связанную со спонтанной социальной мобильностью. Она присуща всем обществам и, как правило, ограничено, не затрагивая основы существующей стратификационной системы. В отличие от нее, присвоенная маргинальность имеет принудительный характер и сопровождается снижением

социального статуса целых социальных групп и слоев, вызывает значительные разрушения традиционных социальных сообществ, дезинтеграционные процессы в социальной структуре превращают общество в аморфную массу» [Голенкова, Игитханян, Казаринова, 1996].

Результаты

Нетрудно заметить, что различные типы активно стимулируют друг друга. Так, ситуация в Кыргызстане при всех ее минусах (речь идет, не будем забывать, о падении) достаточно стабильная, многолетняя, динамика привычная для населения, настолько, что уже и в СМИ смещаются акценты в оценке подаваемых событий. Информирова население о сколько-нибудь социальном ориентированном событии, газеты и интернет-ресурсы, фактически, стимулируют маргинальную оценочную позицию, освещаемого материала со стороны потребителя. О каком бы примере не шла речь, внимание читателя концентрируется на несущественных, но ярких эпизодах, тогда как суть проблемы почти всегда остается за кадром¹.

Такой тип можно определить как экстремальный, когда индивиды или группы лишаются своих традиционных социальных позиций, вызвано войной, революцией, структурными сдвигами в экономике и т. п.

В зависимости от объекта маргинализации различают: этномаргинальность, что возникает вследствие миграций в чужую этническую среду; социомаргинальность связанную с незавершенностью перемещения социальных групп; экономическую маргинальность, вызванную потерей работы и бывшего материального благополучия; политическую и т. д. [Попова, 1999].

Подводя итог вышесказанному можно с уверенностью утверждать невозможность сохранения существующих тенденций, какими бы патристическими лозунгами они не прикрывались, и

1 Милиционер проигнорировал вызов // KaktusMedia, 24 августа 2018. URL: https://kaktus.media/doc/378839_milicioner_proignoriroval_vyzov_myjchina_zarezal_jeny_na_glazah_docheri.html (дата обращения 24.11.2019); Три года работы депутатов Жогорку Кенеша VI созыва // KaktusMedia, 25 августа 2018. URL: https://kaktus.media/doc/378843_tri_goda_raboty_depytatov_jogorky_kenesha_v_sozyva_chno_oni_obeshali_i_chno_yspeli_vypolnit.html (дата обращения 24.11.2019); Сотрудник ГУВД Бишкека изнасиловал школьницу // KaktusMedia, 24 августа 2018. URL: https://kaktus.media/doc/378827_sotrydnik_gyvd_iznasiloval_shkolnicy_on_do_sih_por_chislitsia_v_organah.html (дата обращения 24.11.2019); В микрорайоне Тунгуч жгут сухую траву // KaktusMedia, 26 августа 2018. URL: https://kaktus.media/doc/378870_v_mikrorayone_tyngych_jgyt_syhyu_travy_oni_ved_znaut_chno_eto_opasno.html (дата обращения 24.11.2019).

формирование реального положительного лифтинга в генезисе социальной стратификации КР.

Выводы

Рассмотрев некоторое из факторов маргинализации в КР, мы пришли к выводу о необходимости преодоления сложностей, ментальности общества и возникающих как негативное, но достаточно закономерная маргинализация социальных групп КР, являющаяся следствием суммирования 4 факторов:

В условиях конкурентирования с более адаптированными к рыночным отношениям, культурами, отечественная ментальность во многом идет по пути консервации этнотрадиций, однако, в силу архаичности последних, реализация тенденций эпизодична, и ведет к самоконсервации, далеко не способствуя интеграционной динамике.

Преодоление культурных отрывов невозможно без широкого освещения, в том числе, в СМИ, элементов традиционных моделей, не соответствующих требованиям интеграции в качестве негативных вообще, либо архаичных по сути.

Распад СССР и последовавшие за ним экономические процессы резко стимулировали фактическую маргинализацию общества, а сегодняшние действия государственной системы не толь-

ко не купируют причины маргинализации, но и в ряде случаев ее провоцируют.

Сохранение элементов номадических культур в качестве сенарных моделей поведения способствуют процессам маргинализации и фактически, ведут к действиям, противоречащим практике государственного строительства — принятие общественных решений, инициируемых как властью, так и гражданским сектором (представим себе, что последний не только реален, но и функционирует), направленных на минимизацию возникающей очередной проблемы. Совершенно очевидно, что подобная рецептура категорически не способна к стабилизации ситуации в целом. С одной стороны, тактика эпизодической реакции изначально противоречит сохранению стратегической линии развития уже потому, что процесс должен идти от стратегии, предопределяющей каждый шаг к заранее намеченному результату. С другой — разово принимаемые решения направлены на минимизацию потерь в конкретной ситуации, что ведет как к противоречивости делаемых шагов, так и к их взаимному нивелированию. Возникает объективное ощущение наличия ряда факторов, которые протягивают принятие и, главное, реализацию намеченного.

Список источников

Галсанамжилова О. Н. К вопросу о структурной маргинальности в российском обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006, № 4. С. 160–169.

Голенкова С. Т., Игитханян Е. Д., Казаринова И. В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социс. 1996, № 8. С. 12–17.

Попова И. П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социологические исследования. 1999, № 7. С. 62–71.

HUMANIZATION PROCESSES OF SOCIETY: SOCIOLOGICAL ASPECTS

Valeriy Muzykant¹, Vitaly Pankov²

SOCIAL FACTORS OF ENTREPRENEURIAL SUCCESS: ACCORDING TO A SURVEY OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT

Abstract. The article considers the system-forming factors of the social transformation of the political space of Kyrgyzstan during the period of entering the EAEU and the reaction to the events taking place on the basis of the mass media. The main attention is paid to the expansion of the number of social strata that tend to elements of marginalization, an attempt is made to systematize the vision of the domestic social field, rationalize the vision of marginals, distance the latter from the state and civilizational-forming categories of the population, identify mechanisms for stimulation of marginal layers and propose methods for their reduction.

Key words: social transformations, mass media, Kyrgyzstan in the EAEU, marginalization.

J24, L26, P42

1 **Muzykant Valeriy Leonidovich** – Dr. Sci. (Sociology), Professor. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia. E-mail: vmouzyka@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9422-351X; **ПНН** AuthorID: 389187.

2 **Pankov Vitaly Vyacheslavovich** – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate professor, Leading Researcher. Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyz Republic.

References

Galsanamzhilova O. N. K voprosu o strukturnoy marginal'nost' v rossiyskom obshchestve [On the issue of structural marginality in Russian society]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology) (JSSA). 2006, No. 4. P. 160–169 (in Russian).

Golenkova S. T., Igitkhanyan Ye. D., Kazarinova I. V. Marginal'nyy sloz: fenomen sotsial'noy samoidentifikatsii [Marginal layer: the phenomenon of social self-identification]. *Socis*. 1996, No. 8. P. 12–17 (in Russian).

Popova I. P. Novyye marginal'nyye gruppy v rossiyskom obshchestve (teoreticheskiye aspekty issledovaniya) [New marginal groups in Russian society (theoretical aspects of research)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 1999, No. 7. P. 62–71 (in Russian).

ПРОЦЕССЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Рагозина Т. Э. Труд и ритуал: ритуал как превращённая форма объективной целесообразности труда // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 162–172.
DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.20

Дата поступления 04.11.2019 г.

УДК 130.2

Татьяна Рагозина¹

ТРУД И РИТУАЛ: РИТУАЛ КАК ПРЕВРАЩЁННАЯ ФОРМА ОБЪЕКТИВНОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена проблеме происхождения ритуала как формы культуры. В связи с этим предметом анализа оказывается процесс становления объективно-целесообразной формы труда, которая является всеобщей исходной основой и источником возникновения форм социальности и форм культуры. На примере модели загонной охоты осуществляется реконструкция становления формы объективной целесообразности труда, которая образует внутреннюю подвижную структуру труда, функционирующую в качестве способа совместной деятельности. Анализ особой функции труда — функции повторения и сохранения порядка действий, ведущего к нужному результату, носителем которой выступает способ совместной деятельности, позволяет увидеть в ней ритуал как имманентный процессу труда механизм его воспроизводства. Метаморфоз этой исходной формы ритуала проходит ряд ступеней, в результате чего ритуал из особой функции труда превращается в наличную форму культуры — в ритуал как знаково-символическую деятельность.

Ключевые слова: труд и ритуал, объективная целесообразность, социальный метаболизм, текущая структура, метаморфоз ритуала.

¹ Рагозина Татьяна Эдуардовна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии. Донецкий национальный технический университет (ДонТУ), Донецк, Донецкая Народная Республика. E-mail: tatyana.ragozina@list.ru.

I. О методологических основаниях решения проблемы начала истории, общества и культуры: труд как органическая система

Как верно заметил однажды М. К. Петров, «древность предмета <...> изучения никак не гарантирует от появления новых проблем. В изменившихся конкретно-исторических условиях любой, казалось бы, вдоль и поперёк изученный, расписанный по учебникам, школьным и университетским программам, остывший и потухший предмет может оказаться действующим вулканом, который требует к себе внимания с какой-то совсем новой и неожиданной стороны. Обычно это как раз та сторона, что до поры до времени была прикрыта постулатами, абсолютами, началами, которые принимают как самоочевидные и не требующие доказательств и исследований. Роль меняющихся конкретно-исторических условий состоит, как правило, в том, что они формируют новые точки зрения и соответственно новые проекции на предмет, позволяющие увидеть нечто за ширмой самоочевидности» [Петров, 1991., с. 21].

Во второй половине прошлого века эта новая

и неожиданная проекция на старый философский предмет была отнесена М. К. Петровым к феномену культуры, получив ёмкое и лаконичное выражение в сформулированном им положении: «Сегодня нас всех волнует культура. Причём культура не как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством по ходу общественно-исторического развития, а скорее как самая широкая постановка вопроса о способе социальной жизни, куда на правах частных <...> входили бы проблемы мировоззрения, форм общественного сознания... и т. п.» [Петров, 1992, с. 6]. Бесспорно, эти слова, сказанные М. К. Петровым, сохраняют свою актуальность и сегодня.

По мнению автора, чтобы быть «самой широкой» постановкой вопроса о культуре как способе социальной жизни, сам этот вопрос должен быть, в свою очередь, поставлен на ту единственную, по-настоящему предельно широкую почву (основание), представленную объективным субъектом исторического развития, которому с необходимостью атрибутов принадлежат как сама социальная жизнь (общество), так и культура как способ существования этой жизни².

² Здесь поэтому нельзя ограничиваться духовной сферой, проблемами

Речь идёт о труде. Именно труд является тем вдоль и поперёк изученным предметом философской рефлексии, который на самом деле оказывается скрытым «вулканом», способным снова революционизировать сложившуюся систему понимания вещей. Именно он, рассматриваемый марксистской традицией в качестве всеобщей основы истории, общества и культуры, есть тот самый «остывший и потухший предмет», покинутый суетным философским мышлением наших дней, который на самом деле был и остаётся единственным «действующим вулканом» — действительным источником, деятельной субстанцией-субъектом истории, общества и культуры. Несмотря на прихоти философской моды, он по-прежнему требует к себе внимания хотя бы уже потому, что без него никак не удаётся понять и изобразить общественную историю людей как единый, закономерный, естественноисторический процесс.

Какая же «неожиданная сторона» труда, будучи до поры до времени прикрыта постулатами, должна теперь стать непосредственным предметом исследования, заслуживающим самого пристального внимания со стороны философского мышления, без анализа которой не представляется возможным ни решение проблемы происхождения форм культуры в целом, ни решение проблемы происхождения и сущности ритуала в частности.

Если попытаться кратко выразить суть нового подхода и новой проекции на старый предмет, то общие контуры этого предмета можно будет очертить примерно следующим образом: труд как органическая система — вот тот новый ракурс, на основе которого только и возможна теоретическая реконструкция труда как саморазвивающейся социальной системы. Такой подход неизбежно выдвигает вопрос о проблеме начала самой этой системы, конкретизируя его следующим образом: какая именно из форм труда является всеобщей (зародышевой) формой его существования, выступая в силу этого исходным отношением системы? С чего начинается труд как общественная система? Соответственно, с анализа какой формы труда должна начинаться теория?

Этот новый взгляд на труд предполагает преодоление массового стереотипа, связанного с представлением о том, что таким началом является орудийная деятельность человека. Представление о «труде вообще» как целесообразной деятельности, производящей вещи (орудия тру-

да), в принципе не позволяет изобразить труд в качестве исторически развивающейся системы связей и отношений потому, что эти связи и отношения изначально отсутствуют в категориальной структуре «цель — средство — результат», описывающей механизм индивидуальной деятельности³.

Философский анализ труда потому не может сводиться к указанной плоскости, что орудийная деятельность, взятая на заре человеческой истории, есть (а) форма индивидуальной, а вовсе не форма коллективной деятельности (не форма общественного производства), которая к тому же (б) уже предполагает наличие готового человека с готовым сознанием в виде цели и осознанного способа действий, что свидетельствует о том, что (в) эта форма труда сама носит уже производный и обусловленный, а отнюдь не субстанциальный характер.

Закономерности развития зрелой фазы труда, открытые Марксом в середине XIX века, дают ключ к пониманию проблемы начала истории, согласно которому не всякий труд, не «труд вообще», взятый в качестве орудийной деятельности и представляющий собой процесс производства вещей, способен быть объяснительным принципом развития общества, а только такой труд, который выступает как процесс производства форм общественных связей и отношений. Соответственно, решение проблемы начала истории общества и культуры не может сводиться к анализу орудийной деятельности индивида потому, что это — разные формы труда, производящие разные продукты и, следовательно, получающие своё завершение в разных результатах: труд как способ совместной деятельности индивидов есть процесс, производящий общество (саму форму связи); труд же как орудийная деятельность индивида есть процесс, производящий вещи.

Научный анализ проблемы начала человеческой истории и культуры возможен только при условии рассмотрения труда со стороны его социальной формы, а не как изготовление орудий труда путём воздействия одного чувственного предмета на другой. Кстати, Маркс в «Капитале» подобного рода взгляды подвергает уничтожающей критике, иронизируя по поводу теории «первой палки» [Маркс, 960, с. 195].

Это означает, что непосредственным предметом анализа может и должен быть труд как некий социальный метаболизм, совершающийся в рам-

мировоззрения, образования, форм общественного сознания... и т. п., как полагал Петров.

3 По этому вопросу читателю можно рекомендовать статью автора. См.: [Рагозина, 2018а, с. 48–56.]

ках совместной деятельности многих индивидов, направленной на достижение общего результата, и потому протекающий в форме обмена деятельностью, в ходе которого впервые возникают специфические узы общественной связи и зависимости индивидов друг от друга.

II. Труд как социальный метаболизм: становление формы целесообразности

На заре человеческой истории из всех известных видов деятельности становящегося человека, свойственных этому периоду (охота, собирательство, рыболовство), такой формой труда обладала только загонная охота, которая, будучи по своему содержанию и внутренней структуре сложносоставным, единым целостным процессом, внутри себя многообразно расчленённым на обособленные и относительно самостоятельные, но при этом взаимосвязанные друг с другом и с конечным результатом акты действий, одновременно осуществляемые многими индивидами, по самой своей сути действительно представляла собой некий социальный метаболизм в виде взаимного обмена деятельностью, непосредственным результатом которого в каждый данный момент (помимо собственно охотничьей добычи) оказывались определённые формы связи и зависимости индивидов друг от друга и от их совместно осуществляемой деятельности (вместе образующие то, что принято называть обществом).

Реконструкция модели загонной охоты убедительно демонстрирует, что всеобщая форма целесообразности возникла и сложилась как имманентно присущая труду его внутренняя организация — способ его оптимального членения, который формировался стихийно благодаря наличию столь же стихийно складывавшейся всякий раз объективной ситуации в виде динамично менявшейся системы внешних факторов, определявшей всё течение охоты и её общий исход. Это означает, что целесообразность как таковая (как всеобщая форма трудовой деятельности древнего коллектива людей) формировалась и первоначально возникла в процессе загонной охоты вовсе не как чья-то субъективно осознанная и кем-то заданная цель, а, напротив, как некая целесообразность без цели, то есть, как стихийно складывавшийся способ совместных действий индивидов, направленный на достижение нужного всем общего результата.

Будучи таким стихийно возникшим способом совместных действий, сформировавшимся на основе столь же стихийно сложившегося разделения труда внутри охотничьего коллектива в

виде закрепления за определёнными группами участников охоты вполне конкретных действий и манипуляций — этот способ действий как таковой по понятным причинам не был и не мог быть реализацией чьих бы то ни было индивидуальных планов и намерений, то есть, не был и не мог быть следствием осуществления чьих-то сознательно поставленных целей, а складывался исключительно под воздействием, с одной стороны, диктата потребности и, с другой, под воздействием динамично меняющейся во время охоты ситуации, всякий раз включавшей в себя набор не только известных и в этом смысле постоянных факторов, но и определённое количество переменных факторов¹, всей совокупностью которых как самонаводящейся целью в итоге и коррелировался, технологически отшлифовываясь от раза к разу, совместный способ действий людей, явившийся исторически первой системой разделения труда, которая первоначально существовала в виде внутреннего членения труда.

И именно потому, что данный способ совместных действий индивидов первоначально складывался под воздействием этих чисто природных внешних факторов абсолютно стихийно (не будучи осознанным каждым в отдельности из участников загонной охоты), именно поэтому он с необходимостью имел форму не чьей-то субъективной целесообразности, а исключительно форму объективной целесообразности, которая совпадала с формой внутреннего членения труда и которая в силу этого обстоятельства была локализована вовсе не в мозгу отдельно взятых индивидов и вообще не в пределах их телесной организации, а вне пределов их телесности, функционируя и закрепляясь в качестве внешнего по отношению к каждому отдельно взятому индивиду механизма совместных действий, продиктованного требованием эффективности осуществления труда.

Поэтому как таковая, форма целесообразности, возникнув в качестве внешнего (по отношению к телесной организации индивидов) механизма действий, осуществляемого многими индивидами и функционирующего вне телесного пространства каждого из них, а именно, в пространстве их коллективной деятельности,

¹ В частности, это могло быть связано с тем, на какого именно зверя в каждом отдельном случае велась охота, например, на пещерного медведя или на мамонта; была ли особь взрослым и крупным животным или молодым и средних размеров; была ли особь здоровым и сильным животным или больным и неспособным на активное сопротивление экземпляром, которого достаточно было умелыми действиями отсечь от общего стада, чтобы обеспечить успешный исход всей остальной охоты.

которое с этого момента перестаёт быть чисто физическим (природным) пространством, становясь пространством социальным, пространством культуры, эта форма целесообразности труда есть исторически первая разумная форма его социальной организации, образующая собой столь же разумную форму социальной связи и зависимости индивидов друг от друга и от совместно выполняемой деятельности.

Таким образом, анализ модели загонной охоты позволяет установить, что форма объективной целесообразности, принадлежащая общей совокупной деятельности коллектива людей, и была той простейшей исходной формой социальной, теми надбиологическими узлами, которые связывали формирующихся людей в социальный организм. Эта же простая форма целесообразности и стала исторически первой разумной формой, выступившей в качестве социальной основы будущего индивидуального сознания: действия всех участников загонной охоты, являясь фрагментами общей формы объективной целесообразности, будучи тысячекратно повторены и отработаны в качестве таковых, со временем становятся действиями, предпринимаемыми ими уже вполне намеренно и специально, а вовсе не стихийно и спонтанно, как это было вначале, приобретая индивидуально осознанный характер исполнения каждым участником того или иного конкретного действия — характер субъективной целесообразности.

Совместный труд, развивающийся по логике органической системы, превращал вовлеченных в него индивидов в свои органы, побуждая их, вдобавок к данным им природой органам, создавать искусственные органы — орудия труда, которые были необходимы им для выполнения трудовых операций, входящих в состав совместно осуществляемой деятельности. Это означает, что труд как индивидуальная орудийная деятельность является формой, производной от труда как коллективного обмена деятельностью и сложившегося в ходе его функционирования совместного способа действий индивидов.

III. Ритуал как особая функция труда

В частности, совместный способ действий, чья подвижная текучая структура сложилась совершенно стихийно и бессознательно в виде простой формы целесообразности труда, обретая характер социального метаболизма (характер устойчиво воспроизводящегося отношения обмена и распределения деятельности между участниками охоты), начинает функционировать как стабиль-

но действующий механизм закрепления и сохранения этой целесообразной формы связи индивидов друг с другом, выступая благодаря этому как особая функция труда — как ритуал.

Ритуал как особая функция труда — функция повторения и сохранения порядка / последовательности действий, ведущего к нужному результату, а также функция воспроизводства и закрепления формы социальной связи индивидов друг с другом есть имманентный процессу труда механизм его воспроизводства, а, следовательно, и механизм воспроизводства общественной жизни в целом, словом, одно из необходимых условий преемственного существования древнего коллектива людей.

Как видим, в своих действительных истоках ритуал, когда-то значительно раньше, чем он обрёл форму самостоятельного бытия, став исторически первой знаково-символической формой культуры, был необходимым внутренним моментом процесса труда, обеспечивающим воспроизводство жизни людей, то есть, был ни чем иным, как особой функцией труда, а вовсе не некоей самодовлеющей «символической ценностью, стоящей над реальностью быта» [Глебкин, 2007], как в этом заверяет нас В. В. Глебкин.

Именно потому, что ритуал есть особая функция труда — функция повторения и воспроизводства порядка/последовательности действий, ведущих к нужному результату и потому обладающих, с одной стороны, устойчивостью и стабильностью совместного способа действий, с другой, свойством изменчивости, присущим подвижной текучей структуре труда, именно поэтому ритуал ни в коем случае не есть также ни шаблон, ни стереотип, как полагал К. Лоренц [Лоренц, 1998] и многочисленная армия его сторонников. И наоборот: ровно по этой же причине повадки и шаблоны поведения, свойственные стадным животным, ни в коем случае не могут быть квалифицированы как ритуал.

Трудовое происхождение ритуала как формы культуры опровергает этот ставший расхожим (благодаря концепции К. Лоренца) предрассудок, показывая, что носителем кода ритуала выступает текучая структура труда, форма его целесообразности; что сущность ритуала состоит, следовательно, в том, что он является такой наличной формой культуры, которая, во-первых, производна от формы целесообразности труда и, во-вторых, способна представлять и воспроизводить её особым — знаково-символическим способом. Кроме того, ритуал в качестве наличной формы

культуры, как деятельность знаково-символическая, обладает, в отличие от шаблонов и стереотипов поведения высших животных, самостоятельным бытием по отношению к процессу труда как материальной, чувственно-предметной деятельности, существуя наряду с ним и параллельно с ним как его идеальная структура¹.

И, наконец, ритуал как знаково-символическая форма человеческой деятельности обладает самостоятельным пространственно-временным бытием также и по отношению к совершающим его индивидам, выступая в полном смысле слова как внешняя и вполне объективная по отношению к их сознанию и их телесной организации деятельность, которая к тому же может осуществляться независимо от каждого из них, взятого в отдельности.

Что же касается шаблонов поведения стадных животных, то их носителем выступает генетический код, закрепляющий эти шаблоны поведения в виде определённых динамических стереотипов высшей нервной деятельности, локализующихся в структурах мозга, а также морфо-функционально закреплённых в телесной организации животных.

Кроме того, ритуал, будучи внешней формой фиксации и сохранения способа совместных действий людей, является таким внешне функционирующим механизмом преемственного существования человеческого общества, для обозначения и фиксации сущности которого в современной литературе было специально выработано понятие культурной памяти. Линия культурной памяти — это ещё одна линия, призванная принципиально разграничить два мира: социальный и биологический².

Дело в том, что формы культурной памяти, выражая всеобщее — закон существования единичных социальных явлений, существуют не только в них как нечто имманентное лишь им и не более того (а именно так обстоят дела в сфере биологической жизни, где генетическая память не существует как внешняя по отношению к индивидуальным особям их видовая форма), но и вне их —

как особое тело культуры, функционирующее и развивающееся как особая реальность — «чувственно-сверхчувственная реальность идеальных форм», которая самим фактом своего существования свидетельствует, что привилегия удвоения своего бытия свойственна исключительно социальному миру людей, но не биологическому миру животных.

Возвращаясь к анализу ритуала как особой функции труда, нельзя не отметить, что она наилучшим образом выражает его, труда, всеобщую сущность, состоящую в том, что труд в качестве производства общественной жизни с самого начала выступает как некий социальный ритуал. Воспроизводство жизни путём производства необходимых для существования человеческих индивидов средств есть вечное необходимое условие их преемственного существования, собственно и превращающее производство средств существования в монотонно совершающийся ежедневный жизненный ритуал. Причём, и это принципиально важно, ритуалом его делает не только функция повторения, но и то обстоятельство, что труд есть связанная в стабильную форму воспроизводства действительной жизни деятельность людей.

Именно в этом смысле труд в целом есть некий социальный ритуал³. Однако то, что справедливо в отношении труда как процесса общественного производства, в ещё большей степени оказывается справедливым в отношении тех его функций и свойств, которыми труд обладает на уровне своей внутренней сущностной структуры.

Итак, труд, взятый в своей особой функции — как связанная в стабильную форму деятельность людей, как некий социальный метаболизм, как процесс обмена и распределения совместной деятельности в форме объективной целесообразности — есть ритуал.

IV. Метаморфоз ритуала: превращение функции в относительно самостоятельную форму деятельности

Как же происходит обособление и отделение этой особой функции труда от самого процесса труда как живой чувственно-предметной материальной деятельности? Если поставить этот вопрос в несколько иной редакции, то он получит предельно широкое звучание. Ввиду того, что носителем ритуала как особой функции труда выступает его текучая структура (идеальная форма труда), то проблема происхождения ритуала как

1 Это обстоятельство заключает в себе вполне конкретный ответ на вопрос Н. Гартмана о том, «обладает ли идеальное своим собственным способом бытия», вопрос, резюмирующий многовековую философскую традицию толкования природы идеального, сформулированный Н. Гартманом в бескомпромиссной форме, на что указывает один из ведущих его исследователей — Я. А. Слинин [Слинин, 2003, с. 44–49].

2 Эту особенность культурной памяти автор раскрывает в статье. См.: [Рагозина, 2017].

3 Выражение *социальный ритуал* читатель может найти в работе М. К. Петрова «Самосознание и научное творчество» [Петров, 1992].

самостоятельной формы культуры оборачивается старой-престарой, исконно философской проблемой происхождения идеальных форм, хоть и звучит она сегодня достаточно прозаично: каким образом труд обнаруживает свою двойственную природу; каким образом идеальная форма труда (его текучая структура) получает свою собственную, отличную от его натуральной, форму бытия?

Дело в том, что постоянно осуществляемая функция рано или поздно создаёт для себя форму своего внешнего обнаружения, форму своего наличного бытия, получающую обособленное существование. Превращение функции в форму — это всеобщий, необходимый и потому закономерный момент всякого процесса развития. Эта закономерность развития, свойственная обществу как саморазвивающейся органической системе, была детально исследована К. Марксом и неоднократно продемонстрирована им в «Капитале».

Так, в главе «Деньги, или обращение товаров» Маркс, рассматривая метаморфоз товаров и отслеживая в нём функцию денег как средства обращения, характеризует саму эту функцию как «...постоянное монотонное повторение одного и того же процесса» [Маркс, 1960, с. 125], благодаря чему в итоге происходит превращение этой функции в самостоятельно бытийствующую форму: «Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма» [там же, с. 135].

Маркс при этом показывает, что и то, и другое, и деньги в своей функции быть средством обращения, и деньги как монетная форма, получившая обособленное, отдельное от товара существование — возникли из функциональных свойств меновой стоимости товара, или, ещё проще, из стоимостных свойств товара. «Свойство товара быть стоимостью не только может, но и должно, — говорит К. Маркс, — вместе с тем приобрести существование, отличное от его натурального существования» [Маркс, 1980, с. 85].

Это, в частности, только и служит рациональным основанием объяснения, которое даёт Маркс в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» тому удивительному факту, что «...все те свойства, которые перечисляются как особые свойства денег, суть свойства товара как меновой стоимости ...» [там же, с. 86], суть обретшие внешнюю форму функции товара как меновой стоимости.

Так, если теперь мы снова обратимся к метаморфозу труда, то увидим, что и свойство труда быть формой целесообразности «...не только может, но и должно вместе с тем приобрести

существование, отличное от его натурального существования»; что из функции простой формы целесообразности быть идеальной текучей структурой совместного способа действий с неизбежностью возникает её ритуальная форма; что всеми своими свойствами ритуал как наличная форма культуры обязан труду, а точнее, его простой форме целесообразности.

Нельзя не видеть, что все те свойства, которые современными исследователями приписываются ритуалу как самостоятельной форме культуры и квалифицируются ими как особые свойства ритуала, а именно: быть символической деятельностью, воспроизводящей определённый жизненно важный порядок действий, быть средством коммуникации и выполнять функции укрепления и упорядочивания социальных связей внутри древнего коллектива людей, быть формой повторения и сохранения того, что выступало в качестве «начала» и, как итог всего этого, быть высшей сакральной ценностью, решительно все эти свойства суть не что иное, как обретшие внешнюю форму существования функции самого труда как субъекта / носителя формы целесообразности.

В свете сказанного, суть ритуала может быть определена вполне точно и лаконично: ритуал есть превращённая форма объективной целесообразности труда. В этом и только в этом состоит его действительная сущность, совпадающая с его происхождением и в нём же находящая своё рациональное обоснование. Превращённой формой своего существования ритуал обязан тому обстоятельству, что он есть форма, производная от труда и в этом смысле — произведённая трудом как совместной деятельностью людей в ходе воспроизводства ими своей общественной жизни.

Что же касается процесса обретения ритуалом наличной формы существования, или, иначе говоря, процесса обособления объективно-целесообразной формы труда от самого труда как живой чувственно предметной материальной деятельности, то само собой понятно, что это обособление было весьма длительным процессом и прошло ряд ступеней, прежде чем произошло превращение функции в форму.

В частности, становление труда как способа жизнедеятельности человека сопровождалось таким метаморфозом его простой формы целесообразности, благодаря которому она первоначально превращается не в самостоятельно бытийствующую форму, могущую существовать совершенно отдельно и независимо от процесса труда, а вначале становится необходимым зве-

ном в единой цепи процесса труда (организация и осуществление которого в виде загонной охоты по времени могли занимать не один день и час), выступая такой промежуточной формой, которая хотя и приобретает внешнюю форму существования (это так), но пока что оказывается ещё целиком вплетённой в единый целостный материальный процесс труда как его промежуточное звено.

Это превращение формы целесообразности труда из чисто внутренней в получившую внешнее существование промежуточную форму, которая начинает функционировать в виде необходимого звена как особый вид деятельности, чередующийся с собственно охотничьей деятельностью, происходит благодаря вполне естественным причинам. Дело в том, что загонная охота, будучи весьма сложной, с непредсказуем развитием событий деятельностью, далеко не всегда заканчивалась успешно, достигая желанного результата. Зачастую из-за разного рода неудач и непредвиденных факторов она оказывалась проделана вхолостую — факт, имевший колоссальное значение и чрезвычайно важные последствия для всего дальнейшего развития труда.

Каждый такой неудачный исход охоты, не завершавшийся нужным результатом, делал, во-первых, абсолютно необходимым осуществление новых попыток, которые также могли не приводить к добыче, оказываясь лишь многократным повторением вхолостую способа своей совместной деятельности (причём, не раз и не два, а до тех пор, пока дело не увенчивалось успехом). Во-вторых, и это самое главное, такое многократное повторение вхолостую совместной деятельности обнажало чистый схематизм этой деятельности, который предстал пред взором участников охоты вполне объективно и зримо, как чувственно воспринимаемая ими схема общих действий.

Как видим, обособление формы целесообразности труда от самого труда, взятого в его натуральной форме охотничьей деятельности, на начальной ступени происходит таким образом, что форма целесообразности труда (его текущая структура, его идеальная форма) начинает функционировать как особая деятельность наряду с собственно охотничьими действиями, чередуясь с ними и выступая как необходимое звено в непрерывной цепи материальной, хозяйственной деятельности охотничьего коллектива, опосредующее собой акты реального добывания пищи, словом, как типичный опосредующий момент (средство обращения) всей деятельности, объек-

тивно необходимый для её успешного завершения и повторения в будущем.

Именно на этой начальной стадии своего метаморфоза форма целесообразности труда, функционируя в качестве внешнего средства обращения (в качестве идеального способа повторения/проигрывания схематизма деятельности) и выступая как особая деятельность, получившая внешнее существование наряду с самим трудом, именно на этой стадии простая форма целесообразности труда конституируется как собственно ритуал, то есть, как та форма, в которой действия всех участников охоты приравниваются друг к другу, притираются друг к другу, соизмеряются, связываясь друг с другом и перетекая друг в друга — форма, в которую в итоге действия всех участников охоты превращаются (в смысле обретения ими формы целесообразности) и которая сама превращается в форму целесообразности действий каждого в отдельности взятого участника охоты. В этом смысле всеобщая форма целесообразности труда разделяет общую судьбу, свойственную всякой форме всеобщности, всякому всеобщему закону развития (а не только меновой стоимостью), а именно, быть всеобщим эквивалентом.

V. Ритуал как исходная форма культуры

Эта новая, объективно возникшая роль, которую форма целесообразности труда начинает играть в качестве промежуточного звена (в качестве чисто идеального, символического средства осуществления совместного способа деятельности), собственно и знаменует собой рождение ритуала как исходной наличной формы всякой могущей возникнуть на его основе в будущем знаково-символической деятельности, а значит знаменует собой рождение всеобщей формы культуры — формы культуры как таковой. Следующий качественный шаг на пути превращения ритуала из особой функции труда в самостоятельную форму, могущую существовать уже вполне отдельно и независимо от труда, не будучи непосредственно вплетённой в него и привязанной к нему — этот шаг оказывается простым делом времени и техники.

Как только благодаря ритуалу способ совместной деятельности оказывается отработан участниками охоты до максимально возможного автоматизма и становится для них чем-то рутинным, обычным и, следовательно, не требующим частого специального повторения и тренировки, то есть, как только он превращается в обычай (устойчивый уклад и способ ведения хозяйственной жизни древним коллективом людей), с этого

момента ритуал перестаёт быть звеном в цепи производственной деятельности и, соответственно, перестаёт быть формой, пуповиной привязанной к акту трудовой деятельности.

Этап превращения ритуала в обычай означает, что произошло распадение ритуала на две особые, производные от него наличные формы культуры, начинающие функционировать по своим особым, специфичным для каждой из них, жизненным циклам и правилам — обычай и обряд, каждая из которых выступает уже как превращённая форма ритуала¹. Причём, одна из них (обычай) начинает всё больше совпадать с обычной, будничной, ежедневно выполняемой деятельностью, непосредственно совпадая с ней и переставая в итоге выделяться и отличаться от неё в качестве отдельно осуществляемой символической деятельности².

Однако, вернёмся к начальной стадии отделения ритуала от труда и тем моментам, которые пока остались в тени, но которые важны ввиду того, что они содержат прямые свидетельства того, что формы социальности, формы культуры и формы разума (включая человеческое сознание) произведены трудом в ходе процесса его становления социальной саморазвивающейся органической системой.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, так это на то, что уже на начальной ступени превращения ритуала из особой функции труда, присущей его внутренней идеальной структуре, в самостоятельную налично данную форму культуры это превращение сопровождалось процессом раздвоения самого труда и приобретения им двойного существования: наряду со своей натуральной формой существования в качестве охотничьей деятельности труд в лице ритуальной деятельности выступил в чисто социальной

форме своего существования. И эта чистая форма социальности — ритуал, будучи производной и потому вторичной по отношению к исходной форме труда как целостной деятельности, как раз и является не чем иным, как формой культуры. Ибо сущность культуры как общественно-исторического феномена, открытая и всесторонне обоснованная ещё в философии Просвещения, как раз и состоит в том, чтобы быть реальностью, производной от предметно-преобразовательной деятельности человека, быть социально обусловленным результатом и продуктом человеческого труда.

И в самом деле, ритуал есть форма культуры, в которой труд как саморазвивающаяся социальная система приобретает двойное существование: наряду со своим натуральным существованием он приобретает чисто социальное существование, в котором он — всего лишь знак своей собственной объективно-целесообразной формы, символ социального отношения.

VI. Ритуал как первобытная форма мышления

Из этого, далее, следуют другие важные моменты. Поскольку ритуал — это освободившаяся от чувственно-конкретной плоти и грубой предметности труда имманентная его внутренней организации объективно-целесообразная форма, адекватно воспроизводящая его внутреннюю структуру и получившая самостоятельное, обособленное от труда наличное бытие, постольку ритуал в своём статусе внешней формы обнаружения внутренней структуры труда есть такого рода «испарение» из живого процесса сложнорасчленённой коллективной материальной деятельности людей, которое своими очертаниями повторяет, воспроизводит и сохраняет все контуры её внутренней организации, благодаря чему именно ритуал как символическая деятельность людей выступает в качестве исторически первой формы отражённого существования труда — в качестве формы коллективного сознания первобытного человека.

Ритуал как таковой, будучи формой культуры, в которой «отчеканилась» внутренняя целесообразность коллективной чувственно-материальной деятельности людей, есть исторически первая форма их коллективных представлений в том совершенно прямом, а не фигуральном смысле, что он есть объективно представший перед индивидами в виде их собственной внешней деятельности их архетип мышления — та «первоформа», на основе которой и благодаря которой

1 Вопросу о неправомерности отождествления *ритуала, обычая и обряда* как онтологически разных форм культуры посвящена более ранняя статья автора. См.: [Рагозина, 2018b]. Что касается *обычая*, то вполне точное и реалистичное описание его сущности и социального предназначения ещё в начале прошлого века дал Уильям Грэм Самнер в своей работе «Народные обычаи. Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики» [Самнер, 1959].

2 Этим *обычай* как повседневный жизненный уклад, в основе которого лежит автоматизм массовой привычки, принципиально отличается от *обряд* как формы, которая предполагает, что обряд совершается не ежедневно, а периодически, от раза к разу, в свободное от хозяйственной жизни время и лишь по особым поводам, в особом месте и в специально отведённое для этого время, будучи специально подготовленным актом, совершаемым в особых целях.

со временем возникнет их индивидуальное «Я».

В связи со сказанным и в назидание сторонникам и создателям новомодных учений (в лице Ю. М. Бородая, В. М. Найдыша [6], и др. [Бородай, 1996; Найдыш, 2004], отстаивающих вульгарно-материалистические версии происхождения сознания, мифа, мифо-ритуальных практик и прочих феноменов культуры), делающих ставку на отыскание «первообразов» человеческого сознания и культуры в психике и мозгу индивидов, якобы локализованных там и закреплённых в виде неких «врождённых познавательных структур», приведём взгляды К. Г. Юнга, который в одной из своих работ, говоря об архетипах коллективного бессознательного, указывает на их статус объективно существующих структур: «Коллективное бессознательное менее всего сходно с закрытой личностной системой, это открытая миру и *равная ему по широте объективность*» (курсив — Т. Рагозина) [Юнг, 1991, с. 112].

Если учесть, что широта мира, освоенного первобытным дикарём, была в буквальном смысле слова равна ритуальному пространству жизни, то есть тому пространству, которое было освоено его предметно-преобразовательной деятельностью, то становится вполне понятно, что имел в виду К. Г. Юнг, который, говоря о первобытном сознании дикарей, совсем не случайно указывал именно на это обстоятельство: «Все стремления человечества направлялись на укрепление сознания. Этой цели служили ритуалы "representations collectives"…» (ритуалы, представляющие коллективность — Т. Р.) [там же, с. 112]. На взгляд автора, именно в этом ритуальном пространстве первобытной культуры, совпадавшем с пространством его практически-преобразовательной деятельности, и следует искать корни всех возможных «врождённых познавательных структур», а не в структурах мозга и не в зоопсихологии.

Итак, ритуал как таковой есть форма, в которой внутренняя структура коллективной трудовой деятельности людей получает своё первое, обособленное от самого труда, отражённое бытие, способное существовать относительно самостоятельно от того, порождением и отражением чего оно является. И хотя в качестве формы отражённого существования труда ритуал ещё не есть сознание в полном смысле этого слова, а, скорее, лишь испарение из материальной деятельности, ещё прочно «связанное с ней пуповиной»; хотя ритуал есть пока лишь полусознание, которое может быть уподоблено «вздоху угнетённой твари» (К. Маркс), и всё же оно — уже не инстинкт.

Именно этот вздох, вырвавшийся из чрева чувственно-предметной, материальной деятельности — труда, каким бы тяжёлым он ни был, стал одновременно первым вздохом облегчения, оповестившим мир о том, что муки родов культуры позади, ибо уже сделан первый шаг на пути к человеческой свободе. Вряд ли можно отыскать во всей последующей истории человечества что-либо более величественное, чем этот прозаический шаг.

VI. Труд как закон развития истории, общества и культуры

Завершая исследование, уместно вспомнить пояснения, которые дал Маркс, излагая суть своего подхода к анализу общественных явлений: «Взаимная зависимость должна быть сначала выработана в чистом виде, прежде чем можно думать о действительной социальной общности [Gemeinschaftlichkeit]» [Маркс, 1980, с. 230]. На примере загонной охоты мы видели, что на заре человеческой истории эта социальная общность [Gemeinschaftlichkeit], или попросту говоря, общество, действительно явилась результатом «выработанной в чистом виде взаимной зависимости» индивидов друг от друга, закономерно сложившейся между ними в форме простой объективной целесообразности как способ осуществления ими коллективной трудовой деятельности.

Это лишний раз подтверждает ту истину, которая была открыта Марксом в ходе экономического анализа зрелой фазы развития труда и которая, будучи переведена в плоскость общесофской постановки проблемы происхождения и сущности человеческой истории, общества и культуры, получила своё подтверждение также и относительно начала человеческой истории, а именно: не всякий труд, а только социально обусловленный труд может быть действительной основой (субстанцией-субъектом) исторического развития человека, общества и культуры, обуславливающей как само это развитие, так и формы, в которых оно осуществляется.

Теоретическая реконструкция модели загонной охоты подтвердила эту истину самым решительным образом, продемонстрировав следующее: как ни парадоксально, но обуславливать развитие общества и культуры может только то, что само внутри себя социально обусловлено; то, что в себе самом содержит свойство социальной обусловленности как свой неотъемлемый атрибут, а именно — разделение труда как свою внутреннюю организацию и способ своего саморазвития.

Теоретический анализ модели загонной охоты дал нам искомое обоснование труда как способа, каким люди делают свою общественную историю, показав, что возникновение формы целесообразности является закономерным результатом становления внутренней структуры труда, которая в процессе своего функционирования в качестве совместного способа коллективной деятельности людей превращается из особой функции в самостоятельно существующую форму культуры — ритуал. Именно это обстоятельство даёт все основания считать, что ритуал есть типичное «бытие модуса» субстанции-труда, или, говоря языком современной философии, ритуал есть превращённая форма объективной целесообразности труда — реальность, которая вторична по отношению к труду, ибо произведена им как необходимый момент его собственного движения становления. И поскольку в ритуале как наличной форме культуры, произведённой трудом, обретают статус наличного бытия одновременно также и форма объективной целесообразности (разумная форма организации жизнедеятельности людей), равно как и форма социальности (форма универсальной связи и зависимости индивидов друг от друга), постольку бытие ритуала является живым свидетельством вторичности названных форм, доказательством их производности от труда как объективного субъекта истории.

Всеобщий закон труда (или, согласно Энгельсу, труд «как закон развития человеческой истории» [Энгельс, 1961, с. 350]) как раз и фиксирует этот простой исторический факт, а именно: производность всех объективно-целесообразных форм организации общественной жизни людей от труда как субстанции-субъекта истории. Ничего иного на деле этот закон никогда не означал и означать не может.

Список источников

- Бородай Ю. М. Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. Москва : Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
- Глебкин В. В. Ритуал // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. Москва : РОССПЭН, 2007. С. 398–404.
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала : перевод с немецкого / К. Лоренц ; под редакцией А. В. Гладкого ; составители : А. В. Гладкий, А. И. Федоров ; послесловие А. И. Федорова. Москва : Республика, 1998. 493 с. (Мыслители XX века).
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1 / К. Маркс. Москва : Политиздат, 1980. XXVI, 564 с.
- Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
- Найдыш В. М. Философия мифологии. XIX — начало XXI в. Москва : Альфа-М, 2004. 544 с.
- Петров М. К. Язык, знак, культура. Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 328 с.
- Петров М. К. Самосознание и научное творчество / М. К. Петров. Ростов на Дону : Издательство Ростовского университета, 1992. 267 с.
- Рагозина Т. Э. Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ // Философия и культура в гуманитарном дискурсе : материалы международной научно-методической конференции 27 апреля 2018 года / Ответственный редактор С. И. Сулимов. Воронеж : Воронежский ЦНТИ, 2018а. С. 48–56.
- Рагозина Т. Э. Ритуал: к вопросу о происхождении форм культуры // Вестник Московского государственного Университета Культуры и Искусств. № 4 (84) 2018b. С. 31–46.
- Рагозина Т. Э. Проблема культурной памяти как способ рефлексии над социальной формой // Культура и цивилизация, 2017. Выпуск № 1 (5). С. 42–55.
- Самнер У. Г. Народные обычаи. Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики / Переведено по: Sumner W., Folkways // New-York: Dover, Inc., 1959. Публикуется с сокращениями.
- Слинин Я. А. Онтология Николая Гартмана в перспективе феноменологического движения / Николай Гартман. К основоположению онтологии. Перевод с немецкого Ю. В. Медведева. Санкт-Петербург : Наука, 2003. С. 5–56.
- Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Политиздат, 1961. Т. 19. С. 350–352.
- Юнг К. Г. Архетип и символ / Составитель А. М. Руткевич. Москва : Ренессанс, 1991. 304 с. (Серия «Страницы мировой философии»).

HUMANIZATION PROCESSES OF SOCIETY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Tatiana Ragozina¹

LABOR AND RITUAL: RITUAL AS A TRANSFORMED FORM OF OBJECTIVE EXPEDIENCY OF LABOR

Abstract. The article is devoted to the problem of the origin of the ritual as a form of culture. In connection with this subject of analysis, the process of the formation of an objectively expedient form of labor appears, which is the universal initial basis and source of the emergence of forms of sociality and forms of culture. The model of driven hunting is used to reconstruct the formation of the form of objective expediency of labor, which forms the internal mobile structure of labor, which functions as a way of joint activity. The analysis of the special function of labor – the function of repeating and maintaining the order of actions leading to the desired result – which is supported by the way of joint activity, allows us to see in it the ritual as the mechanism of its reproduction inherent in the labor process. The metamorphosis of this initial form of the ritual goes through a series of steps, as a result of which the ritual is transformed from the special function of labor into the present form of culture – into the ritual as a symbolic and symbolic activity.

Key words: labor and ritual, objective expediency, social metabolism, fluid structure, ritual metamorphosis.

1 **Ragozina Tatiana Eduardovna** – Doctor of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department. Donetsk National Technical University. Donetsk, Donetsk People's Republic. Email: tatyana.ragozina@list.ru. AuthorID: 856841

References

- Boroday Yu. M. *Erotika – smert' – tabu: tragediya chelovecheskogo soznaniya* [Erotica – death – taboo: the tragedy of human consciousness]. Moscow: Gnozis Publ., Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo, 1996. 416 p. (in Russian).
- Glebkin V. V. *Ritual. Kul'turologiya. Entsiklopediya* [Culturology. Encyclopedia]. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007. Pp. 398–404 (in Russian).
- Lorenz K. *Oborotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror]. translation from German / K. Lorenz; edited by A. V. Gladky; compilers A. V. Gladky, A. I. Fedorov; afterword by A. I. Fedorov. Moscow: Republic, 1998. 493 p. (Mysliteli XX veka) (in Russian).
- Marx K. *Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1861 gg.* [Economic Manuscripts 1857–1861] (The original version of "Capital"). In 2 parts. Part 1 / K. Marx. Moscow: Politizdat Publ., 1980. 26, 564 p. (in Russian).
- Marx K. *Capital*. K. Marx, F. Engels. *Sochineniya* [Works]. Ed. 2nd. Moscow: Politizdat, 1960. Vol. 23. 907 p. (in Russian).
- Naydysh V. M. *Filosofiya mifologii. XIX – nachalo XXI v.* [Philosophy of mythology 20th - beginning of 21st century]. Moscow: Alfa-M Publ., 2004. 554 p. (in Russian).
- Petrov M. K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. Moscow: Nauka Publ. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1991. 328 p. (in Russian).
- Petrov M. K. *Samosoznaniye i nauchnoye tvorchestvo* [Self-awareness and scientific creativity]. M. K. Petrov. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta Publ., 1992. 267 p. (in Russian).
- Ragozina T. E. *Kontseptual'nyye granitsy deyatel'nostnogo podkhoda: kriticheskiy analiz* [Conceptual boundaries of the activity approach: critical analysis]. *Filosofiya i kul'tura v gumanitarnom diskurse: materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 27 aprelya 2018 goda* [Philosophy and Culture in the Humanitarian Discourse: Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference April 27, 2018]. Editor-in-Chief S. I. Sulimov. Voronezh: Voronezhskiy TsNTI Publ., 2018a. Pp. 48–56 (in Russian).
- Ragozina T. E. *Ritual: k voprosu o proiskhozhdenii form kul'tury* [Ritual: to the question of the origin of cultural forms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. No. 4 (84) 2018b. P. 31–46 (in Russian).
- Ragozina T. E. *Problema kul'turnoy pamyati kak sposob refleksii nad sotsial'noy formoy* [The problem of cultural memory as a way of reflection over a social form]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2017. Issue No. 1 (5). Pp. 42–55 (in Russian).
- Samner U. G. *Narodnyye obychai. Issledovaniye sotsiologicheskogo znacheniya obyayev, maner, privyчек, nравov i etiki* [Folk Customs. A Study of the Sociological Significance of Customs, Manners, Habits, Morals, and Ethics]. Translated by: Sumner W., Folkways. New-York: Dover, Inc., 1959. Published with abbreviations (in Russian).
- Slinin Ya. A. *Ontologiya Nikolaya Gartmana v perspektive fenomenologicheskogo dvizheniya* [Ontology of Nikolai Hartman in the perspective of the phenomenological movement]. *Nikolay Gartman. K osnovopolozheniyu ontologii* [Nikolai Hartman. To the ontology foundation]. Translation from German by Yu. V. Medvedev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. Pp. 5–56 (in Russian).
- Engels F. *Pokhorony Karla Marksa* [The Funeral of Karl Marx]. K. Marx, F. Engels. *Sochineniya* [Works]. Ed. 2nd. Moscow: Politizdat Publ., 1961. V. 19. Pp. 350–352 (in Russian).
- Jung K. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Compiled by A. M. Rutkevich. Moscow: Renaissance Publ., 1991. 304 p. (Series "Pages of World Philosophy" ["Stranitsy mirovoy filosofii"]) (in Russian).

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

В этом разделе представлены теоретические и мемуарные материалы, посвященные известному философу Сергею Николаевичу Марееву, который долгие годы работал в Институте МИРБИС. Лучше всего его знали аспиранты экономических специальностей, которым он читал учебный курс философии науки. При этом Сергей Николаевич на протяжении многих лет принимал участие в научной деятельности Института МИРБИС, был главным научным сотрудником Научного центра им. Р. А. Белоусова, участвовал в конференциях, которые организовывал Институт гуманизации бизнеса. В последние годы С. Н. Мареев заведовал кафедрой общеобразовательных дисциплин Института МИРБИС.

В кандидатской и докторской диссертациях Сергея Николаевича речь шла о конкретном историзме как методе «Капитала», а потому экономическая проблематика была ему всегда близка и интересна. Под грифом нашего института была впервые издана монография С. Н. Мареева «Экономическое учение Маркса и его критики» (2012), а также учебное пособие «История экономических учений» (1 часть — 2014, 2 часть — 2016). Сергей Николаевич до последнего момента был членом редколлегии журнала «Вестник МИРБИС», публикуя в нем статьи, посвященные методологии экономической науки.

Материалы предлагаемого раздела были подготовлены к первому международному семинару, посвященному творчеству С. Н. Мареева. Раздел мы открываем статьей самого С. Н. Мареева «Неразумный эгоизм», или мораль «открытого общества», которая в первой редакции была опубликована в коллективной монографии «Человек в контексте бытия: современные состояния, проблемы и подходы» (Усть-Каменогорск, 2016).

*В. Ф. Уколов,
доктор экономических наук, профессор,
главный редактор журнала
«Вестник МИРБИС»*

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Мареев С. Н. «Неразумный эгоизм», или мораль «открытого общества» // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 174–181.

Сергей Мареев¹

«НЕРАЗУМНЫЙ ЭГОИЗМ», ИЛИ МОРАЛЬ «ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА»

Впервые опубликовано: Мареев С. Н. Неразумный эгоизм, или мораль «открытого общества» // Человек в контексте бытия: современные состояния, проблемы и подходы : монография / Под общей редакцией Н. В. Гусевой. Усть-Каменогорск: КАСУ, 2016. 324 с. С. 180–193. ISBN 978-601-7334-84-0

О «разумном эгоизме» революционера Рахметова мы когда-то читали в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Старшее поколение помнит об этом со школьной скамьи. Нам его преподносили как некий нравственный идеал. И мы не задумывались о том, что «эгоизм» в такой трактовке оказывается формой коллективизма и даже альтруизма: доставлять себе удовольствие, делая добро другим. Человек по своей «натуре», писал Чернышевский, «поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия» [Чернышевский, 1950, с. 285]. Иначе говоря, «разумность» эгоизма Чернышевский видит в том, что для удовольствия себе можно доставлять удовольствие другому. Но на деле здесь перед нами серьезная проблема. Ведь если я делаю добро другому из удовольствия себе, то это не есть искреннее желание ему добра. Такие поступки И. Кант считал «легальными», но не моральными. Человек должен делать добро другому, считал Кант, не по склонности, а по долгу. Ведь можно сделать добро другому из тщеславия, чтобы подняться в своих собственных глазах. И такой поступок уже теряет свой нравственный характер.

На деле эгоизм — это антитеза коллективизма, или, как говорили славянофилы, соборности. В чистом виде это утилитаризм И. Бентама и либерализм Дж. Ст. Милля. И разумным его можно назвать только условно. Но Н. Г. Чернышевскому

очень хотелось приспособить либеральную идею к демократическому движению. И именно тогда, когда либерализм и демократия уже исторически разошлись в разные стороны и сойтись уже никак не могли. Другое название того же самого эгоизма в его конкретно-исторической форме, современником которой был Н. Г. Чернышевский, — «индивидуализм». Индивидуализм — одно из характерных проявлений либерального общества. Рыночная экономика невозможна без такого индивидуализма. Он встроен в самую систему этой экономики, т.е. материальных человеческих отношений. Поэтому они не могут быть идеальными. Но классик английской политической экономии Адам Смит и не пытался на индивидуализме основать общественную мораль. Адам Смит пишет: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [Смит, 2007, с. 77]. Идея естественной человеческой симпатии, заимствованная им у представителей шотландской школы и разработанная им в его «Теории нравственных чувств» была призвана уравновесить индивидуализм экономических субъектов.

Такой дуализм оказался неустранимым во всей буржуазной философии, до Гегеля включительно, который и выразил его в ясной и недвусмысленной форме в своей трактовке «гражданского общества», которое он называл «внешним государством». «Индивиды в качестве граждан этого государства, — писал он в «Философии права», — частные лица, целью которых является их собственный интерес. Поскольку же эта цель опосредована всеобщим, которое тем самым представляется им средством, то она может быть ими достигнута только постольку, поскольку они сами определяют свои желания, воление и действие всеобщим образом и делают себя звеном этой связующей цепи» [Гегель, 1990, с. 231]. У Гегеля нет ни малейшего сомнения относительно прогрессивного характера «гражданского», т.е. буржуазного, общества. И он во всех случаях отдает ему предпочтение по сравнению с феодальным обществом. Но и само «гражданское общество» для него не идеал именно в силу своей раздвоенности, своего

¹ Мареев Сергей Николаевич (1941–2019) — доктор философских наук, профессор. Москва, Россия.

дуализма, и с этой стороны Гегель до сих пор плохо понят.

Либерализм как понятие происходит от латинского «liberalis», что значит «свободный». В первую очередь, имелась в виду свобода личности, свобода от средневековой феодальной регламентации. Это, так сказать, отрицательная свобода, свобода от. Позитивным основанием такой свободы стала возможность свободно покупать и продавать, в том числе и самого себя, свою рабочую силу: лично зависимый человек, раб, крепостной, не может себя продавать, он принадлежит другому. Понятно, что это предполагает юридическую свободу. Но именно она исторически оборачивается для индивида несвободой, когда он продает себя другому, и этот другой может теперь распоряжаться тобой, как ему нужно.

Свобода от как индивидуалистическая свобода оборачивается произволом и как раз свободой от общественной морали. Произвол означает ограничение свободы другого. Поэтому Жан-Жак Руссо видел в индивидуализме разобщение и вражду людей. Исторически это оборачивалось утратой того общего, которое объединяло людей в единый братский союз. «Первый, кто, огородив участок земли, — писал Руссо, — придумал заявить: "Это моё!" и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: "Остерегитесь слушать этого обманщика: вы погибли, если забудете, что плоды земли для всех, а сама она ничья!"» [Руссо, 1998, с. 106].

Ж-Жак Руссо писал все это, когда буржуазное общество, которое сейчас, вслед за А. Бергсоном и К. Поппером, принято именовать «открытым», было в начале своего пути. Но уже тогда Руссо утверждал, что все беды от частной собственности. Другое дело наши «демократы», которые во главе с Е. Т. Гайдаром стали создавать у нас то самое «открытое общество» в 90-х гг. XX века. Аргументы Руссо их никак не волновали. Е. Т. Гайдар, если почитать его «труды», утверждал с точностью до наоборот: все блага цивилизации — от частной собственности, и все беды-несчастья — от ее отсутствия, т. е. от общественной собственности. Хотя общественная собственность — некоторый нонсенс: частное — это от слова «часть», а там, где целое не делится на части, там вообще никакая не собственность, а владение. Были народы, писал Гегель, которые владели, но не имели собствен-

ности. Собственность — это то, что отчуждается в результате купли-продажи. А общее владение нельзя было ни купить, ни продать, а потому это и не было собственностью. Собственность, по Гегелю, предполагает «вступление во владение посредством отчуждения» [Гегель, 1990, с. 121]. Если собственность неотчуждаема, то это опять же не собственность, а владение. А экономист Гайдар путает эти вещи и называет собственностью владение землей у греков. Но настоящая частная собственность на землю появилась в античности только у римлян. «Римляне, — писал Маркс, — собственно, впервые разработали право частной собственности, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. Римское частное право есть частное право в его классическом выражении» [Маркс, 1955а, с. 347].

Маркс знал, о чем писал: он изучал право в Боннском университете, в том числе и римское право, впрочем, как и все юристы, потому что это первая и самая разработанная система права частной собственности. Только в Древнем Риме земельная собственность стала свободно отчуждаемой, и именно поэтому произошло обезземеливание крестьян, которые образовали так называемый пролетариат. В Древней Греции такого не происходило и не могло произойти, как это не могло произойти и в России при общинном владении землей, когда каждый член общины получал свой земельный надел по количеству ртов или рабочих рук в семье. И такой земельный надел был неотчуждаемым, а значит не был частной собственностью.

В Первой Государственной думе крестьянские депутаты-трудовики выступали под лозунгом: «Земля ничья — Земля божья». Это было выступление против помещичьего землевладения. Русские крестьяне были носителями общинной коллективистской морали. И поэтому крестьянство в итоге пошло за Советской властью, у которой одним из первых декретов стал Декрет о земле. Помещичья собственность на землю отменялась без всякого выкупа. Эта коллективистская мораль серьезно облегчила коллективизацию, которая, вопреки ужасам, описываемым нынешними либеральными идеологами, прошла достаточно безболезненно. И без этого, следует добавить, невозможным было бы продовольственное обеспечение Красной Армии и победа в Великой Отечественной войне.

Но такая коллективистская мораль постепенно вытравлялась в советском обществе и уступала место морали собственнической. И это в осо-

бенности стало проявляться в годы хрущевской «оттепели». Советские люди обратили свой взор на Запад и увидели там разное. «Один, — как пишет тот же Егор Гайдар, — чехословацкую весну, другой — еврокоммунизм, третий — шведскую модель, все без исключения видели роскошные магазины и устроенный быт и очень мало кто — последовательно-либеральную политическую и экономическую систему. И если бы кто-то взялся объединить вместе таких разных людей, как «цеховик» из Грузии, дающий взятки секретарю обкома и мечтающий давать их дальше и расширять свое производство; правозащитник из Хельсинской группы; консультант международного отдела ЦК КПСС, советующий проводить политику «детанта»; академический историк, пытающийся разобраться в фальсификации вокруг подлинной истории КПСС; валютчик, мечтающий об отмене соответствующей статьи УК; представитель «золотой» молодежи, учащийся в МГИМО и согласный бороться с капитализмом только в его цитадели; директор, желающий самостоятельно управлять и распоряжаться доходами со «своего» завода; чиновник Внешторга, с завистью глядящий на своих богатых западных партнеров (а то и берущий у них «подарки»), — если бы кто-то объединил их всех и сказал, что объективным конечным результатом их усилий вскоре станет ликвидация всех структур, с которыми они так или иначе связаны, появление в России политической свободы, рынка, начало капитализма, как сильно бы они все удивились» [Гайдар, 1995, с. 133–134].

Ты хотел этого, Жорж Данден! Вот что хочется сказать в ответ на то, что так правдиво прописал Гайдар. А ведь кое-кто и знал, что именно случится, когда вырвутся на свободу эти фурии частного интереса! Но скажи это тогда, в середине 80-х, и тебя побили бы камнями и консультанты из международного отдела ЦК, и студент МГИМО, и все остальные образованные и малообразованные обыватели. Борьба шла с сусловско-брежневской застойной догматической идеологией, но имелись-то в виду вполне материальные вещи, и опять же собственность. Эта вожаемая частная собственность! А для этого надо было сломать коллективистскую мораль бывшего советского общества. Как писал Егор Гайдар: «Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы» [там же, с. 202].

И вынули! Но живое тело страны стало, скорее, мертвым, чем живым. И люди стали дружно пресмыкаться перед новыми хозяевами жизни. И все стали друг другу чужими. Речь шла уже не об от-

чуждении земель, а об отчуждении человеческой сущности. С конца 1980-х до начала 1990-х, как сказано в одной книге, «в России число убийств, по некоторым оценкам, выросло в 2 раза (в крупных городах рост насильственных преступлений мог быть многократным), с 1992-го по 1997 год в стране было убито 169 тыс. человек. По данным Домоскоп-Weekly, к началу 2000-х в России смертность от внешних причин (то есть не от болезней, а от убийств и самоубийств, несчастных случаев составляет 200 смертей на 100 тысяч человек и 15 % всех смертей... По данным ВОЗ, в середине 1990-х первые пять мест по числу самоубийств на 100 тыс. населения занимали постсоветские страны: Литва, Россия, Латвия, Эстония и Казахстан» [Иванов, 2012, с. 10]. Рост преступности возмущал в те годы и Гайдара. «Важнейшая задача государства сегодня, — пишет он, — борьба с уличной преступностью, запугавшей людей, и с мафией, которая во многом определяет экономические процессы в стране, выкручивает невидимую руку рынка» [Гайдар, 1995, с. 189].

Это, конечно, очень мило про «невидимую руку»! Но ведь именно эта «невидимая рука» и толкает людей на преступление. Речь здесь должна идти об экономических причинах. Но нашелся целый легион «философов», которые начали усиленно копать в «антропологии», чтобы открыть там, в глубинах человеческой души, или человеческого организма, такие причины. Но все эти «экзистенциалы»: «тошнота» Сартра, «забота» и «страх» Хайдеггера, как и «агрессия» Лоренца, — калька с душевного состояния современного обывателя, приписанные человеческой природе как таковой, «антропологической» природе.

Древние греки утверждали, что люди не могут быть друзьями, если у них нет ничего общего. У римлян, как уже говорилось, уже была довольно развитая частная собственность. Но их государство называлось республика, что значит «общее дело». И общим у них было не только государство. Общими у них были бани, доступные для граждан всех классов, слоев и групп совершенно бесплатно. И была бесплатная вода из водопровода. А если все поделено, и все продается и покупается, то на какой почве мы можем дружить? А нам долгое время пытались выдумать какую-то общую Идею, Русскую идею. Но это как раз идеологический подход, когда полагают, что стоит выдумать хорошую идею, и все люди сплотятся вокруг родной либеральной партии.

Общезначимая идея может вырасти только из народного сознания, т. е. на реальной почве. В

свое время славянофилы предложили идею соборности. Но эта соборность была в реальной жизни как сельская община-республика, как русская артель. Говорят еще о православной церковной общине. Но там в основном собрались вместе, помолились и разошлись. Вот и вся православная «соборность». И никакого реального дела нет. При этом долгое время иронически обыгрывалось «раньше думай о Родине, а потом о себе». Где хорошо, там и родина, заявляли нам совсем недавно новые отечественные космополиты. И в то же время Ельцин хотел, чтобы ему предложили мифическую Русскую идею.

«Самолюбие — это производное, искусственное чувство, возникшее лишь в обществе, заставляющее каждого индивидуума придавать самому себе больше значения, чем всему остальному, побуждающее людей причинять друг другу всевозможное зло и являющееся подлинным источником понятия о чести» [Руссо, 1998, с. 149]. И самолюбие, или себялюбие, может проявляться и в благотворительности, и в показной щедрости, когда человек вроде бы делает другим добро, но из собственного тщеславия и чтобы выглядеть значительней в своих собственных глазах. И это очень несложно делать очень богатым людям, тем более, что тем самым как бы замаливаются грехи первоначального накопления. Как говаривал русский купчина, в молодости много бито-граблено, в старости надо бога молить. Вот и наши олигархи теперь замаливают грехи 80-х–90-х, когда было «много бито-граблено». То, что отдает богатый на благотворительность, — часть награбленного у тех, кому теперь дает богатый.

«История первоначального накопления, — пишет Гайдар, — в нашей стране не написана, процесс продолжается. Как и во всем мире, накопление начиналось с экспортно-импортных операций, финансовых спекуляций, операций с недвижимостью, торговли» [Гайдар, 1995, с. 173]. Отчего же не написана? Написана кровью и грязью, чистой уголовщиной Б. Березовского, М. Ходорковского и др. Что же, Гайдар не был в курсе дела? Был! Так же как был в курсе этого Б. Ельцин. Но они могли укреплять свою власть именно на эти деньги. Понятно, что другого выхода у Ельцина и Гайдара не было, но поражает тот цинизм, с которым насаждается эта идеология и психология.

Поскольку собственность есть все содержание права и государства, то отделить государство и право от «гражданского общества», как этого хотел Гегель, невозможно. Это невозможно потому,

что у государства и «гражданского общества» содержание одно и то же — частная собственность. Ведь тут совпадение члена «гражданского общества» и государственного деятеля происходит в одном лице, как это было у нас, когда олигарх В. И. Якунин являлся одновременно министром транспорта. Гегель поэтому предполагал, что высшие государственные чиновники должны рекрутироваться из дворянства — сословия чести, а не из подлого сословия лавочников. Отделить государство от собственности можно только отделив общественную собственность от частной, как это было при НЭПе.

Вот и мы оказались перед дилеммой: частная собственность хорошо, потому что она стимулирует людей к производительному труду, и частная собственность плохо, потому что она отчуждает людей друг от друга и ведет к расслоению на богатых и бедных. И плохо не только бедность, но и богатство, потому что богатый может покупать бедного, как писал об этом Жан-Жак Руссо. Отсюда его стремление к уравнительности: «ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один — быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать» [Руссо, 1998, с. 241]. И отсюда же особая роль государства: «Вы хотите сообщить Государству прочность? Тогда сблизьте крайние ступени, насколько то возможно; не терпите ни богачей, ни нищих. Эти два состояния, по самой природе своей неотделимые одно от другого, равно губительны для общего блага; из одного выходят пособники тирании, а из другого — тираны. Между ними и идет торг свободой народную, одни ее покупают, другие — продают» [там же, с. 241].

Люди давно заметили противоречие всеобщего и отдельного как форм собственности. И пытались его разрешить разными способами. Аристотель, например, в связи с этим писал: «Немалые преимущества имеет... тот способ пользования собственностью, освященный обычаями и упорядоченный правильными законами, который принят теперь: он совмещает в себе хорошие стороны обоих способов, которые я имею в виду, именно общей собственности и собственности частной. Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной» [Аристотель, 1984b, с. 410]. Великий Аристотель считал, что лучший сорт граждан, который может обеспечить стабильность государства, это граждане среднего достатка. Сейчас таких граждан

относят к «среднему классу». И на этот «класс» делает ставку современная либеральная партия. Но нынешний «средний класс» — тот класс, который, так сказать, посередке. А что по краям? А по краям богатые и бедные: на одном «краю» очень богатые, на другом — очень бедные. И между ними неизбежно отчуждение: моральное, политическое, идеологическое. Причем именно Руссо первым заговорил об отчуждении не только в юридически-рыночном смысле, но также в смысле политическом и морально-психологическом.

Ж.-Ж. Руссо понимал, что отчуждение собственности есть отчуждение естественной, как он ее называет, свободы. Но если это отчуждение осуществляется в пользу суверена, под которым он имел в виду народ, и это отчуждение «совершается без каких-либо изъятий, то единение столь полно, сколь только возможно, и ни одному из членов ассоциации нечего больше требовать» [Аристотель, 1984а, с. 208]. Никто не может ничего больше требовать, потому что каждому принадлежит все, и каждому не принадлежит ничего, потому что все принадлежит ему же как суверену. Вместе с тем, в теории общественного договора Руссо общая народная воля представлена в политическом организме, государстве. И Руссо здесь предтеча того «тоталитаризма», который образовался в первой половине XX века. Это лишение всех прав частных лиц именно как частных лиц. «Ибо, — как пишет далее Руссо, — если бы у частных лиц оставались какие-либо права, то, поскольку теперь не было бы такого старшего над всеми, который был бы вправе разрешать споры между ними и всем народом, каждый, будучи судьей самому себе в некотором отношении, начал бы вскоре притязать на то, чтобы стать таковым во всех отношениях; естественное состояние продолжало бы существовать, и ассоциация неизбежно стала бы тиранической или бесполезной» [Руссо, 1998, с. 208].

Таким образом государство, согласно Руссо, пресекает своеволие и подчиняет всех их же общей воле. «Каждый из нас, — пишет Руссо, — передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [там же, с. 208]. Именно в этом качестве каждый член общественной ассоциации носит гордое имя гражданин (*citoyen*). И под этим именем Великая Французская революция впоследствии уравнивает всех жителей Франции.

Тем не менее, Руссо писал: «Ни один из из-

вестных мне французских авторов не понял истинного смысла слова гражданин» [там же, с. 209]. Почему? Потому что на деле *citoyen* смешивают с *bourgeois*. И тем самым смешивают члена городской общины, гражданского общества, и члена «политического государства», как его называет Гегель. «Реальный человек, — замечает по этому поводу Маркс, — признан лишь в образе эгоистического индивида, истинный человек — лишь в образе абстрактного *citoyen*» [Маркс, 1955, с. 405].

Французская революция, которая происходила почти буквально «по Руссо», прах которого первым перенесут в Пантеон, учрежденный как усыпальница для великих французов, ввела именно это, *citoyen*, как всеобщее наименование и обращение для всех французов. Но после Термидора, а в особенности после учреждения Первой Империи, это наименование и обращение постепенно выйдет из употребления, и гражданам Франции снова будут обращаться друг к другу «мадам», «месье». Но это же как раз и подтверждает, что *citoyen* — это граждане Республики, а не просто члены «гражданского общества». «С весны 1807 года, — пишет А. З. Манфред, — французы должны были снова привыкать к титулам, почти двадцать лет непрогнозируемым в стране и забытым, как средневековая ветошь. Вновь появились герцоги, князья, графы, бароны» [Манфред, 1982, с. 530].

У нас Февральская революция 2017 года тоже ввела общее наименование «граждане России», поскольку Россия была объявлена республикой. Октябрьская революция оставила это наименование, но оно в обращении оказалось вскоре вытесненным партийным обращением «товарищ», а обращение «гражданин» осталось только там, где люди уже не могли быть «товарищами», — «гражданин начальник», «гражданин следователь».

По идее тот переворот, который произошел у нас в 90-х гг., должен был вернуть общегражданское «гражданин», но нам усиленно навязывали сословно-феодального «господина». И мне смешно слышать, как знакомая профессорша с нажимом обращается к своим студентам: «госпожа Иванова», «господин Сидоров». Но у нас не понимают, что «господин» — это уже обращение не республиканское, а сословно-феодальное.

Работа «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо стала знаменем не только Великой Французской революции, но и всей демократии XIX века, включая мужицкого демократа Льва Толстого, который носил у себя на груди вместо креста ме-

дальон с портретом Руссо. «Примерами отчуждения личности, — писал Гегель, — служат рабство, крепостничество, неспособность обладать собственностью, несвобода собственности и т. д., отчуждение разумности интеллекта, моральности, нравственности, религии происходит в суеверии, в признании за другими авторитета и правомочия определять и предписывать мне, какие поступки мне следует совершить... что мне следует считать долгом совести, религиозной истиной и т. д.» [Гегель, 1990, с. 122]. Гегель поэтому выступает против исповеди как отчуждения собственной совести. «В природе вещей, — пишет он, — заключается, что раб имеет абсолютное право освободиться, что, если кто-нибудь запродавал свою нравственность, нанявшись на грабеж и убийство, это в себе и для себя не имеет силы и каждый имеет право расторгнуть этот договор. Так же обстоит дело с передачей моей религиозности священнику, являющемуся моим духовником, ибо подобные глубокие внутренние вопросы человек должен решать лишь сам. Религиозность, часть которой передается другому, уже не есть религиозность, ибо дух един и он должен обитать во мне; мне должно принадлежать объединение в-себе и для-себя-бытия» [там же, с. 122–123].

Самой отвратительной формой отчуждения человеческой сущности является отчуждение собственной совести. И главной и неотъемлемой свободой человека является свобода совести. Человек и все его человеческие качества не могут быть предметом собственности, а потому и предметом договора. «Нельзя поэтому, — замечает Гегель, — подводить под понятие договора брак; такое, надо сказать, позорное подведение дано у Канта...» [там же, с. 129].

Это «подведение» у Канта действительно нельзя читать без отвращения. Но знать об этом поучительно. Вот оно — определение брака Кантом: «Брачный договор исполняется посредством супружеского сожителства (*corula carnalis*). Договор двух лиц обоего пола, когда заключается тайное соглашение относительно воздержания от плотской близости или одна либо обе стороны знают о своей неспособности к половой жизни, представляет собой фиктивный договор, на котором не может быть основан брак; такой договор может быть расторгнут любой из сторон по своему усмотрению. Но если неспособность наступает после [вступления в брак], то брачное право не может терпеть ущерб из-за этого непредвиденного случая» [Кант, 1994, с. 307].

Но если такой «случай» можно предвидеть,

скажем, когда разница в возрасте вступающих в брак 20–30, а иногда и больше лет? Это Кант как-то не предусматривает. Но он явно ведет речь об отчуждении личности в результате брачного договора. «Приобретение супруги или супруга, — пишет Кант, — происходит... не *facto* (путем сожителства) без предшествующего договора и не *ratio* (по одному лишь брачному договору без последующего сожителства), а исключительно *lege*, т.е. как правовое следствие из обязательства вступить в половую связь не иначе как посредством взаимного владения лицами, которое осуществляется лишь через такое же взаимное пользование их половыми свойствами» [там же, с. 307].

Понятно, что здесь отчуждается если и не личность, то ее «половые свойства». Когда право собственности распространяется на такие вещи, то становится явной вся мерзость этого права. Любовь не может регулироваться правом. И в этике Канта его тоже нет.

Основой самостоятельной личности, по Гегелю, является собственность. Но она же у Гегеля оказывается основой отчуждения человека от человека. Таково «гражданское общество» как сообщество частных собственников, которое, по Гегелю, есть «государство нужды и рассудка» [Гегель, 1990, с. 228]. «В гражданском обществе, — пишет он, — каждый для себя — цель, все остальное для него ничто» [там же, с. 228].

Причем с кантовской точки зрения такое общество безнравственно, потому что основной нравственный закон, согласно тому же Канту, требует относиться к другому всегда как к цели и никогда как к средству. По своей склонности человек — эгоист, т.е. всегда гребет под себя. А потому нравственность, по Канту, должна быть основана именно на долге. Эгоистическое поведение индивида в обществе частных собственников Кант, таким образом, загоняет в человеческую природу.

Гегель ведет речь о том же самом противоречии, когда пишет: «С одной стороны, особенность для себя как распространяющееся во все стороны удовлетворение своих потребностей, случайного произвола и субъективных желаний разрушает в своих наслаждениях саму себя и свое субстанциальное понятие; с другой — удовлетворение как необходимых, так и случайных потребностей, подвергаясь бесконечному возбуждению и находясь в полной зависимости от внешней случайности и произвола, а также ограниченное властью всеобщности, случайно. В этих противоположностях и их переплетениях гражданское общество

представляет собой зрелище как излишества, так и нищеты и общего обоим физического и нравственного упадка» [Гегель, 1990, с. 229–230]. Иначе говоря, в удовлетворении своих эгоистических потребностей, индивид ограничен всеобщим. Поэтому, кстати, эгоистический индивид, встречая сопротивление всеобщего, — в форме морали, закона, религии, государства, — начинает бунтовать против всеобщего как такового. И по мере эскалации этого бунта, всеобщее вынуждено наращивать свое сопротивление. В итоге всеобщее становится тоталитарным государством, как это и случилось в Европе в начале XX века.

Индивидам гражданского общества, этого «государства нужды и рассудка» Гегель противопоставляет «политическое государство», которое должно сделать из граждан людей. Но в государстве, как потом скажет Маркс, люди ведут иллюзорную коллективную жизнь. Это, согласно Марксу, принудительное единение, только внешнее единство, если для этого нет реального основания в виде общего дела.

Надо сказать, что эгоизм и индивидуализм фактически никто и никогда не идеализировал. Вот, например, что писал об этом великий Аристотель: «Себялюбец — это тот, кто все делает ради самого себя в том, что приносит выгоду. Стало быть, себялюбив дурной, ведь он все делает ради самого себя; достойный же не таков» [Аристотель, 1984, с. 371]. И даже такие философы, как А. Шопенгауэр и Ф. Ницше оправдывали индивидуализм только тем, что индивиду противостоит испорченное общество. Но его «порча» связана с господством индивидуализма в «гражданском обществе». А значит перед нами индивидуалистический бунт против индивидуализма. Поэтому это бунт на колених, как в «Мифе о Сизифе» А. Камю.

Здесь следует сказать, что проблема отчуждения — не марксистская выдумка, хотя в европейскую философию XX века данное понятие вошло после того, как были опубликованы «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса. Но своей критикой «позитивизма» Гегеля, т. е. идеализации последним прусского бюрократического государства, Маркс закрыл путь к пониманию ее истоков. А у Гегеля эта идеализация происходит отсюда же, откуда критика «гражданского общества»: только мощное государство, может сделать из этого стада диких двуногих животных человеческое общество.

К. Маркс усмотрел здесь у Гегеля неадекватную форму разрешения противоречия между частным индивидом в «гражданском» обществе

и общим политическим государством. По Марксу, в политическом государстве индивиды ведут иллюзорную коллективную жизнь, и государство принуждает частного индивида быть человеком. Маркс выдвигает другую версию очеловечивания человека. «Точка зрения старого материализма, — пишет он, — есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество» [Маркс, 1974, с. 266].

Как именно обобществить человечество, этот вопрос конкретно Маркс не решает. Он решает его только в отрицательном смысле: ликвидация частной собственности. Но, согласно Марксу, это вовсе не означает, что у человека отнимут последние штаны. Для этого должны созреть во всяком случае технико-экономические условия, когда труд отдельного лица станет непосредственно всеобщим. А таким в настоящий момент является, по Марксу, труд ученого. Он пишет в «Капитале»: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидов». Иначе говоря, творческий человек ничего другого так страстно не желает, как поделиться со всеми людьми плодами своего «духовного производства».

По Марксу, общее и отдельное должны быть едины в особенном. А особенным является всеобщий труд как особенный труд. Но сегодня духовное производство еще входит в вопиющее противоречие с институтом частной собственности. И последняя уродует и искажает это производство и его продукты в науке и в искусстве, побуждая людей выдавать ремесленные подделки, или просто подделки, за научные труды и за гениальные произведения искусства. И только потому, что это продается и покупается за деньги. «Частная собственность, — писал Маркс, — сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как средство к жизни. А та жизнь, для которой они служат средством, есть жизнь част-

ной собственности — труд и капитализирование» [Маркс, 1974а, с. 120].

Возвращением человеку его отчужденной силы и потому не станет больше отделять от сущности будет снято раздвоение человека на эгоистического индивида и абстрактного *citoyen*. «Лишь тогда, — писал Маркс, — когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым существом; реальное историческое развитие.

Список источников

- Аристотель. Большая этика. Сочинения: В 4 т. Т. 4. Москва: Мысль. 1984. С. 294–374.
- Аристотель. Никомахова этика. Сочинения: В 4 т. Т. 4. Москва: Мысль. 1984а. С. 53–293.
- Аристотель. Политика. Сочинения: В. 4 т. Т. 4. Москва: Мысль. 1984b. С. 375–644.
- Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Сочинения в двух томах. Т. 1. Москва: Евразия. 1995. 206 с. ISBN 5-88268-021-2 (т.1).
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва: Мысль. 1990. 524 с. ISBN 5-244-00384-4.
- Иванов Д. В. Цена поражения // Эксперт, 2012, № 1 (784).
- Кант И. Метафизика нравов / Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Москва: ЧОРО, 1994. Т. 6. С. 224–540. ISBN: 5-8497-0006-4 (т. 6).
- Манфред А. 3. Наполеон Бонапарт. Москва: Мысль. 1972.
- Маркс К. К еврейскому вопросу // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 1. Москва: Государственное издательство политической литературы. 1955. С. 382–413.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 1 Москва: Государственное издательство политической литературы. 1955а. С. 219–368.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 42. Москва: Издательство политической литературы. 1974. С. 261–263.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 42. Москва: Издательство политической литературы. 1974а. С. 41–174.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Перевод с французского. Москва: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с. ISBN 5-87533-113-5.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: 2007. 960 с. ISBN 978-5-699-18389-0.
- Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Статьи и рецензии 1860–1861 гг. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950. 1094 с.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Мареева Е. В. С. Мареев о конкретном историзме в исследовании либерализма и демократии // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 182–187. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.21

Дата поступления 25.02.2020 г.

УДК 316.342.6

Елена Мареева¹

С. МАРЕЕВ О КОНКРЕТНОМ ИСТОРИЗМЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИБЕРАЛИЗМА И ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье проанализирована критика С. Н. Мареевым либерализма на основе методологии конкретного историзма. Мареев показывает, как после буржуазных революций происходит раздвоение общедемократического движения на либерализм, где равенство ограничивается в пользу индивидуальной свободы, и радикальный низовой демократизм, в котором свобода приносится в жертву равенству. Указанное противоречие не может быть разрешено в форме социалистической демократии на основе формального обобществления труда и собственности, но уже здесь присутствует момент движения к его разрешению при коммунизме, где свободное развитие каждого должно стать предпосылкой свободного развития всех.

Ключевые слова: демократия, либерализм, свобода, равенство, справедливость, Мареев, Ильенков, Маркс, Ленин, Руссо.

¹ **Мареева Елена Валентиновна** — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский государственный институт культуры; зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин, Институт МИРБИС. Москва, Россия. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru.

AuthorID: 251091

Более 20 лет назад В. И. Толстых организовал первую большую конференцию, посвященную личности и наследию Э. В. Ильенкова. Сама конференция, как и книга, изданная по ее итогам, назывались «Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков». Именно там Сергей Мареев впервые выступил на тему «О либерализме и демократии» [Мареев, 1997]. К той же теме он настойчиво возвращается в последние годы, отстаивая позицию, сформулированную в годы перестройки [Мареев 2015; 2014; 2017; 2018]. Что-то уточнялось и углублялось в свете происходящего, появлялись новые яркие образы и более точные формулировки, но оставалась принципиально той же сама позиция — в теоретическом и моральном плане. И эту последовательность отмечают сегодня многие: как говорится, *post factum*. Тем более, что общая тенденция была другой, и за идеологической конъюнктурой в те перестроечные времена следовали, казалось бы, вполне уважаемые люди. Те, кто в 80-х гг. признавали теоретическую значимость марксизма, в 90-х гг. вдруг осознали безусловное превосходство русской религиозной философии. А сегодня к тем же людям неожиданно-негаданно приходит осознание достоинств советской философии.

На таком фоне Мареев выглядел догматиком, а в глазах «прогрессивно мыслящих» коллег и вовсе

реакционером. Тем более, что в годы самой свирепой перестроечной демагогии он сознательно повторял постановку этого вопроса В. И. Лениным [Ленин, 1968] и Мих. Лифшицем [Лифшиц, 2007], которого либеральная интеллигенция времен застоя считала догматиком за критику модернистского искусства.

Но абстрактной фразе о безусловных достоинствах демократии Сергей Николаевич с самого начала противопоставлял не формулы, а реконструкцию логики самой истории, где как раз и обнаруживает себя расхождение демократии и либерализма. Там, где, казалось бы, все ясно, он видел проблему, поставленную и обостряемую самим ходом истории. Библиография его работ показывает, как он сдвигался в 90-х гг. от анализа методологии Маркса, чему посвящены его кандидатская и докторская диссертации, к ее историко-философским основаниям, а с другой стороны — к проблемам, имеющим связь со злобой дня. В этом смысле анализ им природы либерализма как раз и показывает преимущества методологии конкретного историзма.

Только с обывательской точки зрения либерализм и демократизм — одно и то же. А если подходить к проблеме конкретно исторически, то либерализм — это особая форма демократии, которая соответствует буржуазной эпохе, осно-

ванной на рыночном хозяйстве. Именно поэтому во всех упомянутых работах Мареева говорится о том, что демократия демократии рознь. Одно дело полисная демократия древних греков, у которых она есть главное проявление «греческого чуда». Другое дело демократическое устройство русской сельской общины. Что касается либерализма, то это исторически конкретная форма демократии в экономической жизни, политике и идеологии, в основе которых неприкосновенность частной собственности. Именно поэтому при характеристике либерализма Сергей Николаевич сопрягает его с буржуазным индивидуализмом. Практика и идеология либерализма основана на свободе индивида как частного лица. Либеральные свободы — это свободы граждан правового государства, где безусловен примат индивидуального интереса, а государство — «ночной сторож», который охраняет свободы граждан и гарантирует их компромисс. Иначе говоря, у либеральной демократии свой особый демос из граждан с гарантированными либеральными свободами. И совсем другим был демос у древних греков, а значит, и демос демосу рознь.

Не только у демократии в целом, но и у либерализма есть свои формы и своя история. И в самом начале, когда буржуазия в качестве «третьего сословия» встала во главе всего народа и сплотила его в борьбе с привилегиями аристократов крови, в либерально-демократическом движении был наиболее мощно представлен общенародный пафос, выраженный лозунгами Великой французской революции о Свободе, Равенстве и Братстве всех людей. Великие буржуазные демократы той эпохи считали самоочевидной не только свободу каждого, но и равенство всех. Сергей Николаевич повторяет слова отца американской демократии Томаса Джефферсона о самоочевидности того, что все люди созданы равными и наделены Создателем неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. И авторитет Создателя, и естественные законы природы привлекались в те времена для обоснования задач буржуазных революций. Английская, Американская и Французская революции, пишет Сергей Николаевич, осуществляли эти требования. Но из трех лозунгов Французской революции, — Свобода, Равенство и Братство, «на практике сложнее всего дело обстоит с Равенством» [Мареев, 2018, с. 43].

Только с точки зрения социологизаторов марксистского разлива, от которых дистанцировались и К. Маркс, и В. И. Ленин, идеологию либерализма всегда выражает буржуазия, а идеологию рабо-

чего класса сам пролетариат. На деле все оказывается сложнее, и на примере гражданских войн мы видим, как классовыми врагами становятся родные братья. Что касается расхождения в понимании идеалов свободы и равенства, то Сергей Николаевич указывает на такую ситуацию уже у идеологов французского Просвещения. Речь идет об антагонизме Вольтера и Руссо, в лице которых уже в XVIII в. выразило себя раздвоение единого общедемократического движения на собственно либерализм и радикальную и даже плебейскую демократию [Мареев, 2017, с. 29].

Выдающийся просветитель Вольтер был противником деспотизма и церкви, о которой он писал «Раздавите гадину». Но он же презирал бедных. «Меня особенно возмущает, — писал Руссо, — презрение, с каким Вольтер при каждой возможности говорит против бедных» [Асмус, 1984, с. 90]. Отношение к простому низовому народу, который, как правило, беден, неразвит и необразован, а поляризация на бедных и богатых, образованных и необразованных в XIX веке будет нарастать, становится лакмусовой бумажкой для определения либерала, который уже ставит свободу выше равенства и согласен поступиться равенством всех ради сохранения свобод для образованного и прогрессивного меньшинства. Еще раз подчеркнем, что на заре буржуазно-демократического движения не существовало ни этого выбора, ни самого противостояния собственно либерального и плебейско-демократического направлений в буржуазном обществе. Хотя в Великой французской революции уже участвовал Грахх Бабеф и его последователи бабувисты, предлагавшие уравнивать всех, причем не только политически и материально, но и в способностях и талантах.

Отношение к простым людям, социальным низам Сергей Николаевич считал главным критерием демократизма. В перестроечные времена, когда бывшие «пролетарии» вдруг обнаруживали у себя «дворянское происхождение», он напоминал, что сам из народных низов, и не терпел презрительного и даже снисходительного отношения к простым и необразованным людям, на почве чего и произошел разрыв его дружеских отношений с журналистом И. А. Раскиным. К современному культу толерантности, выражающемуся в борьбе с сексизмом, гомофобией и пр., Сергей Николаевич относился отрицательно именно как к проявлению такого либерализма. Либерал, как было подмечено еще в XIX веке, это краснбай, на словах неустанно сражающийся за свободу и равенство. Но ситуация меняется, если речь заходит о том, что-

бы поступиться своими личными или групповыми интересами в пользу униженной части общества. Еще у греков софисты учили, как отстаивать свой интерес, скрывая его за риторикой в пользу общего блага. Мареев любил вспоминать М. Е. Салтыкова-Щедрина, у которого «культурный человек» никак не может сделать выбор: «либо севрюжины с хреном закусить, либо об конституции помечтать». Характерное для либералов красноречие — это склонность к демократической фразе, но именно как фразе, за которой скрываются реальные интересы имущего и образованного меньшинства. Но столь же красноречиво, как это делали авторы «Вех» после подавления революции 1905 г., они будут оправдывать насилие, направленное против социальных низов, против большинства.

Обращаясь к выражению этого противостояния в философии, Сергей Николаевич отмечал, что либералы, в отличие от демократа Джефферсона, теперь уже неравенство загоняют в природу человека, лишь бы не поступиться своими интересами. Характерным примером Мареев считал позицию одного из авторов «Вех» Н. А. Бердяева, который в свое время отказался от марксизма. У Бердяева типично либеральная позиция противопоставления свободы равенству. «Свобода и равенство несовместимы, — пишет Бердяев. — Свобода есть прежде всего право на неравенство» [Бердяев, 1991, с. 127]. Между свободой и равенством, доказывает он, «существует не гармония, а непримиримый антагонизм» [там же, с. 126]. При этом Сергей Николаевич не скрывал своего уважения к Ленину, открыто говорил о классовом подходе, чем определялось его отношение к нашему советскому прошлому. И это отношение было опять же не таким простым или догматичным, как это может кому-то показаться.

Историю XX века Сергей Николаевич в последние годы рассматривал через призму обострившегося конфликта между либерализмом и «своим иным» либерализма — радикальной низовой демократией. Если первые приносили равенство в жертву свободе, то вторые жертвовали свободой ради равенства. Именно в этом контексте рождаются тоталитарные общества XX века, где низовое большинство подчиняет себе господствовавшее меньшинство.

Насилие с обеих сторон было закономерным проявлением уровня социального развития, а XX век лишь технически и экономически обеспечил условия для массовости проводимых репрессий. Тем не менее, в оценке моральной стороны вопроса Сергей Николаевич опирался на традиции

русской революционно-демократической мысли. Если русские либералы считали возможным в отношении низов в лучшем случае милосердие (презирая слабых и неимущих, пишет Мареев, либералы согласны создавать для них лишь дома призрения), то русские революционные демократы Н. В. Белинский, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен считали морально оправданной открытую борьбу низов за равенство политических и материальных возможностей, что, собственно, и привело в итоге к победе большевиков в Октябрьской революции.

Нравственно оправдать насилие со стороны слабого, а не сильного, ради освобождения, а не угнетения, может не только тот, кто сам был в положении слабого, бедного и униженного. На это способен человек, впитавший в себя классическую культуру, несущую идеалы гуманизма и справедливости. В любом случае Сергей Николаевич считал протест угнетенного, даже через насилие, по-своему нравственным и справедливым в предложенных историей обстоятельствах.

Сергей Николаевич считал большим упрощением характеризовать советское общество в качестве тоталитарного. Он не выносил отождествления сталинизма и гитлеризма. Но история XX века подтвердила, что крайности либерализма и радикального низового демократизма не снимаются диалектически в социалистической демократии в том виде, в каком она была реализована в СССР. Подобно Ильенкову, он не идеализировал советское общество, но, как и Ильенков, не идеализировал то, что противостояло ему на Западе. Мареев был согласен с Ильенковым в том, что, если справедливость в условиях западной демократии гарантируется формальным правом, то справедливость в нашем советском обществе, чем дальше, тем больше, также подменялась формализмом и бюрократизмом, скрывающим личный и групповой интерес власть имущих.

В своих статьях, уже после «сокрушительных» реформ 90-х, Мареев показывает, что советский социализм был действительно обречен, поскольку, как писал Ильенков в письме Ю. А. Жданову в 1968 году, в советском обществе так и не удалось осуществить важнейший переход от формального к реальному обобществлению труда и собственности. Частную собственность сменила всеобщая частная собственность, и потому так легко было в ходе реформ Ельцина и Гайдара повернуть все вспять. Как показывает история, писал Сергей Николаевич, трудно отнять собственность частных лиц, но довольно легко приватизировать общую собственность в лице государства. «Грубый комму-

низм», как это ни странно, концентрируя и обобщая производство, как раз создает почву для номенклатурно-бюрократической приватизации. Такая приватизация невозможна на базе мелкой собственности. Для этого необходима экспроприация. Специфика номенклатурно-бюрократической приватизации как раз в том, что это приватизация без экспроприации, т. е. присвоение того, что было ничьим» [Мареев, 2008, с. 276–277]. Таким образом, если в советском обществе равенство всех, пусть и в бедности, достигалось ограничением либеральных свобод силой социалистического государства, то в итоге в 90-х гг. мы на собственной шкуре испытали, как свободный рынок разрушает равенство в пользу свободы некоторых обогащаться и развивать свои способности под опекой уже либерального государства.

Демократизм Ильенкова и Мареева не был плебейским, как у Ж.-Ж. Руссо. Но в них обоих не было и намек на то, что именуют «барством». И в этом проявлялось огромное преимущество советского воспитания. В отличие от Руссо, оба прекрасно осознавали те возможности для развития личности каждого, которые открывает мировая классическая культура. И потому подлинное разрешение противоречий демократического развития они не отождествляли с реальным социализмом XX века, а связывали с коммунизмом в его Марксовом понимании, где свободное развитие каждого должно стать условием свободного развития всех. Коммунизм таким образом оказывается решением не только и не столько экономических и политических задач, но преодолением на их основе существующего отчуждения каждого отдельного индивида от духовных богатств, созданных человечеством. Путь к коммунизму — это создание равных стартовых условий для каждого в освоении отчужденного от большинства в наши дни бо-

гатства мировой культуры. «При этом «богатство», которое тут имеется в виду, — пишет Ильенков, — это не совокупность «вещей» (материальных ценностей), находящихся в формальном владении, а богатство тех деятельных способностей, которые в этих вещах «овеществлены», «опредмечены», а в условиях частной собственности — «отчуждены» [Ильенков, 1991, с. 163].

Не возвращение к природной жизни, как у Руссо, а высокая культура должна преобразить простой народ и разрешить противоречия либеральной демократии. Но стремление к тому, чтобы помочь низам подняться к вершинам культуры, а не подменять ее массовыми эрзацами, Сергей Николаевич видел и ценил уже в советском обществе. «Учиться, учиться и учиться» — это был не слоган, а реальная цель большинства советских людей, к которой стремились те, кто учился в вечерних школах, на рабфаках, на заочных отделениях вузов, втузов и т. д. Сам Мареев попал на философский факультет МГУ с учетом направления от Северного флота, где он до того проходил срочную службу. Поэтому он никогда не соглашался с теми, кто видел и видит в советском социализме лишь плебейский протест против достижений культуры, воплощенный в булгаковском Швондере.

Там, где мы жили, было и то, и другое. Реальностью был и Швондер, и сам писатель Михаил Булгаков, и его гонители, и его почитатели. Но суть конкретно-исторического анализа — в исследовании объективных противоречий эпохи, которым преобладают крайности выражения (под видом теории) самой либеральной идеологии или антилиберального протеста. Теоретический анализ исключает идеологию, но не исключает нравственную позицию автора. Достоинство работ С. Н. Мареева о либерализме и демократии, на наш взгляд, именно в этом.

Список источников

- Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. Москва: Мысль. 1984. 318 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства : Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли / Н. А. Бердяев, С. Л. Франк. Ленинград: Лениздат, 1991. С. 7–242.
- Ильенков Э. В. Маркс и западный мир // Философия и культура. Москва: Политиздат. 1991. С. 156–169.
- Ленин В. И. Либерализм и демократия // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 21. Москва: Издательство политической литературы. 1968. С. 237–236.
- Лифшиц Мих. Либерализм и демократия. Философские памфлеты. Москва: Искусство — XXI век. 2007. 336 с. ISBN 978-5-9805-1043-5.
- Мареев С. Н. Демократизм педагогики Э. Ильенкова // Э. В. Ильенков и проблемы образования : Материалы XVII Международной научной конференции «Ильенковские чтения», СГУ, 2015. С. 11–22. ISBN 978-5-8323-1031-2.
- Мареев С. Н. Либерализм и демократия о равенстве и справедливости // Альтернативы. 2014. № 4. С. 48–61.
- Мареев С. Н. Либерализм и демократия, или почему Ильенков не либерал // Э. В. Ильенков и проблема человека в революционную эпоху : Материалы XIX Международной научной конференции «Ильенковские чтения» (Москва, 20–21 апреля 2017 года). Москва: СГУ, 2017. С. 28–33. ISBN 978-5-8323-1075-6.
- Мареев С. Н. О либерализме и демократии // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков : Книга-диалог. Москва: ИФ РАН, 1997. С. 79–85. ISBN: 5-201-01945-5.
- Мареев С. Н. О либерализме и демократии в русской литературе и общественной мысли // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Вып. 4 : Политико-правовые проблемы образования и общества. 2018. С. 38–49.
- Мареев С. Н. Социализм: теория и практика // Эвальд Васильевич Ильенков. Москва: РОССПЭН, 2008. С. 268–287. ISBN 978-5-8243-1058-0.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре : Трактаты // Перевод с французского. Москва: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с. ISBN 5-87533-113-5.

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Elena Mareeva¹

S. MAREEV ON CONCRETE HISTORICALISM IN THE STUDY OF LIBERALISM AND DEMOCRACY

Abstract. The article analyzes S.N. Mareev's criticism of liberalism based on the methodology of concrete historicism. Mareev shows how, after bourgeois revolutions, the democratic movement split into liberalism, where equality is limited in favour of individual freedom, and radical mass democracy, where freedom is sacrificed to equality. The mentioned contradiction cannot be solved in the form of socialist democracy on the basis of formal socialization of labour and property, but already here, there is an element of movement to its solution under communism, where the condition for the free development of each is the free development of all.

Key words: democracy, liberalism, freedom, equality, justice, Mareev, Ilyenkov, Marx, Lenin, Rousseau.

1 **Mareeva Elena Valentinovna** – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture; Head Department of General Disciplines, Institute MIRBIS. Moscow, Russia. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru. AuthorID: 251091

References

- Asmus V. F. *Istoriko-filosofskiye etyudy* [Historical and philosophical studies]. Moscow: Mysl' Pubi. 1984. 318 p. (in Russian).
- Berdyayev N. A. *Filosofiya neravenstva : Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [Philosophy of Inequality: Letters to Foes in Social Philosophy]. *Russkoye zarubezh'ye. Iz istorii sotsial'noy i pravovoy mysli* [Russian Foreign Countries. From the History of Social and Legal Thought]. N. A. Berdyayev, S. L. Frank. Leningrad: Lenizdat Pubi., 1991. P. 7–242 (in Russian).
- Ilyenkov E. V. *Marks i zapadnyy mir* [Marx and the Western World]. Philosophy and Culture. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. 1991. P. 156–169 (in Russian).
- Lenin V. I. *Liberalizm i demokratiya* [Liberalism and Democracy]. *Lenin V. I. Complete Works*. Vol. 21. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. 1968. P. 237–236 (in Russian).
- Lifshits Mikh. *Liberalizm i demokratiya. Filosofskiye pamflety* [Liberalism and democracy. Philosophical pamphlets]. Moscow: Iskustvo – XXI vek Publ, 2007. 336p. ISBN 978-5-9805-1043-5 (in Russian).
- Mareyev S. N. *Demokratizm pedagogiki E. Ilyenkova* [Democracy of pedagogy E. Ilyenkova]. E.V. Ilyenkov and the problem of man in the revolutionary era: Materials of the XIX International Scientific Conference "Ilyenkov Readings" [E. V. Ilyenkov and problems of education: Materials of the XVII International scientific conference "Ilyenkov readings"]. Moscow: SSU Publ., 2015. P. 11–22. ISBN 978-5-8323-1031-2 (in Russian)..
- Mareyev S. N. *Liberalizm i demokratiya o ravenstve i spravedlivosti* [Liberalism and democracy on equality and justice]. *Al'ternativy* [Alternatives]. 2014. No. 4. P. 48–61 (in Russian).
- Mareev S. N. *Liberalizm i demokratiya, ili pochemu Ilyenkov ne liberal* [Liberalism and democracy, or why Ilyenkov is not a liberal]. E. V. Ilyenkov i problema cheloveka v revolyutsionnuyu epokhu : Materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Ilyenkovskiye chteniya" [E. V. Ilyenkov and the problem of man in the revolutionary era: Materials of the XIX International Scientific Conference "Ilyenkov Readings"]. Moscow, April 20-21, 2017. Moscow: SSU Publ., 2017. P. 28–33. ISBN 978-5-8323-1075-6 (in Russian).
- Mareyev S. N. *O liberalizme i demokratii* [On Liberalism and Democracy]. *Drama sovetskoy filosofii. Eval'd Vasil'yevich Ilyenkov: Kniga-dialog* [Drama of Soviet Philosophy. Evald Vasilievich Ilyenkov: Dialogue book]. Moscow: IF RAN Publ., 1997. P. 79–85. ISBN: 5-201-01945-5 (in Russian).
- Mareyev S. N. *O liberalizme i demokratii v russkoy literature i obshchestvennoy mysli* [On liberalism and democracy in Russian literature and social thought]. *Vestnik KAFU*. Vol. 4: Political and legal problems of education and society. 2018. P. 38–49 (in Russian).
- Mareyev S. N. *Sotsializm: teoriya i praktika* [Socialism: theory and practice]. *Evald Vasilyevich Ilyenkov*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. P. 268–287. SBN 978-5-8243-1058-0 (in Russian).
- Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore : Traktaty* [On the social contract: Treatises]. Translation from French. Moscow: KANON-press, Kuchkovo Pole Publ., 1998. 416 p. ISBN 5-87533-113-5 (in Russian).

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Лобастов Г. В. К определению понятия культуры // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 188–194. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.22

Дата поступления 25.02.2020 г.

УДК 316.342.6

Геннадий Лобастов¹

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье, посвященной памяти Сергея Николаевича Мареева, в жанре эссе сделана попытка проблематизировать понятие культуры, показать его всеобще-предикативный характер и субстанциальные основания. При попытке понять культуру осмыслена противоположность формально-логического обобщения и содержательно-теоретического выведения конкретно-исторических культурных образований и их обособления в нравственности и искусстве. Продемонстрирована сложность поиска критериальных определений культуры.

Ключевые слова: культура, предметно-преобразовательная деятельность, основание, начало, свобода и творчество, субъективность, понятие, личность, С. Н. Мареев.

¹ Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ (НАУ). Москва, Россия. E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru. PИНЦ AuthorID: 789335

В давние времена, лет пятьдесят назад, кафедра философского факультета МГУ, где я был аспирантом, готовила сборник научных работ. В прихожей однокомнатной квартиры, чтобы никому не мешать, я две ночи выстукивал на своей «Эрике», достаточно знаменитой тогда пишущей машинке, то, что шло мне в голову, — без оглядки на принятые нормы подготовки аспирантских статей и безликую стилистику. Пять закладок папиросной бумаги. Этот текст, составивший более двадцати страниц, наверняка где-то лежит в моих архивах. Почему-то он был назван мною «Цивилизация и культура».

Это была первая моя статья, написанная без всяких источников и сверки своих представлений с существующими в литературе. Это определило и своеобразие стиля, и меру глубины аналитических синтезов последовательно развиваемой мысли. В предлагаемом эссе я продолжаю эти размышления в связи с тем, что писал С. Мареев. Одна из его работ названа «Боль за русскую культуру» [Мареев, 2011]. Эта боль стала содержанием многолетнего творчества моего друга Сергея Мареева (1941–2019), который имел совершенно определенную позицию в мире борьбы добра и зла.

Должно сказать, что только в отвлечении от всего, что могло навязывать форму и содержание, от необходимости цитатами аргументировать мысль (а тем самым быть зависимым от цитируемой мысли) — только в этом внешнем осво-

бождении можно приобрести так называемую внутреннюю свободу. Свободу мысли. Когда все книжки, над которыми ломал голову, отброшены, когда забыто, кто и что писал, зачем и по какой проблеме. Когда осталось только то, что ушло в субъективность и осело там, ушло из сознания, что формирует «бессознательное» — ту сферу, которую именно так любит называть, мало то понимая, современная психологическая наука, а вслед за ней всяк, кто пытается рефлексивно всмотреться в себя. И только тема, которая вдруг оказалась проблемой, начинает вас вести, все более погружая в те слои, которые, казалось бы, никогда не были в сознании. Не были в процессах активного осознания того содержания, с которым сталкивалась твоя субъективность.

И потому кажется, что природа этой субъективности вообще к внешне-практической деятельности человека отношения не имеет. Не случайно Фрейд «обнаружил» ее «по ту сторону культуры и цивилизации». И это, сущее в теле, в биологии и физиологии тела до культуры, поднимается в сознание (стихийно или сознательно — с помощью психоаналитика), сублимируется и входит в культуру, даже порождает ее, определяя ее контуры и смысловое содержание. И было бы удивительно, если бы не нашлось тех, кто не начал бы искать другие, нежели Фрейд и вся натуралистическая, биологизаторская линия мысли до него, — не начал бы искать другие основания культуры. И было бы удивительно, если бы не нашлось тех, кто в культуре не увидел бы злое, разрушающее

естественное бытие человека, содержание. Тяга в пещеру, в райское блаженство каменного века с цветущими полями вокруг, с экологически чистыми горными ручейками, конечно, легко объяснима, ибо в пространстве человеческого бытия индивид, живущий блаженными сказочными идеалами, сталкивается с такими ужасами, которые даже умный ум, чистый и непроданный, объяснить не может. «Естественная» жизнь кажется им более благородной, чистой, божественной. И вся эта «общественно-историческая суэта», выявляемая сознанием и ощущаемая чувством, становится содержанием искусства.

«Первым моим учителем оказался Карл Маркс, — пишет Сергей о себе, — дело объясняется просто: в библиотеке славного сторожевого корабля «Кондор», на котором я служил матросом, оказался первый том сочинений Маркса и Энгельса еще первого издания, и этот том там был единственный» [Мареев, 2011b, с. 7]. Удивительно, сколь похожими могут быть судьбы: в те же годы, я, прихватив с собой первый том «Капитала» Маркса, ушел на рыболовном судне, тоже матросом, в Северную Атлантику, с удивлением его читал и сохраняю его с исчерканными страницами до сих пор [Лобастов, 2018]. Может, это обстоятельство обоих нас привело впоследствии к Эвальду Васильевичу Ильенкову [Лобастов, 2004], хотя мы обучались на различных кафедрах. Он на кафедре логики, я на кафедре диалектического материализма. Сергей пишет: «В годы моей учебы в МГУ он (А. А. Зиновьев — «тоже мой университетский учитель») заведовал кафедрой логики и угощал нас всякими «неклассическими» логиками, которые, как говорил Зиновьев, «придумывал сам» [Мареев, 2011b, с. 12]. Я искал истоки сознания, потому тяготел к психологии, но одновременно кормился позитивизмом, господствовавшим на факультете. Но вот оба пришли к Ильенкову: с одного факультета, с одного курса, похлебавши ума из разных кастрюль, и разными путями. Но пути наши сошлись и научным и человеческим смыслом только у Ильенкова.

Смыслы определяются движением форм объективной действительности общественно-исторического бытия, его внутренней логикой, логосом, как сказал бы Гераклит. Идеей, как выразили бы это дело Платон и Гегель. И надо немало ума, чтобы увидеть в этой действительности необходимо возникающие точки, в которых начинается объективное внутреннее различие ее собственных моментов и их обособление в устойчивых объективных формах. Сама эта форма устой-

чивой общественно-исторической деятельности приобретает объективный, независимый от человека, характер и начинает господствовать в мире материального бытия, не имея в себе «ни грана материальности». Это — идеальная форма, форма всеобщая, форма, принадлежащая каждому, кто включен в культуру, т. е. в общественное производство предметного человеческого мира и мира смыслов. Которые, смыслы, начинают жить как бы своей, обособленной от «грязи земного мира» жизнью, накладывая свою, уже вторичную, печать на формы движения человеческой культуры, точно так же порождая культуру вторичную. Логика эта ведет в пустоту симулятивной деятельности, бытие представляется симулякрами, но человеческий ум окультуривает эту пустоту, иногда замечая, что ноги не ощущают твердой почвы. Но от этого идеально-всеобщие формы действительности, конечно, не теряют себя. Но они обволакиваются и заполняются волнами безумия, хотя ясно — без них уже не только ум, но и сама объективная действительность падает в тупик небытия.

Капитал открыто и в то же время незаметно культивирует культуру, которая оборачивается злом. И не просто оборачивается в каком-то моменте, а имплицитно и перманентно его несет в себе. И как заглатывается это улыбающееся зло неразвитым эстетическим чувством, уродующим себя в этом потреблении! Конечно, образ сформированного уroda [Мареев, 2011c], о чем пишет Мареев, предпосылкой своей имеет образ идеальный, или иначе, тот идеал, определение которого нельзя дать вне серьезного философского мышления. Потому искусствоведение и культурология без культуры мышления — просто движение по фактам (можете их назвать артефактами) в болоте эмпиризма. Оценивая эти факты (и представления о них) блестящими в этой болотной грязи мнимыми преходящими ценностями.

Это, конечно, не говорит о культуре ума, но различать истину от заблуждения, тем более от лжи, мы обязаны, коли желаем войти в высокую культуру человеческого бытия. Разумеется, и это есть факт, и история немало дает нам образцов высокого духа. Но от моды, как говорил Гегель, никуда не уйти. Здесь, в преходящих, квазисамостоятельно бытующих формах интереса, в убогом сознании, отражающем столь же убогий срез действительности, пересекается преходящий индивидуальный интерес и бессознательное историческое движение объективного духа, духовной культуры человечества. «Бесконтрольнейшее го-

сподство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов, нравы только соответствовали низости учреждений; мы видим бесправие индивидуумов в гражданском и политическом отношениях, равно как и в области совести и мысли», — цитирует Мареев Гегеля, иллюстрируя то, за что его, Гегеля, выражающего явно «большевистскую», по мнению Сергея, позицию, «ненавидят либералы, начиная с Шопенгауэра и кончая Поппером» [Мареев, 2011, с. 25].

Да и за теми образами, которые создает теоретическая философия, тоже прячутся особые жизненные позиции. Каждая из которых, естественно, претендует на свою истинность и потому всеобщность. И потому же проявляет свою «агрессивность». Некое насилие над сознанием, культивируя его, это насилие, особым образом. Не только через педагогику, куда философия входит неявным образом. Но и через искусство, которое гораздо осознаннее несет в себе тот или иной философский принцип. Про явные же формы «обмирщения философии» (К. Маркс) говорить не тут место, но умная ее сторона, не та «скелетная», которая практически во всех случаях только и излагается в университетских курсах и учебниках, — умная ее сторона, иначе говоря ее внутренняя суть, восходит и держит в себе идеальные формы человеческой предметно-преобразовательной деятельности, а, следовательно, ее универсальную логику. То есть то, в чем живет истинная культура человеческого мышления, которая выражена в классической линии исторического развития философии.

Живет как всеобщая и объективная форма. Сделать ее формой мышления индивидуально-го субъекта и значит окультурить его субъективность, вывести ее на абсолютную позицию как позицию самообоснованной истины. Только этот момент в содержании субъективности дает истинную свободу — ту самую способность, ту самую определенность, которая великими мыслителями — от Гердера, через Фихте-Гегеля, до Маркса, — мыслилась как смысл исторического развития, то бишь развития самого человека, его исторического культурного самотворения.

Вот эти всеобщие-универсальные определения человека, свобода и творчество, будучи историческим человеком осознаны, в серьезной тео-

ретической философской рефлексии и дают возможность осмыслить начало культуры. Без такого философского взгляда это начало нельзя понять, а без понятия этого начала вы не поймете и эти всеобщие определения человека, тем самым не поймете ни смысл, ни содержание, ни логику человеческого бытия.

Здесь эмпиризм, плюрализм, релятивизм и прочее, конечно, будут пытаться обосновать себя, не видя своего собственного действительного объективного облика. И своих тупиковых пределов. И наука, претендующая на понимание культуры, культурология, будет в произвольности гулять по материалу исторических представлений, содержащих оценочные суждения о культурных образованиях. Всегда пытаюсь создать некий упорядоченный образ культуры, мнимо связанный этими культурологическими представлениями. А если заметить, что в формально-логической трактовке понятие культуры захватывает все видообразования человеческой исторической действительности, и граница ее, культуры, очерчивается именно этой действительностью, и ею же, этой границей она отделяет человеческий способ существования от естественно-природного, — если это не упускать из виду, то, о чем тогда идет речь? Какая действительность выступает денотатом понятия культуры? Каков ее собственный предмет?

«Культура является предметом изучения философии, культурологии, истории, искусствознания, лингвистики (этнолингвистики), политологии, этнологии, психологии, экономики, педагогики и др.», — пишет Википедия, от чего понятнее дело не становится. И продолжает: «Под культурой понимают человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений. Культура предстает также проявлением человеческой субъективности и объективности».

Как легко здесь заменить слово «культура» любым другим широким и известным понятием, по объему совпадающим с «человеческой деятельностью в ее самых различных проявлениях»! Там, где суждение оборачиваемо, т. е. субъект и предикат совпадают, одинаково значащим образом можно говорить о том и о другом в их раздельности [Лобастов, 2017]. В таком случае можно было бы культуру изучать именно как эту общественно-историческую деятельность, ее историческое движение с выведением необходимости ее исто-

рического общественного разделения вплоть до выявления оснований обособления собственно культуры как специфической формы деятельности общественно-исторического человека. То есть той деятельности, через которую, в призме которой осмысливается любое предметное образование, любая предметная форма, которая в каждом своем моменте, конечно, характеризуются всеобщими предикатами осмысливающего себя человечества. Поэтому понятие культуры здесь приобретает предикативную функцию.

И если в самом деле историческое развитие обособляет внутри себя некую деятельность, относительная обособленность которой требует и особого терминологического обозначения, то соответствующая наука обязана показать необходимость такого отщепления этой особой формы деятельности и ее особую, значащую для целостности бытия человека функцию, объективное смысловое назначение.

А поскольку субстанцией человеческой действительности является деятельность трудовая, деятельность преобразования природы в формы, обеспечивающие и определяющие человеческое бытие, постольку сам человек здесь определяется этим преобразованием. То есть культурой. Коль скоро мы в понятие культуры вводим все творимое человеческой историей, историческим человеком. Л. С. Выготскому принадлежит заслуга создания культурно-исторической психологии, которая рассматривает психику — и ее развитие в личностную форму — как имеющую свое основание в культуре.

Что в некотором отношении удивительно, поскольку философия за сотню лет до (Фихте, Гегель, Маркс) показала и даже развернула это обстоятельство. И, разумеется, не случайно эта психология ориентирована методологическими принципами философии Маркса. Историческая культура здесь понята как субстанция возникновения и становления человеческой личности. Человек вообще возникает как существо самоопределяющееся. Иначе говоря, все определения, которые содержит в себе человек, суть определения самого человека, он сам их в себе формирует. Все, что принадлежит истории, принадлежит человеку. И им же создано.

«Безликий человек, человек «массы», как его называют со времен Ницше, — пишет Мареев, — ни к какому творчеству не способен. Богатство и разнообразие культуры делает человека оригинальной личностью» [Мареев, 2011а, с. 377]. Формирование (происхождение) человека, действи-

тельно, с самого начала опосредствовано его преобразующей, творящей активностью, становление человека человеком — это и есть процесс его окультуривания. Внутренняя дифференциация человеческого исторического содержания, о природе чего не здесь речь, обособляет и такую форму человеческой деятельности, которую научная рефлексия сознания называет собственно культурой, т.е. той специфической сферой, в которой культивируется духовная жизнь человека. Содержание этой духовной жизни (культуры) так или иначе, но всегда вырастает из реальной преобразующей деятельности человека, в смысловом своем содержании в идеальной форме развивая выявляемые возможности действительности. Этот идеальный момент является реальным содержанием личности, личность — это окультуренное тело индивида, способное к свободному движению внутри созданных историей культурных форм. Как раз это движение в формах и по формам культуры вынуждает индивида формировать в себе соответствующие субъективно-психические функции с их смысловыми нагрузками. Поэтому личность есть всегда свернутая в точечность, объективно заданная индивиду устойчивая форма исторической культуры. Разумеется, не все содержание исторической действительности сворачивается в способностях индивида, но всеобщие ее, этой культуры, формы задаются с бессознательной необходимостью. Чем и создают иллюзию их прирожденности.

Выражение «культура человека» означает меру развития способностей адекватного движения по логике идеальных форм. Идеальная форма вырабатывается внутри исторического развития человека, и она отражает всеобщий способ его деятельности. «Культурный человек» поэтому воспроизводит в своем поведении (любой деятельности) этот бессознательный глубинный аспект своей духовности и умеет его сделать основанием своих суждений и поступков. В поступках и суждениях мы видим действительную меру человечности в человеке, его окультуренности. Поэтому культура всегда связана с идеалом.

Тут как будто напрашивается мысль, что понятие культуры совпадает с понятием труда: преобразующий труд окультуривает предмет преобразования, а преобразование предмета есть деятельность окультуривания. Преобразование и окультуривание как процессы совпадают. И, казалось бы, нет нужды в разведении этих понятий. Совпадают и способы движения преобразующей деятельности и деятельности окультуривания.

Тем не менее понятие культуры отслаивается от понятия преобразования и становится универсальной характеристикой (определением) всей полноты и любого особенного феномена человеческой действительности. И нет ничего удивительного в выражениях такого типа: культура преобразования и преобразующая культура. Культура самой культуры — если такое выражение несколько и режет ухо, то только потому, что само ухо не окультурено, его слух не способен войти в смысловые различия внутри самого культурного содержания. Ибо в составе создаваемой человеком действительности есть и такие порождения, которые выводятся нравственным смыслом за рамки культуры. И мы видим внутреннее расчленение понятия культуры: культура перестает быть всеохватывающей, а относится только к таким формам деятельности, интенции которых связаны с утверждающими человеческое бытие идеалами.

Другой стороной оказывается бескультурие, отсутствие культуры. Которое тоже, легко понять, культивируется, и особые условия общественной жизни придают этой культуре бескультурия вполне определенный смысл. И это далеко не симулякры, как можно было бы сказать в постмодернистской традиции. Культура бескультурия, или субкультура, касается не только субъективно-человеческого поведения, она связана с особым характером общественного производства человеческой жизни. С отчуждением труда. И со всеми феноменами отчуждения, на этой основе возникающими.

Казалось бы, все, что человеком производится, все, на чем лежит печать преобразования, есть образование культурное. Но само это преобразование может оказаться далеким от культуры. И здесь мы опять наталкиваемся на странные противоречия. Насилие — феномен человеческой культуры. Ибо оно осуществляется как человеческая деятельность, т.е. средствами и способом, выработанным в истории, и всегда определена особыми целями, вытекающими из общественного содержания бытия. Разумеется, я здесь отвлекаюсь от естественно-природных явлений, где нам видится насилие, ибо это скорее есть именно естественно-природная связь, а не феномен, возникающий в истории. Поэтому культура насилия — это тоже культура. Хотя это не только режет ухо, но и как будто противоречит только что высказанному суждению о явлениях бескультурия.

Однако насилие есть момент исторического развития, и оно окультуривается с движением

истории. От грубых форм своего выражения насилие сегодня уходит в такие слои и расщелины человеческого бытия, что не воспринимается сознанием как насилие. То есть не осознается. Но оно существует во всех формах человеческого бытия. Даже в утверждении самой человечности. Даже в утверждении свободы. Через насилие человек утверждает себя как человек. И делает это не только утверждением канонов и стандартов, моральных норм и логических законов, но и оно, это насилие, выступает внутренним определением самого преобразующего труда как субстанции и условия непосредственной человеческой жизни.

А что же такое культура мышления? Ведь само окультуривание, превращение любой формы объективной действительности в форму культуры, в окультуренную форму, в общей форме совпадает с формой самой преобразующей деятельности. А эта форма, форма преобразования, взятая в ее всеобщности, и есть, собственно говоря, мышление, идеальная форма деятельности, внутренний момент любой практической деятельности.

И однако, — культура мышления! Снова как будто тавтология. Но так или иначе, а есть некий процесс окультуривания самого мышления, предполагающий его неокультуренную форму. Но процесс окультуривания мышления никак не может быть понят без самого мышления. Без способности мышления вы не преобразуете, не окультурите ничто в этом мире. И здесь круг. И не только логический. Ибо логический круг отражает в действительности нечто «кругообразное», замкнутое на себя, воспроизводимое, самодостаточное. А потому содержащее в себе момент абсолютного.

С этим же моментом абсолютного связано и понятие личности. Личность есть высший продукт исторического развития. «Значение личности ... состоит в том, что только через личность идет общественное развитие, — пишет Мареев, — но и развитие личности идет через развитие общества. Чем более развито общество, тем более благоприятные условия оно представляет для свободного развития личности. И в этом состоит закономерность исторического развития. Что касается общественного упадка, то он означает не только упадок культуры, но и измельчение личности» [Мареев, 2011а, 375]. Вся культура так или иначе сосредоточена в формах личностного бытия. Безликость есть объективно нечто недоразвитое. Духовность, которая развивается усилиями самого духа, воплощенного в личностное

бытие, и представляет собой ту сферу, которую в собственном смысле и должно называть культурой. Это культура личности. По большому счету, это означает культуру общественных отношений — от отношений материального производства до отношений нравственных. Ибо личность здесь прорастает и здесь реализует себя как преобразующий объективные условия и самого себя человек. Вместе со своим духом.

Обнаружение субстанциального основания человеческого культурного бытия перестраивает само понятие культуры. Смысл понятия культуры теперь сводится к преобразующей сути предметной деятельности человека в пространстве и времени. И здесь мы выходим за пределы формально-логического описания культурных феноменов, а логикой объективного развития содержания человеческой действительности вынуждены именно эту логику и выстроить — как логику возникновения и бытия культуры. Более того, как исходный принцип производства всей

полноты человеческого содержания, как в объективной, так и в субъективной форме. Принцип перехода объективного в субъективное и наоборот как формирующий и развивающий человеческую субъективность (личность) и был развернут в той самой статье моего аспирантского периода «Цивилизация и культура», настоящее же эссе выглядит введением в ее строго логическое содержание.

Эти несколько разбросанные рассуждения о культуре как объективной исторической форме отношения человека к самому себе, как объективном смысле своего самосознающего бытия, есть своеобразный рефлекс на многогранное творчество Сергея Николаевича Мареева, ушедшего из жизни, но сохранившего себя в ней своими неординарными трудами. «Долго думал, — пишет он о своей научной судьбе, — чем все это закончить. А потом решил: чего же заканчивать, когда жизнь-то еще не окончена. Так что продолжение следует...» [Мареев, 2011b, с. 12].

И я надеюсь, что продолжение последует. Только уже после жизни.

Список источников

Лобастов Г. В. На пути к Ильенкову // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. Москва: РГГУ, 2004. С. 136–165. ISBN 5-9290-00573 2004.

Лобастов Г. В. Путь к свободе («воспоминания» о «Капитале») // Альтернативы. № 2, 2018. С. 137–141.

Лобастов Г. В. Слово и сознание: в пространстве культурно-исторической психологии (к 120-летию Л. С. Выготского) // Вопросы философии, 2017, № 6. С. 122–132.

Мареев С. Н. Боль за русскую культуру // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011. С. 24–28.

Мареев С. Н. Зачем человеку личность // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011а. С. 355–380.

Мареев С. Н. О времени и о себе // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011b. С. 7–12.

Мареев С. Н. Уроды // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011с. С. 13–23.

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Gennady Lobastov¹

TO THE DEFINITION OF CULTURE

Abstract. In an article dedicated to the memory of Sergey Nikolaevich Mareev, an attempt was made in the *essay genre* to problematize the concept of culture, to show its universally-predicative nature and substantial grounds. In an attempt to understand culture, the opposite of formal logical generalization and substantive theoretical derivation is shown of concrete historical cultural formations and their isolation in morality and art. The difficulty of finding criteria for cultural definitions is demonstrated.

Key words: culture, subject-transformative activity, foundation, beginning, freedom and creativity, subjectivity, concept, personality, S. N. Mareev.

1 **Lobastov Gennady V.** – Dr. Sci. (Philos.), Professor. Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI. Moscow, Russia.
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru. **РИНЦ AuthorID: 789335.**

References

Lobastov G. V. Na puti k Il'yenkovu [On the way to Ilyenkov]. *Eval'd Vasil'yevich Il'yenkov v vospominaniyakh* [Evald Vasilyevich Ilyenkov in his memoirs]. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2004. 308 p. P. 136–165. ISBN 5-9290-00573 2004 (in Russian).

Lobastov G. V. Put' k svobode («vospominaniya» o «Kapitale») [The path to freedom ("memories" of "Capital")]. *Al'ternativy* [Alternatives]. No. 2, 2018. P. 137–141 (in Russian).

Lobastov G. V. Slovo i soznaniye: v prostranstve kul'turno-istoricheskoy psikhologii (k 120-letiyu L. S. Vygotskogo) [Word and consciousness: in the space of cultural-historical psychology (on the 120th anniversary of L. S. Vygotsky)]. *Voprosy Filosofii*, 2017, No. 6. P. 122–132 (in Russian).

Mareyev S. N. Bol' za russkuyu kul'turu [Pain for Russian culture]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011. 586 p. P. 24–28 (in Russian).

Mareyev S. N. Zachem cheloveku lichnost' [Why does a person need a personality]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011a. 586 p. P. 355–380 (in Russian).

Mareyev S. N. O vremeni i o sebe [<Conversations> about time and about oneself]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011b. 586 p. P. 7–12 (in Russian).

Mareyev S. N. Urody [Freaks]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011c. 586 p. P. 13–23 (in Russian).

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Иващук О. Ф. Диалектика формы и жизнеспособность культуры. Памяти С. Н. Мареева // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 195–204. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.23

Дата поступления 25.02.2020 г.

УДК 316.342.6

Ольга Иващук¹

ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КУЛЬТУРЫ. ПАМЯТИ С. Н. МАРЕЕВА

Аннотация. Опираясь на методологию П. Бурдьё и Н. Элиаса, автор доказывает, что советский творческий марксизм, объединившийся вокруг Э. Ильенкова, является автономной философией. Она автономна в двух смыслах: 1) независима от политического поля; 2) несмотря на связь с немецкой классикой, ее нельзя считать культуртрегерством. Она представляет собой оригинальную рефлексию культуры на собственные основания, которую произвела историческая ситуация, структурно гомологичная той, что породила и немецкую классику.

В обоих случаях: 1) она была частью решения задачи производительного перехода к рынку современного типа: разработкой условий возможности воспроизводства субъектов производства; 2) это решение было связано с преодолением двойственной ошибки, выступающей инструментом господства, которую П. Бурдьё называет *scholastic fallacy*; 3) сама способность культуры к этому преодолению обусловлена подчиненным положением слабого конкурента и необходимостью сопротивляться псевдоморфозу.

На примере сопоставления диалектики формы у Гегеля и у Мареева автор показывает, как Мареев не столько интерпретирует, сколько переоткрывает гегелевскую разработку, опираясь на современные ему логические теории. В результате возникает оригинальный вариант преодоления *scholastic fallacy*.

Ключевые слова: автономия философии, рынок, производство, творческий марксизм, гомология, диалектика.

1 Иващук Ольга Федоровна — доктор философских наук, доцент. Институт общественных наук РАНХиГС. Москва, Россия.
E-mail: ofi@list.ru. ORCID: 0000-0002-8780-8103; ResearcherID: M-8050-2014; AuthorID: 250556, SPIN-код: 3129-3533.

12 сентября 2019 года не стало Сергея Николаевича Мареева. Для многих из нас он был ориентиром и живым ответом на вопрос: что значит мыслить? Потеря его невольно рождает тревогу: в каких координатах мы остались? И настоящая статья представляет собой не некролог, а скорее попытку в первом приближении это понять, осмыслив некоторые контуры того, чем мы сегодня благодаря Сергею Николаевичу располагаем, что он оставил людям.

В последнее время «советский творческий марксизм», представителем которого был и С. Н. Мареев, вызывает интерес как в отечестве², так и на Западе, в том числе благодаря переводу некоторых работ Э. В. Ильенкова, посвященным ему совместным публикациям российских и европейских интеллектуалов³, книге В. Янцена и Б. Зиберта [Jantzen, Siebert, 2003]. Среди прочих

причин называют то, что проекты влиятельных философов А. Бадью [Badiou, 2009] и С. Жижек [Zizek, 2012] были ими позиционированы как диалектико-материалистические, но при этом не имеющие родства ни с диалектикой, ни с критической теорией, так что «на западе стал менее устойчивым антидиалектический консенсус» [Сюткин, 2017, с. 284].

Выявить значимость советского творческого марксизма в общемировом философском пространстве еще предстоит. Однако то, что формирует специфику этой философии, можно высветить только через ее соотнесение с породившей ее почвой. Рассмотреть этот аспект и является целью настоящей работы.

Автономная советская философия

С. Н. Мареев вместе с немногими единомышленниками, группировавшимися вокруг Э. В. Ильенкова, составляет ядро того феномена, который можно обозначить как автономную советскую философию. Автономной эта философия является в двух смыслах.

1. В смысле П. Бурдьё: она независима от властей предрежащих и рынка. Поскольку рынок в

² Если фиксировать интерес только к извне самого феномена, см., например, [Пуцаев, 2018] и отклики на эту книгу.

³ Например, журнал «Стазис», 2017, т. 5, № 2 посвятил советскому марксизму весь номер.

СССР отсутствовал, от него можно отвлечься. Автономия же от политической сферы выразительно документируется протоколами тех аутодафе, которым подвергся Ильенков со стороны партийной и академической власти.

В этих документах, во-первых, лейтмотивом обвинений в адрес Ильенкова выступает «аполитичность» его философии и ее «отрыв от практики» [Ильенков, 2017, с. 72]. Действительно, понимание предмета философии как познающего мышления грешит тем и другим, поскольку обосновывает статус философии как науки с собственным предметом исследования, что исключает манипуляции ею со стороны власти. Во-вторых, критерием того, что поле достигло порога автономии, является обращенный (относительно политического) порядок накопления его специфического капитала. О факте, что в советской философии благодаря Ильенкову обращенный порядок устоялся, свидетельствуют те же протоколы. Так, на заседании Сектора диалектического материализма Института философии, созданного ради очередного порицания Ильенкову, передавшему рукопись «Диалектики абстрактного и конкретного» издательству Фельтринелли, В. И. Стемпковская оправдывается за коллектив Сектора, который не смог вовремя на Ильенкова повлиять: «Давайте на партийном бюро честно сознаемся, что в Секторе, например, не так-то просто выступить против Ильенкова, когда в теоретическом отношении он стоит на голову выше зав. Сектором» [там же, с. 61].

2. Эта философия автономна и в том смысле, что ее вклад, несомненно преемственный западной классике, прежде всего, немецкой классике, никак не может быть назван культуртрегерством, но представляет собой реальное и плодотворное усилие быть самосознанием культуры, которая прокладывает собственный исторический путь в нелегких условиях догоняющего развития. Причем проблемы, вызывающие к жизни такую философию, суть проблемы вполне определенного сорта. Их специфику можно прояснить с помощью сопоставления советского неогегельянства с исторически первым гегельянством в Германии.

Культурная гомология немецкого и советского гегельянства

«Сопоставлять, — предостерегает О. Шпенглер [Шпенглер, 1998, с. 271–272], — можно далеко не все что угодно, но для разумного соотнесения следует искать гомологичных отрезков жизни культурных образований». И если имеются основания поставить С. Н. Мареева, как и Э. В. Ильен-

кова, в гомологическую связь с немецкой классической философией, то это означает, что их труд по смыслу и месту в их культурно-историческом целом объективно должен отвечать той же задаче, которую решала и она. Этой задачей была выработка метода сознательного образовательного культивирования творческой субъективности, без решения которой отстающая культура не может стать субъектом рыночной игры. Сам факт существования такой философии позволяет говорить о трансформации культуры изнутри, а не о псевдоморфозе¹.

Правомерность этого предположения видна из следующего. Поскольку европейское развитие начиная с XIX существенно определяется производством не просто рыночным, но производством, опосредствованным рынком современного типа (*laissez-faire*), то с этого времени альтернатив рыночной игре больше не существует, каждая культура, вступающая в индустриально-капиталистическую эру, вынуждена специфический для нее способ производства человека переплавить в рыночный. Специфику последнего составляет коммодификация всех факторов производства (в том числе тех, которые К. Поланьи называет «фиктивными товарами» [Поланьи, 2007, с. 87], а К. Маркс — моментами производственного отношения: субъектом-организатором, субъектом-непосредственным производителем и природой [Маркс, 1962, с. 354]). Сможет ли при этом рынок функционировать производительно или произойдет удушение производства (и субъектности культуры) рынком — зависит от того, защищают ли культурные институты от буквализма коммодификации самих субъектов производственного отношения, позволяя им воспроизводиться.

Как показывает история, оптимальным интегратором всех трех направлений защиты воспроизводства является национальное бюрократическое (не династическое) государство, поэтому такое государство и рынок возникают одновременно и друг без друга невозможны.

Европейский рынок *laissez-faire* заработал в полную силу уже в первой трети XIX века. Лидером на нем были Англия и Франция, а Германия на рубеже веков (как и мы сейчас) находилась в таком переходном положении, когда выработка

¹ «Историческими псевдоморфозами называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [Шпенглер, 1998, с. 193]

этих самых защит была для нее вопросом выживания: открывшаяся мировому рынку отсталая страна с буржуазией, только еще вырабатывающей свою отнюдь не гарантированную производительную мощь и ведущую к ней мыслительную культуру, которая должна была преодолеть сеньориальный, расходный (как это называл В. Зомбарт [Зомбарт, 2005, с. 37, 147 ff]) образ мыслей и противодействовать ему систематически², культивируя предпринимательский, инновативный дух. Самостоятельная продуктивность, свобода творческой субъективности, ее условия возможности — вот что должно было выдвинуться на первый план в духовной жизни. Причем, условия эти отыскивались не только в ментальном пространстве одинокого субъекта, но и в пространстве межсубъективном, социально-институциональном.

Так, Фихте обосновывал и трансцендентальный «моральный миропорядок», и «замкнутое торговое государство». А Гегель в «Феноменологии духа» показывает, что, хотя современный ему исторический характер человеческих отношений всеилием рынка погашает значимость социальной конституэнты индивида, все же действительный мир всеобщей межиндивидуальной связи тем самым не исчез, он остается различимым в гегелевской оптике: «Пусть индивидуальность общего хода вещей считает, что она совершает поступки только для себя или своекорыстно, она лучше, чем она мнит о себе, ее действие есть в то же время всеобщее действие» [Гегель, 2008, с. 309]. Самые эгоистические цели преследуются в формах, выработанных для воспроизводства социальности³, так что, воспроизводя себя, эгоистический индивид всегда воспроизводит свои социальные отношения, в которых он сам воспроизводится. Именно так выкристаллизовываются в самосознании культуры те формы, которые ради ее воспроизводства требуют институционального оформления и защиты.

Этот процесс в немецкой культуре был отрефлектирован полнее, чем в других, потому что в Германии, которую положение слабейшего конкурента на рынке привело к оптимальной тактике сопротивления, вовремя произошла реальная

мобилизация этой социальной, солидарной культурной конституэнты. Она позволила выработать соответствующие защиты, прежде всего, защиты национальной академической сферы, которые позволили расцвести тому интеллектуально затратному, но необходимому для перехода к рынку формообразованию, которое получило имя немецкой классической философии.

Оптимальной указанная тактика была потому, что в позиции слабого конкурента выигрышной является попытка не просто занять место сильного (это невозможно), но оспорить сам порядок мира с единственным центром господства в пользу плюриверсального [Элиас, 2001, с. 59–62]. Это позволяет противодействовать унифицирующим стратегиям, которые пытается навязать лидер рынка, и приводит к возникновению в сознании сопротивляющейся культуры различия цивилизации как чужой, формальной, формы, олицетворяемой лидером (экспансии которого выгодна сдвигаемая или открытая граница), и культуры, т. е. формы, выросшей на собственной почве (*eigentlich*) и имеющей свою четкую границу и особенность.

Экспансия лидера стремится навязать культурно-безотносительный, т. е. индивидуалистический, образ мыслей и подчиняемый, поскольку принятие соперником этих правил игры лишает его символических опор для выработки коллективного сопротивления и делает легитимным выигрыш лидера. Точкой зрения господства, как показывает П. Бурдьё, вообще является точка зрения одиночного *Cogito* [Бурдьё, 2001, с. 53], поскольку она содержит трудно выявляемую ошибку, которую П. Бурдьё называет *scholastic fallacy*. Последняя состоит в том, что сеньориально настроенный теоретик, располагающий досугом, приписывает то же состояние и свои интересы тем, кто погружен в недосуг [Бурдьё, 2019, с. 294–295]⁴. Она и является инструментом навязывания определенных форм мышления и поведения через сокрытие и непризнание, вытеснение из зоны видимости альтернативных способов *vision et division*, превращая тем самым всё потенциально субверсивное в недоступное.

Вот почему плоско-эмпирическое воззрение на мир и науку, связанное с точкой зрения оди-

2 «Что всегда сокрушало предпринимательский дух, без которого не может существовать дух капиталистический, — это измельчание в сытое рантьество или усвоение сеньориальных замашек» [Зомбарт, 2005, с. 434]

3 С навязыванием этих форм и доступом к нему связана борьба за признание (диалектика раба и господина).

4 Она может реализовываться двояко — через приписывание субъектности одинокому *Cogito* или коллективному субъекту, подобно тому, как это происходит в противостоящих американских социологических направлениях, называемых CAT (*collective activity theory*) и RAT (*rational activity theory*).

ногого индивида, возобладало в английском и французском Просвещении, которому трудно было бы даже объяснить, в чем различие цивилизации и культуры, но в немецкой культуре оценивалось как если и неизбежное, то все же сугубо вторичное и опосредствованное, что надо обезвредить, чтобы «из смерти и заката ложной науки и абстрактных теорий в Германии могла скорее прорасти истинная Наука и Метафизика» [Шеллинг, 2014, с. 465].

Это и привело к преодолению *scholastic fallacy*. Первым шагом к этому было развертывание *Cogito* в трансцендентальную субъективность. Но от *Cogito* ее отличает только абстрактно-всеобщий характер, при котором сверхиндивидуальные характеристики человека моделируются все же по образу индивида («Яйность» вместо «я»). Такая *cogito*-ориентированная организация человеческого мира превращает его в процесс, по преимуществу познавательно детерминированный, где одинокому мыслящему индивиду, умеющему «пользоваться собственным умом» [Кант, 1966, с. 27], может противостоять и им признаваться лишь полагаемый им объект, в котором все исчислимо, и теория, помимо такого исчисления, не видит за собой иных возможностей и обязанностей, вытесняя все прочее в область веры.

Поэтому и понадобилась реформа самих основ построения теории, равной которой не было в истории: рождение гегелевской диалектики, исходящей из человека не как из атома, но из человека как общительного, общественного существа, отнесенного к другим субъектам — что и означает у Гегеля: мыслящего.

Поскольку процесс развития общественного производства рыночного типа идет волнами, через периодические колебания между усилением рыночного либерализма и усилением институционально-государственных защит, этой же периодичности можно ожидать во всплесках интереса к Гегелю и классическим темам, которые становятся нужны, когда экзистенциальные угрозы заставляют перевести теоретизирование о субъекте из подспудного режима в режим активной разработки. В периоды же стабильного инерционного развития эти темы отодвигаются, но продолжают оберегать субъективность, поскольку стали необходимой частью высшего образования в виде *humanities*.

Тяготение советской философии к немецкой классике, к Гегелю как ее последнему слову было как раз случаем культурной одновременности с тем созидательным отрезком истории, когда раз-

витие не-одномерной субъективности делает шаг вперед.

В советской философии эту задачу непосредственно и решала работа Ильенкова, Мареева и других, кого выделяет из всех версий советских попыток философствования не просто успешное избегание ошибки *scholastic fallacy*, но методическая работа по выявлению ее оснований и их преодолению. Отказ от «субъективно-идеалистической версии логического» как «одинаковости, тех схем, по которым работает каждое порознь взятое Я» [Ильенков, 2974, с. 145–146], и связанные с ним исследования неоднородности идеального, образовательных институтов и практик, формирующих идеальное как то, что делает человека человеком, объединяет их всех.

С. Н. Мареев и диалектика формы

А. Форма у Гегеля

Центральная роль работы С. Н. Мареева в этом круге задач определялась тем, что он по образованию был логик, которому свободное владение техникой этой дисциплины позволило не раствориться в ней, а исследовать ее предпосылки. И в этой работе С. Н. Мареев был на высоте самых виртуозных фигур логики гегелевской. Можно показать, что у него гегелевская Логика не просто реактуализируется, но дошлифовывается. Для такой демонстрации возьмем, за неимением места, лишь одну из наиболее запоминающихся мареевских разработок, диалектику формы [Мареев, 1978].

Если проследить, как у самого Гегеля выписана эта диалектика, мы найдем значительные расхождения между Большой логикой и более поздней Логикой энциклопедической. И эти расхождения не просто композиционные: перестановка категории в логической цепи должна быть мотивирована из самой сути дела. Гегель, однако, не объясняет, почему идет на эту перестановку.

В Большой Логике форма выступает как раскрытие фигуры формального основания, т.е. сразу после того, как начальные категории раздела «Сущность» («чистые рефлексивные определения»), превратившись в стороны противоречия, переходят в основание (*zu Grunde gehen*). Обращение к форме именно в этом месте логично, поскольку именно благодаря выявлению основания перехода противоположностей, обозначившихся в поверхностном многообразии наличного, сущность впервые получила определенность, т.е. форму. Теперь эта определенность выступает как внутреннее различие основания. И это различие заставляет основание (пока формальное) прохо-

доть снова три стадии движения, которые проявились в движении чистого различия: от формального, наименьшего различия («различия, которое еще не есть различие»), через внешнее (реальное) различие к противоречию и снятию в новом уровне, т. е. двигаться в направлении сначала реального основания, а затем к снятию основания в существовании.

Все это происходит здесь на одну ступень раньше, чем в Энциклопедии, где форма рассматривается уже внутри раздела «Существование», при разборе отношений вещи к себе и к другим вещам. Здесь как внешняя рефлексия вещи в иное возникают материи — сначала как свойства вещи, попытка обосновать принадлежность которых данной вещи приводит к бесконечному регрессу и превращению свойств в устойчивые за пределами данной вещи и безразличные материи, лишь случайной «точечностью» которых оказывается вещь. Вещь в них поэтому растворяется. При этом материи равнодушны друг к другу и к вещи, т. е. равнодушны к форме, в себе они суть одно и то же, и потому сливаются в одну материю.

Но дальше изложение в Энциклопедии движется так, что трудно понять: перед нами обещание или уже переход к тому, что обещано. Так, непосредственно за констатацией равнодушия материи к форме Гегель пишет: «Но материя... содержит как существование столь же рефлексию-в-другое, сколь и в-себе-бытие; как единство этих определений она сама есть тотальность формы. Форма же как тотальность уже содержит в себе определение рефлексии-в-самое-себя, или, иначе говоря, как относящаяся к самой себе форма она обладает тем, что должно составлять определение материи. Обе они суть в себе одно и то же» [Гегель, 1971, с. 293–294]. Из того, что форма и материя в себе едины, следует, что они должны обнаружить это единство как положенное, а не как лишь в себе, не как вообще единство, а содержательное. Но как это произойдет?

Дальше изложение в Энциклопедии как будто повторяет движение категории существования из Большой логики: явление через повторяющееся обусловливание другим явлением развертывается в мир. Но в Большой логике тут появляется важное опосредствование: в этом развертывании обнаруживается устойчивость — закон, относительно которого выясняется, что всегда для одного явления можно обнаружить два ряда законов, образующих противоположность друг другу, благодаря которой абстрактный вначале «в себе и для себя сущий мир» законов развертывается в

являющийся мир, т. е. наполняется многообразием. При этом ни слова о форме и содержании там нет. А в Малой логике описание бесконечного обусловливания вдруг увенчивается утверждением, что существование развернулось в тотальность [там же, с. 298], хотя до сих пор речь шла только о дурной бесконечности. Как последняя свертывается в тотальность — остается за кадром, и Гегель как что-то само собой разумеющееся заявляет: «мы здесь имеем удвоение формы» [там же], говорит, что содержание не бесформенно, форма содержательна, приводит интересные примеры, вроде того, что бессодержательная книга — это не книга с пустыми страницами, а книга, бедная мыслью. И хотя читатель и рад бы внять заключительному наставлению, что «не следует рассматривать мысли как в себе пустые формы» и т. д., но не может, ведь ему все же не показано, как этот переход к положенному единству материи и формы состоялся.

У Гегеля здесь действительно совершенно непонятно, силой какой необходимости оказывается, что «содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, а форма — переход содержания в форму» [там же]. Это Гегелю не мешает дальше опираться на введенные категории в их диалектическом понимании. Но как перейти или перепрыгнуть читателю, который пытается со-мыслить, с одного берега (не рефлексированной формы) на другой (формы содержательной)?

Большая логика, конечно, на многое проливает свет, особенно параграф «Форма и материя», где видна активность формы, поскольку она как «соотносящееся с собой отрицательное» есть противоречие внутри самого себя, ...отталкивает себя от себя» [там же, с. 79]. Но и тут мы видим, как полагается внешность формы, а нам нужно понять, наоборот, как снять внешность, как «материя должна принять форму, а форма должна материализоваться» [там же], чтобы стать содержательной.

Последний шанс читателя перед тем, как Гегель объявляет задачу решенной — задолго до рассмотрения раздела о существовании и законах — это абзац о том, что форма содержится в материи как скрытая, и «материя есть то же противоречие в себе, которое содержит форма, и это их противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие... Следовательно, определяясь формой как чем-то внешним, материя достигает своего определения» [там же, с. 81], и это соотношение с собой выступает «как соотношение со своим иным» [там же].

Ясно отсюда лишь то, что, раз материя остается моментом формы, они не должны остаться просто внешними. Раз она способна принять любую форму, то, соотносясь с материей, форма соотносится лишь с собой.

В этот момент отчаяние может привести читателя к подозрению, что перед ним разыгрывается какое-то мошенническое действо — внешняя материи форма просто объявляется содержательной, потому что в себе они суть одно.

Б. Форма у Мареева

На самом деле подозрение напрасно, все необходимое у Гегеля сказано, хотя привести это к ясности может только отсутствующий пока контекст.

Поэтому когда Гегель пишет: «материя есть то же противоречие в себе, которое содержит форма, и это их противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие», — здесь совсем не просто вычитать ключ решению, если заранее не знаешь, в чем оно состоит, потому что этот пассаж можно прочесть и так: материя есть одна из сторон того противоречия, которое содержит форма, поэтому в материи это противоречие лишь в-себе.

Но это же не то, чего мы ищем: мы ищем содержания, в которое должны пресуществовать пока еще пассивная, не оформленная материя и пустая, не признающая собственной оформленности материи, форма.

Но вот за эту проблему берется Мареев — и становится видно: здесь все правильно и на месте. И ясно также, что, дабы получить это решение, его нужно было произвести заново, и притом опираясь на современные логические достижения, а не просто позаимствовать готовым из гегелевского текста: последнее невозможно!

Мареев начинает с того, что прослеживает становление формы внешней. Проблема эта с необходимостью возникает в теоретическом познании, хотя может казаться, что теория является простым отражением существенных черт в самом предмете и что ей по силам ухватить это существенное простой интуицией и ее дескрипцией.

Но теория — это всегда дедуктивная система, т. е. система формальных преобразований некоторого, одного и того же, содержания, предмета. И попытка ее построить всегда приводит к тому, что ее логические отношения обнаруживают странности, противоречия естественной семантике. С. Н. Мареев приводит пример с определением глагола. Кажется, что глагол — это обозначение действия. Однако действие могут

обозначать и другие части речи. Значит, «обозначать действие», такое очевидное на первый взгляд определение, оказывается для глагола не специфическим определением, а внешней формой. Внутренняя его форма достигается только в системе частей речи, куда глагол входит, отвечая на вопросы определенного вида (что делать, что сделать и т. д.). Так форма начинает демонстрировать безразличие к тому, формой чего она казалась вначале. Т. е. расщепление формы на форму внутреннюю (определенность самой сущности, которую, как выясняется, только предстоит уловить и только с помощью теории) и форму внешнюю («не рефлектированную», непосредственную определенность), происходит с логической необходимостью.

И вот мы подошли к тому, на чем споткнулись у Гегеля: как это расщепление формы преодолевается?

С. Н. Мареев показывает это, исходя из движения самого внешнего формализма. Как в 1931 году доказал К. Гедель, система формальных преобразований, которая достигает полноты, необходимо противоречит себе. Но если у Геделя это своего рода фатальный недостаток всякой теоретической системы, то Мареев формулирует положительный смысл этого результата, смысл всякой формальной обработки эмпирического материала: «смысл формального движения заключается в том, чтобы путем формальных преобразований одного и того же содержания (что и выражается формой $A=A$) привести его к виду, в котором явно обнаруживается форма A и не- A » [Мареев, 1978, с. 40]. Ради этого результата оно на деле и предпринимается! Только когда он достигнут, мы можем быть уверены, что формальное движение уже исчерпало себя.

С этого момента становится значимой именно определенность того « A », о котором идет речь и от которой до сих пор отвлекались: мы должны стать «на почву ... особенной науки, по «ведомству» которой это особенное содержание и происходит» [там же, с. 48] и проследить, как это противоречие разрешается в самой действительности, а не в голове. Разрешается же оно благодаря тому, что в самой эмпирии мы должны обнаружить его опосредствующее звено, единичное, такое независимое существующее, которое само будет характеризоваться теми же определениями, в которых артикулировано противоречие теоретической формы (вот как читается гегелевское: «это их противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие»!).

Только если повезет найти существующий в эмпирии элемент, который по своим характеристикам будет точно отвечать запросу формы (будет именно А и не-А, а не В и не-В), форма, заостренная теорией до противоречия, обнаружит, что она есть собственная форма этой эмпирии, а эмпирия перестанет быть голой материей, но возвысится в содержание, которое характеризуется «богатством определений мысли», как говорил Гегель, чье построение только теперь становится прозрачным и оправданным в каждом его тезисе. И, кроме того, роль эмпирического существования в разрешении противоречия позволяет согласовать расхождение двух гегелевских изложений движения формы. И на этот раз не только Большая логика поясняет конспективность Малой, но и движение основания к существованию через обуславливающее опосредствование (развертывание системы формальных определений) и полное основание (полную формальную систему) в Большой логике становится понятнее как движение формы.

Так движение формы оказывается процессом обогащения себя содержанием, восхождением от абстрактного к конкретному, в котором «логический переход становится... выражением действительного исторического перехода» [Мареев, 1978, с. 50].

В этом переходе движение формы не просто конструирует свой предмет, но предоставляет ему самоопределиться, т.е. полагает его объективными (всеобщими и необходимыми) средствами как (другой) субъект! Так выглядит методология, которую П. Бурдьё мог бы назвать объективацией объективации.

Ближайшим образом она служит проникновению в тонкие структуры фундаментального отношения производства человека. Не случайно и в разбираемой статье С. Н. Мареев, демонстрируя применение гегелевской логики формы, обращается к разбору условий продуктивности общественного производства в стоимостной форме, к вопросу об условиях приращения стоимости, перехода от формального — сеньориального — капитала с его формулой Д–Д', к реальному капиталу, где в основе приращения стоимости лежит не нарушение эквивалентности обмена, но затрата повышающего продуктивность труда в стоимостной общественной форме.

В качестве условия продуктивности этого труда и ее возрастания выступает не обмен (рынок) как таковой: он подчиняется закону обмена эквивалентов; и не процесс опредмечивания тру-

да как таковой: в нем не происходит изменения количества труда; но противоречие общественной формы труда, которая опосредствует способ соединения работника с предметом труда. То, что труд затрачивается в определенной общественной форме, вообще обеспечивает извлечение прибавочного (сверх органической нужды) труда, т.е., делает труд человеческим. А в случае капитала, стоимостной формы, становится видно, что воспроизводство сторон отношения зависит от воспроизводства продуктивности труда, которая находится за пределами собственно менового эквивалентного отношения. Эта сторона труда, составляющая потребительную стоимость рабочей силы, и требует прежде всего заботы о воспроизводстве в расширяющихся масштабах, а не предоставления ее буквализму коммодификации.

В свое время М. Вебер показал, какими путями гибнет культура, если ее господствующий класс не заботится о том, чтобы ее труженик мог воспроизвести себя [Вебер, 1994, с. 447–466]. Перед капитализованным производством стоит задача более высокая — обеспечить не просто воспроизводство, но повышение производительности через возвышение потребностей и образованности обеих сторон производственного отношения, т.е., включая самих тружеников.

Заключение

Таким образом, автономная советская философия объективно была выражением тенденции рыночной трансформации культуры, гомологичной той, что в свое время породила немецкую классику.

Характерным специфическим отличием той и другой является выработка способов опознания и сознательное преодоление того, что П. Бурдьё обозначил как *scholastic fallacy*¹, Ильенков — как субъективистскую версию логического, каковое преодоление имеет вполне различимую культурную функцию: сознательное институциональное, образовательное воспроизводство источника продуктивности современного рыночного производства.

С. Н. Мареев среди своих единомышленников был логиком и методологом по преимуществу. Он взял на себя львиную долю задачи содержательной разработки той логики, которая, как «логика самого дела» должна прокладывать путь к действительному, социально-институциональному

1 Независимо от П. Бурдьё единомышленник Ильенкова

А. В. Потемкин назвал то же самое диатрибикой [Потемкин, 2003].

полаганию творческой субъективности. М. Бахтин мог бы назвать ее «логикой полагания чужого живого и полноправного сознания» [Бахтин, 1986, с. 328], П. Бурдье — практической логикой «конструирования... такой штуки, как субъект» [Бурдье, 2001, с. 45]. Мареев, как и все единомышленники Ильенкова, считали ее логикой «Капитала». И из «делосских ныряльщиков» советского периода, которые к ней подступались, С. Н. Мареев достигал, вероятно, наибольшей глубины. Поэтому его работы, как всякая настоящая философия, заслуживают вдумчивого изучения.

Список источников

- Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
- Бурдье П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с. ISBN 5-89329-351-7.
- Бурдье П. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). Москва: Дело, 2019. 416 с. ISBN: 978-5-7749-1401-2.
- Вебер М. Социальные причины падения античной культуры // Макс Вебер. Избранное. Образ общества : Перевод с немецкого. Москва: Юрист, 1994. 704 с. (Лики культуры). ISBN 5-7357-0048-0.
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Москва: Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Москва: Академический проект, 2008. 767 с. ISBN 978-5-8291-1050-5.
- Зомбарт В. Буржуа. К истории духовного развития современного экономического человека. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. 639 с. ISBN 5-93615-044-5, ISBN 5-93615-050-X.
- Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва, Политиздат, 1974. 271 с.
- Ильенков Э. В. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / автор-составитель Е. Э. Иллеш. Москва: Канон+, 2017. 384 с. ISBN: 978-5-88373-066-4.
- Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И., Сочинения в шести томах. Т. 6. Москва: Мысль, 1966 (Философское наследие). 743 с.
- Мареев С. Н. Диалектическая логика о сущности и взаимосвязи содержательного и формального в познании // Соотношение содержательного и формального в научном познании: сборник статей. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1978. 283 с.
- Маркс К. Капитал. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. 552 с.
- Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Под общей редакцией Р. М. Нуреева. Москва: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
- Потемкин А. В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Пособие для студентов и преподавателей. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. 576 с. ISBN 5-7509-0778-3.
- Пуцаев Ю. В. Философия советского времени. М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения) : монография. Москва: ИНИОН РАН, 2018. 356 с. ISBN: 978-5-248-00864-3.
- Сюткин А. С. Советская теория субъекта: материалистическая диалектика Э. Ильенкова и Мих. Лифшица. // Русский логос: горизонты осмысления : материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2-х томах. Т. 1. Санкт-Петербург: Интерсоцис, РХГА, 2017. 488 с. С. 284–291.
- Шеллинг Ф. В. Й. О сущности немецкой науки. (Отрывок из фрагмента незаконченной статьи, 1807) / Перевод с немецкого И. Л. Фокина, 2009 // И. Л. Фокин. Philosophus Teutonicus. Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2014. 640 с. Приложение. С. 461–477. ISBN: 978-5-7422-4563-6.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Москва: Мысль, 1998. 663 с. ISBN 5-244-00656-8, ISBN 5-244-00658-4.
- Элиас Н. О процессе цивилизаций. Т. 1. Санкт-Петербург: Университетская книга (Книга света), 2001. 336 с.
- Badiou A. Logics of Worlds: Being and Event, Volume 2. London: Continuum, 2009. 640 p.
- Jantzen Wolfgang, Siebert Birger (Hrsg.) Ein Diamant schleift den anderen. Eval'd Vasil'evic Il'enkov und die Tätigkeitstheorie. Berlin: Lehmanns Media – LOB.de, 2003. 463 p. ISBN: 3-936427-66-6.
- Zizek S. Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London: Verso, 2012. 1056 p. ISBN 978-1844678976

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Olga Ivashchuk¹

DIALECTICS OF FORM AND VITALITY OF CULTURE. IN MEMORY OF S. N. MAREEV

Abstract. Based on the methodology of P. Bourdieu and N. Elias, the author proves that Soviet creative Marxism, united around E. Ilyenkov, is an autonomous philosophy. It is autonomous, because 1) it is independent of the political field; 2) despite the connection with German classics, it cannot be considered as just culture carrier. It is the original reflection of a culture on its own foundations, which was produced by the historical situation, structurally homologous to the one that gave rise to German classics.

In both cases: 1) it was part of the solution to the problem of a productive transition to a modern type of market: the development of conditions for the reproduction possibility of productive Subjectivity; 2) this solution was connected with overcoming the error, which acts as an instrument of domination, which P. Bourdieu calls scholastic fallacy; 3) the very ability to overcome this is due to the subordinate position of a weak competitor and the need to resist pseudomorphosis.

The author compares the dialectics of form in Hegel and Mareyev and shows how Mareyev basing on modern logical theories not only interprets, but re-opens Hegelian achievements. The result is an original way to overcome scholastic fallacy.

Key words: autonomy of philosophy, market, production, creative Marxism, homology, dialectics.

¹ Ivashchuk Olga Fedorovna – Dr. Sci. (Philos.), associate professor. RANEPa. Moscow, Russia.

E-mail: of@list.ru. ORCID: 0000-0002-8780-8103; ResearcherID: M-8050-2014; AuthorID: 250556, SPIN-code: 3129-3533.

References

Bakhtin M. M. K pererabotke knigi o Dostoyevskom [To the processing of a book about Dostoevsky]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. M. Bakhtin. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (in Russian).

Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2001. 556 p. ISBN 5-89329-351-7 (in Russian).

Bourdieu P. *Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1992–1993)* [Economic anthropology. Lecture course at the College de France (1992–1993)]. Moscow: Delo Publ., 2019. 416 p. ISBN: 978-5-7749-1401-2 (in Russian).

Weber M. Sotsial'nyye prichiny padeniya antichnoy kul'tury [Social causes of the fall of ancient culture]. *Maks Veber. Izbrannoye. Obraz obshchestva* [Max Weber. Favorites. Society image] : Translation from German. Moscow: Yurist Publ., 1994. 704 p.). ISBN 5-7357-0048-0 (in Russian).

Hegel G. V. F. *Nauka logiki* [Science of logic]. In 3 volumes. Moscow: Mysl' Publ., 1971.V. 2. 248 p. (in Russian).

Hegel G. V. F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the spirit]. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ., 2008. 767 p. ISBN 978-5-8291-1050-5 (in Russian).

Sombart W. *Burzhua. K istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois. On the history of the spiritual development of modern economic man]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2005. 639 p. ISBN 5-93615-044-5, ISBN 5-93615-050-X (in Russian).

Ilyenkov E. V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on history and theory]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 271 p. (in Russian).

Ilyenkov E. V. *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoy marshrut. 1950–1960* [From abstract to concrete. Steep route. 1950-1960]. Author-compiler E. E. Illesh. Moscow: Canon + Publ., 2017. 384 p. ISBN: 978-5-88373-066-4 (in Russian).

Kant I. Otvet na vopros: chto takoye Prosveshcheniye? [The answer to the question: what is Enlightenment?]. *Kant I., Sochineniya* [Works in six volumes]. V. 6. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 743 p. (in Russian).

Mareyev S. N. *Dialekticheskaya logika o sushchnosti i vzaimosvyazi soderzhatel'nogo i formal'nogo v poznanii* [Dialectical Logic on the Essence and Interconnection of the Substantial and the Formal in Cognition]. *Sootnosheniye soderzhatel'nogo i formal'nogo v nauchnom poznanii* [The Correlation of the Substantial and Formal in Scientific Cognition]: a collection of articles. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoy SSR Publ., 1978. 283 p. (in Russian).

Marx K. Kapital. Kniga III: Protsess kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyaty v tselom [Capital. Book III: The process of capitalist production, taken as a whole. Part 2]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. 2nd ed. V. 25. Part 2. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1962. 552 p. (in Russian).

Polanyi K. O vere v ekonomicheskiy determinizm [On faith in economic determinism]. *"Velikaya transformatsiya" Karla Polan'i: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [The Great Transformation by Karl Polanyi: past, present, future]. Under the general editorship of R. M. Nureyev. Moscow: GU-VShE Publ., 2007. 332 p. (in Russian).

Potemkin A. B. Metafilosofskiye diatriby na beregakh Kiziterinki [Metaphilosophical diatribes on the banks of Kiziterinka]. A manual for students and teachers. Rostov-on-Don: Rostizdat Publ., 2003. 576 p. ISBN 5-7509-0778-3 (in Russian).

Pushchaev Yu.V. *Filosofiya sovetskogo vremeni. M. Mamardashvili i E. Il'yenkov (energii ottalkivaniya i prityazheniya)* [Philosophy of the Soviet era. M. Mamardashvili and E. Ilyenkov (repulsion and attraction energies)]. Moscow: INION RAN Publ., 2018. 356 p. ISBN: 978-5-248-00864-3 (in Russian).

Syutkin A. S. Sovetskaya teoriya sub"yekta: materialisticheskaya dialektika E. Il'yenkova i Mikh. Lifshitsa [Soviet subject theory: materialistic dialectics of E. Ilyenkov and Mikh. Lifshits]. *Russkiy logos: gorizonty osmysleniya: materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–28 sentyabrya 2017 g.* [Russian logo: horizons of understanding: materials of the international philosophical conference, St. Petersburg, September 25–28, 2017]. In 2 volumes. V. 1. St. Petersburg: Intersocis, RKhGA Publ., 2017. 488 p. P. 284–291 (in Russian).

Shelling F. V. Y. O sushchnosti nemetskoy nauki. (Otryvok iz fragmenta nezakonchennoy stat'i, 1807) [On the essence of German science. (Excerpt from a fragment of an unfinished article, 1807)]. Translation from German by I. L. Fokin, 2009. I. L. Fokin. *I. L. Fokin. Philosophus Teutonicus. Jakob Bome: vozveshcheniye i put' nemetskogo idealizma* [Philosophus Teutonicus. Jacob Boehme: the proclamation and path of German idealism]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnikeskogo universiteta Publ., 2014. 640 p. Application. P. 461–477. ISBN: 978-5-7422-4563-6 (in Russian).

Spengler O. Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii [Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history]. V. 1. *Obraz i deystvitel'nost'* [Image and reality]. Moscow: Mysl' Publ., 1998. 663 p. ISBN 5-244-00656-8, ISBN 5-244-00658-4 (in Russian).

Elias N. *O protsesse tsivilizatsiy* [On the process of civilizations]. V. 1. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001. 336 p. (in Russian).

Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event*, Volume 2. London: Continuum, 2009. 640 p.

Jantzen Wolfgang, Siebert Birger (Hrsg.) *Ein Diamant schleift den anderen. Eval'd Vasil'evic Il'enkov und die Tätigkeitstheorie*. Berlin: Lehmanns Media – LOB.de, 2003. 463 p. ISBN: 3-936427-66-6.

Zizek S. *Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso, 2012. 1056 p. ISBN 978-1844678976.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Рыбин В. А. «Философия обороны» Сергея Мареева: продолжение спора // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 205–218. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.24

Дата поступления 25.02.2020 г.

УДК 316.342.6

Владимир Рыбин¹

«ФИЛОСОФИЯ ОБОРОНЫ» СЕРГЕЯ МАРЕЕВА: ПРОДОЛЖЕНИЕ СПОРА

Аннотация. Сегодня, в условиях углубления кризиса глобализированного рыночного общества закономерно возрастает интерес к теоретическому наследию советского периода, в том числе к философии Э.В. Ильенкова и его школы. Творчество С. Н. Мареева, одного из наиболее ярких ее представителей, обретает в этом плане особую значимость, поскольку наглядно и последовательно демонстрирует и сильные, и слабые стороны учения Ильенкова. Создававшаяся в рамках этого учения «материалистическая диалектика» была заявлена как «материалистическое понимание истории», выдвинутое на смену «диалектическому материализму» — догматически канонизированной и ориентированной на естествознание версии марксизма. В то же время и версия Ильенкова оказалась ограниченной, в основном по причине абсолютизации некоторых достижений классической философии, прежде всего методологии Гегеля. Это обстоятельство воспрепятствовало выработке в ее рамках практически эффективных альтернатив тому варианту общественного развития, который сложился в «предыстории». С этой точки зрения учение Ильенкова и его последователей, включая теоретическое наследие С. Н. Мареева, представляет собой «философию обороны», которая одновременно выступает как необходимый этап полноценной концептуализации «единой науки о человеке», предсказанной Марксом.

Ключевые слова: история, философия, марксизм, Ильенков, человек, наука, трансформация, будущее.

¹ **Рыбин Владимир Александрович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии. Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. E-mail: wlad@csu.ru. AuthorID: 506450.

Свои воспоминания о Сергее Николаевиче Марееве я хотел бы предварить соображениями общего порядка, вписав впечатления от живого общения с ним в более обширный контекст. А именно в рамки той проблемы, которая именуется «реальность идеального».

Говорят, что человек продолжает жить, пока сохраняется память о нем. Конечно, это метафора: все мы, живые люди, наделенные разумом, являемся в первую очередь конечными, смертными существами, лишь временно пребывающими на этом свете, прекрасно понимая, что «жить в памяти потомков» отнюдь не означает «быть» в полном смысле слова. Однако, не содержится ли в этой метафоре указание на некую возможность если не загробного существования и не того чудесного «воскрешения», о котором говорили Николай Фёдоров и некоторые русские космисты, то на овладение человеком способностью сознательно воздействовать на процесс своего физического «длания», на продолжительность своего земного существования, пусть даже обретение такой способности представляется задачей не сегодняшнего дня, а будущего, более-менее от-

даленного? Строго научное решение этой проблемы еще отсутствует, хотя лично я убежден, что оно уже «на выходе». В пользу этого, пусть не прямым, а косвенным образом, свидетельствуют, как мне представляется, два примера воздействия идеального на реальность: само учение Маркса и философская позиция Сергея Мареева.

Что касается марксизма, то его жизнеспособность выглядит парадоксально. В самом деле, это учение, будучи, казалось бы, безусловно дискредитированным в результате крушения тех государственных систем, которые были воздвигнуты по его лекалам, не только выжило, но сегодня снова стало единственным мировоззренческим ориентиром, указывающим на перспективу выхода из стремительно углубляющегося общекультурного кризиса, порожденного «успехами» рыночного типа развития. Иными словами, «идеальное» марксизма оказалось значительно более устойчивым, более приспособленным к реалиям объективно-исторического процесса, нежели его «реально-практическое» воплощение.

Но в непосредственно жизненном плане убеждение в том, что некоторые идеи обладают

гораздо более весомым влиянием на жизнь, нежели явления материально-вещественного порядка, сочетается для меня с образом Мареева. Он вспоминается мне не только как один из наиболее ярких людей, с которыми я сталкивался, но и как теоретик, полемика с которым чем дальше, тем больше представляется мне необходимой и продуктивной, поскольку создает возможность приблизить понимание той реальности, в которой мы существуем, к возможности управлять ею, включая перспективу практического воздействия на сроки и темпы проживания людьми собственной жизни. В чем, на мой взгляд, и состоит последний шанс, выпадающий современному человечеству в его стремлении выжить в создаваемых им самим нечеловеческих условиях и обстоятельствах.

Познакомился я с Сергеем Николаевичем на Ильенковских чтениях в феврале 1997 года, которые проходили в Институте печати. Надо вспомнить, что это было за время. Нынешний государственно-олигархический капитализм в отечественном варианте переживал ранние, связанные с первоначальным накоплением этапы своего становления, выраженные в явных, наглядно-хищнических формах, которые уже не прикрывались лицемерными призывами к справедливости и общему благу, как это было на переломе 80-90-х годов, во времена перестройки. Повсюду — и в делах, и в головах человеческих — царил рынок в форме базара. Массовое большинство бывшего советского населения, ошалев от хаоса, возникшего на месте устоявшихся и приевшихся стандартов «развитого социализма», пыталось хоть каким-то образом закрепиться в новой жизни — то погружаясь в челночный бизнес, то участвуя в скупках акций собственных предприятий и учреждений, распродаваемых по программе всеобщей приватизации, то просто пассивно наблюдая «с берега», как протекает этот процесс всеобщего разворовывания.

В ученом сословии положение было не лучше. Прежние адепты «вечно немеркнувшего учения» развернулись на 180 градусов в намерении «окончательно и бесповоротно», как утверждалось, искоренить марксизм из общественного сознания и учебных программ; именно в это время на свет появился рекомендованный для вузов учебник «История философии: Запад — Россия — Восток» под редакцией Н. В. Мотрошиловой и А. М. Руткевича, где вообще отсутствовал раздел, посвященный Марксу, как будто такого философа никогда и не было на белом свете. Образовавшуюся при

этом мировоззренческую брешь пытались заткнуть Вебером, Хайдеггером и другими столпами западной философской учености в сочетании с евразийцами и вновь открытой так называемой «русской религиозной философией»; в ход шли даже такие публицистические агитки, как «Конец истории» Фукуямы и «Столкновение цивилизаций» Хантингтона. Сегодня трудно поверить, но тогда это воспринималось всерьез. В общем, тот период вполне заслуживал гамлетовского определения «Распалась связь времен».

Что касается меня, то я пребывал в состоянии некоторого замешательства, поскольку незадолго до этого защитил философскую кандидатскую диссертацию по проблеме общественного сознания (на которую вышел довольно случайно, в процессе просмотра научной литературы по нейрофизиологии познакомившись с публикациями Ильенкова на предмет философского истолкования мышления в русле проблемы идеального), но до поры оставался работать в медицине с надеждой, что тот ориентир осмысленного существования, который мне таким образом удалось обрести, можно будет в ближайшем будущем конвертировать в твердую валюту надежного жизнеустройства. Я был уверен, что наблюдаемое безумие не может продолжаться долго.

Действительность, однако, продолжала демонстрировать прямо противоположную картину: коммунистическая идеология в образе «марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма», которым кормили общество последние десятилетия советского периода, целиком и полностью утратила кредит доверия, Маркс и Энгельс, не говоря уже о Ленине, подвергались проклятиям, Ильенкова вместе с другими представителями советской философии не рекомендовалось упоминать в среде уважающих себя представителей научного сообщества, особенно гуманитарного. Всё это порождало сомнения в духе уже не Гамлета, а Сальери с его словами из «маленькой трагедии» Пушкина: «Нет правды на земле. Но правды нет и выше».

В этот момент на глаза мне попало объявление о запланированных на начало 1997 года Ильенковских чтениях, напечатанное на последних страницах журнала «Альтернативы», который я приобрел на книжном развале, в уголке философской литературы у одного из «коробейников», специализировавшегося на левой тематике. По указанному адресу я списался с Александром Александровичем Сорокиным (к сожалению, не так давно тоже ушедшим от нас), приехал в Мо-

скву, где и встретился с супругами Мареевыми — Еленой Валентиновной и Сергеем Николаевичем.

Следует отметить, что атмосфера тех Ильенковских чтений, одних из первых в их установившейся впоследствии череде, не прерывающейся уже почти четверть века, была совершенно особенной, неповторимой в лучшем смысле этого слова. Прежде всего, здесь еще присутствовало немало людей, лично хорошо знавших Ильенкова и работавших либо в рамках его философии, либо на близком ему теоретическом уровне: уже ушедшие в мир иной А. А. Сорокин, П. Г. Кузнецов, Ф. Т. Михайлов, А. Г. Новохатько, и, слава богу, продолжающие активно работать Г. В. Лобастов, Г. Г. Водолазов, В. Г. Арсланов и др. Были ученики и последователи, участвовавшие вместе с Ильенковым в Загорском эксперименте, например, Яхиэль Халимов. Но главное, теоретическая и мировоззренческая неоднородность школы Ильенкова, его последователей и единомышленников еще не заявила о себе, будучи сглажена как единством духовного настроения, выражавшего нежелание мириться с творившимся вокруг безобразием, так и общей принадлежностью тому идеалу, который так ярко выразил Ильенков и воплощение которого в практику столь неожиданно (по крайней мере, для большинства) отодвинулось в неопределенное будущее.

Именно в этой обстановке полного взаимного согласия, как тогда казалось, в пространстве общения нормальных, трезво рассуждающих людей, столь непохожих на толпу полубезумных, захваченных азартом приобретательства человечков, перемещавшихся вовне, в атмосфере рыночного гона, довелось мне в первый раз побеседовать с Сергеем Николаевичем. Разговор завязался по поводу его книги «Встречи с философом Ильенковым», второе издание которой он тогда представлял (к слову, написанное в этой книге до сих пор является, по моему мнению, лучшим из того, что было до и после сказано об Ильенкове). Не помню всех подробностей, но уверен, что уже тогда, в самые первые минуты знакомства с Мареевым, у меня сложилось представление о его личности, которое в дальнейшем не претерпело никаких существенных изменений, лишь немного конкретизировавшись в каких-то частных подробностях: «Этот человек надежен во всех своих проявлениях — от мировоззренческих и теоретических до поведенческих и бытовых, этот человек лишен двоедушия, он никогда не предаст, не ударит в спину, ему можно доверять».

В дальнейшем мне неоднократно приходилось

убеждаться в достоверности этих первых впечатлений, но в данном случае я хотел бы претворить свои воспоминания о Марееве в такое продолжение общения с ним, которое хоть в какой-то степени могло бы приблизить ответ на вопрос, наиболее актуальный как для ныне живущих, так и для вступающих в жизнь и будущих поколений, — вопрос о конкретных путях воплощения общественного идеала в земную реальность. В этом случае невозможно избежать ни дискуссии, ни перехода ее в спор и полемику, но, думаю, что Сергей Николаевич был бы этому только рад, ибо по своей натуре он был боец, моряк, и, как мне всегда казалось, чувствовал себя не вполне комфортно, когда не видел перед собой конкретного противника или по крайней мере оппонента.

Начну свой воображаемый разговор с обширной и довольно необычной цитаты. Это заключительные страницы «Былого и дум», где Герцен сначала приводит ответ Томаса Карлейля на текст своей речи, произнесенной в 1855 году по поводу годовщины «весны народов» — серии революций 1848 года, а затем дает свой комментарий, которым книга и оканчивается. Карлейль пишет: «В вашей обширной родине, которую я всегда уважал как какое-то огромное, темное, неразгаданное дитя провидения, которого внутренний смысл еще неизвестен, но который, очевидно, не исполнен в наше время; она имеет талант, в котором она первенствует и который дает ей мощь, далеко превышающую другие страны, талант, необходимый всем нациям, всем существам и беспощадно требуемый от них всех под опасением наказаний, талант повиновения, который в других местах вышел из моды, особенно теперь. И я нисколько не сомневаюсь, что отсутствие его будет, рано или поздно, вымещено до последней копейки и принесет с собой страшное банкротство. Таково мое мрачное верование в эти революционные времена» [Герцен, 1957, с. 542].

Подобная характеристика обычно вызывала и вызывает недоумение, вследствие чего этот пассаж почти никогда не приводится в рассуждениях о «русской идее», «судьбе России» и т. д. Но суть его немного проясняется, если предположить, что Карлейль в оригинале использовал не слово повиновение, а какой-то иной термин, Герцен же неточно перевел его и, кроме того, если судить по комментарию, не до конца понял смысл всего высказывания. Точно утверждать нельзя, так как английского подлинника письма не сохранилось, но мне кажется, что под повиновением

Карлейль, уже имевший возможность наблюдать перипетии Крымской войны и ход обороны Севастополя, имел ввиду отнюдь не рабство природы, не привычку к покорности, а повиновение обстоятельствам, которых невозможно избежать и которые невозможно изменить сию минуту, но которые возможно «перетолковать» в будущем, если уметь ждать, накапливая силы для действий в нужный момент. Фактически речь идет о знаменитом «русском терпении» — об умении «сохранять выдержку», «удерживать позиции», держать оборону. Эта действительно уникальная, неискоренимо живущая в русском народе способность всегда спасала Россию в критических, казалось бы, абсолютно безвыходных исторических обстоятельствах; более того, все большие победы приходили после испытаний отступлениями и оборонной. Хотя, следует признать, в этом качестве есть и другая, не столь симпатичная сторона.

Но в данном случае речь о другом: «ориентация на оборону» представляется мне доминирующей во всей отечественной философии советского периода, включая Ильенкова. В этом ключе я и хотел бы выстроить свой «виртуальный диалог» с Мареевым, предполагая затронуть некоторые философски значимые и одновременно жизненно важные вопросы.

Положение в наши дни снова критическое. Наступление того, что казалось Ильенкову ужасным — «кибернетическая» атака на биологическое естество человека, на его мозг и организм — идет полным ходом в еще больших, чем в его время масштабах, превращается в программу действий в образе таких уже запущенных или готовящихся к запуску радикальных социальных проектов, как «устойчивое развитие», «трансгуманизм», «электронный концлагерь», «золотой миллиард» и прочих вариантов искоренения человеческого естества средствами новейшей техники. Д. И. Дубровский — главный оппонент Ильенкова по этой проблеме — отнюдь не ушел в теоретическое небытие, но весьма активно, несмотря на возраст, участвует в движении «Россия 2045», нацеленном на коренные антропотехнологические преобразования в отечественном социуме [Дубровский, 2014]. Другой наш соотечественник, уже бывший, Михаил Эпштейн прямым текстом заявляет: «Человек — существо биологически рудиментарное, на смену ему придут более совершенные киборги, бесконечно совершенствуемые технические или биотехнические носители разума», так что уже сегодня надо вести речь «о трансформациях человеческого в процессе

создания искусственных форм жизни, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*» [Эпштейн, 2017]. Это отнюдь не праздные фантазии, к ним прислушиваются. В целом тот крен, который отчетливо обретает новейшая биомедицина, создает перспективу, пугающую самого Фрэнсиса Фукуяму: «Мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [Фукуяма, 2008, с. 150].

Правда, наблюдаются и некоторые противоположенные тенденции: возрастает интерес к марксизму, проблема «реального социализма» обсуждается в плане поиска причин его крушения, в сфере общественнознания и у нас, и на Западе идет «разбор полетов». Но о подлинном «ренессансе марксизма» — о выработке альтернативной капитализму концепции общественного развития, которая была бы способна, хотя бы на уровне модели, вывести человечество из стремительно ускоряющегося всеобщекультурного кризиса, пока говорить не приходится. С другой стороны, поскольку марксизм — единственное философское учение, способное претендовать на статус полноценной социальной теории современности, весь вопрос заключается в том, какую конкретную форму он примет. Скорейшая выработка этой новой версии становится условием выживания человечества, как бы высокопарно это ни звучало.

С учетом нарастающих темпов исторического развития и усиливающейся способности культуры воздействовать, в том числе деструктивно, на самые разные аспекты человеческого существования, 11-й тезис Маркса о Фейербахе («Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс, 1955, с. 4]) не только остается в силе, но становится еще более значимым. Следование этому императиву требует, невзирая на лица, осуществлять проверку высказываемых идей единственно доступным теоретическим способом — доводя объясняющие мир идеи до предела, до прослеживания того, как именно они могут и должны воплощаться в практику изменений.

Что касается С. Н. Мареева, то сама по себе проблема «обороны» или «осажденной крепости» его не слишком волновала. В нем жила гегелевская убежденность в конечном торжестве разума, в чем-то смешанная с благодушием: как, каким образом будет достигнуто это торжество — не так важно, справедливость неизбежно возобладает, надо только не отступать, и победа будет за нами.

«Честная философия никогда не была господствующей, — высказался он как-то в одной из своих работ, — И главное, чтобы она просто существовала и не прерывалась» [Мареев, 2011, с. 494]. Его мироотношение, проступавшее и в обычном поведении, и в рефлексии по поводу высоких материй, я бы определил как спокойный, чуждый какого бы то ни было возбуждения исторический оптимизм, окрашенный уверенностью в своих силах и правоте. В личном общении он придерживался, так сказать, «презумпции порядочности», будучи, как и всякий настоящий русский человек, изначально настроен на то, чтобы видеть в собеседнике, в первую очередь, лучшие человеческие черты и находить точки опоры для согласия, а не для расхождения и противостояния. Это никоим образом не означало нравственного безразличия или стремления любой ценой сохранить видимость хороших отношений — порой он мог быть чрезвычайно эмоциональным и резким. Но в любом случае он оставался сторонником «позиционной войны» и переходил в атаку только в том случае, если видел явное посягательство на скривали того учения, в которое верил.

Или дело было не только в его человеческой натуре, но и в том, что сами принципы исповедуемого им учения были рассчитаны на «оборонительные бои» и не подходили для наступления?

Попробуем разобраться.

IV «Исторический оптимизм» Мареева базировался на том общем с Ильенковым, его учителем, истолковании марксизма, которое определялось как «материалистическое понимание истории»: с этого начинал свой творческий путь сам Э. В. Ильенков, в том же духе всегда мыслил и С. Н. Мареев. Это был шаг вперед, представлявший собой опрокидывание диамата, который выродился в натурфилософию XX века. Ильенков даже отказался от прежнего названия: в его сочинениях почти не встречается термин «диалектический материализм», вместо него с самого начала используется новое понятие «материалистическая диалектика», которое впоследствии возобладало и в официальном философском дискурсе позднего советского периода. Сдвиг этого рода фактически обозначил радикальную смену акцентов в содержательной и методологической интерпретации отечественной версии марксизма. У Мареева данная теоретическая «смена караула» доведена до завершения и выражена с предельной наглядностью.

В словосочетании «материалистическая диалектика» первая — «материалистическая» — со-

ставляющая истолковывается им в том смысле, что «общество» или «культура» (ни у Ильенкова, ни у Мареева не проводится различия между этими феноменами; Мареев не оговаривается, когда указывает в одном ряду: «Нравственность <...> возможна только в культуре, только в человеческом обществе» [Мареев, 2009, с. 121]) представляют собой совершенно иную реальность, нежели природа. Иными словами, по ходу «естественно-исторического процесса» природа последовательно снимается в культуре. Причем, снимается целиком, без остатка: «Там, где начинается история, кончается эволюция. С началом истории начинается совершенно иной тип развития, отличный от эволюционного. Он появляется не как продолжение эволюции, а в результате отрицания законов биологической эволюции историей» [Мареев, 2011, с. 286]. Отрицания полного, абсолютного, всепоглощающего, в том духе, что культура становится на место природы, подменяет ее. Здесь не может быть двойных толкований — Ильенков в своем ответе Дубровскому прямо говорит: «Все без исключения специфически человеческие функции мозга и обеспечивающие их структуры на сто процентов, а не на девяносто процентов и даже не на девяносто девять процентов определяются, а стало быть, и объясняются исключительно способами активной деятельности человека как существа социального, а не естественно-природного» [Ильенков, 1968, с. 150].

Вторая — «диалектическая» — составляющая «материалистической диалектики» подразумевает сохранение в силе гегелевской методологии, прежде всего метода восхождения от абстрактного к конкретному. Получается, что достаточно сначала прочесть Гегеля «материалистически», как «отраженные научным познанием — и проверенные тысячелетиями человеческой практики — всеобщие законы природы и истории» [Ильенков, 1991, с. 364], избавившись тем самым от присущего ему идеализма, а потом приложить его метод к текущей социально-исторической реальности, и искомый теоретический компас для движения к общественному идеалу окажется у нас в руках. По-Ильенкову, Маркс не изобрел собственного метода, он взял метод Гегеля и, следуя социально-экономическую реальность своего времени, просто истолковал ее в материалистическом ключе.

На первый взгляд подобный синтез выглядит убедительно. Но если беспристрастно проследить то, каким образом теоретически представ-

ленные идеи сочетаются с практикой изменений, вполне очевидным станет тот факт (это особенно хорошо видно сегодня, с исторической дистанции), что движение к общественному идеалу этим способом — совмещением гегелевской методологии с материализмом — никоим образом не моделируется: мир «объясняется», но остается недоступным «изменению» в нужном, правильном направлении. В данном отношении «материалистическая диалектика» разделяет судьбу всех иных, критикуемых ею философских учений XX века. На примере проблемы человека это выглядит особенно наглядно. Для большей убедительности сделаем небольшой экскурс в историю неклассической философии.

И марксизм постмарковского периода в его многочисленных вариантах (что свидетельствует о незавершенности самой исходной модели: «Капитал», главный труд Маркса, — «это незавершенная часть непостроенного здания» [Рыбин, 2018, с. 182]), и всевозможные версии неклассической философии пытались, начиная еще со второй половины XIX века, решать одну и ту же задачу — понять и определить положение человека в системе новой, посттрадиционной культуры, прогрессирующей в рыночной и, главное, опосредствованной наукой форме. Доминантная роль науки была понятна не только Гегелю, Фихте и Канту, создававшим свои системы по образцу науки — по сути почти вся классическая философия представляла собой наукоучение, но вот проблема человека стала ведущей для философской рефлексии только после промышленной революции. Маркс и Фейербах были здесь первопроходцами. За ними двинулись иррационалисты XIX века, а в XX веке тема «наука и человек» в сфере философского познания окончательно возобладали. Ведь за всеми поворотами неклассической философии — за «символическими формами» Кассирера, «феноменологией» Гуссерля, «жизненным порывом» Бергсона, «философией присутствия» Хайдеггера, «ценностями» неокантианцев, «конструктивизмом» и «языком» структуралистов и аналитической философии и пр. — лежит стремление каким-то образом отделить статус человека в такой культуре, где главным и направляющим компонентом является технотехника, трансформирующая по собственным лекалам и внешнюю (естественно-природную), и внутреннюю (внутрикультурную) реальность, включая и её человеческую составляющую.

Изъян всех этих ходов мысли заключается в том, что они «берут» человека не в полноте его

жизненных проявлений, а лишь в каком-то одном, отдельном, может быть, важном, но частном аспекте — в плане «мышления», «интенциональности», «присутствия», «духовности», «языка» и т. д., вплоть до «культуры», истолкованной как набор символов. Словно пораженные какой-то слепотой, все эти мыслители «объясняют мир», неизменно рассматривая человека как «прилагаемое» к тому или иному произвольно выбранному внешнему началу (на то, чтобы «изменить его» они даже не претендуют, поскольку, за исключением незначительных корректив, принимают и оправдывают сложившийся вектор и тип развития).

Поэтому, несмотря на все их возможные благие намерения, конкретный человек в его реальном жизненном существовании, в «длении» его уникально индивидуального проживания продолжал и продолжает оставаться тем, чем он всегда был на протяжении «предыстории» — вещью, функцией, инструментом, работником, агентом, актором и пр., в общем, рабом узкой специализации и жертвой разделения труда, а главное, существом, не способным осознать эту свою редуцированность к внешнему, ибо его существо скрывается набором мутных понятий, в том числе философских.

Рассуждающая технотехника и позитивизм в роли ее философского комментатора в этом отношении честнее: они прямо заявляют, что природа, общество, человек — просто механизмы, воплощения Черного Ящика разной степени сложности, предназначение которых состояло и состоит в одном — быть предметом управления и потребления.

Но при этом, что бы там ни говорили, позитивизм и соответствующее ему сциентистское мировоззрение доминируют сегодня и в научном мировоззрении, и в массовом сознании, и в социальной реальности. И это закономерно, поскольку наука в её технократическом варианте — в образе «сайенса», как выражался Ильенков, — остается единственной функционально эффективной программой совокупного (ныне глобализированного) экономического воспроизводства, обеспечивающего минимально приемлемый уровень удовлетворения элементарных человеческих потребностей. Наука в этой форме остается его ключевым звеном, поскольку какой-либо иной «операциональной» её формы на сегодняшний день не просматривается.

Следовательно, «изменять мир» надо с помощью и с учетом науки, выстраивая, однако, ее

отношения с человеком в составе культуры каким-то иным образом, нежели тот, что закрепился в реальности и прописывается позитивизмом.

Диалектический материализм, у истоков которого стояли Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, а также теоретики гораздо меньшего масштаба типа А. Деборина, и который окончательно оформился в Советском Союзе в 20–50-е годы XX века, — первая попытка от моделировать мир в целях его изменения. Попытка в некотором отношении удавшаяся, но по большей части — нет. Удавшаяся в том плане, что впервые удалось представить целостную картину мира — вне религиозную, выстроенную на научном основании и в какой-то степени (хотя бы на уровне заявки) избавленную от того пропитанного редукционизмом понимания человека, который прямо (позитивизм) или косвенно (оппонирующие ему «метафизические» концепции) проводился в западной философии. Неудавшаяся — в силу неспособности стать руководством по эффективному преобразованию общества, что, если не касаться практики и брать только теоретический аспект, проявилось в абстрактности и схоластичности исторического материализма («истмата»), трактовавшегося как «распространение диалектического материализма на понимание истории» [Мареев, 2008, с. 98]. Заявленный как полноценная «наука истории», (намерение создавать которую собственно и обозначило становление марксизма: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 16]), на деле он оформился как вторичная «политэкономическая» пристройка к системе целостного, но абстрактного миропонимания, официально определявшегося как «диалектический материализм» — «наука, изучающая наиболее общие законы движения и развития природы, общества и сознания» [Диалектический материализм, 1960, с. 479]. Это и был официальный (он же «догматический», он же «сталинский») «диамат», порочность и непродуктивность которого, как утверждал Мареев, проистекала из его опоры на естествознание XIX–XX веков, только по форме отличавшееся от механистического материализма XVIII века и тяготевшее к позитивизму.

Но, может быть, дело не в научной, а в философской составляющей диамата? В его опоре на гегелевскую философию, которая, определяясь в своей основе как «культура, снятая в формах существования науки» [Библер, Ахутин, 2000, с. 659], неискоренимым образом несла в себе и закономерно воспроизводила «некритический

позитивизм» [Маркс, 1974, с. 157], отмеченный еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»?

Если согласиться в этом с ранним Марксом, то ограниченность официальных диамата и истмата выглядит вдвойне закономерной — обусловленной не только содержательно, но и методологически, тогда как крушение того общественного здания, которое возводилось в соответствии с их установками, — фатально неизбежным. Более конкретная, так сказать, «техническая» причина этого краха сводится к тому, что позитивистски ориентированное мироотношение осталось господствующим и после революции, при «диктатуре пролетариата» и в ходе «социалистического строительства» (этот аспект прекрасно осознавался Ильенковым), просто в классическом позитивизме присущие ему установки прослеживались явно, а в диамате, как и у Гегеля, выступали в метафизическом облачении (соответственно материалистического и идеалистического покроя), выражая претензии на руководство наукой (этот аспект в некоторой степени тоже критически затрагивался Ильенковым, но Гегель неизменно оставался для него, наряду с Марксом, вторым главным конструктором моделируемого храма общественного идеала).

В Что же в таком случае представляет собой «материалистическая диалектика» Ильенкова? В какой степени альтернативой «догматическому диамату с примкнувшим к нему «догматическим истматом» могло стать «материалистическое понимание истории в единстве с материалистической диалектикой» [Мареев, 2008, с. 114], апеллирующее не к «природе» и «науке», а к «обществу» и «культуре»? В какой мере эта новая, ориентированная не столько на природу, сколько на общество версия марксизма разошлась с предшествующей?

В первую очередь следует констатировать, что для Ильенкова наука все время оставалась «идеальным типом» миропонимания. Отсюда — истолкование философии в качестве наиболее совершенного варианта научного познания, как воплощение «науки наук», а также надежды на формирование особой, альтернативной буржуазному «сайенсу» науки — «науки в смысле Гегеля и Маркса», как отмечал сам Ильенков на полях рукописи М. К. Петрова «Искусство и наука» [Петров, 1995, с. 45]. При этом он определенно пытался отыскать теоретические точки опоры за рамками диамата, исходившего исключительно из наук о природе. Отсюда — обращение к пси-

хологии и педагогике как дисциплинам, ориентированным на человека. Однако приходится констатировать, что каких-либо новых вариантов функционирования социального института науки в составе культуры — таких, которые принципиально отличались бы от действовавших в рамках «позитивистской» модели, Ильенкову выработать не удалось.

Материалистическое прочтение Спинозы с привлечением замещающих человека категорий «деятельность» и «идеальное» (идеальное как выражение деятельности, осуществляющейся по контуру объективных закономерностей) тоже не могло помочь делу «ответственного определения мира к лучшему» (как в полемике с Ильенковым обозначил М. К. Петров их общую задачу [там же]), поскольку категория деятельности в силу своей широты и многозначности не позволяет выявить специфику иных, более тонких форм реализации человеческого начала, например общения, что таит в себе опасность редукции человеческой универсальности к параметрам функционально-инструментального порядка в духе «кибернетической перспективы», которая так беспокоила Ильенкова.

Проблема же двуслойности человеческой активности (сочетания в ней «деятельности» и «общения»), которая, как представляется, могла бы указать на решение обозначенной задачи, по-видимому не интересовала ни самого Ильенкова, ни представителей его школы. Иначе он не выстраивал бы в один ряд «идеальные» феномены разных — инструментального (принудительного) и человеческого (свободного) — уровней, воплощаемых, как он пишет, «в языке и в зрительно-воспринимаемых образах, в книгах и статуях, в конструкциях машин и государственных учреждений, в схемах научных и нравственных систем и пр. и пр.» [Ильенков, 2009, с. 34].

В итоге получается, что «истинный» исторический материализм (он же «материалистическая диалектика» в истолковании ильенковской школы) концептуализирует лишь один — инструментальный — аспект человеческой универсальности, который на полюсе науки гипертрофируется в единственно доступной формализации и манипулированию версии — позитивистской. Как следствие, рефлексия соединяется с реальностью только в одном — прагматически-утилитарном и при этом абстрактно-комментаторском — аспекте и закономерно попадает в порочный круг: природа снимается культурой, культура редуцируется к науке, а человек остается сред-

ством и вещью. Теоретического ключа для перехода от «предыстории» к «истории» выковать не удастся. А раз так, то и в жизненной реальности всё остается по-старому: как и сто лет назад, «век шествует своим путем железным» (Александр Блок), позитивизм торжествует (пусть не в теории, но на практике), а всем вменяемым философам остается только с досадой или отчаянием (в зависимости от темперамента) наблюдать этот разворачивающийся на их глазах, но вне их влияния процесс, то есть, как и прежде, «объяснять мир», но отнюдь не «изменять его».

Что же получается? Если XIX и XX философские века не сумели выработать предсказанную Марксом и Энгельсом «науку истории», если диалект определился как материалистический вариант гегелевского идеалистического «некритического позитивизма», то каким образом надлежит характеризовать философию Ильенкова, самую последовательную из «неканонических» версий новейшего марксизма? «Критический позитивизм»? Учение, критически описывающее действительность, которую не в силах изменить?

В самом деле, спросил я как-то Мареева в кулуарах Ильенковских чтений, кажется 2014 года, если «материалистическое понимание истории» ограничивается рядом постулатов типа «сознание есть осознанное бытие», «материя первична, сознание вторично», «труд создал человека» плюс классическая формационная пятичленка, плюс еще два-три других утверждения из лексикона классического марксизма, то не выглядит ли это скудно для того, чтобы воздействовать на жизненную практику и социально-исторический процесс? Для того, чтобы конкретно-научным образом — с опорой на всю «совокупность реальных опытных наук: математики, механики, оптики, физики, химии, небесной механики (т. е. астрономии), геологии, антропологии, физиологии» [Ильенков, 1984, с. 70], как писал Ильенков в «Диалектической логике», выводить «всеобщие законы движения и развития в природе и истории» [Ильенков, 1991, с. 364]? Не придется ли тогда идти в Каноссу, заимствуя «оттуда» разного рода нововведения вроде «кибернетики», «научной социологии», «конструктивизма», «синергетики», «эволюционной эпистемологии» и прочих премудростей, призванных наполнить конкретным содержанием пустоты в обозначенных выше постулатах? Мареев помолчал, наклонив голову. Затем посмотрел на меня: «Ты не ильенковец», — задумчиво произнес он, не отводя взгляда.

В Между тем, линия конкретизации для перехода от «объяснения» к «изменению» вычитывается у самого Маркса в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», если тщательно проследить ход его мысли, одновременно имея ввиду и последующие этапы его творческой эволюции.

«Природа снимается культурой», говорят Ильенков и Мареев. Это верно. Но каким образом? У них — через отрицание: «Биологическое и социальное соединяются только через отрицание, через снятие одного в другом» [Мареев, 2011, с. 287]. (Надо отметить, что обычно следующие за подобными утверждениями — не только у Ильенкова и Мареева — оговорки того типа, что «отрицание не только разъединяет, но и соединяет», причем «не механически, а диалектически», то есть «сложным образом», что «к этому вопросу надо подходить творчески», равно как и прочие риторические фигуры, призванные лишней раз подчеркнуть, что «снятие не предполагает полную ликвидацию», в сущности ничего не проясняют, поскольку сами понятия из родовой группы «диалектическое» не поддаются однозначному толкованию, в каждом случае надо смотреть конкретно, обращаясь уже не к философии, а к данным конкретных наук). Ильенков же и Мареев, как мы знаем, под снятием и де юре (см. ответ Ильенкова Дубровскому), и де факто (отсутствие конкретики) подразумевают именно полное отрицание природы культурой. У В. М. Межуева то же самое: «Я — солипсизм от культуры» выразился он однажды. В общем, «объект целиком и без остатка снимается субъектом»

А у Маркса не так — у него снятие осуществляется не монистически и не дуалистически, а тройственно — через опосредованный активностью («человек») синтез естественного («природа») и искусственного («промышленность»). Надо только правильно перевести с немецкого на русский соответствующие фрагменты из его рукописи 1844 года, прочитав их в оригинале [Рыбин, 2017]. Тогда станет ясно, что переводить словосочетание *der unorganische Leib des Menschen* как «неорганическое тело человека» [Маркс, 1974, с. 92] означает коренным образом исказить смысл, тогда как правильный перевод должен звучать иначе: «внеорганизменное тело человека», и тогда снятие будет обозначать не ликвидацию одного другим, а сознательно реализуемую смену акцентов в соотношении естественного и искусственного. Что и подразумевается императивом «изменять мир» из 11-го тезиса.

Маркс вообще открывается по-новому, если читать его в оригинале. Странно, что Ильенков в данном случае этого не сделал, ведь он хорошо знал немецкий. Хотя, что говорить, Маркс и сам оставил свои ранние рукописи в стороне, когда перешел к работе над «Капиталом».

И, скорее всего, эта смена акцентов была закономерной, поскольку операционально четкое, более-менее полноценное понимание того, каким именно конкретным образом требуется «изменять мир», приходит именно сегодня, когда вся «предысторическая» драма существования людей в природе (точнее, в природозависимой культуре) и сосуществования их друг с другом, подходит к завершению: сформировавшаяся еще в эпоху неолита (Ф. Т. Михайлов) и сцепленная с эксплуатацией большинства меньшинством природопокорительская стратегия, завершив за 200 лет после промышленной революции «выедание» внешней природы, с теми же намерениями обращается теперь уже на внутреннюю природу в образе самого человека, угрожая ему биотехнологической трансформацией, а следовательно, ликвидацией морфологической стабильности — того самого качества, возникновения которого собственно и обозначило переход живого человеческого вида из мира чистой природы, построенной на принципе непрерывного морфологического преобразования животных видов в процессе естественной эволюции, в мир культуры, построенный на принципе искусственного изменения людьми внешней среды, а не своего тела.

В наши дни в образе позитивистски ориентированной биомедицины перед человечеством открывается перспектива вполне осуществимого возврата на лестницу биологической эволюции, правда уже не в естественной, а в искусственной, технически модифицированной — изуродованной и отравленной — внешней экологической среде. Конечно, желающих манипулировать с человеческим обществом хватало во все времена, но в середине XX века, вместе с новейшими достижениями в науках, особенно биологических, в нем возникла некая популяция особей, желающих по-манипулировать и с человеческим естеством. Они давно рвались к этой цели. 50 лет назад их атаку удалось отбить: дискуссия Ильенков — Дубровский завершилась тогда победой Ильенкова и отступлением «киборгов». Но в данный момент они снова пошли в атаку: о том, что грядет «эпоха искусственного интеллекта» и сопутствующая этому всеобщая био-морфо-техно-антропологическая

трансформация и что «иного не дано», некоторые политики и финансисты, например, Герман Греф, заявляют уже открытым текстом, а философы, например, Михаил Эпштейн (прямо) или Борис Юдин (с оговорками) повторяют тот же мотив и пляшут под их дудку. Хотя, кто знает, вдруг дело обстоит как раз противоположным образом?

Альтернативой этому безумию может стать только новая форма философии, обладающая конкретным потенциалом для того, чтобы «изменять мир», моделируя такое преобразование среды человеческого существования, которое предполагало бы твердое и целенаправленное удержание «антропологической границы» в смысле сохранения морфологической неизменности представителей вида *homo sapiens*. Исторический момент истины для всего человеческого рода наступает как раз сегодня, и основной целью теоретических усилий для ее выявления и следования ей, должна стать выработка принципиально новой формы философии, адекватной принципиально новым историческим реалиям.

Представляется, что ею станет предсказанная Марксом «единая наука о человеке», совпадающая с той новой, предсказанной Энгельсом теоретической формой, которая уже не будет философией в прежнем смысле слова, однако не столько по причине опоры на достижения конкретных наук, как это выглядит у Энгельса в поздних его работах [Энгельс, 1955, с. 316], сколько в силу того обстоятельства, что все существовавшие прежде философские учения в лучшем случае ретроспективно «объясняли мир», подводя итог стихийно развёртывавшемуся «естественно-историческому» процессу развития культуры, тогда как назначением новой проективной формы должна стать реализация отмоделированных «изменений» культуры в полном соответствии с 11-м тезисом Маркса о Фейербахе.

С этой точки зрения эволюция философско-теоретического сознания после Маркса выглядит как череда попыток выработать эту «единую науку» (которая все более отчетливо контурируется как «единая наука о человеке и культуре») — попыток, которые до сих пор, в силу исторически ограниченных условий реализовывались не прямым, а косвенным образом, так сказать, в «превращенных формах» и в следующей последовательности.

То, что было за это время сделано на Западе, не стоит принимать всерьез — это не более чем неадекватно осознанные попытки решать проблему по частям, подобно слепым мудрецам из индий-

ской притчи, пытавшимся «на ощупь» постичь сущность слона. Созданный в Советском Союзе в самом начале коммунистического эксперимента «диалектический материализм», образованный сочетанием «диамата» и «истмата» — это ранний, грубый, догматический — «гегелевский» — вариант «единой науки», апеллирующей к естествознанию, исповедующей «объектный уклон» и потому вырождающейся в метафизику и натурфилософию.

Следующий вариант «единой науки», также в «не своей», исторически ограниченной форме, это «материалистическая диалектика», где помимо «природы» и постигающего ее естествознания, в качестве автономных сфер уже выделяются «общество» («культура») и «человек» («деятельность»), но метод остается прежний — гегелевское восхождение от абстрактного к конкретному, что на практике либо не позволяет существенным образом «изменить» сложившуюся в «предыстории» монотехническую, позитивистски ориентированную траекторию развития науки и культуры, либо усугубляет ситуацию. (В частности, создается впечатление, что некоторые негативные тенденции, например, в сфере образования, могут иметь отношение к тем моделям, которые Ильенков и академик тогдашней АПН СССР В. В. Давыдов пытались внедрить в практику, выстраивая процесс обучения в соответствии с гегелевской методологией, — в духе продвижения от общих понятий к конкретной предметности. Невозможно оспаривать и тот факт, что главный «поджигатель» катастрофических «реформ» в отечественном образовании А. Г. Асмолов — выходец из психологической школы А. Н. Леонтьева, с которым Ильенков и Давыдов тесно взаимодействовали). Таким образом, «материалистическая диалектика» ильенковской школы — это философски грамотный, «умный» — «ильенковский» — диамат и в то же время более зрелый вариант «единой науки», не избавившейся, однако, от односторонности в виде не «объектного», но «субъектного уклона».

Воспроизводятся и чисто позитивистские варианты диамата, которые создаются, как правило, посредством изменений, вносимых в исходную концепцию соответственно новейшим достижениям конкретных наук. Это варианты, обозначенные именами И. Т. Фролова, В. С. Степина, Б. Г. Юдина, В. В. Орлова с его пермской школой, это отечественные системщики Ю. А. Урманцев, А. И. Уёмов и другие, это все иные теоретики, склонные обрамлять свои паранаучные концеп-

ции парамарксистской фразеологией. На их фоне версия Ильенкова выглядит самым выигрышным образом.

Но в любом случае это — «философия обороны», не обладающая достаточным потенциалом для наступления и перехода к тому, чтобы продуктивно «изменять мир», удерживая его и от падения в пропасть биоэкологической катастрофы, и от остановки, а затем и прерывания социокультурной эволюции. Философия советского периода не выработала альтернатив этой угрожающей перспективе, но она способна служить фундаментом тому непостроенному зданию лучшего будущего, незавершенной частью которого остался марксов «Капитал». Таким образом, сегодня, когда Сова Минервы вновь начинает свой полет, надо делать перегруппировку сил и переходить в атаку. Разве не так?

VII Вопросы этого рода я ставил Марееву всякий раз, когда удавалось встретиться и поговорить. К сожалению, такого рода возможность выпадала редко — как правило, в беседу вклинивались другие люди, что уводило разговор в сторону, расстра-

ивало диалог. «Как-нибудь потом, — говорил я себе, — Еще будет случай».

Такой случай предоставился после окончания Ильенковских чтений 2018 года, когда после их завершения мы остались одни в гулком пустынном вестибюле Шуваловского корпуса МГУ. Правда, тогда наш разговор быстро перешел на медицинские темы. Потом мы распрощались. Из окна автобуса я еще раз увидел Сергея Николаевича: он шагал вдоль Ломоносовского проспекта по направлению к станции метро «Университет» ровной, умеренно энергичной походкой. Если ничего не знать, трудно было предполагать что-то о его заболевании. «Может быть, всё не так серьезно, — подумалось мне, — В медицине ведь ничего нельзя предсказать на сто процентов, а иногда случаются и чудеса...». Эти надежды, к сожалению, не оправдались.

Но так или иначе, всё равно надо идти дальше, сохраняя исторический оптимизм и уверенность в правильности избранного пути, как это в полной мере было свойственно Сергею Николаевичу Марееву.

Список источников

Библер В. С., Ахутин А. В. Диалог культур // Новая философская энциклопедия. Под редакцией В. С. Степина. Т. 1. Москва: Мысль, 2000. ISBN 978-5-244-01115-9.

Герцен А. И. Былое и думы. Часть восьмая. Письмо Томаса Карлейля // А. И. Герцен. Сочинения в 9 т. Т. 6. Москва: ГИХЛ, 1957.

Диалектический материализм // Философская энциклопедия. Главный редактор Ф. В. Константинов. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 1960.

Дубровский Д. И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045. Под редакцией Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. Москва: Канон+, 2014. С. 188–199.

Ильенков Э. В. Диалектика и мировоззрение // Э. В. Ильенков. Философия и культура. Москва: Политиздат, 1991.

Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 34.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва: Политиздат, 1984.

Ильенков Э. В. Психика и мозг: Ответ Д. И. Дубровскому // Вопросы философии. 1968. № 11.

Мареев С. Н. Биологизм в понимании человека и его истоки // С. Н. Мареев. Мыслить... (избранные статьи последних лет). Москва: СГУ, 2011. 587 с. ISBN 978-5-8323-0746-6.

Мареев С. Н. Историзм и эволюционизм в теории познания // Ильенковские чтения 2009. Под редакцией Г. В. Лобастова. Москва: МИЭТ, 2009.

Мареев С. Н. О советском «диамате» и перспективах свержения «царя на троне» // С. Н. Мареев. Мыслить... (избранные статьи последних лет). Москва: СГУ, 2011. 587 с. ISBN 978-5-8323-0746-6.

Мареев С. Н. Э. В. Ильенков и советская философия // Ильенковские чтения 2008. Москва: СГУ, 2008.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1955.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. Москва: Политиздат, 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т. 3. Москва:

Госполитиздат, 1955. С. 16.

Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. Москва: РОССПЭН, 1995. 140 с. ISBN 5-86004-031-8.

Рыбин В. А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2018. Выпуск 2. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-179-190.

Рыбин В. А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 13 (409). Философские науки. Вып. 46. С. 5–15.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Перевод с английского М. Б. Левина. Москва: АСТ, 2004. 349 с. ISBN 5170240384, 9785170240388.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т. 21. Москва: Госполитиздат, 1955.

Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва: НЛО, 616 с. 2017. ISBN: 978-5-4448-0632-6.

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Vladimir Rybin¹

"PHILOSOPHY OF DEFENSE" BY SERGEY MAREEV: CONTINUATION OF THE DISPUTE

Abstract. Today, in the context of the deepening crisis of a globalized market society, interest in the theoretical legacy of the Soviet period, including the philosophy of E. V. Ilyenkov and his school, is naturally increasing. S. N. Mareev is one of its most prominent representatives. His work clearly and consistently demonstrates both the weak and strong sides of Ilyenkov's teaching. The "materialistic dialectic" that Ilyenkov created was defined as a "materialistic understanding of history". This concept was put forward as a replacement for "dialectical materialism" – the version of Marxism that was oriented towards natural science and was dogmatically canonized. At the same time, Ilyenkov's version also turned out to be limited, since it was one-sided and focused on classical philosophy, primarily on Hegel's methodology. This circumstance prevented the development of practically effective alternatives to the market variant of social development that developed in the "prehistory". From this point of view, the teachings of Ilyenkov and the theoretical legacy of S. N. Mareev represent the "philosophy of defense". At the same time, this teaching represents a necessary stage in the full conceptualization of the "unified science of man" that Karl Marx predicted.

Key words: history, philosophy, Marxism, Ilyenkov, man, science, transformation, future.

1 Rybin Vladimir Alexandrovich – Dr. Sci. (Philos.), Professor. Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. E-mail: wlad@csu.ru.
AuthorID: 506450.

References

- Bibler V. S., Akhutin A. V. Dialog kul'tur [Dialogue of cultures]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Edited by V. S. Stepin. T. 1. Moscow: Mysl' Publ., 2000. ISBN 978-5-244-01115-9 (in Russian).
- Gertsen A. I. Byloye i dumy. Chast' vos'maya. Pis'mo Tomasa Karleylya [Past and Thoughts. Part Eight. Letter from Thomas Carlyle]. *A. I. Herzen. Works* in 9 vol. V. 6. Moscow: GIKhL Publ., 1957.
- Dialekticheskiy materializm [Dialectical materialism]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Editor-in-chief F. V. Konstantinov. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Publ. 1960.
- Dubrovskiy D. I. Priroda cheloveka, massovoye soznaniye i global'noye budushcheye [Human nature, mass consciousness and the global future]. *Global'noye budushcheye 2045* [Global Future 2045]. Edited by D. I. Dubrovsky, S. M. Klimova. Moscow: Kanon Publ., 2014. P. 188–199.
- Ilyenkov E. V. Dialektika i mirovozzreniye [Dialectics and worldview] E. V. Ilyenkov. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991.
- Ilyenkov E. V. Dialektika ideal'nogo [Dialectics of the ideal]. *Logos*, 2009. No. 1.
- Ilyenkov E. V. Dialekticheskaya logika [Dialectical logic]. E. V. Ilyenkov *Ocherki istorii i teorii* [Essays on history and theory]. Moscow: Politizdat Publ., 1984.
- Ilyenkov E. V. Psikhika i mozg: Otvet D. I. Dubrovskomu [Psyche and Brain: Answer to D. I. Dubrovsky]. *Voprosy Filosofii*. 1968. No. 11.
- Mareyev S. N. Biologizm v ponimani cheloveka i yego istoki [Biologism in the understanding of man and its origins] S. N. Mareyev. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [To think ... (selected articles of recent years)]. Moscow: SGU Publ., 2011. 587 p. ISBN 978-5-8323-0746-6.
- Mareyev S. N. Istoritsizm i evolyutsionizm v teorii poznaniya [Historicism and Evolutionism in the Theory of Knowledge]. *Ilyenkovskie chteniya 2009* [Ilyenkov Readings 2009]. Edited by G. V. Lobastov. Moscow: MIET Publ., 2009.
- Mareyev S. N. O sovetskom «diamate» i perspektivakh sverzheniya «tsarya na trone» [On the Soviet "diamat" and the prospects for the overthrow of the "king on the throne"]. S. N. Mareyev. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [To think ... (selected articles of recent years)]. Moscow: SGU Publ., 2011. 587 p. ISBN 978-5-8323-0746-6.
- Mareyev S. N. E. V. Ilyenkov i sovetskaya filosofiya [E. V. Ilyenkov and Soviet Philosophy]. *Ilyenkovskie chteniya 2008* [Ilyenkov Readings 2008] Ilyenkov Readings 2008. Moscow: SGU, 2008.
- Marx K. Tezisy o Feyyerbakhe [Theses on Feuerbach]. *K. Marx, F. Engels. Works*, 2nd ed. T. 3. Moscow: Gospolitizdat, 1955.
- Marx K. Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844] *K. Marx, F. Engels. Works*. 2nd ed. Vol. 42. Moscow: Politizdat, 1974.

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [German ideology]. *K. Marx, F. Engels. Works*, 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955.

Petrov M. K. *Iskusstvo i nauka. Piraty Egeyskogo morya i lichnost'* [Art and science. Aegean pirates and personality]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1995. 140 s. ISBN 5-86004-031-8.

Rybin V. A. Biomarksizm: opyt noveyshey rekonstruktsii ucheniya Marksa [Biomarxism: the experience of the latest reconstruction of the teachings of Marx]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya*. 2018. Issue 2. DOI: [10.17072/2078-7898/2018-2-179-190](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-179-190).

Rybin V. A. Transgumanizm kak problema ekologicheskogo krizisa [Transhumanism as a problem of the ecological crisis]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017. No 13 (409). Philosophy Sciences. Vol. 46. P. 5–15.

Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoye budushcheye: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. Translation from English by M. B. Levin. Moscow: AST Publ., 2004. 349 p. ISBN 5170240384, 9785170240388.

Engels F. Lyudvig Feyyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. *K. Marx, F. Engels. Works*, 2nd ed. Vol. 21. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955.

Epshteyn M. N. *Proyektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow: NLO Publ., 616 p. 2017. ISBN: 978-5-4448-0632-6.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Гусева Н. В. Жизнь, посвященная философии: воспоминание о Сергее Марееве // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 219–221.

Нина Гусева¹

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ФИЛОСОФИИ: ВОСПОМИНАНИЕ О СЕРГЕЕ МАРЕЕВЕ

С Сергеем Николаевичем, с Сергеем нас познакомил Жабайхан Мубаракович Абдильдин. Это произошло на Всесоюзной конференции по диалектике в г. Алма-Ате в главном здании Академии наук Казахской ССР в 1975 году. Инициаторами этой Всесоюзной конференции были Жабайхан Мубаракович и Эвальд Васильевич Ильенков. Во время нашего знакомства присутствовал и Александр Александрович — Саша Сорокин. Первая встреча была символом продолжающихся дискуссий, проходивших на конференции, в частности, это касалось особенностей диалектического мышления и, в этом контексте, касалось выступления Эвальда Васильевича, а также выступлений других известных советских философов. Это был первый столь представительный философский форум для меня, в то время еще аспирантки Ж. М. Абдильдина в Институте философии и права АН КазССР.

Сергей Мареев и Саша Сорокин были друзьями, а не только коллегами. Во всяком случае я не могла тогда понимать их общение иначе. Впрочем это впечатление у меня подтверждалось много раз и позже. Мне было поручено ознакомить Сергея и Сашу как гостей конференции после заседаний с Алма-Атой. В тот день мы провели небольшую экскурсию по городу-саду — Алма-Ате. Очень запомнилась поездка на Кок-Тюбе на фуникулере. С вершины Кок-Тюбе был виден весь этот красивый, гостеприимный, южный город. Мы сделали ряд фото, угостились в местном кафе и продолжали дискутировать о том, как философия «может быть» противостоящей диалектике. Позитивистские вторжения в советскую философскую мысль уже имели место в то время. По большей части это происходило в вузовской сфере, что обуславливалось тем, что, если преподавание ведется как изложение готового, пусть и фило-

софского, знания, то здесь неизбежно наступает скольжение в эмпиризм, который и характерен для «философии» позитивизма и его последующих разновидностей.

В той нашей беседе и в других, которые были значительно позже и с большими временными промежутками, мне всегда импонировала позиция и Сергея, и Саши. Она заключалась в открытости, заинтересованно-личностном отношении к диалектике, диалектической логике. Нельзя было не восхищаться, как они — старшие товарищи и коллеги — наполняют каждую встречу думой о проблемах развития диалектики, наполняют убеждением великой значимости диалектики как для жизни и судьбы отдельного человека, так и для жизни и судьбы целой страны, нашей страны. Эти думы и убеждения остаются с нами навсегда, даже сейчас, когда нет той нашей страны, и когда приверженность диалектическому мышлению в некоторых философских кругах характеризуют как избыточное проявление интереса к, якобы, прошлой, ушедшей традиции.

Сергей Николаевич, Сергей Мареев был молодым, но уже соратником Э. В. Ильенкова. Дух и мысль Ильенкова заряжали живым философским горением всех, кто хоть как-то соприкасался с ним.

Помню, как в составе группы мы сопровождали Э. В. Ильенкова на его встречу с учеными-естествоиспытателями одного из академических институтов. Это было где-то в 1976 году. Тогда я имела аспирантскую научную командировку в Москву с официальной припиской к Э. В. Ильенкову как к научному руководителю. Помню как внимательно Сергей следил за движением мысли Э. В. Ильенкова, как выражение его лица говорило о том, что он очень доволен тем, как воспринимают слушатели слова его учителя, как загораются интересом и их глаза к тому, как мыслить...

Такое горение нельзя было не замечать и в выступлениях Сергея в разные годы, на различных конференциях, круглых столах или интернет-форумах. Философское горение присутствовало у Сергея всегда, хотя внешне он производил впечатление спокойного, невозмутимого, очень сосредоточенного и даже отрешенного человека. Вокруг Сергея было сосредоточено пространство мысли и это передавалось его друзьям, родным.

Помню, как будучи именинником, Сергей встречал нас с Сашей Сорокиным у себя в доме.

¹ Гусева Нина Васильевна — доктор философских наук, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ (МЦМИИП), председатель восточного отделения Казахстанского философского конгресса (ВО КФК), академик Акмеологической академии, Член Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК). Усть-Каменогорск, Казахстан.

Помимо членов семьи, было много гостей и, как оказалось, все были на философской «волне». Об этом говорили и произносимые тосты, и разговоры в так называемых кулуарах... Создавалось ощущение, что сам дух философии пребывает здесь, что даже застолье не мешает ему вести первую «скрипку». Увлеченность философией, диалектикой, была для Сергея не просто профессиональным атрибутом, как это иногда бывает, формально соответствующим базовому образованию. Напротив, я не могу вспомнить ни одного эпизода из наших, редких, хотя и протяженных на все десятилетия параллельной жизни встреч, когда бы Сергей вел какие-либо беседы, разговоры на темы, которые можно было назвать обыденными, вернее: на любые темы он реагировал, осмысливал их далеко не на обыденном уровне. Без преувеличения скажу: на философском. И это было очень впечатляюще! Особенно это впечатление усиливалось, когда самый обычный обмен мнениями вдруг перерастал в глубокий философски означенный, с историко-философской, историко-культурной перспективой тезис, который, далее мог получить статус вполне диссертационной исследовательской темы.

Помню еще одну встречу с Сергеем. Это было в МГУ им. М. В. Ломоносова на защите моей докторской диссертации в 1992 году. Он внимательно слушал и наблюдал за присутствующими. После защиты было небольшое застолье, поздравления с успешной защитой, потом мы с моим мужем Николаем, с его родным братом и его женой, моей университетской подругой Гулей, Валентиной — женой друга моего родного брата Владимира Васильевича Гусева, с Сергеем Мареевым, с Геней Лобастовым поехали в гостиницу МГУ в наш с Николаем номер. Опять обсуждались важные философские вопросы, в которые пытался вникнуть брат Николая, биотехнолог по образованию. Эта попытка вникнуть сходу в глубины философских проблем и поставить там свои точки над *i*, конечно, не могла закончиться слишком мирно. Но зато мы все понимали, что это настоящее, не постановочное движение не только мыслей, но и душ, движение «здесь» и «сейчас», которое как таковое не может быть слабым и нейтральным. Живые лица, живые слова... Это все до сих пор с нами...

Встреч «живьем» с Сергеем было не так много, по сравнению с количеством прошедших лет. Это были встречи с Сергеем, Геней и Сашей в Академии наук в Институте философии, в Алма-Ате, в Усть-Каменогорске на Международных конфе-

ренциях и семинарах, на некоторых Ильенковских Чтениях, на которые мне удавалось приехать, на Юбилейных торжествах Ж. М. Абдильдина в Астане. Последние годы наши встречи проходили довольно регулярно, но чаще в режиме он-лайн. На наших площадках это были цикловые, ежегодные международные конференции «Наука и образование в современном мире», «Культура и проблема цивилизационного выбора», ежегодные цикловые международные семинары «Проблема человека: история и современность» ежегодные цикловые Круглые столы «Идеи и обоснования к программам инноваций». После этих встреч мы занимались у себя выпуском в свет материалов уже состоявшихся обсуждений. Практически во всех из них принимал участие Сергей Николаевич, наш дорогой друг Сергей Мареев.

Говоря об он-лайн встречах, не могу не вспомнить одну из таких встреч, приуроченную к презентации нашего, Международного центра методологических исследований и инновационных программ учрежденного (далее — Центр), в ноябре 2016 года после Второго съезда Казахстанского философского конгресса. Презентацию МЦМИИП мы проводили в январе 2017 года. Было много приветствий. К слову скажу, что цель создания этого Центра состояла и состоит в том, чтобы со своей стороны содействовать аккумуляции разрозненных исследовательских сил, работающих на основе диалектической логики. Эта ориентация, видимо, должна пониматься как продолжение, и в некотором смысле эстафета исследовательской традиции Алма-Атинской философской школы, которая одна из немногих была серьезно ориентирована на разработку диалектической логики. Далее, цель Центра состояла и состоит в том, чтобы вырабатывать единую диалектико-логическую стратегию исследований, ориентированную на выявление оснований (логики) развития различных наук; вырабатывать идеи и давать анализ инновационным программам на основе уже проведенных исследований логических оснований развития в естественных, социогуманитарных и технических науках; содействовать реализации диалектико-методологического потенциала исследований для переосмысления ситуации в современной науке с целью недопущения методологических тупиков в ее развитии. Реализации этой цели посвящены монографии, сборники, рубрики статей авторов, представляющих наш Центр в научных журналах

и на ведущих Международных форумах. Можно назвать, например, двухтомник «Диалектика и развитие науки», вышедший в 2017 году.

В этом форуме и презентации принимал участие и Сергей Николаевич. В своем выступлении он подчеркнул, что развитие философии не может осуществляться без диалектики, а диалектика требует глубокого постижения, а не внешнего употребления, уже выработанных понятий. В частности, например, Сергей Николаевич отметил, что философия XX века по существу заимствовала понятие отчуждения человеческой сущности у Маркса, но при этом перевернула и извратила это понятие, запечатав в него все противоречия современного общества, современной культуры¹. Эта мысль Сергея задает очень серьезный посыл для углубленного, диалектического исследования происходящих социальных процессов и процессов, которые происходят с человеком. Нельзя отрицать, что сегодня понятие отчуждения находится в постоянном «обиходе», что само по себе не говорит о действительной глубине постижения социальной реальности при введении его в обиход. Напротив, введение в обиход понятия отчуждения, как правило, переводит его в статус термина, за которым уже не стоит полагаемый Марксом смысл и, таким образом, движение мысли прекращается. Вместо него происходят наборы манипуляций высказываниями. Последнее стало модным настолько, что даже в преамбуле к Философскому конгрессу 2020 года говорится именно о высказываниях, а не о мышлении, как о главном, что должно характеризовать философию (!). Против этого Сергей Николаевич всегда выступал.

Вспоминая события прошедших дней и лет, связанные с именем С. Мареева, не могу не сказать о своих впечатлениях о единстве Сергея и Елены Мареевых. Елена Валентиновна — друг, соратник, любимый человек Сергея. На протяжении многих лет она была верным не только помощником, но и единомышленником. Вызывают большое уважение и признательность за проведенные ими вдвоем он-лайн встречи с видео-беседами о Марксе, о марксизме, об Ильенкове, о будущем философии. Представители нашего,

Восточного отделения Казахстанского философского конгресса, на базе которого в последние годы проводились он-лайн встречи в рамках конференций, семинаров, круглых столов, всегда выражали большую признательность Сергею Николаевичу и Елене Валентиновне за их выступления, за их участие в философских дискуссиях. В их памяти Сергей Николаевич навсегда останется человеком, который делал возможными для слушателей его докладов и замечаний открывать для себя глубины философских смыслов, их связь с человеческим бытием, историей культуры и сегодняшним миропониманием. Эти открытия становятся возможными всякий раз, когда обращаешься и к авторским текстам Сергея Николаевича.

Мои воспоминания о Сергее всегда были такими, что казалось только вчера я его видела и мы с другими вместе обсуждали что-то очень важное. Он всегда присутствовал в духовном пространстве моей жизни как человек, мыслитель. То есть никогда он не был «чужим» независимо от того, сколько километров разделяло и сколько времени проходило. Наверное, это можно назвать духовным родством. Хотя бы для меня это было так. Он был реально в пространстве моей жизни в любой ее период. Наверное, это потому, что моя жизнь тоже вся оказалась сотканной из философских дел и раздумий, которые перекрывали всякие другие интересы.

Я не чувствую отсутствия его позиции в моей жизни и сейчас, как и раньше. Такое же чувство у меня есть и к пребыванию в нашем мире Э. В. Ильенкова. Он всегда есть, как есть всегда живые для нас Маркс, Платон, Аристотель, Гегель и другие...

Очень сожалею, что не смогла проводить Сергея, как и Эвальда Васильевича... Но Светлая Память им всегда будет жива, пока живы те, кто их знал.

25 февраля 2020 г.

¹ Эту мысль С. Н. Мареева можно посмотреть в монографии, изданной по материалам упоминаемого форума: Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки : монография / Под общей редакцией д-ра филос. наук Н. В. Гусевой. Усть-Каменогорск, 2017. 275 с. С. 140.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Возняк В. С. Сергей Николаевич. Память. Благодарность // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 222–225.

Владимир Возняк¹

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. ПАМЯТЬ. БЛАГОДАРНОСТЬ

«Мы чтим философа тем, что мыслим. А это требует от нас мыслить все то существенное, что мыслилось его мыслью»². Такие слова Мартина Хайдеггера имеют самое непосредственное отношение к Сергею Николаевичу Марееву.

Еще в студенческие годы я познакомился с трудами Сергея Николаевича. Предпочитая работать в Исторической библиотеке, которая расположена на территории Киево-Печерской Лавры, я имел привычку рыться в каталогах, прерывая подготовку к очередным семинарским занятиям. И вот наткнулся на автореферат кандидатской диссертации, посвященной диалектике логического и исторического в Рукописях 1857–1859 гг. К. Маркса. Сразу бросилось в глаза: научный руководитель — Э. В. Ильенков. А вот это имя мне уже было знакомо. Случайно наткнулся в «Вопросах философии» на его статью «Психика и мозг. Ответ Д. И. Дубровскому» и тут же буквально влюбился в этого автора. Прочитал автореферат С. Н. Мареева, мало что понял, будучи студентом-второго курса. Однако старался не пропускать публикации Сергея Николаевича. В аспирантские годы в Ленинке я прочитал его диссертацию (а также диссертацию «Мышление и деятельность» Г. В. Лобастова) и тщательно законспектировал.

Личная встреча с Сергеем Николаевичем состоялась в Москве в 1988 году на Всесоюзной конференции по философским вопросам образования. Я выступал на секции, где он был руководителем. Недолго, но поговорили. Кстати, именно на этой конференции мне посчастливилось познакомиться и чуть-чуть пообщаться и с Генрихом Степановичем Батищевым, Василием Васильевичем Давыдовым, известными педагогами-новаторами Софьей Лысенковой и Борисом Никитиным.

Следующий раз с Сергеем Николаевичем мы

встретились в Алма-Ате на очередном Всесоюзном совещании по диалектике. Помнится, что после моего выступления он вступил со мной в серьезную и принципиальную полемику (речь шла о большевистской практике). Как мне рассказал мой научный руководитель Валерий Алексеевич Босенко, С. Н. Марееву весьма не понравилось мое выступление, которое, по его мнению, было намного хуже прошлогоднего московского. Однако наши теоретические «нестыковки» отнюдь не помешали нам с Сергеем Николаевичем вдвоем прогуляться по Алма-Ате в поисках книжных магазинов и от души поговорить. Его критика в адрес моего выступления была немногословной, но принципиальной.

Следующая наша встреча состоялась в Киеве на Ильенковских чтениях в «нулевые» годы. Я выступал по педагогическому мышлению, и мои идеи в этот раз Сергей Николаевич встретил откровенно позитивно, кивнув мне из президиума, особенно после моих заключительных слов о том, что педагогический разум пребывает в глубоком летаргическом сне, и надежд на его пробуждение — все меньше.

Две последние наши встречи были в Москве на Ильенковских чтениях, куда я привозил своих студентов-философов.

Все выступления Сергея Николаевича на конференциях отмечены не только отменным теоретическим профессионализмом, но строгостью и ясностью мысли. Да и облик его — всегда подтянутый, собранный — хорошо запоминается.

Почти все книги, написанные С. Н. Мареевым, стоят у меня на полке (благодаря любезности Володи Лазуткина, регулярно привозившего мне в Дрогобыч их из Москвы).

Всё написанное Сергеем Николаевичем — образец высокой диалектики. Особенно привлекает меня лично его критический разбор так называемой «философии науки» как чисто позитивистской конструкции. А ведь сей «предмет» повсеместно читается аспирантам. Когда мне в университете дали несколько минут подумать, какой философский курс предложить аспирантам, я тут же сочинил: «Философия как опыт мышления».

Я убежден, что уход близкого человека должен предельно активировать наше мышление, вводить его в режим собственно Мышления. Поскольку мы здесь вдруг становимся причастны

¹ **Возняк Владимир Степанович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии. Дрогобычский педагогический университет (Украина).

² Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990, №7. С. 166.

наибольшей тайне человеческого бытия — тайне присутствия. Ведь недаром же великий Спиноза говорил: «Не плакать, на смеяться, а понимать...».

Душа к нам приходит извне, вернее — не к «нам» собственно, а к нашему телу. И этот факт был схвачен и выражен очень давно. Сказано же в Ветхом Завете: Творец вдохнул душу в первого человека. Значит, наша человеческая душа не является продуктом естественных процессов, происходящих в пределах нашего тела, она приходит к нам сверхъестественным способом. Кстати, согласно Платону, душа до вселения в наше тело пребывала в мире идей, куда она и возвращается после смерти тела. Платон не ошибался: всё обстоит именно так. Если платоновский эйдос — это насыщенное изваяние смысла, умный мир смыслов (А. Ф. Лосев), то мир идей, мир эйдосов является смысловой реальностью, иначе говоря — миром культуры. Именно оттуда и приходит в наше тело та форма, которая делает его по-человечески одушевлённым телом, которая становится его формой, душой собственно.

Мы, люди, смертны, а посему обречены на уход. Обречены на прекращение своего физического бытия, прекращение своего чувственного присутствия в чувственно-предметном мире. Однако наше бытие не ограничивается одним лишь физическим наличием. Наше присутствие — неизменно. Разумеется, еще при жизни мы способны почти до нуля понижать тонус своего присутствия в том, с чем мы связаны и что мы делаем-осуществляем, и тогда мы душевно мертвы. Духовная же смерть нам грозит при лишении себя присутствия в нас того, что безмерно выше нас — Истины, Добра и Красоты. Однако наше физическое отсутствие в этом мире никоим образом не лишает нас присутствия в нем. Мы обречены присутствовать в мире, среди людей и после того, как наши бренные останки опустят в землю.

Здесь уместным будет снова обратиться к концепции «отраженной субъектности» российского психолога В. А. Петровского, согласно которому понятие «отраженной субъектности» воплощает в себе представление о личностном аспекте бытия человека в мире как формы активного идеального присутствия человека в жизни других людей, «продолженности человека в человеке». «Понятие отраженной субъектности в самом общем плане может быть определено как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения «Человек отражен во мне как субъект» означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его

готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру. Отраженная субъектность есть, таким образом, форма идеальной представленности этого человека в моей жизненной ситуации, выступающая как источник преобразования этой ситуации в значимом для меня направлении. Отражаясь во мне, он выступает как активное деятельностное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня тот или иной личностный смысл. Говоря об идеальной представленности одного человека в другом, мы прежде всего имеем в виду отмеченное обстоятельство: что первый открывается второму как значимое для него существо, как источник нового для него смысла»³. Автор выделяет три генетически преемственные формы проявления отраженной субъектности: во-первых, запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний; во втором случае отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой; в третьем — как претворенный субъект. И вот этот «значимый другой», равно как и «претворенный субъект»⁴ — выступают во мне и для меня активным началом меня самого, и сие предстает эффектом идеальной продолженности одного индивида в другом, и не просто как «продолженность», но и как «авторствование», то есть именно субъектность. Поэтому речь идет об ином бытии одного человека в другом. Таким образом, субъект есть не просто субъект для себя, но и одновременно он является субъектом своего бытия для другого, даже и после своего ухода. Личность никоим образом не исчерпывается определенной суммой своих предикатов. Личность определяется полнотой собственного присутствия в других людях и полнотой и существенностью присутствия других людей в ней самой.

Когда мы обречены уходить, когда мы уходим, мы остаемся не просто в памяти. Если присутствие как таковое является специфически человеческим способом бытия (и оставления в бытии), снимая в себя «есть» вещи и «быть живым» растения и животного (по В. В. Биbihину), то па-

3 Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 18.

4 Там же, с. 19.

мать предстает особым способом присутствия. Не местом присутствия (равно как и не «присутственным местом»), а именно способом. Человек не просто сохраняет себя в памяти других, оставляя мир сей, или оставляет о себе некоторую память. Само его живое присутствие — даже и после смерти — и является беспокойством памяти. Присутствие не в памяти, а присутствие как память, память как присутствие, то есть присутствие в нас, в структуре нашей личности, в наших собственных отображениях в других (и в самих себе), в движении наших дел, замыслов, помыслов, отношений, поступков.

Память, как справедливо полагает М. Хайдеггер, означает изначально вовсе не способность к запоминанию. «Это слово именует целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, то сущностно обращено ко всякому чувствованию. Память означает изначально то же самое, что молитва, по-миновение (An-dacht); неотпускаемое, собранное пребывание при..., а именно, не только в прошлом, но равным образом при настоящем и при том, что может прийти. Прошлое, настоящее, будущее являют себя в единстве всегда собственного присутствия (An-wesens)»¹. Стоит и далее вслушаться в размышления М. Хайдеггера: «Поскольку память как собранность души, как молитва, не отпускает то, на чем она собрана, в ней правит не только тяг сущностного при-поминания (An-denken) о чем-то, но одновременно также и тяг не отпускающего и не развязывающего <...> удержания. Исходя из памяти и внутри нее, душа изливает в таком случае богатство образов, т. е. тех видов, через которые она сама становится зримой»². «В Gedanc как изначальной памяти правит уже то воспоминание (Gedenken), которое при-мысливает свое мыслимое к тому, что должно быть осмыслено <...>, т. е. правит благодарность. Мы благодарны (danken) за это тем, что мы благодарны (bedanken) тому, что мы должны это благодарить (verdanken). То, что мы должны благодарить, исходит не от нас. Это нам дано. Многое нам дается в дар, и разного рода. Высшим же и, собственно, охранительным даром остается для нас наша сущность, которой мы одарены таким образом, что лишь из этого дара мы есть те, кто мы есть. Поэтому это приданое мы должны благодарить больше всего и непрестанно»³.

Дар этот непосредственно идет от других людей (следовательно, из культуры, из ее глубин и кристаллизаций этих глубин в классических формах). Непостижимым образом этот дар причастен самому бытию в его целостности.

Мы должны не только горевать за теми, кто ушел из этого мира. Мы должны быть им безмерно благодарны за то, что они были, были с нами и дарили нам счастье своего присутствия. Наш плач по умершему (хотя, как говорил М. К. Мамардашвили, с этого, собственно, и начинается человеческая культура) — это, конечно же, проявление жалости к себе. Нам невозможно без тебя. Даже когда мы в слезах жалеем умершего, мы в конечно счете жалеем самих себя... Чувство жалости должно смениться чувством (и пониманием) благодарности — благодарением за их присутствие... Которое не кончается с физическим уходом.

Дать полную характеристику личности Сергея Николаевича Мареева невозможно, ибо трудно не согласиться с В. А. Петровским: «<...> можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и в частности в самом себе как “другом”, что формирует в других идеальную представленность первого — его “личность”, то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности»⁴.

Относительно же вопроса о бессмертии души можно вспомнить слова Григория Померанца: ведь бытие, которое на миг ощутило себя во мне, бессмертно...

Таким образом, рационально-диалектически понятая категория идеального дает нам возможность осмысливать не только человеческую жизнь, но и смерть. И тогда воскресение может предстать нам во всей своей идеальной реальности (или реальной идеальности), и слова из «Символа веры» («Чаю воскресения мертвых в жизни будущего века») могут приобрести новый эсхатологический смысл, и вполне земной. В «жизни будущего века», в ином, чем теперешний, типе организации человеческого сообщества освоение опыта предшественников в живой форме ставится во главу угла, предстает первоочередной задачей. Не наращивание технологических мощностей эксплуатации природных и человеческих

1 Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Перевод с немецкого Э. Сагетдинова. М.: Академический Проект, 2006. С. 160.

2 Там же.

3 Там же, с. 162.

4 Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода. Текст электронный // Вопросы психологии (архив 1980–1998) URL: http://voppsy.ru/issues/1981/811/811057.htm#_ftn1

энергий станет предметом забот такого сообщества, а исключительно продолжение развития как мировой субстанции, так и человеческой истории в субъектной форме, в форме личностного самобытия каждого человеческого индивида. И лишь в таком контексте не только возможно, но и предельно необходимо «воскресение мертвых», обращение к опыту ушедших поколений и личностей, предельная активация их присутствия в живой деятельности ассоциированных индивидов, в производстве самой формы общения.

Лишь при таких условиях цивилизация перестанет господствовать над культурой и займёт свое подобающее место — место исключительно средства, некоего «удобства», не более.

Таким образом, душа к нам приходит от людей и к ним же уходит, людям остаётся. Следовательно, если уж и быть по-настоящему озабоченным проблемой спасения души, то следует в первую очередь позаботиться о том содержании, которое мы ежедневно «выдыхаем» в мир, о том, какие следы оставит слово (и дело) наше среди людей. Осмысленность нашего дела и дельность нашего слова — вот субстанциальное основание того, что называется «спасением души».

Хотя, как сказал поэт:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Я убежден, что слово Сергея Николаевича отзывалось и будет отзываться в мире среди людей исключительно добром и одним из непеременимых условий сохранения и развития ума.

Хотя С. Н. Мареев является учеником и последователем Э. В. Ильенкова, в его произведениях содержатся и его собственные, весьма продуктивные, идеи. Но вот недавно наткнулся на такое место у Хайдеггера: «...то глубоко свое, которое есть у мыслителя, не является его собственностью, но остается собственностью бытия, чей бросок (Zuwurf) мышление улавливает в свои наброски (Entwürfe)...»⁵. На сие возразить нечего.

Сергей Николаевич был настоящим человеком. Побольше бы таких, тогда не так тошно будет нам жить в этом обуржуазившемся мире.

18 марта 2020 г.

⁵ Хайдеггер М. Ницше / перевод с немецкого А.П. Шурбелева. Том II. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2007. С. 428.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Гнилозуб Н. С. С. Н. Мареев: единство теоретической и жизненной позиции // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 226–228.

Никита Гнилозуб¹

С.Н. МАРЕЕВ: ЕДИНСТВО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ

Мое второе (после бакалавриата) и более продуктивное знакомство с Сергеем Николаевичем Мареевым произошло в 2014 году, когда на первом году аспирантуры нам стали преподавать философию науки. Казалось бы, это был обычный учебный предмет о науке, ее проблемах и методах и пр. Но Сергей Николаевичем не был преподавателем в обычном смысле этого слова. Это был серьезный ученый, со своей позицией, своим пониманием философии, через призму которого он пропускал весь материал. Он жил философией. Такое отношение к делу, конечно, вызывало уважение, но не только. Я в институте занимался изучением финансов. Казалось бы, это далеко от марксизма и философии Ильенкова, которыми я стал интересоваться именно в ходе общения с Сергеем Николаевичем. И в этом, на мой взгляд, проявление одного из его главных талантов. Если можно получить еще одну ступень духовного и интеллектуального взросления во время учебы, то влияние С. Н. Мареева было для меня именно таким этапом.

Я стал читать не только Маркса, но работы Ильенкова и самого Сергея Николаевича. Поражала широта его эрудиции. Он хорошо разбирался не только в истории философии, но и в истории экономической мысли, в истории искусства, науки и техники. Но это было не просто многознание, которое, как известно, уму не научает. Достоинство марксизма Мареев, как и Ильенков, видел в единстве метода как способа понимания действительности. Начало творческой биографии Сергея Николаевича было связано с изучением метода «Капитала». И преподавание философии науки для нас как экономистов Сергей Николаевич связывал именно с овладением диалектической методологией.

Сложнейшие методологические проблемы Сергей Николаевич раскрывал понятным языком. Сложно найти научные труды, которые читаются с такой же легкостью, как работы Мареева, причем без упрощения самого понимания. Если

когда-нибудь откроют сольфеджио и гармонию письменной речи, Сергей Николаевич Мареев обязательно окажется в списке маэстро русского языка. Не знаю, приходилось ли ему прилагать дополнительные усилия, или всё получалось естественно, но он действительно дружил со своим читателем и заботился о нём. Я спрашивал его несколько раз, как он научился так легко писать. В чем секрет? Он объяснял это влиянием простой русской речи его родной деревни, где он вырос. Но, думаю, это связано еще и с его любовью к русской классике в литературе и искусстве в целом.

У него было простое и потому редкое отношение к студентам: ни капли надменности, которую можно встретить в любых организациях. Но легкость слога и простоту во взаимоотношениях нельзя путать с яростным отстаиванием убеждений и нетерпимостью к людям знающим, но заблуждающимся. Я впервые увидел на примере Сергея Николаевича, что такое совпадение взглядов и жизненной позиции. Многие могут позавидовать его страстному отношению к своему делу. Можно сказать, что Сергей Николаевич был советским человеком в лучшем смысле этого слова.

Значение трудовой деятельности в развитии человечества и отдельной личности Сергей Николаевич доказывал на каждом шагу. О труде он много писал как о сердцевине марксизма. Но значимость труда проявлялась не только в его текстах, но и в самой жизни. Сергей Николаевич почти в одиночку построил деревенский дом. Много ли мы знаем таких людей? Он, безусловно, был за равенство и справедливость, искренне презирав похвалы в адрес индивидуализма и карьеризма. Он не переносил погруженности в меркантильные и обывательские интересы, что раньше называли мещанством. Сергей Николаевич считал, что эти проявления буржуазного духа во многом и погубили советский строй, наряду с экономическими проблемами, начавшимися уже в период «оттепели». Часто лекции Мареева превращались у нас в живой разговор и даже спор о Ленине, Сталине, Хрущеве. Это был разговор об альтернативности истории, о судьбе нашей страны, о значимых тенденциях не только в экономике, но в политике и культуре. Особенно яркие и острые споры можно было наблюдать между ним и Еленой Валентиновной Мареевой, которая нам тоже преподавала. Их споры по принципах

¹ Гнилозуб Никита Сергеевич — аспирант Института МИРБИС (2014–2016). Москва, Россия.

альным философским вопросам возникали даже на экзамене. И это может показаться странным. Ведь, казалось бы, одного поля ягоды, одна марксистская и даже ильенковская традиция, которую в последние годы в России многие воспринимали как монолит, причем не лучшего качества.

Про представление о советской философии как о монолите нам напомнили во время нашей совместной поездки в Стокгольм в 2016 году, где Елена Валентиновна выступала на конференции «От Маркса к Гегелю и назад в будущее» с докладом «Гегелевская диалектика и советский марксизм (от Владимира Ленина до Эвальда Ильенкова)». Сергей Николаевич и Елена Валентиновна удивили участников. Оказывается, советская философия богата не диалектикой и истматом единым. Первый раз я тогда увидел Сергея Николаевича в восторге от общения и от понимания его идей и вопросов у многих выступающих. Его разговоры с американским коллегой Фредериком Нойхойзером вызвали у Сергея Николаевича энтузиазм не меньший, чем доклад Мареевой у участников конференции. Оказалось, что у нас и западных коллег есть повод для взаимопонимания и сотрудничества².

На этой конференции я пообщался с молодыми западными социалистами. С социалистической молодежью я с интересом общался и в кругу А. В. Бузгалина из МГУ, на конференции которого приглашал меня Сергей Николаевич. Для меня — выпускника школы бизнеса — все это было вновь: новый взгляд на действительность, включая экономические процессы, новое понимание исторических перспектив человечества.

Одной из последних книг Мареева была работа «Экономическая теория Маркса и ее критики», изданная именно Институтом МИРБИС³. И в философской, и в экономической классике, включая произведения Маркса, он искал, в первую очередь, то, что помогает понять сегодняшнюю ситуацию. В этом плане обращает на себя внимание его статья «Маркс о природе экономических кризисов»⁴, опубликованная в разгар мирового кризиса 2008–2009 гг.

Настоящее, как он считал, нельзя понять без

истории данного явления и истории его исследования. Потому Сергей Николаевич так серьезно относился к истории философии, демонстрируя каждый раз, откуда произошла та или иная проблема, как она ставилась и как решалась⁵. При этом Мареев критически относился к современной англо-американской философской (и экономической) мысли. Сергей Николаевич убедительно показывал, что современному «экономикс» сегодня соответствует в философии аналитическая философия, где всерьез принимают во внимание достижения современной науки, но не классической философии. А потому в анализе человеческого мышления здесь опираются на нейрофизиологию и computer science, а в методологическом плане исходят из парадигмы позитивизма. Как утверждал Карл Поппер, от амебы до Эйнштейна всего один шаг, только топчемся все на месте, перебирая шаги. Добежать бы... Кстати, Сергей Николаевич и к курсу философии науки подходил по-своему, показывая, что эта область знания была изначально сориентирована на позитивизм, а не на диалектическую традицию. В том же духе был написан им, вместе с Е. В. Мареевой и А. Д. Майданским, учебник для аспирантов⁶.

На последнем курсе я брал интервью у Сергея Николаевича, беседуя с ним на самые разные темы. Он рассказывал о своем жизненном пути, о встрече с Ильенковым, о том, как понимает марксизм и предмет философии. Я создал на ютубе канал под названием «Наследие ХХ», где выложил эти материалы для тех, кто также, как я, увлечен этой личностью, и этими проблемами. Чтобы найти канал просто наберите «Наследие ХХ» в поиске на [Youtube.com](https://www.youtube.com)

Специалисты, конечно, смогут глубже понять вклад Сергея Николаевича в философию. Однако, как видится мне, текущее положение дел в науке делают мысль Сергея Николаевича все более актуальной. Людям следующего витка развития не придется долго искать. Страшно, что сейчас почти нет преемственности, что поверхностное восприятие может снова рождать догматы и пугала, от которых люди будут шараться. Однако, если арабы в Средние века смогли вновь приобщить к развитию мысли Аристотеля, Платона, Архимеда и Евклида, круги на воде науки приведут людей и к Марееву (как и к его кругу соратников

2 См. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Гнилозуб Н. С. От Маркса к Гегелю и назад в будущее (обзор международной конференции) // Вопросы философии, 2016, № 10 С. 209–218.

3 См. Мареев С. Н. Экономическое учение Маркса и его критики. Москва: Институт МИРБИС, 2012.

4 См. Мареев С. Н. К. Маркс о природе экономических кризисов // Свободная мысль — XXI, 2009, № 4.

5 Мареев С. Н. Мареева Е. В. История философии (общий курс). Москва: Академический проект. 2004.

6 См. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки. Москва: Инфра-М, 2010.

и оппонентов). Уверен, что молодежь вновь вернется к Льву Семеновичу Выготскому¹ и Эвальду Васильевичу Ильенкову², которым посвятил две последние книги Сергей Николаевич. Как постепенно мир возвращается к адекватному взгляду на марксизм.

25 февраля 2020 г.

1 См. Мареев С. Н. Л. С. Выготский: философия, психология, искусство. Москва: Академический проект, Трикта. 2017.

2 См. Мареев С. Н. Э. В. Ильенков: жить философией. Москва: Академический проект, Трикта. 2015.